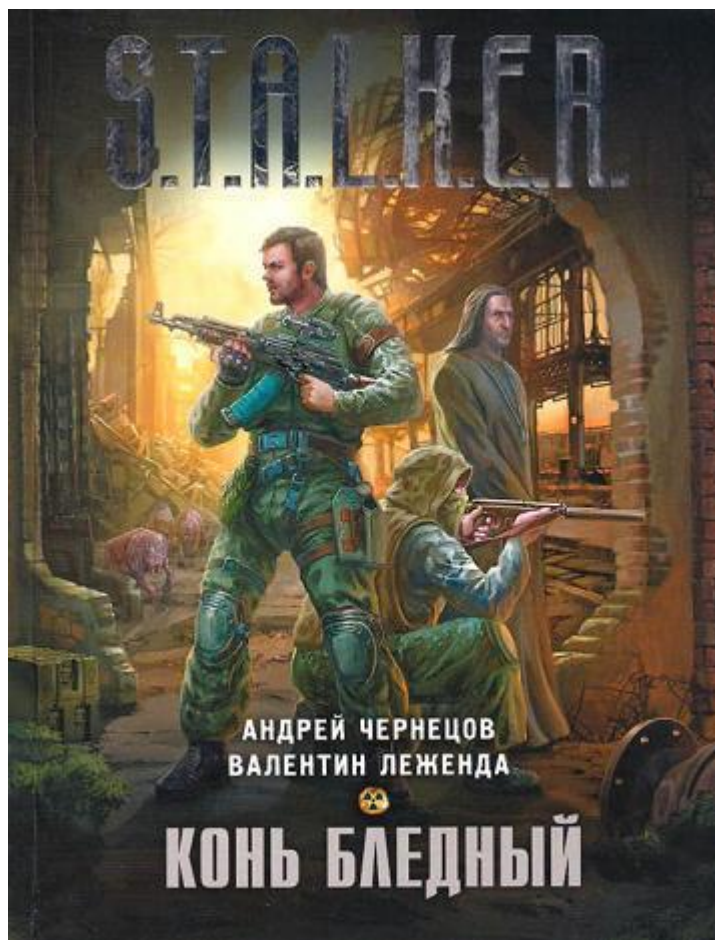

**Андрей Чернецов, Валентин Леженда
Конь бледный**

S.T.A.L.K.E.R. – 83

Аннотация:

Сообщество сталкеров взбудоражено дикими слухами: в Зоне появился призрак апокалиптического Бледного Коня, встреча с которым — предвестие неизбежной смерти. Никто из новичков не рискует в таких условиях пересекать Периметр. Но происходит страшное — на зараженную территорию попадает ребенок, похищенный неизвестными. Опытный сталкер по кличке Стылый ведет в Зону небольшой спасательный отряд...

**Андрей Чернецов, Валентин Леженда
Конь бледный**

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясенная сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои;

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...

Откровение св. Иоанна Богослова,
гл. 6, ст. 13—14

Глава первая. Последний рейд

Темная долина

Странная штука смерть. Многие представляют ее как бледную костлявую старуху с остро заточенной косой. Карикатурный образ, совсем не вызывающий страха. Намного хуже, когда то, что тебя убивает, не имеет конкретного образа, когда смертельно опасное невидимо, невидимо до самого конца, до последнего предсмертного хрипа. Когда тебе уже в общем-то все равно, что именно отправляет тебя на мрачную ладью молчаливого Харона. Ну а то, что не убивает, кажется, делает сильнее...

Пустые слова... Слова, произнесенные человеком, никогда не заглядывавшим по ту сторону черных ледяных глазниц. Слова того, кто ни разу в своей жизни по-настоящему не испытывал животного ужаса. Но постоянный страх рано или поздно отупляет. Ты перестаешь бояться, и именно тогда за тобой приходит Она, неизбежная и холодная, как промозглое ноябрьское утро.

Кажется, кто-то однажды очень ловко сострил, что жизнь на самом деле смертельная неизлечимая болезнь, передающаяся половым путем, с неизбежным летальным исходом. Этот парень определенно был прав, потому что жизнь и в самом деле неизлечимая болезнь, тягостная паранойя, нескончаемая цепь бессмысленных, кое-как связанных друг с другом трагических эпизодов. И финал всегда один и тот же, переписать который, увы, невозможно...

Смерть превращает человека из животного в высшее разумное существо, единственное уникальное существо, способное совершить осознанное самоубийство. Потрясающая привилегия доминирующего вида. То, что никогда не будет дано обыкновенным примитивным животным.

Способов самоубийства существует бесконечное множество, они делятся на две группы: наиболее болезненные и наименее болезненные. Многие выбирали теплую ванну и перерезанные тонким лезвием запястья. Говорят, что в этом случае ты просто медленно засыпаешь. Сладкая безболезненная смерть. Но были и другие варианты. Намного изощреннее и намного увлекательнее, рассчитанные на редких человеческих существ, понять мотивации которых не могла бы даже сама мать-природа, когда-то по фатальной ошибке сотворившая их...

Шершень как раз был из породы таких людей.

Когда-то его звали по-другому. Но однажды, перейдя Периметр, он навсегда оставил свое прежнее имя и свою прошлую жизнь там, за спиной, где беззаботно существовали другие мясные консервы, полагавшие, что смерть — это то, что случается с кем угодно, но только не с ними. Они считали себя в полной безопасности. Стадо тупых овец...

Чтобы не быть овцой, Шершень ушел в Зону. Именно там он хотел стать матерым волком. Целых пять лет потребовалось для того, чтобы понять: он так и остался все той же овцой с давно занесенным над головой ножом мясника. Наивно было полагать, что, придя к этому мяснику в его дом, страшный конец удастся отсрочить.

Мясник не знал пощады.

В Темной долине уже вторые сутки лил холодный дождь.

Вторые сутки... Да он тут, пожалуй, никогда и не прекращался, лишь время от времени переходя на противную стылую морось. От проклятой влаги, казалось, ничто не могло защитить, даже старенький сталкерский комбинезон «Заря». Это было трудно объяснить, но каждый раз, оказываясь в Темной долине, Шершень промокал до нитки, словно влага была неким живым существом, хитро забирающимся под одежду своей очередной опрометчиво сунувшейся на ее законную территорию жертвы. Но этот невидимый зверь, пожалуй, был самым милосердным, потому что при всем своем желании убить не мог.

Шершень в очередной раз посмотрел на мерцающий экран личного ПДА. Устройство, без которого в Зоне было невозможно выжить, предательски уверяло, что все вокруг в относительном порядке: парочка «трамплинов» справа от едва заметной в пожухлой траве тропы и одна «карусель», притаившаяся за поваленным деревом.

— Ну что же ты, падла... — Шершень яростно встряхнул ПДА.

Чувство чего-то неотвратимого, что уже вторые сутки шло за ним по пятам, не отпускало. Из-за этого проклятого чувства он не мог нормально спать. Ночевки в схрапах превращались в сущую пытку, нервы были на взводе. Еще немного — и он станет допускать ошибки, а ошибки Зона не прощает, карая с жестокостью опытного садиста-палача.

И этот призрак, преследующий его по пятам...

...Раздутые ноздри, спутанная грива, дико косящий глаз. И грозное ржание, словно предрекающее неминуемую гибель...

Ошибкой было уже то, что он согласился идти в Темную долину, хотя до этого старательно избегал сумрачное, пользующееся дурной репутацией место. И дело даже не в постоянно давящей на психику гнетущей атмосфере. Под укрытой гниющими листьями землей располагалась огромная сеть вентиляционных шахт, целый подземный город, населенный различными опасными тварями. В любой момент можно было провалиться в незаметный глазу люк или стать жертвой неожиданно выскочившего прямо из-под земли кровососа. Где-то тут располагалась база клана «Свобода», анархистов-беспредельщиков, вечно грызущихся с военными из «Долга», несколько мелких бандитских лагерей и совершенно запредельное количество монстров, которые, как ни странно, почти не беспокоили Шершня.

Он снова, в который уже раз попытался вспомнить лицо заказчика, но очередная попытка оказалась безуспешной. Мутное черное пятно — вот и все, что всплывало из недр натренированной сталкерской памяти. Где именно они встречались? О чем говорили? Шершень знал только конечную цель своего путешествия и ту сумму, которую ему обещали по возвращении. Разумеется, ему выдали аванс. Он тут же переслал деньги на Большую Землю человеческому существу, некогда бывшему его законной женой и зачавшему от него сына. Но то было в другой жизни, которую он благополучно забыл. И впрямь, зачем мертвецу воспоминания? Почти мертвецу. Серой тени, оставшейся от бывшего человека.

То, что шло за ним по пятам, неумолимо настигало. Оно знало о том, что он чувствует его приближение, и потому особо не спешило, стараясь растянуть удовольствие. Эта неведомая тварь определенно питалась человеческим страхом, безысходностью загнанной в угол обреченной жертвы.

— Ну, давай же, сука... поспеши... — тихо прошептал Шершень, доставая из кобуры «Черный ястреб».

Оружие вопреки ожиданиям не успокаивало. Тяжелая смертоносная машинка в правой руке казалась сейчас совершенно бесполезной. Шершень приставил холодный твердый ствол пистолета ко лбу и, зажмурившись, принялся иступленно ласкать спусковой крючок. Ему на секунду показалось, что преследовавшая его неотвратимость испугалась того, что он возьмет и прямо сейчас нажмет на маленькую металлическую, но очень важную деталь.

Шершень улыбнулся и, открыв глаза, убрал пистолет в кобуру.

Он все еще мог контролировать ситуацию, а значит, какой-то шанс у него все же есть. Но шанс на что? В любом случае он всегда успеет выпустить наружу свои мозги. Этого права никто у него не посмеет отобрать, даже сама Зона.

Поначалу он думал, его преследует контролер, но чуть позже понял, что ошибался. Чувство было совершенно иррациональным. Шершень был твердо уверен, что то, что идет за ним след в след, невозможно увидеть на маленьком экране ПДА. И это что-то намного больше и страшнее, чем контролер или изголодавшийся по крови, способный становиться невидимым кровосос.

Противоестественный азарт переполнял все его существо. Извращенный азарт попавшей в острые когти кота, слегка придушенной мыши...

Дождь неожиданно прекратился. Будто кто-то там наверху перекрыл твердой рукой ржавый скрипучий вентиль.

Шершень сверился с электронной картой. До точки, обозначенной на ПДА заказчиком, оставалось всего ничего. Задание было совершенно заурядным: дойти до схрапа, расположенного на территории Темной долины, и забрать из него спрятанный там артефакт.

Что за артефакт, Шершень не знал, точнее, не помнил. Откуда заказчик располагал такой информацией, его особо не волновало. Волновало совсем другое — кругленькая сумма, обещанная за такой достаточно пустяковый для опытного сталкера рейд. Что-то здесь определенно было не так, некое пока неизвестное осложнение. И все эти выверты с памятью... Будто кто-то специально стирал невидимым ластиком целые куски его недавней жизни.

До нужного схрона он добрался без приключений, ну если не считать приключением прошедшее мимо небольшое стадо плотей, которые, конечно, почувствовали присутствие человека, но нападать благоразумно не стали, да и днем они были не так активны, как ночью.

Схрон представлял собой совершенно незаметную землянку, вход в которую перекрывал кусок заросшего жгучим пухом листового железа.

Шершень залег невдалеке за группой влажно поблескивающих деревьев и добрых полчаса изучал окружающую территорию, до рези в глазах вглядываясь в мерцающий экран ПДА. Наконец он решился и, пригнувшись, медленно двинулся к схрону, предварительно сняв с предохранителя свой АКМ-74.

В комбинезоне «Заря» вкупе с защитной маской можно было не опасаться ядовитых спор жгучего пуха.

Как только Шершень принялся открывать схрон, в него тут же выстрелило желтое облако ядовитой дряни, но сталкер даже не отвернулся. Конечно, следовало бы бросить в образовавшийся зазор гранату, но кто его знает, как на это среагирует спрятанный внутри неведомый артефакт.

Внезапно Шершень услышал тихий стон.

Стон доносился из схрона.

Кусок листового железа был уже открыт на добрые двадцать сантиметров.

Сталкер замер, прислушиваясь.

Тихий стон повторился. Без сомнения, внутри кто-то был. Шершень знал многих местных тварей, способных изображать раненых людей, чтобы заманивать новичков в смертельную ловушку. Но чтобы какая-нибудь из этих тварей окопалась в давно заброшенном схроне... И к чему ей издавать какие бы то ни было звуки, ведь намного проще сразу же выпрыгнуть из непроницаемой тьмы.

Вытащив фонарик из кармана надетой поверх комбинезона разгрузки, Шершень посветил в образовавшийся проем. Поначалу он увидел только какой-то бесформенный мусор, и лишь внимательно приглядевшись, заметил лежащего на спине человека с синим обескровленным лицом. Пожалуй, он бы решил, что перед ним очередная жертва кровососа, если бы человек опять не застонал.

Навалившись всем телом на прикрывающий вход лист железа, Шершень резко увеличил проход так, чтобы можно было протиснуться в схрон самому.

— Эй, дружище, ты как? — участливо спросил он, обшаривая мощным лучом фонарика тесное убежище, но ничего приметного, кроме умирающего человека, здесь не было.

Одет незнакомец был довольно легкомысленно, учитывая окружающую территорию: в черную кожаную куртку, обшитую стальными бляхами, стандартную экипировку сталкера-новичка. Оружия нигде поблизости видно не было.

— Эй, парень! — Шершень слегка потряс бедолагу за плечо. — Ты жив или как?

— Он здесь... — едва слышно прошептали сухие синие губы.

Шершень резко обернулся, выставя перед собой хищный ствол автомата, но вопреки ожиданиям за его спиной никого не оказалось.

— Кто? — тихо спросил он, машинально стягивая с лица защитную маску-респиратор.

В нос тут же ударил тошнотворно-сладкий запах разложения.

— Здесь... — тонкая, как у призрака, рука коснулась груди. — Со мной...

— Что за херня... — Шершень неожиданно занервничал. — Что ты несешь, мать твою...

— У него собственная воля... — в предсмертном полубреду шептал умирающий, — он живой... почти как мы... почти... Он дал мне силу... на короткое время... я мог... останавливать пули... руками... взглядом... я был как бог... неуязвим...

Не обращая внимания на тот бред, что нес незнакомец, Шершень принялся грубо обыскивать схрон.

— Но все это оказалось не бесплатно... — продолжал бредить умирающий. — Взамен он выпил из меня жизнь... но я... я не жалею... оно того стоило... почувствовать себя... богом...

Приглушенно ругаясь, Шершень бесцеремонно перевернул незнакомца на бок, дивясь легкости его иссушенного непонятной болезнью тела. Артефакта нигде не было. Даже чего-то отдаленно похожего на артефакт.

— Проклятие! — Шершень с ненавистью посмотрел на умирающего. — Тут ничего нет, лишь этот живой труп... Что же делать?

Пока сталкер думал над этим немаловажным в данной ситуации вопросом, незнакомец громко закричал и, изогнувшись всем телом, неожиданно затих в жуткой неестественно изогнутой позе.

Шершень никогда не считал себя набожным человеком, но в тот момент он неожиданно для себя перекрестился. В своей жизни он видел немало жутких покойников, но лицо этого мертвеца... такое трудно описать словами, такое нужно видеть или лучше не видеть никогда.

Неожиданно в голову пришла совершенно абсурдная и вместе с тем достаточно рациональная мысль обыскать труп. Что, если искомый артефакт при нем? Почему он сразу об этом не подумал? Ведь после тщательного осмотра схрона это было очевидно.

Преодолевая неожиданно накатившую брезгливость, Шершень осторожно расстегнул молнию кожаной куртки покойника, под которой оказалось темно-багровое кровавое месиво. Рана была просто ужасающей, как будто кто-то выстрелил в умершего бедолагу в упор из дробовика, причем выстрелил не один раз.

— Мать твою...

Шершень поспешно надел защитную маску. Вонь от мертвого тела исходила просто ужасающая. Секундой позже он понял, что темно-багровое месиво шевелится, словно живет своей жизнью отдельно от трупа.

«Ну все, с меня на сегодня определенно хватит!» — подумал сталкер, но выбраться из схрона так и не успел, потому что грудь трупа внезапно взорвалась веером мелких кровавых брызг.

Шершень замер, как зачарованный уставившись на светящийся продолговатый предмет, напоминающий крупный кусок желтого янтаря, медленно всплывший из багровых недр разлагающихся на глазах останков.

«Ну, вот он, твой артефакт! — вкрадчиво произнес кто-то прямо внутри черепа. — Чего ты теперь ждешь?»

Не осознавая того, что делает, Шершень протянул руку и осторожно погладил оказавшуюся мягкой на ощупь податливую поверхность. Тепло, исходившее от этой штуки, ощущалось даже сквозь защитные перчатки. Казалось, он гладит не очередное противоестественное порождение Зоны, а маленького пушистого котенка, которого так и хочется прижать к своей груди. Что-то всколыхнулось у него внутри, что-то из далекого, давно уже позабытого детства. Но наваждение длилось недолго, всего несколько секунд, страх поспешно взял под контроль непослушное тело.

Отдернув руку, Шершень резко рванулся назад, вываливаясь из проклятого схрона. Краем глаза он успел заметить, как светящийся сгусток рванулся следом за ним и, словно выпущенная из подствольника граната, больно ударил его прямо в грудь.

Покатившись кубарем по земле, сталкер врезался в ближайшее дерево, выронив автомат. Неожиданно стало трудно дышать, на грудь навалилась невидимая тяжесть, легкие жгло огнем. С трудом перевернувшись на спину, Шершень в очередной раз сорвал защитную маску и непослушными руками принялся расстегивать плотно затянутый ворот комбинезона.

Рука неожиданно наткнулась на рваную дыру как раз в том месте, куда ударил всбесившийся сгусток света.

В следующую секунду страшный приступ неожиданно прошел. Шершень с удивлением поднялся на ноги, оторопело рассматривая пробитый насквозь комбинезон. Конечно, «Заря» не обладала хорошей защитой, оберегая своего владельца лишь от слабых физических повреждений, ожогов и радиации, но эта рваная дыра одним махом привела комбинезон в полную и абсолютную негодность.

Не веря своим глазам, сталкер осторожно ощупывал рваные, слегка тлеющие края дыры, затем он принялся осматривать землю в поисках ударившего его в грудь артефакта, но светящегося куска янтаря нигде поблизости не наблюдалось.

Наверное, он окончательно потерял бдительность, потому что прошившая его насквозь автоматная очередь оказалась для Шершня полной неожиданностью. Время замедлило свой ход, окружающее пространство залил мягкий оранжевый свет, мир обрел небывалые краски, каких Шершень отродясь в своей жизни не видел.

«Господи... — подумал он, — какая красота!»

Но думать ему следовало совсем о другом. Сквозь неожиданно сделавшиеся прозрачными деревья к нему медленно двигались черные сгустки врагов. Нет, они не двигались, они парили над землей в странном завораживающем танце.

Оставшийся где-то в глубине сознания опытный сталкер мгновенно оценил ситуацию. Черные сгустки были сразу же опознаны и квалифицированы. Врагов было пятеро. На всех длинные кожаные плащи. Он даже смог подробно рассмотреть эмблемы на рукавах — скалящийся череп с пробитым теменем. Изменившееся зрение вытворяло совершенно умопомрачительные штуки.

Вооружение — два обреза, пистолет «Кора-919», пистолет-пулемет «Лавина» и АКС-74. Из АКС, кстати, его и прошили.

То, что происходило дальше, отпечаталось в сознании как четкий цифровой фотоснимок. Шершень машинально потянулся к лежащему у ног автомату, но изменившееся тело рассудило по-своему. Приближающиеся цели неожиданно приобрели кроваво-красную окантовку, время невероятно ускорилося. Как в каком-то дьявольски красивом полусне, Шершень увидел собственные руки, вырывающие истошно кричащим людям глотки. Последнего из противников он убил, глубоко вонзив пальцы в мягкие лопнувшие глазницы.

Когда сталкера наконец отпустило, вокруг стояла невероятная тишина, лишь пять бездыханных тел в разных позах лежали у облетевших деревьев.

В груди пульсировало приятное тепло. Шершень поднес к лицу вымазанные в вязкой кровавой массе руки, после чего брезгливо вытер их о ствол ближайшего дерева. Затем он наконец расстегнул ворот удушливого комбинезона, разрывая находящуюся под низом темно-серую водолазку.

Светящийся артефакт был там. Каким-то непостижимым образом он сросся с грудью, став частью человеческого тела. От теплого пульсирующего комка по коже бежали красные дорожки тонких кровеносных сосудов. Шершня замутило, и он, схватившись за дерево, потерял сознание...

Сталкер по кличке Тяжеляк всюду уплетал «Завтрак туриста», сидя на широком удобном пеньке. Заедая аппетитно пахнущие консервы большим куском хлеба, на котором величественно покоился толстый кругляш «Диетической» колбасы, Тяжеляк с большим интересом рассматривал выбирающегося из соседних кустов Шершня.

Яростно сломав несколько вцепившихся в разгрузку сухих веток, Шершень неспешно подошел к Тяжеляку, устроив свою пятую точку прямо на холодной сырой земле.

Коллега молча полез в свой увесистый рюкзак, доставая на свет непочатую бутылку легендарной водки «Казаки».

— Будешь?

— Нет, воздержусь... — брезгливо отмахнулся Шершень.

— Да ты чё... от радиации вместе полечимся... Ну?

Шершень не ответил, внимательно ощупывая невредимый комбинезон и абсолютно целую водолазку под ним.

— Что это с тобой? — удивился Тяжеляк, судорожно глотая слишком большой кусок хлеба.

— Глюки у меня, вот что...

— Не понял?

— Получил заказ от клиента, вышел к нужной точке, обнаружил нужный артефакт...

— Ну и?

— Был убит бандюками!

— Бля!

— Так и я о том же! Вот здесь, здесь и здесь... — Шершень поочередно ткнул себя пальцем в грудь. — Бандитские пули прошли меня насквозь...

О впившемся в тело артефакте он решил на всякий случай умолчать.

— Да ну...

— Хозяевами Зоны клянусь!

— Может, контролер на тебя порчу навел, вот тебе и померещилось с перепугу невесть что... Или бюрер, эта тварь умеет вызывать у людей разные галлюцинации...

— Нет, то был не контролер... и не бюрер...

— Слушай, а ты меня и вправду не разыгрываешь?

— Тяжеляк, ты же меня хорошо знаешь, сколько раз мы вместе в рейд ходили?

— Много!

— То-то! Хоть когда-нибудь я тебя разыгрывал?

— Не-а!

— Тогда почему ты мне не веришь?

— Да вид у тебя какой-то... безумный... Ты бы видел себя со стороны. Вывалился из кустов весь взъерошенный, глаза вытаращены, морда вся белая, как стена... Я сперва подумал: хана пришла... Сейчас за тобой из кустов кровососы ползут один за другим, но ПДА-то молчит! Вот я и решил, что ты слегка не в себе...

— Со мною в последнее время стали происходить очень странные вещи... — хрипло признался Шершень, неприязненно сплевывая в листву. — Будто кто-то или что-то вознамерилось свести меня с ума...

— Ну я же говорю, бюрер! По следу твоему идет! Мозг потихоньку выедает...

— Нет, с бюрерами я раньше сталкивался... и не раз... сейчас все не так... по-другому все...

— Тогда я не знаю, что тебе и посоветовать...

— Кстати... — Хищно прищурившись, Шершень подозрительно покосился на смахивающего с комбинезона крошки коллегу. — Ты-то в Темной долине что делаешь?

— Как это что? — возмутился Тяжеляк, метко швыряя пустую консервную банку в беснующуюся невдалеке «электру».

Опасная аномалия тут же с громким хлопком разрядилась, в воздухе запахло озоном.

— Я ведь в «Свободу» недавно вступил! Старые друзья позвали, вот я и согласился...

— Совсем с ума сбрендил, да?

— А чем тебе «свободовцы»-то не нравятся?

— Я мог бы сейчас назвать с десяток причин, но не стану, бесполезно с тобой спорить, по старой памяти знаю... Да и это... откуда на тебе комбинезон «Монолита»?

— Да с дохляка на прошлой неделе снял! — похвастался Тяжеляк. — Неплохо защищает от стрелкового оружия, хотя прямое попадание из АКМ наверняка не выдержит.

— Ты снял его с мертвого «монолитовца»?

— А что тут такого? Чем он уж так плох, этот мертвый «монолитовец»?

— Ну, не знаю... — Шершень устало провел рукой по мокрому от пота лицу, весь этот разговор стал его невероятно тяготить. — Не люблю я этих полузомби... Куда путь-то хоть держишь, небось на базу своих новых друзей пятки намылил?

— Не-а... — мотнул головой Тяжелаяк, тщательно завязывая рюкзак. — К Периметру двигаю, хабар сдавать!

— А что у тебя там?

— Много будешь знать — быстро осознаешься!

— Ну, раз не хочешь, то и не говори...

— А я и не говорю...

— Так, может, вместе к Периметру двинем, а?

Коллега крепко задумался, оценивающе поглядывая на Шершня.

— Будь мы сейчас в какой другой локации Зоны, наверняка отказал бы я тебе, братец... но вокруг Темная долина... Пожалуй, я соглашусь, но если ты, упаси Черный Сталкер, по дороге что-нибудь этакое отмочишь, дальше пойдешь сам!

— Договорились!

И сталкеры крепко пожали друг другу руки.

— Да что ты постоянно оглядываешься? — раздраженно спросил Тяжелаяк, когда они уже отмотали добрых полкилометра.

По старой доброй традиции один из сталкеров занимался визуальным наблюдением, второй постоянно считывал данные с ПДА.

— Чувствую, он движется за нами!

— Кто — он? — перешел на шепот коллега. — Я никого на мониторе не вижу, а у меня тут «Сварог» между прочим, не хвост собачий!

— «Сварог» только артефакты да аномалии отслеживает!

— Много ты знаешь!

— Да уж побольше твоего...

— Не нервируй меня, Шершень...

— Кстати, давно хотел тебя спросить...

— Ну?

— Отчего у тебя кличка такая странная — Тяжелаяк? Ты вроде худой, как палка, и двигаешься, как хищный зверь, отчего кликуха тогда такая, а?

— А то, можно подумать, ты не знаешь?

— Не знаю!

— Ну и дела...

— Да ты отвечай, а то ломаешься, словно девственница на первом свидании...

— Да музыку я тяжелую слушаю, оттого так и называют... Ну, там мелодик дэз очень люблю, «Ин Флеймес», «Соилверк», «Дарк тран-квилити»...

— Я вижу, суровый ты парень, Тяжелаяк...

— А то! — ухмыльнулся сталкер, демонстрируя решительное отсутствие верхних резцов. — Вот смотри...

Тяжелаяк торжественно расстегнул серый «монолитовский» комбинезон, демонстрируя обалдевшему Шершню надетую под низ черную майку с логотипом бразильской группы «Сепультура».

— Макс Кавальера рулит!

— Ага!

— Видел я, конечно, всяких в Зоне повернутых... — сокрушенно покачал головой Шершень. — Но ты, Тяжелаяк, бьешь все мыслимые рекорды...

Тяжелаяк удовлетворенно улыбался, краем глаза все это время поглядывая на светящийся экран ПДА. Внезапно улыбку с грубого обветренного лица сталкера как ветром сдуло.

— Что такое? — насторожился Шершень.

— Стая слепых псов! — тихо проговорил коллега, снимая свою «Гадюку» с предохранителя. — Во главе с псевдопсом!

— Как говорится, расслабились два дебила... — усмехнулся Шершень, извлекая из-за пазухи припасенную на черный день лимонку.

Слепых псов было где-то особей пятнадцать. Взяв залегших за небольшим холмом сталкеров в плотный круг, они ждали команды опытного вожака, который пока не спешил нападать.

— Говорят, эти твари по запаху оружейной смазки могут определить, как вооружен человек... — прошептал Тяжелаяк, держащий в перекрестии прицела мельтешащую невдалеке свору. — Даже точное количество патронов таким образом могут узнать...

— Заливаешь! — коротко, сквозь зубы процедил Шершень, удобно пристроив на кочке свой АКМ.

— А вот и не заливаю! Видишь, они не спешат нападать, патроны считают...

— Тяжелаяк?

— Ну чё тебе?

— Не свисти!

Как обычно твари попытались сперва зайти с тыла, но маневр не получился, испорченный метко запущенной в самую свору гранатой. Рвануло так, что у бывалых сталкеров заложило уши. Судя по всему, взрывная волна уловила некий паранормальный акустический эффект. Неожиданно Шершень стал слышать звуки, которые раньше были ему недоступны.

— Пятерых уложили! — колдуя над своим ПДА, радостно сообщил Тяжелаяк. — Осталось еще десять шавок плюс вожак!

— Ты слышал? — резко встрепнулся Шершень, слегка приподнимаясь на корточках.

— Слышал что? — удивленно спросил Тяжелаяк, меткой очередью снимая бросившегося напролом отчаянного слепого пса.

Взвывшую псину развернуло на девяносто градусов, вторая очередь зашвырнула окровавленную тушку в соседние кусты.

— Дробный топот... — ответил Шершень. — Будто лошадь рядом прошла...

— Лошадь в Зоне? — расхохотался Тяжелаяк. — Ну, ты, Шершень, и даешь... новый вид невиданного доселе монстра обнаружил, зомбоконь, к примеру... или нет, лучше псевдолошак...

— Да заткнись ты... Я ж тебе говорил. Он преследует нас! Вот хер же...

Слепые псы подобрались совсем близко, и сталкеры открыли заградительный огонь.

«Какого черта они прут всем скопом... — в изумлении думал Шершень, поспешно меняя обойму. — Это ведь не тупые зомби, а умный и вероломный противник. Шестое чувство, коллективный разум, особая стратегия, которую не всегда можно предугадать».

Происходило нечто из ряда вон выходящее, но Тяжелаяк, казалось, не замечал этого, вовсю паля по сторонам, словно был и не в Зоне, а в дешевом тире парка аттракционов.

Всю стаю они уложили минуты за две, а вот с вожаком пришлось повозиться. Мутировавший волк или псевдопес, как называли его сталкеры, был наиболее опасным противником.

Грязно-серая тень неожиданно вынырнула у самого холма, за которым прятались сталкеры, кинувшись на перезаряжающего свою «Гадюку» Тяжелаяка. Шершень среагировал моментально, со всего размаха заехав прикладом по короткой клыкастой морде. Псевдопес злобно взвыл и, изменив траекторию, прыгнул прямо на грудь Шершня, вцепившись зубами в ремешки разгрузки.

— Ах ты, сука-а-а-а... — закричал Тяжелаяк, вонзая в загривок твари зазубренный охотничий нож.

Ощувив на своем лице смрадное дыхание зверя, упавший Шершень из последних сил сбросил с себя беснующуюся тварь, метящую клыкастой пастью прямо в горло опрокинутой жертве. Бодро заработала «Гадюка», вырывая из толстой шкуры зверя клочки серой шерсти. Но псевдопес и не думал сдаваться, идя на повторный заход.

— Да когда же ты сдохнешь... — яростно прорычал Тяжелаяк, всаживая короткую очередь прямо между налитых кровью маленьких глаз.

Мутант споткнулся, грузно заваливаясь на бок. Припадочно затрясся в руках пришедшего в себя Шершня мощный АКМ. Но псевдопес все не умирал.

— Надо валить отсюда! — прокричал Тяжелаяк, хватая Шершня за плечо. — Давай скорее, здесь нельзя оставаться...

Страшные рваные раны на теле псевдопса удивительным образом затягивались, лопнувший от прямого попадания правый глаз наливался опасной краснотой.

Сталкеры побежали, попеременно стреляя себе за спину. С таким противником они столкнулись в Зоне впервые.

В ушах Шершня слышалось издевательское конское ржание. Неужели его спутник ничего не слышит?

— Может, мне все это снится? — с надеждой спросил Шершень, когда они сделали привал внутри разбившегося в незапамятные времена серо-зеленого Ми-24. — Может, ничего этого на самом деле нет?

— До Периметра еще идти и идти... — не слушая, проговорил Тяжелаяк. — Что это было за дерьмо? Я ничего подобного никогда не видел, почему псевдопес регенерировал? Как такое вообще могло произойти?

— Мне все это снится! — Шершень раскрыл перед своим лицом покрытые мозолями и царапинами грубые ладони. — На самом деле меня здесь нет... Я сон, который грезится какому-то другому человеку... страшный сюрреалистический бред...

— Что ты там несешь, мать твою! — вспыхнул Тяжелаяк. — Я же сказал, начнешь чудить — пойдешь к Периметру сам. А мы, между прочим, еще в Темной долине. Где-то там за деревьями НПО «Кристалл», да мы еще даже четверть пути не прошли. Следует заночевать на базе «Свободы», другого выхода я не вижу. Через несколько часов стемнеет. В этом чертовом вертолете мы для мутантов как бельмо на одном месте...

— Я на базу «Свободы» не пойду... — спокойно проговорил Шершень. — У меня с этими ребятами в прошлом были серьезные терки...

— Да я все улажу, вот увидишь! — заверил его Тяжелаяк.

— Нет, не уладишь! Я Куцего убил и Талиба...

— ЧТО?!!

— Что слышал!

— Твою мать, тогда тебе и впрямь лучше туда не идти... Что вы там не поделили, можешь рассказать?

— Бабу!

— А... ну тогда все ясно... и она того стояла?

— Стоила!

— И где она сейчас?

— Пошла на корм червям!

— Как так?

— А вот так!

— А что случилось?

— Долгая история...

— И все же!

— Отвянь, Тяжелаяк! Та грязная тварь не стояла всех тех проблем, что я получил впоследствии на свою дурную голову.

— Так это ты ее, что ли, потом... э... э... ну, это... мочканул под шумок...

— Да, я! И что дальше?

Тяжелаяк изумленно притих:

— Много нового узнал я о тебе, друг, за эту нашу короткую встречу...

— Меньше знаешь — крепче спишь...

— И то верно!

Тихонько завершал ПДА.

Шершень вошел в электронную почту. Банк слал извещение, что деньги на Большую Землю благополучно переведены адресату. Затем сталкер открыл обновленную карту аномалий по Темной долине. Ситуация выглядела подозрительно оптимистичной. Такой оптимистичной, что напрашивался самый неприятный вывод: в любой момент мог произойти очередной Выброс. Или не мог? Ответ знали разве что загадочные Хозяева Зоны, в существование которых Шершень никогда на самом деле серьезно не верил.

Затем ради интереса он решил зайти в черный похоронный список, куда регулярно скидывались имена погибших в Зоне сталкеров. Рассылка похоронок и впрямь обновилась, выведя на экран ПДА информацию за последние три дня. Шершень безразлично просматривал список совершенно незнакомых имен и в самом конце неожиданно наткнулся на знакомую идиотскую кличку.

Открыв мигающую строку «Подробнее», Шершень прочел, не веря своим глазам:

«Сталкер Тяжелаяк, по паспорту Андрей Семенович Булыга, погиб тринадцатого июля 2023 года в локации Темная долина. Причина смерти — блуждающая аномалия «Тесла».

Тринадцатого июля.

Два дня назад.

Ошибки быть не могло.

Тогда кто в таком случае сидел у него за спиной?

Шершень усиленно делал вид, что ничего не произошло, внимательно изучая светящийся экран ПДА. Мысли в голове окончательно спутались. Он стал судорожно перебирать в памяти тварей, способных настолько реалистично воссоздавать точную копию умершего человека. Но как он ни старался, не смог вспомнить ни одной из них. Таких тварей в Зоне попросту не существовало. С другой стороны, что мешало появиться новому виду опасных мутантов? В конце концов, что он знал об этом чудовищном месте? Да по сути, ничего! Ни хрена он на самом деле о Зоне не знал.

Неприятный холодок заструился по напрягшейся спине. Это капли пота, стекаясь в узенький ручеек, текли сейчас к пояснице, собираясь внизу в неприятный мокрый ком.

А что, если замаскировавшаяся под Тяжелаяка тварь уже поняла, что он ее раскрыл? Что, если она умеет читать чужие мысли? Что, если...

Слишком много этих «если». Следовало обернуться. Уж больно долго он возится с ПДА, подозрительно долго. Нужно взять и спокойно повернуться к напарнику, но Шершень не мог... не был способен заставить себя даже элементарно пошевелиться. Запястья свело судорогой, светящийся экран поплыл перед глазами. Вот он, страх, настоящий неподдельный животный ужас, когда ты не знаешь, что там у тебя за спиной. Да, оно там есть, оно хочет тебя убить, но ты не понимаешь природу этой смертельной опасности.

Шершень зажмурился, беря себя в руки. Зона сделала из него бабу, истошно визжащую трусливую бабу, шарахающуюся от любого едва слышного шороха.

Следовало обернуться.

И он обернулся...

Тяжелаяк по-прежнему находился у него за спиной, точнее, не сам сталкер Андрей Семенович Булыга, а то, что от него осталось. Мертвая оболочка, бесполезный органический хлам, бывший когда-то живым мыслящим человеком.

На облокотившемся о ржавую переборку вертолета мертвеце был все тот же комбинезон «Монолита», в руках покойник сжимал автомат «Гадюку». Лицо Тяжелаяка обуглилось, черная кожа свисала рваными клочьями, и одного взгляда на труп было достаточно, чтобы понять: сталкер погиб от «Теслы» — мощной блуждающей электрической аномалии. Но как он оказался в вертолете? Или она тут его и настигла, в этом ненадежном, но все-таки укрытии. Все могло быть. В таком случае с кем же Шершень все это время общался, отбивался от своры слепых псов, шутил, рассуждал о жизни? С мертвецом трехдневной давности? Значит ли, что все это время он сидел в разбившемся Ми-24, а бой с мутантами и последующее бегство по Темной долине ему попросту привиделись?

Шершень почувствовал, что сходит с ума. Снова и снова... Где правда, а где ложь? Как ее отличить? Кто играет с ним в эти грязные злые игры?

В любом случае внутри вертолета оставаться было нельзя.

Шершень бросил робкий взгляд на контейнер для артефактов Тяжеляка. Неужели он и впрямь нес к Периметру солидный хабар? Проверять не хотелось. Почему-то Шершень был уверен: стоит ему только коснуться мертвеца, как тот вдруг оживет и вцепится скрюченными одеревенелыми пальцами в его горло.

Нет-нет, нужно немедленно бежать отсюда, бежать куда угодно, только подальше от проклятого вертолета.

Быстро собрав все свои вещи и поудобней перехватив тяжелый автомат, Шершень выскочил из десантного отсека наружу. В Зоне заметно потемнело. Приближался вечер. Пережить ночь в Темной долине вне надежного убежища — чистое самоубийство.

Шершень ускорил шаг. Он отказывался думать о том, что с ним сейчас происходит. Потому что все это не поддавалось никаким объяснениям. У него была цель — добраться до Периметра, все остальное сейчас не имело значения. Он подумает потом, когда окажется в тепле и безопасности. Но есть ли для него теперь такое место?

Шершень не знал.

Вся его жизнь казалась ему мутной цепочкой слабо связанных друг с другом черных эпизодов. Сколько душ он загубил на своем долгом пути в Зоне? Шершень честно пытался припомнить, обозначить конкретную цифру. Но конкретной цифры не получалось. Быть может, все, что творится с ним сейчас, это справедливое наказание за пролитую кровь. Пролитую кровь отнюдь не мутантов, а обыкновенных людей, пытающихся жить по правилам оголтелой волчьей стаи. Скольких он убил просто так, в спину, опасаясь, что пробирающийся через Зону попавшийся на пути незнакомец без разговоров первым откроет огонь. Он не знал их имен, не видел их лиц, так было намного проще. Ведь стрелял не в конкретного человека, а устранял возможную опасность, зеленую точку на узеньком мониторе ПДА.

Рано или поздно за это должна была настать страшная расплата. Кто-то должен был прийти к нему однажды и сказать, мол, пришла пора отдавать долги, а их за эти годы накопилось очень и очень много.

Шершень снова подумал о Боге, пробираясь сквозь укрытый серыми сумерками лес. Ведь он, по сути, никогда в него не верил. Не верил во всемогущее всепрощающее существо... Или он снова все путает? Путает сына Бога с самим собой? Казалось, в таком месте, как Зона, сама мысль о вере была чем-то совершенно неуместным, чем-то, что следовало без зазрения совести оставить где-то там за Периметром, на Большой Земле, как часто называли сталкеры нормальную незараженную территорию.

О какой вере можно говорить, когда ты способен спокойно забрать жизнь незнакомого тебе человека только потому, что тебе показалось, что он, возможно, сам захочет тебя убить? О каком Боге можно думать, когда вокруг тебя шныряют дьявольские твари, словно специально вышедшие из пышущей огненным жаром преисподней? В этом месте не было Бога, в этом месте царил Зло. Но не то зло, определение которому можно было найти в мудрых христианских книгах... Нет, это было совсем иное зло, не имеющее ничего общего с человеческой природой, зло, пришедшее совсем из иного мира, чужого, жестокого, враждебного. Там, в этом мире, наверняка все было по-другому, и то, что здесь сходило за добро, возможно, там считалось страшным преступлением.

— Здесь нет Бога... — прошептал Шершень, уже едва разбирая землю под ногами. — Здесь царит страх... не у кого просить защиты... потому что Тот, Кто Может Услышать, тут абсолютно глух...

В нем самом тоже не было Бога. Он даже не знал, есть ли у него нательный крестик. Да и был ли он крещен? Кто отпустит его грехи, если он вдруг внезапно умрет?

КТО ЗДЕСЬ ОТПУСТИТ ЕГО ГРЕХИ?!

Не попадет ли он после смерти сразу же в ад, минуя все возможные прощающие грешников инстанции?

И в какой ад можно попасть из этого страшного места?

Словно в кошмарном бреду, Шершень метался среди растопыривших влажные лапы деревьев. Он был абсолютно дезориентирован. Он не знал, куда идет.

Это казалось немыслимым, но его ПДА не работал, что означало только одно — неминуемую и страшную гибель. Наверное, он закричал бы от отчаяния, если бы не опасался привлечь внимание уже наверняка вышедших на охоту ночных тварей.

Когда через час беспорядочных блужданий сталкер опять вышел к разбившемуся вертолету, его волосы поседел. Внутри пузатого Ми-24 определенно кто-то был. Что-то в глубине десантного отсека глухо ворочалось, словно пытался неуклюже подняться на ноги окоченевший мертвец.

Шершень побежал, беспорядочно стреляя из автомата. Вырывающийся из короткого дула огонь на время вернул ему рассудок. Следовало остановиться и решить, что делать дальше. Трясущаяся внутри овца иступленно желала жить.

Он сделал еще несколько шагов и хотел было остановиться, но не успел. В темноте Шершень не заметил едва различимую даже при дневном свете парящую над землей сферу. Гравитационная аномалия цепко схватила свою жертву. «Мясорубка» стремительно раскрутилась, разрывая хрупкое человеческое тело на куски.

Последними звуками, услышанными сталкером в этом мире, были стремительно удаляющийся дробный конский галоп и зловещее ржание.

Глава вторая. Труба зовет

г. Киев

Новенькая светло-серая «Nokia» мелодично затренькала, выдавая знаменитое вступление к бессмертному хиту группы «Pain» «Shut Your Mouth». А это означало только одно: звонит шеф, вызывая подчиненного на ковер. Степан прикола ради обозначил таким образом звонки от начальства, которое, как известно, имеет тенденцию доставать подчиненных в самый неурочный час. Вот и сейчас, спрашивается, какого дьявола наяривать в семь утра? Да еще в субботу, когда сам бог велел отдыхать. Притом после бурно проведенной ночи...

— Это кто? — недовольным тоном спросила из-под одеяла Светлана.

Эге, никак хозяйские нотки у нас прорезались? Вот и приглашай после этого девушку к себе домой три раза подряд.

— Кордон! — почему-то шепотом пояснил, поспешно нажимая кнопку.

— Ты чего трубку не берешь?! — заорало чудо финской техники хриплым шефским голосом. — Снова с бабами прохлаждаешься?! А я один за всех тут, значит, должен отдуваться?!

Степан покосился на уже окончательно проснувшуюся девушку, забавно хмурую брови. Неужели слышала шефский перл насчет «баб»? Не могла ведь не услышать. Ильич вопит как резаный. Ой, да пусть ее. Что ему с ней, детей крестить? Ни к чему не обязывающий флирт, и все. Во всяком случае, так ему сперва казалось. Или он ошибался?

Если она не так что-то поняла — это, как говорится, не его проблемы.

— Да что случилось-то? — попробовал вклиниться в филиппики шефа Чадов. — Можешь толком объяснить?

— Все объяснения получишь на месте! — буркнул Кордон, переходя с крика на более спокойный тон. — Чтоб через полчаса был у меня в кабинете.

— Через час, — бескомпромиссно отрезал Степан и быстро утопил кнопку отбоя, продержав ее чуть дольше, чем следовало.

Аппарат, коротко пискнув, тут же, естественно, отключился. Нелишняя мера предосторожности. Ильич ведь не успокоится, пока не доведет себя и других до белого каления.

А ему еще надо *привести себя в порядок*.

— Эй, там, под теплым одеялом, кофе мужчине своей мечты не сварить? — осведомился парень, легонько дергая Светлану за длинный вьющийся локон.

Не любил *упражняться* при посторонних.

— Ну да как же... бегу...

— Ну, Света... не будь такой букой...

— Хорошо-хорошо... уже иду...

Из-под одеяла показалась узенькая маленькая ножка.

— Отвернись!

— Это еще зачем?

— Отвернись, говорю, иначе кофе не будет!

Пряча улыбку, Чадов исполнил просьбу неожиданно сделавшейся страшно целомудренной девицы.

Блондинистая сотрудница отдела светской хроники, обиженно поджав губки, с вызовом и явной провокацией продефилировала мимо, не преминув слегка задеть его своей роскошной грудью. Дескать, будешь знать, от чего отказываешься. Понятное дело, она надеялась на соответствующее продолжение очаровательного вечера и потрясающей ночи. А тут обычное проявление мужского шовинизма — шагом марш на кухню, готовить самцу еду. Нет бы самому расстараться и принести даме кофе в постель.

Однако следовало очистить мысли и настроиться.

Степан с большим трудом оторвал взгляд от удаляющихся соблазнительных ягодич коллег, обтянутых шелковым китайским халатиком с двумя красными драконами на спине. Затем он посмотрел на большое бронзовое изображение пляшущего бога Шивы Натараджи — Повелителя Танцев, стоящее на тумбочке у изголовья кровати. Тронутое благородной патиной лицо божественного отшельника как всегда загадочно улыбалось.

— Ом намах Шивайя! — сложив лодочкой ладони перед лицом, поприветствовал Плясуна Чадов. — Слава Шиве!

За спиной раздался оглушительный хлопок двери. Но это уже было так далеко, что не достигло сознания парня, полностью отдавшегося танцу.

Он, конечно, мог бы сразу перейти в режим Свободного Потока. И все же начал с примитивных позиций, чтобы острее почувствовать момент перехода. Не случайно выпросил у начальства лишние полчаса. (Хотя в принципе «час» — это расплывчатое понятие, в котором спокойно может уместиться какой угодно отрезок времени).

В Танце Шивы главное — концентрация сознания и слаженность всех движений. Комплекс линейных, плоскостных и объемных пассивов направлен на выявление потенциальных возможностей человеческого тела. Так учил когда-то в детстве сэнсей Голдин, начиная каждое занятие именно с *пляски*. А еще говорил, что здесь даже не движения важны, а то, как ты дышишь. Если будешь точно повторять все экзерсисы, но при этом станешь дышать, будто выброшенная на берег рыба, то грош цена таким занятиям.

Итак, руки. Пару синхронных движений, направленных в одну сторону. При этом ладони всегда ориентированы четко вверх, к небу. Раньше (да и сейчас тоже можно встретить подобное в иных практиках) в ладонях плясуна находились плошки с благовониями, посвященными Натарадже, или светильники с горящим маслом. Красиво? Да. И эффективно в некоторых *нестандартных* ситуациях.

Почти сразу нарушил синхронность пассивов, задвигая руками в разных направлениях. Левую — в сторону, вверх, вниз. Правую — в сторону, вниз, вверх. И почувствовал, как постепенно зарождается и крепнет связь между силовыми линиями гравитационного поля Земли, преодолеваемыми его телом, и внутренними потоками энергии. Рука вверх —

возникают активные преодолевающие энергопотоки, рука вниз — появляются пассивные потоки энергии. Циркуляция жизненных сил приходит в гармонию.

Теперь — ноги. Тут в отличие от рук задействовать можно, увы, только одну из конечностей. Разумеется, когда стоишь. В прыжке — там другое дело.

Продольные и поперечные маятниковые движения по спирали, образующие крестообразные петли. Руки зафиксированы на талии, нога описывает круг — вперед, назад, в сторону по малой петле и, наконец, в сторону по большой петле.

Главное — не спешить. Па не должны быть слишком широкими, и нужно стараться выполнять их по возможности плавно, как в балете. При этом носок должен двигаться низко над полом, а стопа одновременно совершать вращательные движения так, как будто продолжает хлыстообразное движение ноги. Опорная нога немного согнута. Должно быть такое чувство, как будто она цепляется за пол, мгновенно реагирует на любые отклонения центра тяжести и компенсирует их...

Увлечшись, Степан не услышал, как тихонько приоткрылась дверь.

Это Светлана, не дождавшись кавалера на кухне, решила сменить гнев на милость и принести кофе прямо в спальню. Как известно, если совершенно обнаглевшая гора не идет к Магомету, то Магомет сам идет к горе.

Выставив перед собой поднос с двумя дымящимися гжельскими чашками, девушка толкнула дверь ножкой и уже собралась торжественно провозгласить, что «кушать подано», как вдруг поперхнулась и, сделав большие глаза, стала изумленно наблюдать за творящимся в спальне бесчинством.

Ничего себе, сюрприз!

Вот, оказывается, чем занимается господин начальник отдела сенсаций и происшествий в свободное от работы и неистовой любви время.

Танцевать изволит.

Да еще и голышом!

Ух, стриптизер несчастный.

Хотя, надо признать, работник подиума и шеста из Чадова вышел бы недурственный.

Фигура идеальная для его двадцати восьми. Ни одного лишнего грамма. Рельефная мускулатура, как у древнегреческого атлета. Живот в шашечку. Широкие плечи, мощные пластины загорелой груди (не иначе, где-нибудь на Средиземноморье под солнцем нежился).

Правда, лицо чуток подкачалось. Ну, никак не вяжется со столь героической внешностью эта физиономия с неизменной какой-то детской, застенчивой и мечтательной улыбкой. Сюда бы что-то более мужественное, с квадратной челюстью, стальными глазами и коротким ежиком топорщащихся волос. А не с этой копной густых светлых кудряшек.

Впрочем, с вздохом подумала Света, как раз за эту-то наивную мальчишескую мордашку его бабы и любят. Хочется пожалеть, приголубить, защитить, легонько прижать к пылающей страстью груди...

Ну да, как же, нуждается он в их защите. Волчара в овечьей шкуре. Все эти его наивные робкие ухмылочки — не более чем искусная маскировка, рассчитанная на таких вот, как она, простодушных дурочек. Поймает очередную раззяву, поиграет и тут же забудет.

Интересно, существует ли в природе та женщина, которая будет способна когда-нибудь его приручить? У нее вот точно не получится. Сообразила уже после первой их встречи. Не хотела сдаваться. Упорствовала, благо еще представлялись случаи. Но...

Что же это он такое отплясывает? Не иначе тоже что-то восточное.

Вот уж точно двинулся человек на своем Востоке. Куда ни глянь — везде азиатчина. То бамбуковые циновки, то самурайские мечи, то курильницы. И бронзовые статуэтки. Шива (его тут больше всего), Ганеша. На кой черт они сдались христианину?! Вон ведь, и иконы православные в святом углу, как положено. Святой Николай, Богоматерь, еще парочкаау каких-то угодников.

Ишь, руками как машет, приседает, вертя тазом и двигая головой, будто забодать кого хочет.

В натуре молодой бычок.

Вспомнив их ночные забавы, девушка слегка улыбнулась. Что ни говори, а умеет Степан Валентинович найти ту самую заветную тропу к загадочной женской чувственности. Никто из тех, с кем он когда-либо *встречался*, на него пока еще не жаловался. А ведь девкам дай только посплетничать. Особенно по адресу ветреного кавалера, отправившего их в окончательную и бесповоротную отставку...

Степан тем временем уже вошел в ритм Свободного Потока и приступил к завершающему комплекс упражнению.

Стал в позу Натараджи. Только в отличие от бронзового танцора, опиравшегося на левую ногу, Степан выбрал в качестве опорной правую.

Вся фишка в том, что руки и свободная нога должны двигаться одновременно. При этом руки плывут симметрично по траекториям горизонтальных или вертикальных спиралей, а нижняя конечность описывает продольную спираль вокруг опорной ноги — назад, под колено, потом вперед. И так далее. Нехитрый, но весьма действенный алгоритм.

Наконец ступни обеих ног Чадова соприкоснулись пятками, а ладони застыли перед лицом, сложенными лодочкой.

— Ом намах Шивайя! — закончил парень разминку молитвой к Плясуну. — Ом шрим хрим клим айм ваджвайрочанийя хум хум пхат сваха!

— Что за тарабарщина? — слышалось из-за его спины.

Ох ты, совсем забыл о ночной подруге.

— Не бери в голову, — отмахнулся. — Голосовые упражнения. Полезно для легких.

Заметив, КАКИМ взглядом пожирает его Светлана, сообразил, что находится, мягко говоря, в неглиже, и поспешил обмотать талию лежавшим на кровати полотенцем. По грустному выражению лица девушки догадался, что та не прочь продолжить гимнастику, но уже в паре.

Не без усмешки вспомнил слова сэнсея, поучавшего харьковских мальчишек: «Не усложняйте, если можете, свою жизнь излишней привязанностью к прекрасному полу. Но если не можете — Бог вам в помощь!»

В данной ситуации Олег Дмитриевич Голдин не удержался бы, чтобы не процитировать своего любимого Омара Хайяма.

Что бы он выбрал?

Наверное, что-то вроде: «Счастлив тот, кто с красавицей нежной в объятьях по ночам от премудростей книжных далек».

Или такое:

Лунолика! Чашу вина и греха
Пей сегодня — на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха...

— К чему это ты? — насупила бровки миниатюрная блондиночка. Оказывается, он рубай вслух соизволил прочесть.

— Стихи, — пожал плечами.

— Слышу, что не проза, — обиделась Светлана. — Совсем меня за дуру, что ли, держишь? Если вкалываю в «светской хронике», то думаешь, не читала Хайяма?

Вкалывает она. Бедняжка, совсем обессилела.

Но ему сейчас не до глупых разборок.

Чтобы переменить тему, схватил одну из чашек. Кофе уже почти совсем остыл. Да и сварен был отвратительно. Переборщила красна девица с сахаром. Зря только привезенный из Эмиратов мокко испортила.

Вслух, понятное дело, неудовольствия не высказал. Наоборот, похвалил за хозяйственность.

— Вот и возьми меня к себе в помощники вместо Любки, — последовал весьма неожиданный вывод из комплимента.

Степан чуть не подавился приторной коричневой бурдой.

Помощником? Вместо преданной и расторопной Любы Елисеевой, закончившей иняз Киево-Могилянки, знавшей, казалось, все на свете и бывшей журналисткой от бога?

— Подумаем на досуге, — ответил дипломатично. — Кстати, тебя подбросить в офис?

— Так сегодня ж выходной! — уставилась на него, как на очумелого, претендентка на место помощницы.

— Тогда до центра.

— Я тебе не солдат, чтоб за минуту собраться, — в очередной раз оскорбилась Светлана.

— Вообще-то за сорок пять секунд положено, — поправил. — Ну, как знаешь. Я побежал, пока шеф на пепел не изошел. А ты, как справишься, захлопни за собой дверь. У меня замок автоматический.

— Знаю уж, — огрызнулась красавица.

Он любил этот город. Хотя и жил здесь всего пять с хвостиком лет, с тех пор, как Кордон приметил его и пригласил на работу в свою газету, но уже всеми корнями сросся с Киевом. И готов был накостылять любому, кто дерзнул бы в его присутствии неуважительно отозваться о столице.

Вот и сейчас, рассекая по еще по-субботнему полупустым утренним улицам на своем «мондео», Степан в который раз отметил, что лето городу к лицу. Как ни одна другая пора года.

Конечно, оно и в остальные времена неплохо. Особенно зимой и весной, когда цветут знаменитые каштаны на не менее знаменитом Крещатике. Однако сезон летних киевских ночей — это песня особая.

«Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут», — как сказал о ней Пушкин.

Вот в родном Харькове. Тоже вроде Украина, и ночи должны быть такими же. Так ведь нет. Наверное, это воздух с Днепра придает здешним летним ночам такое очарование.

«Чуден Днепр при тихой погоде», — писал другой классик русской литературы.

Ехать с Русановки, где он квартировал, до улицы Веденской, где находился офис газеты «Авеню», было далековато. Слава богу, что пробок нет. А то добирался бы пару часов, не меньше.

Когда на горизонте замаячило здание, арендуемое их конторой, Чадов притормозил. Без проблем припарковавшись, что было бы мудрено сделать в будний день, вошел в подъезд.

Цербер на проходной потребовал предъявить удостоверение. Степан взглядом профессионала, привыкшего видеть потенциального противника в любом, кто становится на его пути, оценил подготовку парня. Ничего. Нормальная подготовка. Неплохо подбирает штат их охранный ведомство.

Раскрыл корочку. Охранник внимательно изучил записи, сличил фотографию с оригиналом, сделал пометки в журнале и милостиво кивнул, разрешая следовать дальше.

Поднявшись на второй этаж, начальник Восточного отдела прошествовал к кабинету шефа.

В приемной было пусто.

Значит, не аврал. И Ильич не свистнул всех наверх. Уже легче.

Толкнул дверь и заглянул вовнутрь.

— Проходи! — рявкнули из глубины кабинета. — Чего жмешься, как первокурсник возле деканата?

Степан зашел.

Глава еженедельника «Авеню» Дмитрий Ильич Кордон с хмурым видом восседал за массивным столом, крытым зеленым сукном. Стол был старый и остался здесь, вероятно,

еще со сталинских времен, когда в доме размещалась какая-то писательско-журналистская организация.

Без церемоний плюхнувшись в гостевое кресло, Чадов выжидающе уставился на Ильича.

Шеф был старше его лет на пятнадцать, но благодаря усиленным занятиям спортом сумел сохранить почти юношескую фигуру. Только «гусиные лапки» у раскосых, будто у азиата, глаз да огромная, во всю голову, лысина выдавали его реальный возраст.

— Завтракал? — буркнул Ильич вместо приветствия.

— Ты что, меня перекусить пригласил? — удивился Степан.

По старой журналистской привычке они общались на «ты».

— Разговор будет долгим, — мрачно пообещал шеф.

Достав из пиджачного кармана пухлый бумажник, выудил оттуда сине-зеленую купюру и протянул Чадову.

— Сгоняй вниз! Купи пузырь коньячку и пожевать чего-нибудь.

Пить с утра пораньше? Полный моветон. Но дело, конечно, хозяйское.

— Я за рулем, — предупредил на всякий случай.

— Так и я тоже не пешком сюда притопал, — огрызнулось начальство. — Мы к кофею. По чуть-чуть.

— Да у меня есть, — оттолкнул было тысячную Степан, однако Кордон настойчиво затолкнул бумажку ему в руку.

— Я тебе выходной испортил, мне и проставляться.

Тоже верно.

Гастроном располагался в соседнем здании. Не супермаркет, но достаточно крупный, и ассортимент вполне достойный. Да и цены не кусались.

Степана здесь знали, как и большую часть сотрудников «Авеню», отоваривавшихся у соседей в дни выплат.

— Иресь, — обратился парень к хорошенькой чернявой продавщице, встретившей его появление в магазине ослепительной улыбкой. — Мне бы полкило «Хеннесси», чуток маслица, баночку икорки красненькой, батон, ну и нарезки всякой. Сделаешь?

— Какие вопросы, Степ? — в тон ему ответила девушка.

Быстро справившись с заказом, протянула Чадову пластиковый пакет со снедью и выпивкой.

— С тебя девятьсот восемьдесят гривен, — сообщила.

Молодой человек бросил на прилавок купюру с портретом писателя Владимира Винниченко.

— Сдачи не надо!

И, развернувшись, зашагал к выходу.

За его спиной послышался испуганный писк.

— Ром!

— Я же сказал, оставь сдачу себе, — не сбавляя шаг, бросил через плечо журналист.

— Но, Степа, подожди! — каким-то нехорошим голосом сказала Ирина.

— Да в чем дело? — повернулся лицом к прилавку парень.

— Тут это, — замялась продавщица. — Она того... Фальшивая.

— Что?! — У Чадова полезли на лоб брови. — Ты уверена?

— Ага, — кивнула брюнетка. — Я детектором проверила.

Краем глаза Степан заметил, что к нему из дальнего угла рванулся здешний шкаф-охранник.

— Все нормально! — поспешил успокоить мордоворота. — Все нормально!

И полез за собственным лопатником.

Бугай, видно, не понимал человеческой речи. Настроившись на сигнал опасности, поданный продавцом, он отключил все остальные органы восприятия.

— Постой, Олег! — попыталась уговорить его и Ирина.

Однако охранник уже взрыл копытом. Наверное, ему тоже было неохота работать в выходной. Да и скучно. А тут представлялась недурная возможность поразмяться. Упускать такой случай бугаю явно не хотелось.

Все это Степан прочитал в его взгляде.

И вздохнул.

Весело начинается уик-энд, нечего сказать.

— Подержи, — сунул пакет в руки мордовороту.

Тот от неожиданности застыл на месте и механически принял пас.

Через пару мгновений до него таки дошло, что он делает что-то не так, но уже было поздно.

Чадов сделал быстрый шаг вперед, проскользнув за спину охранника. Молниеносно нанес ребром ладони удар по сонной артерии.

Это хитрый и очень действенный прием в шиванате. Расположенный на развилке артерии синус дает импульс в мозг, и тот моментально понижает давление. Человек отключается, как холодильник, который выдернули из розетки. Сэнсей пояснял, что люди потом плохо помнят, что с ними произошло. К примеру, один вьетнамец с Барабашовского рынка, которого Голдин так ударил за излишнюю непочтительность, говорил, что «на него упало небо».

Шкаф продержался чуть больше, чем полагалось. Верно, жировые отложения оказались слишком уж мощными.

Одной рукой подхватив оброненные боевитым Олежкой продукты, второй Чадов придержал самого мордоворта. Он не хотел членовредительства. Не было особого резона причинять вред человеку, который просто исполнял свой долг.

Поэтому журналист бережно опустил парня на пол, а затем, быстро оглянувшись на оторопевшую продавщицу, ткнул охранника пальцем за левое ухо. Небольшой провал в памяти шкафу гарантирован.

Подошел к прилавку и взял у Иры фальшивку, обменяв ее на две собственные пятисотки. С удовлетворением отметил, что девчонки из соседних отделов никак не отреагировали на инцидент. Ну, споткнулся Олег, и споткнулся. Да и покупателей не было в такую рань.

Хорошо. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

— Ты уж извини, — улыбнулся девушке. — Ошибочка вышла.

Та часто закивала, переводя испуганный взгляд со стоящего на четвереньках охранника на Степана и обратно.

— Все в порядке? — поинтересовался на всякий случай.

— Да!

— Вот и славно. Спасибо за прекрасный сервис.

— Дерьмо! — выругался Олег, поднимаясь с пола и отряхиваясь. — Захламили торговый зал ящиками, пройти нельзя, чтоб не споткнуться!

Ну, теперь точно все о'кей.

— Я не понял, шеф! — Чадов небрежно шмякнул на стол перед носом Ильича пакет с продуктами и тысячную. — Что это за шманцы?!

Кордон расплылся в довольной ухмылке.

— Ты там никого не покалечил? — ответил вопросом на вопрос.

— Нет, — огрызнулся Степан, падая в кресло. — Так что это за финт ушами? Откуда дровишки?

Брезгливо указал на сине-зеленую обманку. Пока шел обратно, успел рассмотреть фальшивую купюру. Сработана была на совесть. Больше половины признаков подлинности на банкноте имелось. И только с помощью хитрой техники можно было определить, что это подделка.

— Из лесу, вестимо. А точнее, как говорят *сведущие люди*, из твоей разлюбезной Зоны. Наводнили фальшивыми тысячными всю столицу и полгосударства, понимаешь. Потому

собирайся-ка, брат, в командировку. Послезавтра получишь суточные, представительские — и вперед. Там люди из Большого Дома, что на Владимирке, уже понемногу шуруют. Постарайся, особенно с ними не пересекаясь, накопать что-нибудь интересенькое. Без фанатизма. С кем надо я уже переговорил. Особых возражений у них... — редактор многозначительно поднял глаза к потолку, — нет. Они о тебе хорошего мнения по предыдущим контактам. Лишь бы не вертелся под ногами. Разрешение на въезд в Зону я тебе достал.

— Так сразу? — для порядка побрыкался Степан, хотя сердце учащенно забилося. — А ознакомиться с материалами, то да се?

— Вот поэтому и предупредил, что разговор будет долгим, — с видом просветленного гуру развел руками Кордон, поудобнее устраиваясь в кресле и придвинув к себе принесенный Чадовым пакет. — А для «того-сего» вызывай Елисееву. Сверхурочные я оплачу.

По-хозяйски накромсав батончик и изготавив пару бутербродов, сунул один в руки подчиненному.

— Итак, официально ты будешь собирать материал для статьи, посвященной вот таким вот «картинкам»...

— Официально? — заподозрил неладное журналист.

Если по правде, он не мог взять в толк, зачем ему браться за дело, пахнущее чистой уголовщиной и которым сам бог велел заниматься эсбэушникам с улицы Владимирской. Оказывается, есть и другая причина для командировки. Уже легче.

— Да так, — подтвердил Кордон, — фигня всякая. Участились в тех местах некие аномальные проявления...

Чадов понимающе кивнул. Зона есть Зона.

— Что на этот раз?

Ильич тяжело вздохнул.

— Мистика, да и только. Объявился в тех местах, понимаешь, призрак. Да постой ты, — махнул рукой на ухмыльнувшегося подчиненного. — Знаю, что там всякой хрени и так по самое не хочу. Тут другое. Людям стал являться бледный всадник на бледном коне. Он сделал паузу и проникновенно заглянул Степану в глаза.

— Понимаешь, о чем я?

Чадов, с минуту подумав, склонил голову.

— «И я взглянул, — процитировал «Откровение» Иоанна Богослова, — и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными...»

— Точно, всадник апокалипсиса.

— И что?

— А то, что все, кому встречался странный всадник, через пару дней оказывались мертвыми. Население Зоны в панике. Мутанты и прочая нежить зашевелились в предчувствии чего-то зловещего. Контрактники и ооновцы пачками пишут рапорта с просьбой о переводе или даже увольнении. Сталкеры категорически отказываются ходить за хабаром.

— Ничего себе, зацепило народ, — присвистнул Степан.

А про себя подумал, чего это ему на его сталкерский ПДА не падало сообщений о новом феномене? Надо будет срочно перевести денжат старине Че, а то без информации как без рук.

— Поэтому бери, господин начальник отдела сенсаций и происшествий, ноги в руки и дуй по местам боевой юности. Думаю, сенсациянам обеспечена.

— Да уж... — только и нашелся ответить Чадов, залпом выпивая благородную янтарную влагу. — Полный пипец...

— А я о чем? — согласился Кордон. — Ладно, на месте разберешься. Но и об этом тоже не забывай. — Он ткнул пальцем в фальшивую купюру. — Будьмо! — И шеф хлопнул свою рюмку.

Глава третья. Крестовый поход

Поселок сталкеров

— Ну, будьмо! — Стылый прищурился на Степана сквозь граненый стакан, до краев наполненный подарочным «Хеннесси».

Благородная влага пролилась в истомленное жаждой сталкерское горло. Мужчина на пару секунд замер, чутко прислушиваясь к внутренним ощущениям. Потом блаженно прищурился и чмокнул губами.

— Хорошо пошла! Нектар!

— А то, — не стал спорить Чадов, лениво забрасывая в рот пару жареных орешков.

— Спасибо, Плясун, уважил старика, — прижал руку к сердцу сталкер. — Хотя здесь, в Зоне, оно, конечно, баловство. Белая как-то привычнее и надежнее. И цена не так кусается...

— Так дареному же коню в зубы не смотрят.

— Это да, — согласился собутыльник, косясь на стоящую у его ног коробку с французским коньяком, привезенную ему Степаном в подарок с Большой Земли.

Наверное, прикидывал, на сколько бутылок «Казачков» можно будет обменять все это богатство у Бармена. Один к трем пойдет, чай, а то и к четырем.

Журналист снова стал разливать коньяк по стаканам.

— Не гони так, — остановил его Стылый, когда божественная влага наполнила сосуд на два пальца. — Вечер еще только начался.

— Ага, — согласился Плясун, оглядываясь по сторонам.

Народу в Баре было непривычно много. Обычно здесь набиралось десятка полтора посетителей из тех сталкеров, которые только что вернулись с промысла или только собирались в Зону. А сейчас Степан насчитал около тридцати человек, и почти все столики были заняты. И это несмотря на то, что время было раннее.

Со времени его последнего приезда в баре произошли кое-какие изменения. Если раньше посреди зала находился большой данспол с шестом для исполнительниц пикантных танцев, то теперь шест убрали, превратив танцплощадку в обычную сцену. Зато по обе стороны ее соорудили нечто новомодное, явно позаимствовав дизайн в американских фильмах. На небольших возвышениях стояли просторные клетки все с теми же неизменными шестами, у которых вертелись обнаженные девицы, освещаемые прожекторами и «зайчиками» от вертящихся зеркальных шаров.

Как на вкус Чадова, танцовщицы были несколько худоваты и явно непрофессионалки. Наверняка Бармен припахал кого-то из официанток, а то и посудомоек за неимением лучшего материала.

— Что, так все хреново? — обвел глазами зал журналист, намекая на людность.

— И не говори, — вздохнул собеседник. — Совсем скис народ из-за этого проклятого призрака. Вторую неделю подряд напиваемся в стельку, ожидая неведомо чего.

— И что, так никто и не знает, откуда взялся оный феномен и что он собой представляет?

Стылый уныло покачал головой.

— Неужели так страшно? — не поверил Плясун. — Ни в жисть не поверю, что здоровых, закаленных Зоной мужиков можно напугать неким привидением. Вы ж на мутантов чуть ли не с голыми руками хаживали.

— Так то мутанты, — хмыкнул сталкер. — С ними все ясно. Твари и есть твари. А тут нечто разуму недоступное. Из запредельных сфер...

— Да уж... А я-то думал, прошвырнемся, как в былые времена, тряхнем стариной.

— Извини, брат, — развел руками приятель. — Я — пас, да и других охотников вряд ли найдешь. Напуганы все до усрачки. Шутка ли, за десять дней два десятка сталкеров погибло. И какие люди! Далмацкий, Тяжелаяк, Шершень... Нет, не пойду. Даже за миллион. У тебя вот есть миллион?

Оценивая прищурился, словно ожидая, что журналист, словно зайца из шляпы, сейчас вынет откуда-то и предъявит немыслимую кучу бабла.

— Откуда? Что я тебе, граф Монте-Кристо?

— Ну, вот, — разочарованно вздохнул Стылый. — Тогда наливай...

Тем временем клетки с «птичками» опустели, лучи прожекторов скрестились на сцене, осветив стройную женскую фигуру в темном платье. Заиграла печальная тихая музыка. Узкая рука с тонким колечком, в котором зловещей каплей крови сверкнул рубин, убрала с бледного лба темную прядь, и низкий, с хрипотцой голос стал выводить слова известного романса «Возвращение».

Твои усталые глаза...
Как много в них читаю.
О чем не смеешь ты сказать —
Без лишних слов я знаю.

И сколько мук ты пережил —
Предательства и боли,
Скольких друзей похоронил,
По Зоны злобной воле.

Каких кошмаров повидал,
Что никому не снились,
И как о счастье ты мечтал,
Но зря — мечты не сбылись.

Все это знаю я, родной,
Молчи, не нужно слов.
Живым вернулся ты домой,
Осилив Зоны зов.

Три года я тебя ждала —
Огромный, долгий срок.
Во снах домой тебя звала.
И ты пришел, сынок...[Автор стихов Мария (Mafa) Гребенкина.]

Заслушавшись, Степан не заметил, как в зале появилась новая фигура.

Невысокий, тощий тип лет сорока с узким лицом, окаймленным длинными редкими и засаленными волосами. Тонкие бледные губы, искривленные в язвительной усмешке, пронизательные серые глаза под жидкими белесыми бровями, хищный нос... Было в этом лице нечто ящерообразное. Казалось, вот сейчас высунется раздвоенный язык и поймает назойливо летающую вокруг головы муху.

Журналист, вероятно, не обратил бы на него внимания, если бы не то обстоятельство, что тип был облачен в длинный темный балахон, изобличавший в нем священника. Однако наперсного креста не было видно. Вместо него на груди мужика болтался традиционный сталкерский жетон.

— Это что за птица? — шепотом поинтересовался Степан у Стылого.

— Где? — оторвался от сцены сталкер и, поглядев туда, куда указывал приятель, вдруг расцвел радушной улыбкой. — О, отец Иоанн!

И заорал что есть мочи:

— Батюшка, идите к нашему столику! Здесь угощают!

Заслышав крики Стылого, на мужика обратили внимание и другие посетители и тоже наперебой стали приглашать в свои компании. Священник благодарно прижал левую руку к груди и стал со всеми раскланиваться, осеняя десницей то одну, то другую группку сталкеров благословляющим крестным знамением.

Пока батюшка здоровался, журналист продолжил сбор информации, выяснив, что отец Иоанн Опрокидин еще совсем недавно был точно таким же старателем Зоны, как и большинство здесь присутствующих.

Приехал он сюда года три назад из Москвы, где окончил ВГИК. Хотел снять документальный фильм о Зоне и ее обитателях. Да так и остался, сам подавшись в сталкеры. И надо сказать, везло ему неимоверно. Как будто рожден он был для походов за хабаром. А где-то с год назад в душе бывшего киношника произошел какой-то сдвиг. Ни с того ни с сего уехал на Большую Землю, вернувшись уже рукоположенным в священнический сан, и стал духовно окормливать бывших собратьев по ремеслу. Его приятель-араб, однокурсник по ВГИКу, прислал ему в подарок сборную часовенку финской работы и такой же бревенчатый финский домик, которые батюшка с Божьей и сталкерской помощью и поставил в нескольких километрах по ту сторону Периметра. Военные дали ему на то разрешение, беспокоясь только о безопасности святого отца. Напрасно. Монстры и мутанты отчего-то обходили третьей дорогой обитель отца Иоанна. Говаривали, у него частый гость Болотный Доктор и даже сам Черный Сталкер иногда в гости навещается. Наверняка враки все это и особенно про Черного Сталкера, хотя, с другой стороны, все могло быть.

— Любопытная личность... — пробормотал себе под нос Чадов и тут же захотел познакомиться с господином Опрокидиным поближе.

Тот как раз пробрался к их столику, благословил честную компанию и славную трапезу, затем по-хозяйски устроился за стол. Не чинясь, сам себе налил коньячку, придвинул тарелку с салом, купленным Степаном на столичном Бессарабском рынке, и миску с соленьями. Хлопнул стакашку и тут же закусил. Сперва хрустящим огурчиком, потом ароматным розовым салычем.

— Хорошее сало, — похвалил. — Да и коньяк недурен.

И устался на журналиста, бесцеремонно буравя его своими водянистыми глазами с пляшущими в глубине озорными искорками-бесенятами.

— А, э... — спохватился Стылый. — Это, отче, мой дружбан из Киева. Степан Чадов. Он журналист. В газете работает. Этой, как бишь ее? «Бульвар»? Нет, вру, «Авеню», вот... точно «Авеню»!

Батюшка кивнул.

— Слыхал я о Плясуне, как же. Да и газетенку оную иногда читать приходится.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — скороговоркой молвил сталкер. — Вы как насчет второй, батюшка?

— А ты не считай, чадо, а то обижусь. Лучше так: по единой.

— Ну, так по единой?

— Наливай.

Приняли, закусили.

— А не грешно ль, святой отец, в пост-то? — ехидно прищурился Степан. — Не помню, какой ныне: Петров или Успенский?

— Успенский, — не смущаясь, подтвердил слуга Господень, продолжая за обе щеки уплетать сало. — А что делать? Не стану есть — вы обидитесь. Разглагольствовать о высоких религиозных ценностях — прекрасно, но это нарушение закона братской любви. Ведь есть вещи, которые выше поста. Это отношение к ближнему. И вообще не то грех, что в рот, а то, что изо рта.

— А Бог как на это смотрит?

— А что Бог? Я его не боюсь, просто мне перед ним стыдно бывает.

«Тоже вариант, — подумал Чадов. — А батюшка, видно, большой оригинал. И философ к тому же».

— Вот ты, например, — ткнул пальцем в грудь журналиста отец Иоанн, — в Господа сам не веришь, а иных о нем вопрошаешь. Так ведь? Нет веры в сердце твоём?

— Истинной — нет, — согласился молодой человек.

— То-то. А ведь Всевышний постоянно говорит с нами, но мы не слышим его, поскольку наша голова наполнена бесконечным потоком обрывчатых и порою весьма бестолковых мыслеформ.

— А вы сами, если не секрет, как пришли к вере?

Опрокидин на пару минут задумался. Воспользовавшись паузой, Стылый быстренько наполнил стаканы.

— Видишь ли, — грея в руке коньяк, веско изрек священник, — в один прекрасный момент я реально осознал — чтобы сделать что-то серьезное в своей жизни, нужна основа. Фундамент, причем идеологически-философский. Когда-то Альберт Швейцер сказал: «Физика в пике своем дает математику, математика в пике своем дает философию, философия в пике своем дает религию». И вот я начал поиски... Пришел в церковь, стал церковным служкой. Читал много. Именно тогда понял — современные люди не совсем понимают, что есть ортодоксия. Думают — нечто бородатое, хмурое, запуганное... Это не так.

— Да уж вижу, — подтвердил Чадов, кивая на висящий на груди батюшки стальной солдатский жетон, на котором церковнославянской вязью было выгравировано: «Священник Иоанн Опрокидин». — А крест-то где?

— Под облачением, — ухмыльнулся святой отец. — Чего зря выпячивать? Все и так знают, кто я да что... Верно глаголю, сыне?

Стылый закивал, по-собачьи преданно глядя на духовное лицо. Степан даже позавидовал такому обожанию. На него вот так никто не смотрит.

Заметил на руках отца Иоанна татуировки. На одной половина рисунка была выжжена — сплошной шрам.

— У меня тут голая женщина была наколота, — уловил его недоумение Опрокидин. — А когда я в церковь пришел, решил ее вывести. Святые отцы по этому поводу шутили: «Уж лучше бы ты, Иван, женщину оставил. А так членовредительство получается». У меня и на теле еще имеются. Дракон огнедышащий...

— Зверь апокалипсиса, — пошутил журналист и перешел к волнующему его вопросу. — А что вы думаете о призраке? Неужто и впрямь сама Смерть объявилась?

И вновь задумался отец Иоанн.

— Про то один Господь ведает, — молвил сухо. — Разуму людскому сие недоступно.

— А не хотите узнать?

— Нет, — сказал как отрезал батюшка. — И вам, чада мои, не советую!

— Кстати, отче, — хихикнул Стылый. — Тут недавно прошел слухок, что и вы встретились с этим Сивым Мерином, да и сгинули.

— Не дождетесь! — сунул кукиш под нос сталкеру Опрокидин.

«Да что же это тут, мать-перемать, творится?!» — мысленно воскликнул столичный гость.

— Привет, Плясун...

На плечи Степана легли узкие женские ладони, а щеки коснулись горячие губы.

— Здоров, Танюш! — осклабился Стылый. — Присаживайся к нам...

И осекся, испуганно глянув на священника. Не против ли тот такой компании? Но батюшка не выказал недовольства. Напротив, как истинный джентльмен, он встал и пододвинул даме стул.

— Спасибо, отче.

— Не за что, голубка, — ласково ответил отец Иоанн. — Отдохни чуток, умаялась, чай. Чадо, предложи даме выпить.

— Конечно, конечно, — засуетился сталкер.

Хотел было налить певичке тоже в стакан, но гранчак показался ему не подходящим для женщины сосудом. Поэтому он смотался к бару и вернулся с тонким и пузатым коньячным бокалом, куда и налил ароматную жидкость. Смущаясь, положил на стол плитку шоколада.

— Вот...

Но артистка не обращала внимания ни на его неловкие ухаживания, ни на пристально разглядывающего ее святого отца. Для нее сейчас существовал лишь один человек на Земле, которого она жадно рассматривала. И этим человеком был Степан Чадов.

Сколько же это они не виделись? Месяцев восемь или даже больше. С его последнего приезда в Зону. И вот ведь гордячка. Ни разу не позвонила. Впрочем, и он сам не удосужился набрать знакомый номер.

— Я соскучилась, — сказала Татьяна своим неподражаемым низким, с хрипотцой голосом, от которого у Степана всегда, еще со школьных лет, по телу бегали мурашки...

Помните ли вы свою первую любовь?

Сначала то непонятное и необъяснимое раздражение, которое вдруг стало возникать при виде соседской девчонки, несколько лет ходившей с вами в один класс и не замечавшейся из-за «серьезных мужских проблем», поминутно возникавших и нуждающихся в срочном решении. Чего она постоянно вертится перед глазами, кривляка? И невдомек, что это не *она* крутится, а *вы* то и дело ищите ее взглядом, пытаетесь обратить на себя внимание, вызвать улыбку.

Потом вы обнаруживаете, что, оказывается, девчонка эта самая красивая в вашем классе. Да что там в классе, во всей школе нет ей равных.

Тощие косички, за которые вы еще совсем недавно дергали на переменках, а затем убегали, сопровождаемые возмущенными воплями и летящим в спину учебником, вдруг превратились в тугие канаты. Которые в распушенном виде превращаются в густую иссиня-черную копну, благоухающую какими-то немислимыми и таинственными ароматами. Маленькие глазки, поблескивавшие из-за очков и все время источавшие соленую влагу, стали двумя озерами, куда хочется нырнуть и долго-долго не выбираться на поверхность. Нос, после того, как с него волшебным образом исчезла неуклюжая пластмассовая оправа, перестал быть похожим на совиный клюв. На щеках появились две милые ямочки (или они и были, но как-то не замечались?). А уж о том, что находилось чуть пониже шейной впадинки, и говорить нечего. Едва взгляд наткнулся на бугрившийся двумя вершинами школьный передник, как миглом начинало першить в горле, а сердце выбивало такой бешеный ритм, что куда там за ним угнаться самому искусному ударнику из самой знаменитой рок-группы.

И муки ревности при виде того, как ОНА разговаривает с другими парнями. Почему это им адресована *такая* улыбка? Что она означает? Что сегодняшний *их* поход в кино на «взрослый» вечерний сеанс отменяется? И не будет теплой маленькой ладони в твоей руке, сладких и мягких, словно халва, губ, тихого ласкового шепота, прогулки-провождения до дома в свете полной луны.

А мальчишеские потасовки? Те самые «рыцарские турниры», где главным и самым желанным призом становились смоченный под краном девичий платок, заботливо вытирающий кровь из твоего разбитого носа, да укоризненные слова, утверждающие, что ты самый глупый и притом еще и слепой парень на свете, раз мог подумать, что ей кто-то, кроме тебя, нужен.

И наконец зареванное лицо, уткнувшееся в твою раздираемую мукой расставания грудь. Тоненькая фигурка, бегущая по перрону вслед уходящему в столицу поезду и выкрикивающая обещания ждать твоего возвращения хоть всю жизнь...

Три года назад, впервые приехав в Зону, он к своему великому удивлению встретил здесь Татьяну Онегину, подвизавшуюся на местной культурно-просветительской ниве. Девушка подалась сюда за возлюбленным, возмечтавшим зашибить большую деньги. Но незадачливый новичок погиб во время первой же ходки за Периметр. А его подруга, за неимением средств не смогла убраться восвояси, устроилась в Бар сначала посудомойкой,

потом перешла в официантки, а затем, когда совершенно случайно у нее обнаружился незаурядный певческий талант, стала по вечерам выступать на сцене, развлекая подвыпивших сталкеров. Да так и осталась.

Их со Степаном роман вспыхнул с новой силой. В первый раз уезжая домой, он даже предложил ей ехать вместе с ним. Однако Татьяна наотрез отказалась, не желая «быть обузой». «Не уживемся мы вместе, Степ, на Большой Земле, — рассудила она здраво. — Слишком мы разные. И летаем на разных высотах...»

Так и повелось, что в каждый его новый приезд сюда эти странные отношения возобновлялись, чем-то напоминая нормальную семейную жизнь...

— Я тоже скучал, — признался столичный гость.

Лицо девушки просветлело.

— Зайдешь вечером, попозже, когда я Ньюшку спать уложу? — спросила с надеждой.

— Непременно, — подтвердил парень и завертел головой. — А что, Ньюшка здесь?

— Где ж ей быть? — горько скривила карминовые губы Татьяна. — Няньки-то у меня нет. За кулисами вертится. За ней девчонки присматривают, пока я выступаю...

— А вот и нет! — возопило что-то маленькое и кругленькое, выскакивая из-под стола. — И совсем не за кулисами, мамочка!

Это была крохотная, лет двух — двух с половиной девочка с рыжими косками, в которых болтались два огромных розовых банта.

— Пливет, Плясун, — совсем как мать поздоровалась она с Степаном, взбираясь к нему на колени. — Я тебя давно здала. Все гляделки плогядела. Ты где слялся-то? Все по чужим бабам?

— Ньюшка! — вспыхнула Татьяна.

Отец Иоанн тихонько хохотнул. А потом стал внимательно присматриваться к журналисту и крохе, переводя взгляд с одного лица на другое. Степан смутился. Он и сам подозревал нечто подобное, но подруга клялась и божилась, что ребенок не от него. В конце концов, обета верности она ему не давала и вольна спать и делать детей с кем заблагорассудится.

— Ой, мне пора выступать, — заспешила на сцену певица и строго приказала дочке: — Ты у меня смотри не болтай лишнего, а то по попе получишь.

— А вот и не получу, — обиженно высунула язык крохотуля. — Ты у меня доблая!

— Не подлизывайся!

Выйдя под перекрестный огонь прожекторов, Татьяна запела:

Шум неблизкого боя,
Рев мутантов вдали,
Верно, мы не герои,
Но здесь выжить смогли.

В темноте убивали
И стреляли на звук.
Зубы сжав, добивали,
Не смотря — враг иль друг.

Посылали «отмычек»
Умирать вместо нас.
И хабар с чужих нычек
Забирали подчас.

Здесь не выжить иначе,
Правит силы закон.
Не успеешь дать сдачи,

Ты уже побежден.

Сильно стадное чувство,
Одиночке — не жить.
Коль с хабаром негусто,
Можешь всех положить.

Мир жестокий, суровый.
Слабакам — места нет.
Принесет нам день новый...
Что? Не знаю ответ.

Может, станем умнее...
Прекратим убивать...
— Что для тебя ценнее?
Скажешь: — Зоне решать.[Автор стихов Kelliora]

— Какой чудный голос, — мечтательно произнес отец Иоанн, склонив голову набок. Он словно вино дегустировал, слушая песню.

— Да, — согласился Чадов, тихонько покачивая Нюшку на колене. Девочка методично расправлялась с плиткой шоколада, принесенной Стылым. Покончив со сладким, она захотела пить и помчалась к барной стойке за «кока-колой».

— Славный ребенок, — посмотрел ей вслед священник.

— Только шибко непоседливый, — проворчал Стылый, души в Нюшке не чаявший и считавшийся ее крестным. — И доверчивая очень. Ко всем липнет, думая, что вокруг одни только добрые люди.

— А вы любите детей, отче? — поинтересовался Чадов. — Чего ж своих не заводите?

— Боязно, — нахмурился Опрокидин. — Какие у нас, сталкеров, могут родиться дети? Мы ж искалеченные Зоной. Вдруг какого мутанта на свет Божий явим. Нет, лучше уж чужих пестовать.

Какой-то невнятный шум у стойки привлек внимание их компании.

Нюшка отбивалась от какого-то мутного субъекта в длинном черном балахоне, пытавшегося взять ее на руки.

— Хм, а ты говорил, что она ко всем липнет, — недобро прищурился батюшка. — Выходит, не ко всем.

— Эй, ты, пидор сраный, а ну живо отвали от ребенка! — заревел Стылый хриплым голосом. — Я кому сказал, мать твою, убери мослы, а то оторву их на хер!

— Да я чё? — залепетал мутный. — Я ниче...

И убрался к дальнему столику, где сидели еще четверо парней, одетых в точно такие же нелепые балахоны черного цвета.

— Монахи? — поинтересовался Степан.

— «Грешники», — сквозь зубы процедил сталкер, плохо скрывая ненависть.

— Как, — изумился журналист, — разве их не уничтожили? Я слышал, что с ними покончил Хемуль со своими ребятами.

— Говно не тонет, — сплюнул отец Иоанн. — Едва по Зоне прошел слух о Конне Бледном, они восстали, словно феникс из пепла. Снова стали править свои темные мессы, славя Хозяев Зоны и самого сатану.

— Говорят, опять начали пропадать люди, — вполголоса молвил сталкер. — Не иначе, эти суки в жертву их приносят...

— А милиция куда смотрит, ооновцы?

— Так не пойман же, значит, не вор, — вздохнул слуга Господень. — Ну, не приведи Создатель, попадутся...

Он сжал кулаки, а на костистом его лице заходили желваки.

— Разрешите присесть, господа? — неожиданно прошелестел рядом с их столиком невнятный голос.

Собутыльники почти синхронно повернули головы.

Это был мужчина неопределенного возраста, не красавец, но и не урод, не чрезмерно толстый, однако ж и не худой. Так, господинчик средней руки.

— Тебе чего? — нелюбезно осведомился Стылый, на всякий случай подвигая к себе недопитую бутылку с коньяком.

Ходят тут всякие, любители халявного угощения.

— Имею разговор.

— Давай, только покороче, — махнул рукой отец Иоанн, нацеливаясь вилкой в маринованную лисичку.

— Я буду краток, — заверил «блеклый».

— Итак? — нахмурил брови сталкер.

— Хочу предложить вам выгодное и непыльное дело, — неопределенно начал мужик. — Всего-то и делов, что прошвырнуться на пару километров в глубь Зоны, в локацию Темное болото, забрать оттуда некую вещицу и доставить ее мне...

— Мы в Зону не собираемся, парень, — отрезал Стылый. — Ты что, не в курсах, что там стало слишком уж хлопотно?

— Я в курсе, — развел руками тусклый. — Однако сумма, которую я хочу вам предложить, может вас заинтересовать.

— Миллион! — бухнул сталкер без обиняков. — На меньшее не согласен!

— Но... — чуть не задохнулся от возмущения наниматель. — Это же форменный грабеж!

— На меньшее не согласны, — подыграл приятелю Степан. — Иначе сами двигайте за своим хабаром.

— Ага! — с сарказмом поддержал сотрапезников и отец Иоанн.

— Можно обсудить, — залебезил блеклый.

— Торг здесь совершенно неуместен! — грозно ударил кулаком по столу батюшка. — Или выкладываешь миллион, или катись на все четыре стороны!

— Но там работы на пару тысяч, — канючил мужик. — Всего-навсего закончить то, что начал Шершень. Он не дошел каких-нибудь пару километров...

— Ша! — упер ему указательный палец в нос Стылый. — Шершень, говоришь? Не из-за твоей ли хреновины он жизнью поплатился, а?

— Ему призрак явился! — пискнул господинчик. — Этот, как его, Сивый Мерин.

— Сам ты мерин, — огрызнулся сталкер. — Вали отсюда на х.., пока я не рассердился!

— Все, ухожу, ухожу, — поднял руки наниматель. — Но если передумаете, свяжитесь со мной, пожалуйста. Вот моя визитка.

Протянул Степану картонный прямоугольник.

«Павел Иванович Брокин, главный менеджер», — прочел журналист.

Дальше мелкими буквами значилась фирма, где трудился новый знакомый, а в левом уголке красовался логотип, разобрать который с нетрезвых глаз было мудрено.

— Броккен? — переспросил удивленно, вспомнив знаменитую гору в Германии, на которой происходили шабаши ведьм в Вальпургиеву ночь.

— Брокин, — с виноватой улыбкой поправил коммерсант, растворяясь в клубах табачного дыма, коромыслом висевшего в зале.

— Не, ну не козел ли? — возмущался Стылый, разливая по стаканам коньяк.

В ход пошла уже третья бутылка. Но шло хорошо, так отчего бы не усугубить?

— Истину глаголешь, сын мой, — важно согласился батюшка. — Типичный козел.

— Эх, парни, — мечтательно вздохнул Степан. — Нет в вас жилки авантюризма. Еще чуток, и он согласился бы на миллион.

— А оно нам надо? — вздел белесые бровки отец Иоанн. — Я лично в деньгах не нуждаюсь. Мне Господь посылает по нуждам моим. А играть со Смертью... Не та ставка, в общем... Выпьем, братие!

Выпили.

— Ты что мне суешь, гнида! — прозвенел набатом глас Бармена. — Фальшивку, сука, впарить хочешь?!

У стойки торчал давешний «чернобалахонник», вызвавший неприязнь у Нюшки.

— Люди добрые! — апеллировал к публике владелец Бара. — Что же это делается? За натуральные продукты и добрую выпивку со мной хотят расплатиться ненатуральным баблом!

Он потряс в воздухе синей купюрой.

«Ага, — пронеслось в мозгу Чадова. — Кажись, новый знакомый».

— Да я... — залопотал «грешник», доставая из бумажника другую купюру.

— Сколько их у тебя?! — возопил Бармен. — Ты что их, печатаешь?!

— Не кричи! — взмолился несчастный.

— Еще чего! — набычился хозяин. — Я в собственном заведении не волен делать, что хочу?! А этого не хотел?

Сунул под нос «грешнику» кукиш, а потом недолго думая изо всех сил треснул его кулаком по лбу.

«Чернобалахонник» отлетел на несколько метров и приземлился прямо на столе, за которым сидели Степан с компанией. Жалобно зазвенела бутылка, падая на пол и обдавая брызгами благородной влаги обувку собутыльников.

— Ты чё, гондон штопаный?! — рывкнул Стылый раненным зверем. — Да я тебя сейчас в порошок сотру!

Однако «грешник» не растерялся.

Схватив с пола бутылку, он со всей дури обрушил ее на голову поднимающегося из-за стола сталкера. Тот так и сполз со стула, распростершись у ног сотрапезников.

Подобной наглости спускать было нельзя.

Отец Иоанн, закатав длинные рукава своего облачения, стал в боевую стойку.

— Ого! — оценил Степан. — Вы и восточными единоборствами владеете, отче?

— Айкидо коку ренмей, — скромно уточнил батюшка. — А ты, чадо, чем владеешь?

— Шиванат, — ответил Плясун, снимая куртку и сосредоточиваясь.

— У Голдина учился? — уважительно поцокал языком Опрокидин. — Как же, как же, слышал. И даже лично общался на одном из конвентов. Кажись, на «Росконе».

Между тем рядом с задирой появились и прочие его приятели-«грешники». Страхнули с плеч балахоны, чтобы те не мешали.

Степан оценивающе разглядывал противника.

Первый, зачинщик свары, был кукольным красавчиком чуть старше двадцати. По своим физическим данным он явно не тянул на лихого бойца. Хлипковат, стать не та. В рукопашном бою ему надеяться не на что. С одного удара свалят.

Зато остальные четверо уж точно не были слабаками. Один — низенький и рыжий крепыш-мордоворот с пудовыми кулаками. Второй — с черной повязкой на правом глазу и странной прической — выкрашенные в голубой цвет волосы с помощью какого-то мусса были собраны во множество торчащих кверху косичек, от чего парень напоминал ежа. Третий — длинный, под два метра, с волосами, собранными в хвост. Глаза четвертого прикрывали черные изящные очки, гармонирующие с темной тканью костюма («модник», прозвал его про себя Чадов). Все по возрасту были едва ли намного старше заводилов. Двадцать три — двадцать пять.

Привлеченные шумом, вокруг стали собираться посетители Бара. В том числе и здешние вышибалы.

— Помочь, батюшка? — спросил один из них, выразительно постукивая по ладони увесистой бейсбольной битой.

— Сами справимся, чадо, — плотоядно ощерился отец Иоанн и, вытянув палец, обвел по кругу зрителей. — Не вздумайте вмешиваться. Это наш бой!

Повернулся к журналисту:

— Как, Плясун, сдюжим?

— Должны, — пожал плечами парень.

— Чё ты там шепчешь?! — вскинулся предводитель пятерки. Красавчик явно чувствовал свою силу и искал драки. При более чем двойном численном перевесе это было нетрудно.

М-да, подумал Чадов, а ребята ушлые. Совсем не подарок к Восьмому марта, как любил говорить сэнсей Голдин. Вон как красиво заходят с двух сторон, медленно и уверенно. Ну, ничего, мы тоже не сахар. Лишь бы святой отец не подкачал.

— Чё zenки пялишь?! — взвизгнул красавчик.

— Не цепляйся к нему, Паук, — с ленцой обронил «модник». — Не видишь, парень ни при чем. Приезжий, да? Зачем ему в наши дела лезть?

Черные очки блеснули в сторону Чадова.

Однако «херувимчик» заводился сильнее и сильнее.

В подобных ситуациях разговаривать нельзя. Голдин всегда учил: «Сначала ударь, а потом говори» или «Лучше один удар, чем двадцать слов». В принципе такой подход зачастую создавал проблемы с уголовным кодексом, но здоровье сохранял, а это главное.

Батюшка и Чадов сорвались вперед практически одновременно. Каждый к своей цели.

На долю Степана пришлось модник в очках и верзила. На пути отца Иоанна стояли голубоволосый и крепыш.

Журналист преодолел отделявшее его от противников расстояние за долю секунды. «Модник» оказался тертым калачом и совсем не растерялся, а сам рванул навстречу, выбросив далеко вперед правую руку с тускло блеснувшим лезвием ножа. Удар его был очень резким, но что такое этот его удар после стольких лет тяжелейших тренировок? На тренировках били гораздо быстрее.

Степан даже не успел сообразить, что произошло, рефлексы сработали мгновенно. Резкий рывок вправо и удар ребром левой ладони по сонной артерии противника произошли практически одновременно. Беспомощно звякнул по полу покотившийся нож. «Модник» все еще падал вперед бревном, медленно, как в кино, а журналист, не снижая скорости, разрядил левую ногу прямо в пах верзиле. Бить в пах надо как по футбольному мячу, говорил сэнсей.

— Сука... — прохрипел верзила, хватаясь обеими руками за свое поврежденное мужское достоинство и заваливаясь на бок.

Почему-то они всегда заваливаются именно влево, успел подумать Чадов.

Он спрашивал Учителя, в чем причина, но это был один из очень немногих вопросов, на которые Голдин не смог дать ответа. Сказал, что не знает.

Степан резко развернулся влево.

Отец Иоанн уже закончил с крепышом. Тот, изогнувшись дугой и обхватив руками левое колено, рычал от боли, дико выпучив глаза.

Бедняга, подумал журналист. Что толку в твоих раскаченных мышцах, когда колено-то не накачаешь. «Китайская чашечка», так называл колено сэнсей. Китайская, потому что хрупкое, как фарфор. Не отжигать тебе на дансполе больше, дорогой крепыш.

В шиванате, как и в айкидо коку ренмей, атаки по коленям были излюбленным приемом.

Оставались двое. Красавчик и голубоволосый с повязкой.

Опрокидин шел на голубоволосого. Тот, выставив перед собой руку с длинным, как римский гладиус, ножом, прыгал вокруг и не давал к себе подойти. Он явно нервничал, после того как увидел, что произошло с его товарищами. В принципе на его месте занервничал бы любой.

Вдруг отец Иоанн сделал явно неловкий и какой-то кривой выпад. Неловкий для внешнего наблюдателя, но не бойца айкидо. Голубоволосый тут же воспользовался моментом и, резко вскрикнув, метнулся вперед прямо в искусно расставленную хитрую

ловушку. Батюшка налетел на него, как тигр. Три удара последовали один за другим, каскадом, слившись в один звук: правой ребром изнутри по бьющей руке, левой удар по бицепсу второй руки противника и на подъеме снова правой в горло. Тра-ра-рах!

Красуется, подумал Степан. Хочет показать свое мастерство. Совсем как зеленый пацан.

Чем старше становишься, тем более экономна твоя техника, тем меньше ударов тебе нужно на одного противника. Это суть шиванат, его основная идея. Это позволяет мастеру быть грозным бойцом даже в глубокой старости.

Сэнсей Голдин, к примеру, никогда не размахивал руками чересчур и никогда особо не прыгал. «Зачем мне двигаться? Пусть противник двигается», — говорил он. Бывало, дает указание ученикам на него напасть. Те, молодые, резкие, кидаются на мастера что есть духу. Он же чуть сдвигается в сторону, хватает их на лету за уши и сталкивает лбами. Треск, и два оболтуса валяются в пыли. Или же, случалось, бьешь его. Ну, думаешь, вот уже почти попал, а он тебя цап своими железными пальцами за точку на шее, вопьется, как беркут, и все, ты парализован, глаза на лоб, дыхание сперто. Да это, в общем, и называется техника беркута, одна из любимых техник Учителя. Поэтому никакие мудреные серии ударов, прыжки и зубодробительные техники для победы не нужны. Хотя когда ты молодой и горячий, ты этого еще не понимаешь.

Вся их потасовка заняла от силы пару секунд.

Красавчик-заводила даже не успел толком сообразить, что именно произошло. Так и стоял посреди побоища с широко раскрытыми глазами, когда последний из его друзей-«грешников» рухнул на пол. Звук падения тяжелого человеческого тела вывел его из ступора. Он сделал вдруг гигантский прыжок назад, одновременно выхватывая из-за пояса пистолет.

«Черный Ястреб», отметил Чадов. И как он пронес его мимо бдительных церберов-вышибал?

— Стоять! — голос Паука сорвался на визг. — Не подходить! Замочу!

Он лихорадочно переводил ствол от отца Иоанна к Степану, глаза бешено вращались. Опрокидин подобрался, словно барс перед прыжком.

Прыгнет ведь, рассудил журналист. Надо срочно импровизировать.

— Опа! Менты! — Степан удивленно уставился куда-то за спину молокососа.

Тут главное верить самому в то, что ты говоришь, тогда ты будешь убедительным, учил Голдин.

Красавчик инстинктивно дернулся и посмотрел через плечо. Этого оказалось достаточно. Подскочив в долю секунды к противнику, Чадов одной рукой ухватил его руку с пистолетом, резко задрав ее вверх, а другой впился пальцами в точку под ухом. Юнец даже не успел спустить курок. Глаза его закатились, и он рухнул как куль под ноги Степана.

Надо же, подумал тот, какой старый банальный трюк, а до сих пор работает.

— Что с ними делать, парни? — Подошедший к ним вышибала кивнул на распростертые тела.

— Заприте куда-нибудь в холодок, чтобы поостыли, — криво ухмыльнулся отец Иоанн. — А утром сами смотрите, так сказать, по обстоятельствам...

Зрители гурьбой налетели на победителей. Каждый хотел пожать руку отважным гладиаторам. Но батюшка рявкнул, чтобы не мешали, и сталкеры, оживленно переговариваясь, разошлись по своим местам.

Наклонившись над продолжавшим находиться в отключке Стылым, журналист нажал пару нужных точек на шее приятеля. Тот открыл глаза и, сев, стал удивленно оглядываться по сторонам.

Завидев, как вышибалы пакуют и выносят бесчувственные тела «грешников», сталкер поинтересовался:

— Кажется, я пропустил что-то весьма и весьма интересное?

Парочка победителей встретила его реплику дружным жизнерадостным хохотом.

— Требую пр-родолжения банкета! — восторженно заорал Стылый, доставая из заветной коробки очередную бутылку «Хеннесси».

— Нет уж, — покачал головой Степан, пытаясь не встречаться взглядом с застывшей на сцене с прижатыми к груди руками Татьяной. — На сегодня с меня хватит. Есть у нас еще дома дела...

Отец Иоанн оглянулся на данспол и понимающе кивнул.

— А мы еще посидим, — сколупнул коньячную пробку. — Время-то совсем детское...

Едва дождавшись, пока неугомонная Нюшка наконец утихомирилась и заснула в детской, молодые люди, точно голодные, накинулись друг на друга.

Это, конечно, фигурально. На самом деле Татьяна, сыпля вопросами и слушая несвязные Степановы ответы, для начала решила заняться врачеванием. Деловито раздела парня до плавков и приступила к нему с пучком ватных палочек, грозясь разрисовать Чадова под «индейца».

Теплые ласковые пальцы пробежались по его спине, плечам и груди. Заметив, что Степан морщится, девушка заволновалась.

— Где, где болит?

— Да ничего у меня не болит, — заверил ее Плясун. — Здоров, как племенной бык!

Но его слова пропали втуне. Татьяна, смешно дую на каждую прижигаемую антисептиком ссадину, попутно успокаивала журналиста, будто маленького:

— Потерпи, потерпи немного, Степ. Смотри, это совсем не больно. Ведь правда же?

— Угу, — мрачно подтверждал молодой человек.

Он и в самом деле не испытывал боли.

Наметанным взглядом определил, что все царапины на его теле пустячные. Следовательно, не стоили внимания. Но не говорить же об этом милому созданию, так заботливо хлопочущему над его «ранами», словно Степану угрожала газовая гангрена.

Потом они пили шампанское, привезенное Чадовым из Киева специально для Татьяны. Девушка обожала этот напиток, не пользующийся в Зоне спросом, а потому и не завозимый сюда негоциантами.

Затем...

Признаться, Татьяна его удивила.

Забыл, сколько в этом маленьком теле скрытой страсти. Как будто копилась там не одну сотню лет и вдруг вырвалась наружу мощным ядерным взрывом.

Девушка, сперва взявшая инициативу в свои руки, умудрялась быть одновременно дикой и необузданной, словно тигрица, и ласковой и нежной, будто домашняя кошечка. Вероятно, не забывала, что рядом находится «раненый».

Но это только поначалу, пока Чадову не надоела роль хрупкой фарфоровой вазы, с которой бережно сдувают мельчайшие пылинки. Он живо убедил подругу, что «антиквариат» — это не о нем сказано.

Несколько движений шиваната (из разряда *тех*, которым сэнсей начинал обучать мальчишек, когда им переваливало за шестнадцать), и об осторожности было забыто. К «старым» царапинам на его груди и спине добавились свежие.

Когда они наконец насытились друг другом, девушка удивила его еще раз. На этот раз неприятно. Оказывается, с тех пор, как они не виделись, Татьяна закурила.

Сам Степан табаком не баловался. Попробовал как-то в детстве, еще в четвертом классе. Не понравилось. А потом начались тренировки, и зелье стало вовсе под запретом. Это притом, что сам сэнсей Голдин дымил как паровоз. Но, как известно, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

— Не одобряешь? — заметила она его недовольство. — Понятно. А что прикажешь делать, когда нервы сдают, и хочется волком выть от тоски и одиночества?

— Все так плохо? — заглянул ей в глаза Чадов.

— А ты думал! Сидеть сиднем в этой жопе и все время ждать, как дура. Чего? Кого? Зачем?..

И вдруг громко разрыдалась.

— Тише, тише! — гладил ее по спине журналист, пробегая ловкими пальцами по нервным окончаниям.

Всхлипы становились все слабее и слабее, пока наконец не перешли в мерное посапывание.

Чадов еще некоторое время лежал без сна, обдумывая сложившуюся ситуацию, однако потом и его так сморило.

Разбудил Степана вой сирены.

Откуда сирена, зачем? Что-то случилось в Зоне, и власти предупреждают людей об опасности?

Потряс головой, прогоняя остатки сна и хмеля. Ну и задрых же он. Давно такого не случилось. Не иначе, с перепоя...

Скосив глаза, увидел, что Татьяны рядом нет. Наверное, у дочки в комнате.

Натянув плавки, подался в детскую. Нюшка спросонку такая чудная бывает. Настоящие концерты дает, артистка. Вся в маму.

Вошел в крохотную комнатенку, да так и застыл на пороге.

Источником звука, принятого Чадовым за сирену, была... Татьяна.

Сидя прямо на полу у пустой кровати, она раскачивалась из стороны в сторону, словно китайский болванчик. Ветер, врывающийся в комнату через широко распахнутое окно, трепал ее длинные волосы.

Подоконник и пол вокруг колыбельки были испачканы грязными пятнами следов.

Журналист опустился на пол рядом с девушкой и обнял ее за хрупкие плечи. Татьяна никак не отреагировала на касание, находясь в полной прострации. Степан заметил, что правая рука певицы что-то сжимает. Осторожно расцепив девичьи пальцы, извлек круглый стальной медальон на обрывке стальной тонкой цепочки.

Пятиконечная звезда, вписанная в окружность. Пентаграмма или пентакль — один из самых древних магических символов.

Некоторые считают, что первоначально пентаграмма появилась около четырех тысяч лет назад в Месопотамии, вероятно, как астрономическая схема движения планеты Венера. Также вавилоняне использовали этот символ как магический талисман. Пентаграмму везде признавали защитой от демонов. Латинские и каббалистические монограммы часто выполнялись в виде пентакля-талисмана, вписанного в защитный круг.

Но эта была особого рода.

Перевернутая. С вписанной в нее головой козла.

Главный символ сатанизма. Пентакль Бафомета.

На протяжении веков символ Бафомета назывался множеством разных имен. Среди них: Козел Мендеса, Козел Тысячи Юностей, Черный Козел, Козел Иуды и т.д. Бафомет представляет собой Силы Тьмы, соединенные с репродуктивной плодовитостью козла. В своей «чистой» форме символ представлял собой перевернутую пентаграмму, во все пять лучей которой вписана козлиная морда. Два верхних луча пентаграммы — его рога, представляющие собой двойственную природу человека, бросают вызов небу; другие три оконечности перевернуты, что являет собой отрицание Троицы. Ивритские письмена, расположенные по кругу, составляют имена: Астарот, Люцифер и Вельзевул.

Чадов понял, что за руки совершили это черное дело...

Посиделки, похоже, затянулись на всю ночь и продолжались ранним утром.

В полупустом зале Бара вся жизнь сосредоточилась вокруг столика, за которым расположились с десятков суровых мужчин. Половина из них была уже в совершеннейшей отключке. Кое-кто заснул прямо на стуле, со стаканом в руке. Двое мирно посапывали под столом. Но остальные еще держались бодрячками.

При виде влетевшего в Бар Чадова Стылый, покачиваясь, поднялся с места и распахнул объятия.

— А, С-степаш, прив-вет! — еле шевелил распухшим языком сталкер. — Прсаживай-си! У нас еще ос-сталсь чё выпить и зак-кусить. Вот, знакомсь, Ш-шиз, Бол-лид, Р-ромеро, Какт-тус... Мир-ровые п-парни, нас-стоящще сталк-керы...

— Погодь, чадо, — осадил Стылого отец Иоанн и пристально посмотрел на журналиста совершенно трезвыми глазами. — Что-то стряслось, Плясун?

— Где эти суки? — прерывающимся от ненависти голосом прошипел Чадов. — Где эти пидоры недотраханые?!

— Ты о ком? — оживился один из новых знакомцев, кажется, Шиз.

— Где «грешники»?!

— Да где ж им быть? — удивился батюшка. — Небось стучат зубами в холодной. Так ведь, хозяин?

Вопросительно глянул на Бармена. Тот пожал плечами и, подозвав одного из своих томящихся от безделья вышибал, что-то прошептал ему на ухо. Мордоворот понимающе кивнул и быстро вышел вон.

Появился он так же скоренько, как и удалился.

— Их там нет, шеф! — виновато хрюкнул верзила.

— В смысле? — не понял Бармен. — А куда же они делись? Испарились, что ли, или вознеслись? Извините, отче.

— Замок на двери сорван, — сбивчиво пояснил вышибала. — На полу валяются перерезанные веревки...

— Вот оно как, — почесал нос отец Иоанн. — Интересно девки пляшут... Так что случилось-то, Плясун?

Чадов бросил на стол найденный в детской амулет.

— Нюшка пропала... Вместе с одеждой... На полу осталось вот это...

— Как пропала?! — заорал не своим голосом Стылый, с которого мигом улетучился хмель.

— И ты полагаешь?... — Отец Иоанн не договорил.

Степан кивнул.

— Но ведь это... ведь это... как это... — заладил Стылый. — Надо что-то делать... Надо немедленно догнать... вернуть... замочить проклятых ублюдков...

— Они уже, наверное, в Зоне, — задумчиво молвил святой отец.

Сидевшие за столом сталкеры притихли, уныло уставившись на недопитое и недоеденное.

— Я пойду туда, — решительно произнес Степан. — Один. Если вы боитесь какого-то эфемерного призрака...

— Не егози! — оборвал его Опрокидин. — Ничто на свете не стоит слезинки ребенка. Правильные слова написал когда-то классик. Потому я иду с тобой.

— И я! — присоединился к священнику окончательно протрезвевший Стылый, у которого на глазах были слезы.

— Порвем долбанных пидоров на кровавые тряпки! — грохнул кулаком по столу Шиз. — Болид, Кактус, Ромеро, Тунец, вы как?

Ромеро и Болид согласно кивнули, остальные спасовали.

— Итак, нас шестеро, — подсчитал Чадов. — Неплохая компания для прогулки в Зону...

— Не прогулки, — строго погрозил пальцем отец Иоанн. — Крестового похода... Так, с Божьей помощью, одолеем изуверов. Сейчас расходимся, быстренько собираемся — и вперед...

Глава четвертая. Периметр

Окрестности Периметра

В тот сумрачный промозглый день Шоссе-32 выглядело особенно гнусно. Растрескавшееся во многих местах асфальтовое полотно напоминало лицо неизлечимо больного изможденного старика. Кое-где сквозь старую асфальтированную дорогу проросли чахлые кустики травы.

Место встречи Стылый выбрал удачно. Во-первых, тут редко проезжали автомобили, во-вторых, до Периметра отсюда рукой подать. У обочины дороги сиротливо примостилась заброшенная бензоколонка, которая и стала основным ориентиром для собравшихся в опасный рейд сталкеров. Еще тут была ржавая автобусная остановка с прохудившейся в нескольких местах жестяной крышей. Автобусы, понятное дело, не ходили здесь года этак с восемьдесят шестого, и с того времени металлическая таблица расписания приобрела совершенно нечитабельный вид.

Стылый первым прибыл к условленному месту и тут же занял наблюдательный пост внутри автобусной остановки. Чтобы не привлекать особого внимания, было решено выдвигаться к точке сбора отдельно.

Прямо над головой со стороны Зоны на бреющем полете прошел грязно-серый Ми-24. Хлипкие стенки остановки жалко завибрировали. Стылый скривился, неприязненно глядя на толстое брюхо удаляющейся воздушной машины с ярко-красной звездой между куцыми шасси. В этом месте рядом с Зоной со звуками всегда творилась непонятная чертовщина. Сталкер не слышал, как вертолет подлетал к нему. Рев воздушной машины обрушился на него совершенно внезапно. И чего это вдруг военные разлетались? По слухам, из глубины Зоны они давно ушли, бросив все силы исключительно на охрану в последнее время трещащего по швам Периметра.

Ближе к полудню стал накрапывать дождик. Стылый меланхолично закурил, заморожено глядя на мокрое полотно дороги. Через полчаса дождь усилился. Рядом с автобусной остановкой стали собираться большие блестящие лужи.

Заметно стемнело.

«Хреновая погода для рейда!» — мрачно подумал сталкер, швыряя очередной агонизирующий окурок аккуратно в ближайшую лужу.

Откуда-то справа мазнул яркий свет автомобильных фар. Стылый тяжело поднялся с каким-то чудом сохранившейся исписанной матерными словами деревянной скамейки.

Камуфлированная зеленая «Нива-шевроле» мягко затормозила у бензоколонки. Вовсю работали неумомимые «дворники». Стылый приветливо махнул рукой. В ответ просигналили.

— Ох и погодка, едрить твою мать! — проговорил выбравшийся со стороны водителя Шиз. — Что, Стылый, небось яйца себе уже отморозил, пока нас ждал? Сколько ты тут сидишь, а?

— С позднего утра! — хрипло ответил сталкер.

— Перестраховщик ты наш!

Следом за Шизом в полном боевом облачении из машины появились остальные два сталкера.

Пижон Ромеро щеголял в дорожном бронекомбинезоне «Берилл 5м». Быстро кивнув Стылому, он деловито открыл багажник, выволакивая оттуда на свет божий нечто громоздкое и тяжелое, завернутое в кусок серого брезента.

— Это что? — удивился Стылый, подходя ближе.

— Наш brave охотник на зомби собрался устроить серьезную войну! — хохотнул Шиз. — РП-74 приенок! Ну, ты только представь себе это!

— Пулемет, что ли?

— Ага, он самый!

Ромеро лишь мрачно покосился на потешающегося коллегу и, взвалив тяжелую ношу себе на плечо, вразвалочку двинулся к бензоколонке.

Сталкер Болид все это время внимательно следил за дорогой. Одет он был, как и Шиз, в простенький комбинезон «Заря» с рядом полезных улучшений. Оружие у Болида тоже было скромненьким, под стать комбинезону, — снайперка «Винтарь» в непромокаемом чехле за

спиной. Однако в умелых руках эта штука могла наделать намного больше неприятностей, чем крупнокалиберный РП-74.

Сам Шиз был вооружен обычным АКМ венгерской сборки, надежным, как швейцарский банк.

— Ну, вроде как все профессионалы в сборе! — усмехнулся Шиз. — Где же этот святоша с журналистикой? Послушай, Стылый, а ты уверен, что эта столичная акула пера не пидор? Я, конечно, человек современных взглядов, но этих гомосеков на дух не перевариваю. В рейд я с таким уж точно ни за что не пойду. Ты представь, как задницей к такому вот гуманоиду каждый раз поворачиваться...

— Чадов гетеросексуал! — меланхолично заметил Стылый.

— Это ты к тому, что он бабу ту в баре клеил... — скривился Шиз. — Так это еще ничего не значит. Они ведь, гомики, так хитро маскируются. Они этих баб знаешь как между собой называет? Бородой! Ну, в смысле для маскировки. Не нравится мне этот твой Плясун. Внешне ну точно слащавый пидор! Ты за него ручаешься?

— Как за себя самого!

— Он ведь в Зоне давненько не был...

— Вот ты с нами потому и идешь, чтобы огнем да собственным опытом поддержать...

— Ну да, ну да...

— Смотрю я на вас, парни... — вмешался в разговор доселе молчавший Болид. — И все удивляюсь, вроде взрослые мужики, а рассуждаете как четырнадцатилетние подростки...

— Ты это... не обобщай! — нахмурился Стылый. — То, что мелет Шиз, его дело, я тут вообще ни при чем...

— О! Слышите? — неожиданно насторожился Шиз. — Дырчит!

Сталкеры прислушались. По дороге определенно двигался мотоцикл. Звук надсадно ревущего двигателя приближался.

— Какого хрена? — Болид расстегнул кобуру пистолета. — Тут хорошо если раз в неделю тарантас какой проскочит, срезая к окружной...

— Сейчас выясним! — Стылый спокойно снял с предохранителя новенький «Абакан».

Шиз расчехлил армейский бинокль.

— Бляха муха, поверить не могу! — через некоторое время произнес он, осторожно вращая колесико подстройки. — Да это же наш смазливый блондинчик с батюшкой! Вот это да! Наш отец Иоанн, оказывается, еще и крутой байкер! Непонятно, как только он сочетает служение Богу с кодексом одиноких волков дороги. Неприязнь к нигерам, например, не очень к лицу адепту христианской веры...

— А что, байкеры черножопых не любят? — удивился Болид.

— Еще как! — подтвердил Шиз. — А еще педиков...

— Ну, хватит! — рявкнул на него Стылый. — Ты меня уже за пять минут полностью задолбал! Представляю, что будет в Зоне...

— В Зоне я белый и пушистый! — хищно осклабился Шиз.

Дорогуший сверкающий хромом чоппер остановился рядом с заляпанной грязью «Нивой». Отец Иоанн и впрямь выглядел весьма колоритно. В кожаных штанах, черной обклепанной косухе и разукрашенной белыми черепами бандане. Темные очки на пол-лица довершали сходство с главарем банды каких-нибудь местных «Ангелов смерти».

Сидящий за спиной Опрокидина журналист выглядел вполне прилично, одетый в обычную цивильную одежду.

— Значит, расклад примерно такой... — проговорил Стылый, когда к ним подошел колдовавший все это время над своим драгоценным пулеметом Ромеро. — Достать дополнительное обмундирование и оружие вне пределов Зоны мы не успеваем. Как только перейдем Периметр, наведемся на Кордон к одному знакомому торговцу.

— К Пахомычу, что ли? — догадался Шиз.

— К нему самому! — подтвердил Стылый. — Там мы докупим кое-что для себя и полностью обеспечим Степана и святого отца...

При этих словах Опрокидин зловеще усмехнулся.

— Так, значит, мы с батюшкой будем переходить Периметр без спецзащиты и оружия? — удивился Чадов.

— А по-другому никак! — развел руками Стылый. — Я еще вчера вечером перебрал все варианты. Задержка на целые сутки может наверняка стоить жизни ребенку.

— Почему же тогда мы не отправились в Зону прямо вчера? — все продолжал поражаться Степан. — Если, как ты говоришь, времени на спасение в обреш...

— Нужно было договориться с одним человечком... — загадочно проговорил Стылый. — Без него нам через Периметр ни за что не перейти... Болид, ты сделал то, о чем я тебя попросил?

— О чем речь! — улыбнулся сталкер и, открыв багажник «Нивы», вытащил оттуда радостно позвякивающий картонный ящик с тисненным логотипом водки «Казачи» на боку. — Как и договаривались: в обмен на твои четыре коньяка — пятнадцать бутылок, лучший сорт, не какое-нибудь местное палево, прямо из Киева!

— Грузи все в рюкзак! — распорядился Стылый.

— А кто его потащит?

— Я потащу! Грузи давай!

— Еще один важный момент... — неожиданно оживился Опрокидин, расстегивая один из многочисленных карманов на своей косухе. — Я тут с собой захватил... полагаю, не помешает...

И отец Иоанн раскрыл ладонь, демонстрируя окружающим пять серебряных нательных крестиков.

— Каждому по одному. Храните их поближе к сердцу!

— Ты бы, отче, еще чеснока со святой водой приволок, — съязвил Шиз. — Ну и компашка у нас подобралась... Реалити-шоу снимать хоть прямо сейчас... Клоуны идут за Периметр...

Опрокидин никак не отреагировал на это колкое замечание, выдав каждому по серебряному распятию. Шизу он дал крестик последнему, и тот, дурашливо хихикая, попробовал его на зуб.

— Ну и что нам делать с этакой красотей? — спросил Болид, с удовольствием разглядывая чоппер святого отца. — Угонят ведь, с руками оторвут... Нашу-то «Ниву» никто в здравом уме не тронет, хоть с открытыми дверями бросай, потому что хорошо знают, чья и что потом с угонщиками случится... А вот мотоцикл... куча бабок, наверное, стоит...

— Свечами да просвирками торговал, да? — спросил Шиз, поворачиваясь к невозмутимому, словно Будда, отцу Иоанну. — За сколько на стального коня скопил? Лет так за сто сорок?

— Подарок от брата! — спокойно ответил Опрокидин. — Он у меня крупный бизнесмен, на бирже играет, его люди чоппер сегодня же вечером заберут, я специально просил...

— Вопрос, достоин ли он до этого самого вечера... — скептически покачал головой Шиз.

— А это уже в руках Божьих! — меланхолично заметил отец Иоанн.

Когда окончательно стемнело, заметно похолодало. Облачка белого пара окутывали лица медленно идущих по лесу людей.

— Стрелу с нужным человеком я забил на семь вечера! — рассказывал идущий во главе маленького отряда Стылый. — Место известно только мне! Как я уже говорил, он поможет нам преодолеть Периметр. Сейчас мы двигаемся к армейскому блокпосту «Суоми-14». Там немцы с финнами вахту несут. Явных лазеек нет, но нам они и не понадобятся. Когда подойдем к нужной точке, разделимся. Я, Шиз и Болид двинем прямо к Периметру, Степан и отец Иоанн под прикрытием Ромеро останутся в лесу. Если встреча пройдет как запланировано, мы свяжемся с вами по закрытому каналу, и тогда вы присоединитесь к нам.

— А если все пойдет не так, как запланировано? — спросил Опрокидин.

— Тогда действуем по обстоятельствам!

— Ерунда какая-то получается... — недовольно заявил Чадов. — Сначала ты отказываешься предоставить нам оружие, теперь еще эта дурацкая мысль разделиться... Стылый, я тебя просто не узнаю... Какого хрена, что тут происходит?

— Так надо! — коротко ответил сталкер. — Степа, ведь ты меня хорошо знаешь, если обещал, что не подведу, значит, не подведу...

Чадов еще немного поворчал, но спорить не стал.

Постоянно сверяясь с данными ПДА, Стылый вел группу через лес одному ему известным маршрутом. Под ногами противно чавкала грязь, деревья были едва различимы в опустившейся на землю осенней тьме. Стало еще холоднее. Со стороны Зоны задул пронизывающий насквозь ветер.

— Ну, вот он, Периметр! — Стылый передал идущему следом за ним отцу Иоанну бинокль.

Вдалеке и впрямь что-то было. Тусклый свет разгонял покровы вязкого мрака. По земле то и дело пробегали лучи мощных прожекторов.

Опрокидин поднес бинокль к глазам. Похоже, что в оптическое устройство был встроен модуль ночного видения, поскольку окружающее пространство тут же окрасилось в яркие изумрудные тона. Заметно посветлело, и отец Иоанн смог хорошо рассмотреть высокие караульные вышки, накрытые маскировочными сетями. Чуть ниже в свете мечущихся прожекторов блестели широкие спирали колючей проволоки. Где-то там еще были многочисленные растяжки, связанные с взрывателями сигнальных и противопехотных мин.

Серьезный заслон, ничего не скажешь. А по-другому и быть не могло.

— Все, разделяемся! — торжественно объявил Стылый. — Шиз и Болид за мной, все остальные остаются на месте. Ждите, как только все благополучно разрешится, я выйду с Ромеро на связь...

Молчаливый Ромеро поднял вверх большой палец.

Дальше пришлось слегка поползать на животах, вжимаясь каждый раз в пахнущую перегноем холодную землю, когда мимо пробегал светящийся круг жадно ощупывающего окрестности прожектора.

За забором из колючей проволоки уже виднелись армейские палатки и очередные укрепления — многочисленные положенные друг на друга мешки с песком, между которыми зоркий глаз угадывал смотрящие в небо хищные стволы крупнокалиберных пулеметов.

— Ну, где этот твой приятель? — прошептал за спиной Шиз. — Если его нет, мы в жизни сами не пересечем этот рубеж. Придется искать для перехода другое место.

— Спокойно! — коротко бросил Стылый. — Тимо уже на месте! Только что скинул мне на ПДА электронное письмо!

— Тимо? Он финн, что ли?

— Он самый!

— А как же ты с ним общаешься, по-фински базлать умеешь?

— Да нет, на русском мы договаривались... — пояснил Стылый, поправляя за спиной позвякивающий рюкзак. — Турунен в Питере на инженера учился вместе с моим младшим братом, там мы с ним в свое время и познакомились...

— Турунен? — удивленно переспросил Болид. — Известная фамилия. У них там в Финляндии оперная певица есть с точно такой же...

— Не оперная, а хеви-металлическая, дурная твоя башка! — поправил коллегу Шиз. — Из группы «Найтвиш»! Они еще в начале двухтысячных насмерть разосрались, и Тарья стала выступать сольно, причем альбомы по сей день записывает намного лучше, чем те, что штампует раз в три года оригинальный коллектив...

— Да тише вы, трепачи хреновы! — прищелкнул на коллег Стылый. — Тоже мне, собрались в лесу меломаны, слесарь с сантехником...

Заранее условленное место встречи располагалось за брошенным в незапамятные времена (ржавеющим невдалеке от непроходимой ограды Периметра) многоцелевым тягачом МТ-Т.

Завидев громоздкий корпус, чернеющей в темноте двадцатипятилитровой машины, Шиз снова невероятно оживился:

— Ах, какое добро пропадает! Небось с середины восьмидесятых тут гниет. Отсюда даже вижу, гусеницы в землю до половины ушли. Этих «малышей» собирали в конце семидесятых годов прошлого века на Харьковском заводе транспортного машиностроения имени Малышева. Грузоподъемность грузовой платформы двенадцать тонн! Число мест в кабине до четырех человек. Двигатель дизельный с турбонаддувом, мощностью семьсот сорок пять лошадиных сил. Максимальная скорость шестьдесят пять километров в час, при буксировке меньше, всего лишь сорок. Запас хода пятьсот километров!

— Охереть! — тихо выдал ошарашенный Болид. — Откуда ты все это, мать твою, знаешь?

— А у меня дед на том заводе работал, ударник коммунистического труда, между прочим...

— Да вы заткнетесь или нет, два ушлепка! — не выдержал молчавший все это время Стылый. — Я по вашей милости нарваться на пулю не хочу. Будете и за Периметром ляды точить, мозги на фиг обоим вышибу...

Сталкеры по обыкновению не стали огрызаться, потому что уже благополучно доползли до огромного тягача.

Из темноты тут же выплыла бледная физиономия Тимо в голубой натовской каске.

— Огненную воду принесли? — на вполне приличном русском поинтересовался Турунен.

— Принесли! — подтвердил Стылый, передавая финну заполненный бутылками рюкзак. — Можешь пересчитать для верности!

— Да нет, я тебе верю...

— Как за Периметр отпросился, расскажешь?

— Сказал, что еще днем заметил брешь на третьем участке, лопнувшую растяжку, меня и отпустили...

— На ночь глядя? — засомневался Стылый.

— Так записано в официальных документах! — со значением подтвердил Тимо.

— А в неофициальных?

Бледная физиономия Турунена неожиданно озарилась разбойничьей усмешкой.

— Ну, вообще-то к официальной записи шел немаловажный довесок в виде половины содержимого вот этого самого рюкзака...

— В таком случае вопросов больше нет! — улыбнулся Стылый. — Как проводить нас будешь, по одному или всех сразу?

— Еще не решил!

— А когда решишь?

— В полночь смена караулов, вот тогда и пойдете. Маршрут скину тебе на ПДА. Я заранее растяжки в том месте убрал и колючую проволоку временно снял. Автоматические турели в том месте деактивированы. Так что все будет в наилучшем виде. Напротив прохода как раз моя палатка, если что, там и пересидите...

— Нас, между прочим, шесть человек! — напомнил Стылый, с сомнением глядя на старого приятеля.

— Поместитесь, не вопрос! — кивнул Тимо. — В тесноте, да не в обиде, кажется, так у вас говорят?

— Кажется, так!

— Ну я пошел, спасибо за водку! Ждите полуночи! Я вас еще разок навещу перед пересменкой. Там в патруле отличные ребята. Если что, будут смотреть в другую сторону...

— Тоже любители дармовой огненной воды?

— Где-то так!

— Эй, горячий финский парень, погоди! — Болид вцепился в рукав военного комбинезона Тимо. — Ты, случайно, не родственник... ну этой... как бишь ее... певички...

— Тарьи! — подсказал облокотившийся о мощный корпус тягача Шиз. — Тарьи Турунен...

— Да... Тарьи... точно... — добавил Болид, с надеждой заглядывая в лицо крайне удивленного финна.

— Нет... — рассмеявшись, мотнул головой Тимо, до которого не сразу дошло, о чем его спрашивают. — Мы однофамильцы...

— Вот же попандос! — сокрушенно махнул рукой Болид. — А я-то думал автограф на память взять...

Вместе с остальными лазутчиками Ромеро подобрался к импровизированному укрытию минут через двадцать после того, как Стылый наконец дал добро.

— Как тут у вас? — первым делом спросил Чадов, скептически осматривая ржавый тягач. — Защита, мягко говоря, неважная...

— Да нормальная защита, блондинчик, — неприязненно скривился Шиз. — Одна из лучших. Длина тринадцать метров, высота три метра! Да тут десять человек без проблем залягут. То ты, наверное, нормальных укрытий никогда не видел, мать твою...

— Шиз, не заводись! — предупредил Стылый.

— Да нет, все нормально! — смущенно пробормотал Степан. — Давно я в Зоне не был, хватку потерял. Надеюсь, по ходу нашей спасательной операции бывшие навыки вернутся...

— А если не вернутся? — ехидно ввернул Шиз.

Но журналист ему не ответил.

— Ждем до полуночи, — распорядился Стылый, внимательно изучая в бинокль Периметр.

— Это еще целых четыре часа! — сокрушенно покачал головой Болид.

— А у тебя есть какие-нибудь другие варианты?

— Нет!

— В таком случае заткнись!

— Может, пока есть время, познакомимся поближе? — неожиданно предложил Опрокидин. — Вот ты, Болид, почему у тебя такая кличка?

— Я давний фанат «Формулы-один»! — попытался отшутиться сталкер.

— Ты имеешь в виду автогонки? — удивленно переспросил святой отец.

— А что, есть какая-то другая формула?

— Ну, я не знаю...

— Да врет он все! — вмешался Шиз, которому только дай возможность лишний раз почесать языком. — Я вам сейчас расскажу, отчего в Зоне его так окрестили. Дело было в Темной долине...

— Шизяра, заткнись! — зловеще проговорил Болид.

— Ага, как же... уже разбежался... Пусть люди правду знают... Так вот, дело было в Темной долине. Наш brave сталкер поспорил с двумя придурками из «Долга», что меньше чем за сутки пересечет всю долину без ПДА и детектора аномалий!

— Да ну? — не поверил с интересом слушающий увлекательный рассказ Чадов.

— Мамоу клянусь! — блеснул в полутьме белыми зубами Шиз. — Но еще на подступах к одной из самых опасных в Зоне территорий наш горе-герой наткнулся на теплую компашку оголодавших снорков. Эти веселые ребята резво повыпрыгивали из какой-то невидимой глазу шахты. Глядят, а прямо к ним в лапы завтрак топает, причем без ПДА! Вот, думают, debil, сейчас мы его немножечко покушаем...

— Был бы ты там... — проворчал Болид, перебирающий обойму к «Винтарю». — Шутил бы совсем по-другому...

— Я бы там не был, голуба! — вкрадчиво проговорил Шиз. — Я бы этих «долговцев» прямо на месте положил, предложи они мне подобное пари. Короче, так, как побежал в тот момент наш храбрец, не бегал, пожалуй, даже какой-нибудь чернокожий чемпион мира. «Долговцы», говорят, ржали, как кони, они ведь все его перемещения по своим ПДА

отслеживали. Вот с тех пор и закрепилась за этим парнем такая сталкерская кликуха — Болид. Ну, в смысле, бегают быстро, будто гоночная машина на двух ногах...

— Хорошо еще, что Шумахером не окрестили! — усмехнулся Степан. — Сильно сомневаюсь, что ваш коллега смог бы развить скорость свыше трехсот километров в час...

— Однако пятки у него, по слухам, дымились, когда он на Кордон весь взмыленный появился! — хохотнул Шиз, за что получил от раздраженно отмалчивающегося Болида приличную затрещину.

— Ну а ты, Ромеро? — Отец Иоанн повернулся к хмурому сталкеру-молчуну. — Наверное, Ромеро — это фамилия? Ты иностранец?

— Ага! — в очередной раз захихикал Шиз. — Этнический эфиоп, едрить его за ногу!

— Я сам расскажу! — неожиданно пробасил сталкер, ласково поглаживая, словно младенца, лежащий у него на коленях тяжелый пулемет.

— Ромеро просто помешан на зомби! — проигнорировав фразу коллеги, продолжал тараторить Шиз. — Настоящий опытный охотник! Он и сейчас в Зону пошел вовсе не из альтруистических побуждений. Просто подвернулась очередная возможность настрелять побольше любимых монстров. У него на рукояти пистолета даже зарубки есть — точное количество насильственно убитых зомбя. Так ведь, Ромерчик?

— Что касается зомби, то тут я действительно специалист! — важно кивнул Ромеро. — Ко мне даже ученые из «Чистого неба» несколько раз обращались, чтобы я их проконсультировал...

— Ну так не стесняйся, сыне... — подбодрил его Опрокидин. — Поделись с нами своими, без сомнения, уникальными познаниями. Ведь в нашем долгом и опасном странствии по Зоне мы наверняка столкнемся с этими жуткими порождениями тьмы...

— Физически зомби — это люди... — принялся с готовностью рассказывать Ромеро, чувствовалось, что весь этот разговор необычайно ему приятен. — Люди с полностью разрушенной личностью, потерявшие возможность нормально мыслить. Единственное, что осталось при них, это примитивные инстинкты и привычки, так называемые осколки былой нормальной жизни. В зомби превращаются сталкеры, попавшие под воздействие интенсивного пси-излучения искусственного или природного происхождения. Разрушение личности зависит от силы и продолжительности вредного воздействия. Также тут важны и физические данные человека, так сказать, индивидуальные особенности его психики. Общеизвестно, что обычному гипнозу подвержены от силы два-три процента людей. Опытный гипнотизер легко распознает такого человека. Так же и здесь. Кто-то сразу же превратится в зомби, а кто-то будет сопротивляться, успев покинуть опасный участок Зоны.

— А вот, к примеру, контролер... — задумчиво проговорил святой отец. — Он может превратить человека в зомби?

— Может! — подтвердил Ромеро. — Но для этого он должен оказаться очень сильным псиоником, а такие контролеры в Зоне, к счастью, большая редкость. Вот группа этих мутантов — совсем другое дело. Эти способны и нескольких человек за минуту превратить в кусок тупого агрессивного мяса... Зомби вообще-то довольно неприятный противник. Отсутствие болевых ощущений и замедленный метаболизм делают их почти неуязвимыми. Стрелять этим тварям нужно преимущественно в голову, только так их и можно убить.

— Матерь Божья! — Отец Иоанн быстро перекрестился. — Какое счастье, что я еще ни разу не встречался с этими чудовищами...

— Все впереди! — зловеще проговорил Шиз.

— Но и это еще не все... — не унимался Ромеро.

— Вот теперь Остапа окончательно понесло... — вздохнул в темноте Болид. — От него короткого слова за сутки не добьешься, а сейчас нате вам, пожалуйста, прямо соловьем разливается...

— В самом деле, дайте же человеку выговориться! — вступился за сталкера святой отец. — Продолжай, сын мой, продолжай, ты очень интересно рассказываешь...

— Зомби бывают разных типов... — хрипло продолжил свой экскурс в «занимательное зомбиведение» Ромеро. — Те, что перерождались из обычного зараженного вирусом

человека в монстра в относительно сухом месте, превращаются в мумии. Причем температура окружающей среды тут особого значения не имеет. Главное, чтобы была выше нуля. Такие противники наименее опасны, потому что рассыпаются от одной-единственной автоматной очереди. Им даже в голову не надо стрелять. Да и весят они очень мало, так что отбиться даже врукопашную не проблема. Вот только встречаются такие зомби в Зоне редко...

— Хотя бы один такой когда-нибудь попался... — пробормотал себе под нос кемарящий у задней части тягача Шиз.

— Второй тип зомби — это те, что переродились во влажной сырой среде с небольшим количеством кислорода. Допустим, инфицированный попал в выгребную яму. Ткани такого зомби становятся похожи на нечто среднее между восковой свечой и прогорклым маслом.

— Фу, какая дрянь... — подал голос Болид. — Я после твоих рассказов, Ромеро, два дня жрать точно не буду...

— Конструкция тела у такого зомби довольно гибкая... — как ни в чем не бывало продолжал увлекшийся сталкер. — Весит он очень много и даже при относительно небольшом росте способен сокрушить своим телом достаточно сильного человека. Холодное оружие в борьбе с таким противником малоэффективно, оно просто вязнет в его теле. И третий, последний тип зомби, это те, кто перерождался, попав в болото. Мертвое тело под воздействием гуминовых кислот подвергается так называемому торфяному дублению. Мышцы делаются легкими и очень прочными, кожа превращается в защитный панцирь, но тело при этом сохраняет хорошую гибкость. Именно этим тварям и нужно всегда целиться точно в голову...

— Все это, конечно, хорошо... — зевнул утомленный подробным рассказом Шиз. — Но ты так и не ответил на заданный тебе святым отцом вопрос. Почему у тебя кличка Ромеро?

— Да я в общем-то... — несколько замялся сталкер.

— Стыдно ему, видите ли... — сообщил внимательно слушающему Опрокидину Шиз. — Так уж и быть, я объясню... Ромеро — это фамилия знаменитого американского кинорежиссера, всю жизнь снимающего фильмы исключительно об увлекательной жизни всевозможных зомби. Ну, там «Рассвет мертвецов», «День мертвецов», «Земля мертвых»... Вот нашего местного зомбилюба так сталкеры в шутку и прозвали, и, как ни странно, оригинальная кличка прижилась...

— Что-то не так! — неожиданно проговорил Стылый, все это время лежавший с биноклем у передней гусеницы военного тягача.

— Что не так? — насторожился Чадов, и в этот самый момент со стороны армейского блокпоста прогремел оглушительный взрыв.

Застрекотали вразнобой пулеметы. Окружающее пространство ярко озарила с шипением взвившаяся в небо осветительная ракета.

— Какого хрена? — Шиз нервно передернул затвор автомата.

— Это не монстры! — проговорил Стылый, пряча бинокль. — Блокпост штурмуют люди! Кто-то пытается вырваться из Зоны!

Звонко щелкали автоматы. Со стороны Периметра прямо на заградительное минное поле вырвался объятый пламенем грузовик. Вот он смял несколько армейских палаток и, разорвав проволочное ограждение, с оглушительным грохотом подорвался на ближайшей растяжке. Горящую машину будто катапультной подбросило в воздух, и грузовик, сделав в воздухе совершенно фантастический кульбит, завалился набок, детонируя еще несколько мощных мин.

— Скорее туда! — закричал Стылый, резко вскакивая на ноги.

— Ты что, совсем сдурел? — истошно заорал на него Чадов. — Да мы и нескольких метров не пройдем...

Но Стылый не стал с ним спорить. Пригнувшись, сталкер быстро побежал к догорающим обломкам машины. Как ни странно, остальные безропотно ему подчинились, даже отец Иоанн и тот не стал задавать лишних вопросов.

— Еть твою мать! — с чувством выкрикнул Степан, кидаясь следом за определенно спятившими психами.

От догорающего грузовика шел удушающий жар. Пробегая мимо, Чадов успел рассмотреть тлеющий скелет камикадзе-водителя. Как бы там ни было, но свою главную задачу неведомый Гастелло выполнил на пять баллов. Широкий безопасный путь в Зону был открыт, ну или путь из Зоны, как кому нравилось.

Армейский блокпост теперь напоминал адское пепелище. Светло было почти как днем. Вокруг, куда ни глянь, валялись изрешеченные осколками и пулями трупы. Среди камуфляжных комбинезонов военных попадались тела в кожаных куртках с нашитыми где попало эмблемами, изображавшими скалящийся череп с пробитым насквозь теменем.

— Бандосы поганые! — Шиз смачно харкнул на ближайший труп. — Решили из Зоны ноги сделать, напролом пошли...

— Наверное, их что-то очень сильно напугало! — предположил Болид, с интересом изучая чью-то оторванную голову в зеленом противогазе. — Мне трудно представить ту силу, которая способна погнать бандюков в самоубийственный рейд прямо на амбразуры военных...

Похоже, первую волну нападающих защитники блокпоста отбили, и отбили невероятно высокой ценой. Трупов военных было определенно больше, чем трупов нападающих. Бой переместился в глубину ближайшего подлеска. На самом же блокпосту было спокойно, как на кладбище.

Компактная группа из шести человек благополучно миновала догорающее пепелище. Чуть дальше им открылась еще более грандиозная картина. Десяток оснащенных пулеметными турелями джипов вели заградительный огонь по храбро отстреливавшемуся гусеничному «Мардеру». Боевая машина пехоты заняла весьма выгодную позицию на небольшом холме. Чуть ниже виднелись залегшие за деревьями солдаты. Защитников уничтоженного блокпоста было до обидного мало. Итог выходил весьма неутешительный. Бандитам осталось всего лишь уничтожить огрызающийся БМП, и путь из Зоны окончательно открыт.

— Ох и повозятся с немецким бронеком, суки... — проговорил прячущийся за широким гнилым пнем Шиз. — Броня толщиной в тридцать миллиметров, наклонные стальные листы, между прочим. Лобовая часть выдерживает попадание снаряда двадцатимиллиметровой пушки. Вооружение — автоматическая пушка «Рейнметалл» со спаренным семимиллиметровым пулеметом. Боекомплект тысяча двести снарядов и пять тысяч патронов! Серьезная штука!

Будто в подтверждение его слов один из джипов взлетел на воздух после точного попадания в бензобак двадцатимиллиметрового снаряда.

— Возможно, где-то там Тимо... — грустно проговорил Стылый, снова припав к окулярам бинокля. — Болид, поснимай стрелков за турелями!

— Наше ли это дело? — засомневался сталкер. — Периметр мы уже перешли, обойдем подлесок по широкой дуге, и, можно сказать, уже в Зоне.

— Делай, что я тебе говорю!!!

Болид грустно вздохнул и, быстро расчехлив «Винтарь», взял на прицел крайний джип. Сухо щелкнул едва различимый в какофонии яростного боя выстрел.

Сидящий за турелью человек нелепо дернулся, запрокидываясь назад. «Винтарь» щелкнул повторно, и голова еще одного, управляющего пулеметом бандита взорвалась кровавыми брызгами.

Со стороны догорающего блокпоста послышался рев приближающегося вертолета.

— Все, уходим! — распорядился Стылый. — Быстро, в обход подлеска!

Через минуту над верхушками деревьев прошла монструозная туша зелено-коричневого Ми-28. В красных бликах от многочисленных пожаров ударный противотанковый вертолет казался выходцем из самых жутких глубин Дантова ада.

Так и не сломленный БМП мгновенно умолк, поспешно давая задний ход.

Размеренно заработала одноствольная тридцатимиллиметровая пушка вертолета, превращая залитый заревом подлесок в пыльную труху. Скорострельность у пушки казалась просто запредельной, где-то девятьсот выстрелов в минуту. Довершила расправу над обнаглевшими бандитами управляемая противотанковая ракета «Штурм», сровнявшая с землей то, что осталось от изрешеченных снарядами джипов. Горячий окровавленный металлолом смешался с сырым перегоном.

— Еще бы напалмом для верности окрестности полили! — раздраженно бормотал себе под нос постоянно оглядывающийся Шиз. — От бандюков, наверное, вообще ничего не осталось...

Сотрясающая окрестности огромная машина смерти, словно хищный беспощадный зверь, медленно кружила над недавним местом боя, высматривая остатки возможного противника.

— Однако как вовремя мы оттуда свалили! — похвалил расторопность Стылого Болид. — Военные и нас бы заодно залпом накрыли, никто бы особо не разбирался где свой, а где чужой...

— Мы как раз те самые чужие! — сухо напомнил Стылый, сжимавший в правой руке светящийся ПДА. — Шевелите жопами, к утру мы должны быть уже на Кордоне!

Кордон встретил бывалых сталкеров унылой тревожной картиной. В свете серых утренних сумерек покосившиеся одноэтажные домишки лагеря сталкеров-нейтралов выглядели крайне неуютно, уставившись черными глазницами в окружающую промозглую пустоту.

Знаменитая Перевалочная База выглядела совершенно покинутой.

Стылый поднял руку. Идущие следом за ним сталкеры тут же остановились. Налетевший холодный ветер разогнал клубящийся между домами деревни туман, открыв картину жуткого пиршества. Кривую улочку устлали многочисленные человеческие трупы, которыми вовсю завтракали псевдособаки.

Стылый дал короткую очередь из своего «Абакана». Этого оказалось достаточно, чтобы мутанты с глухими подвываниями бросились врассыпную.

— Это же сталкеры! — удивленно проговорил Болид, присев над ближайшим телом. — Смотрите, пулевые ранения. В этом дырок шесть, а в соседнем, пожалуй, все десять...

— Бандиты! — догадался Стылый, опуская ствол автомата. — Они были здесь. Где-то сутки назад прошли деревню, как горячий нож сквозь масло, уничтожая все на своем пути...

— Думаешь, те самые, что брали штурмом армейский блокпост? — предположил Чадов.

— Уверен, они! — кивнул Стылый. — Идемте к бункеру Пахомыча. Надеюсь, старик успел спрятаться, когда началась вся эта кровавая заварушка...

Но старик спрятаться так и не успел.

Тело Пахомыча обнаружили лежащим ничком у бетонного входа в маленький бункер. Голова у трупа напрочь отсутствовала, и то, что это именно Пахомыч, Стылый смог определить только по синей наколке на правой руке, изображавшей морской якорь.

— Из обрез дробью засадили, прямо из двух стволов в упор! — осмотрев место короткой расправы, сообщил Шиз. — Звери!

— Я спущусь в бункер! — предупредил Стылый. — Там могут быть еще псевдопсы! Вы ждите здесь!

Отец Иоанн поспешно снял с себя куртку и, накрыв тело несчастного торговца, произнес над ним короткую молитву.

Стылый вернулся практически сразу, вид при этом у сталкера был весьма удивленный:

— Представляете, там внизу все его добро лежит нетронутым!!!

— Выходит, они даже не стали грабить... — проговорил Болид. — Так спешили, что не взяли даже халявное оружие. БАНДОСЫ НЕ ВЗЯЛИ ОРУЖИЕ!!! Просто в голове не укладывается!

— Может, за ними кто-то гнался? — предположил Чадов.

— Или что-то! — добавил Опрокидин.

— С той силой, что была у них? — Стылый сокрушенно покачал головой. — Сомневаюсь, что они кого-то боялись... Но вот сильно спешили, это уж точно! Ладно, спускаемся вниз, не пропадать же добру покойного Пахомыча. Все равно мародеры рано или поздно к рукам приберут...

Ключ от арсенала торговца найти так и не удалось. Шиз несколько раз обыскал обезглавленное тело, но ничего даже отдаленно похожего на ключи не обнаружил. Пришлось задействовать найденную в углу заваленного всевозможным хламом убежища «болгарку». Несколько минут противного визга, и мощный амбарный замок упал к ногам чертыхающегося Ромеро. Тяжелая, сваренная из крепких стальных прутьев решетчатая дверь со скрипом ушла в сторону, давая доступ к обширным закромам бережливого торговца.

— Ну, понеслась! — радостно потер ладони Шиз, после чего принялся набивать подсумки дармовыми патронами.

Были тут и защитные комбинезоны.

Под зорким присмотром Стылого журналист взял себе удобный бронекостюм «Булат», оказавшийся подходящего размера. Отец Иоанн выбрал простенький комбинезон наемника, заявив, что не нуждается в другой защите, потому что его в первую очередь оберегает вера. Прочие сталкеры, услышав это весьма спорное заявление, посмотрели на Опрокидина с большим сомнением, но уговаривать выбрать более крутую защиту благоразумно не стали. Если человек так уверен в своих силах, то это его личное дело. Чай, не первый раз в Зоне.

Сам Стылый облачился в новенький «Страж свободы» с накладными, усиливающими броню циркониевыми элементами. Материал костюма состоял из двух слоев: специально обработанной особыми химическими веществами кожи и ткани с асбестовой нитью. Такая защита хорошо оберегала от пуль и случайных осколков. Затем из запасов несчастного Пахомыча был экспроприирован пистолет «Марта» и обрез двустволки. К обрезу шли самопальные патроны, где вместо дроби были засыпаны нарезанные шляпки от крупных гвоздей.

Опрокидин в отличие от Стылого очень долго изучал арсенал погибшего торговца, остановив наконец свой выбор на банальном, но надежном АКМ-74, оснащенном подствольным гранатометом, прихватив к нему в пару пистолет «Фора».

Затем Чадов крепко заспорил со Стылым, страшно веселя остальных сталкеров, ограничившихся исключительно пополнением боезапаса. Причиной спора стал выбор журналистом оружия. Степан взял себе пистолет «Волкер» и автомат «Гром». Стылый безуспешно пытался его отговорить от этого выбора, благоразумно указывая на небольшое количество патронов к этим довольно капризным заморским стволам. Но журналист был непреклонен.

— Дело твое! — наконец сдался сталкер. — Вооружайся, чем хочешь. Что, братцы, затарились?

Сталкеры дружно кивнули.

— В таком случае — в путь! Есть тут у меня одна хитрая мыслишка, откуда именно лучше всего нам начать поиски... Святой отец, не благословите ли нас на правое дело?

Отец Иоанн важно кивнул.

Глава пятая. Свалка

Окрестности Свалки

Туман окутал землю неожиданно, как это часто бывает в Зоне. Белые клубящиеся языки медленно поползли из низин, окутывая мертвые стволы гниющих деревьев. Туман был словно огромное разумное существо. Ласковый зверь, сулящий сладкое забвение. Бережно обнимая бредущих сквозь лес людей, он поспешно скрывал подстерегающую на каждом

шагу страшную смерть. Туман мог обмануть зрение, но, к счастью, был не способен влиять на электронную начинку ПДА.

— Впереди «карусель»! — веско заметил идущий во главе маленького отряда Болид. — Обходим справа! Стылый, что там у тебя на экране?

— Подтверждаю! — хрипло проговорил сталкер. — «Карусель» на восемь часов и «электра» на девять!

— Проклятый туман! — Шиз, поставленный замыкающим, нервно оглядывался, то и дело хватаясь за кобуру. — Ненавижу неопределенность. НЕНАВИЖУ!!!

— «Карусель» благополучно прошли! — продолжал монотонно сообщать Болид. — Дальше два «трамплина»!

— Рядом друг с другом, что ли? — удивился Чадов.

— Именно! — подтвердил Стылый, проверяя показания Болида по своему ПДА. — Сворачиваем влево на пять шагов, замыкающий, не зевай!

— Да не зеваю я! — огрызнулся Шиз. — Будешь тут зевать, когда у тебя спина не прикрыта...

— Вот это да! — восхищенно выдохнул Болид, резко остановившись.

— В чем дело? — Стылый поспешно снял «Абакан» с предохранителя.

— Красотища!

— Не понял!

— Да сам посмотри!

Остановившись у небольшой поросшей коричневым мхом кочки, сталкеры увидели «трамплины». Туман в этом месте отсутствовал, с опаской огибая гиблый участок. Гравитационные аномалии и впрямь располагались рядышком друг с другом, словно сиамские братья-близнецы, что было в Зоне большой редкостью. Но вовсе не это поразило впечатлительного Болида. Над одним из «трамплинов», в нескольких метрах над землей, медленно парило изувеченное страшной силой человеческое тело в темно-зеленом сталкерском комбинезоне. Труп величественно плыл по часовой стрелке, напоминая изломанную злым балованным ребенком игрушку.

— Красиво! — тихо проговорил Степан, завороженный необычным зрелищем. — Страшная и красивая смерть!

— Смерть не может быть красивой, придурок! — огрызнулся Шиз и, заглянув в свой ПДА, быстро просмотрел свежие некрологи. — Это Гопник, место смерти окрестности Свалки, время... пять часов назад, причина — «трамплин»...

— Вот бляха муха! — неожиданно выругался Ромеро. — Он ведь мне бабки должен!

— И много? — заинтересовался Стылый.

— Прилично!

— Плакали твои денежки, дружище! — противно захихикал Шиз. — Кто же в здравом-то уме занимает баблосы идущим в рейд коллегам...

— А я не знал, что он в рейд идет... — обиженно парировал Ромеро. — Ведь уже пару недель никто из наших в Зону ни ногой. Сами же знаете...

— Может, у него что интересное в контейнере есть... — задумчиво проговорил Стылый. — Будет тебе, если что, Ромерчик, хорошая компенсация. Сейчас попробую его сбить...

И развязав висящий на поясе мешочек с гайками, Стылый аккуратно прицелился крупной ржавой хреновиной в парящий над землей труп. Плавнo размахнулся и ловко запустил гайку точно в центр гравитационной аномалии. Воздух вокруг «трамплина» на несколько секунд загустел. Плывущее по часовой стрелке тело неожиданно замерло, после чего было с силой выброшено в воздух.

— Ни хера себе! — крикнул присевший от неожиданности Болид.

Стылый попытался на глаз прикинуть, куда именно зашвырнуло труп несчастного сталкера, но сделать это в тумане не представлялось возможным.

— Ну и где теперь нам его искать? — сварливо поинтересовался Шиз. — Может, его на Кордон забросило, прямо в бункер к обезглавленному Пахомычу...

— Пусть земля сему рабу божьему будет пухом! — скорбно добавил отец Иоанн, быстро перекрестившись. — Хватит вам, братия, с сатанинскими порождениями забавляться, мы только время даром теряем...

— И то правда! — кивнул Стылый. — «Жарка» на семь часов! Болид?

— Подтверждаю!

И сталкеры осторожно двинулись дальше.

— Почти пришли! — сообщил Шиз, к чему-то тщательно пригнувшись. — Слышите, ржавчиной тянет!

Туман в этом месте леса был уже не таким густым, и сталкеры смогли разглядеть темнеющую вдалеке грудку всевозможного металлолома.

— Почему именно Свалка? — спросил Чадов, осматривая окрестности сквозь оптический прицел автомата.

— Тут у меня один знакомец проживает! — неопределенно ответил Стылый.

— Бандюк, что ли? — удивился Шиз. — Если мне ни с кем не изменяет старая шлюха-память, они, кажется, в последнее время эту территорию под себя подмяли?

— Нет, не бандюк! — поморщился Стылый. — Бандиты сидят чуть дальше, в Ангаре... ну или, может, не сидят... черт их знает...

— Так нам чё, на кладбище техники идти? — все не унимался Шиз. — Идея, скажем так, не очень. Радиация там — мама не горюй. Пару минут походишь без спецкостюма — и уже член в темноте светится, как новогодняя гирлянда... Девкам, конечно, за Периметром такая иллюминация, может, и понравится, но, боюсь, лампочка отпадет еще до возвращения в цивилизованный мир...

— Нет, нам не придется лезть на саму Свалку... — спокойно ответил Стылый. — Нужное нам место в ее окрестностях...

— Кажется, именно тут и происходит вечная битва бандитов с вольными сталкерами... — вспомнил Чадов. — Ведь тот, кто контролирует Свалку, контролирует и потоки хабара со всевозможных территорий Зоны. Здесь пересекаются все дороги...

— Местный Рим! — важно кивнул отец Иоанн. — Туда тоже все дороги вели...

— Да нет тут никого! — усмехнулся Шиз, тщательно вглядываясь в мерцающий экранчик ПДА. — Людей, во всяком случае, уж точно нет...

Налетевший порыв холодного ветра вспорол острым кинжалом клубы стелящегося по земле тумана. Прошло меньше минуты, а белой кисее уже и след простыл, словно и не было ее вовсе.

— Фух! — Чадов нервно вытер рукой взмокший лоб. — Что-то отвык я от всех этих местных приколов...

Теперь виднеющаяся в отдалении Свалка была как на ладони. Стылый тут же припал к окулярам бинокля, высмотрев роющихся в мусоре слепых псов. Шиз тоже разглядел местных собачек и тут же дурашливо продекламировал:

— На войну мы не пойдем, на нее мы все насрем!

— Ярослав Гашек! — продемонстрировал профессиональную эрудицию Степан, но Шиз в ответ лишь криво ухмыльнулся.

— Входной люк в той стороне! — Стылый указал куда-то вправо.

— Входной люк? — удивился Болид. — Нам что, придется лезть под землю?

— А тебя что-то не устраивает?

— У этих подземелий плохая репутация! Большинство из них ведут к базе бандитов прямо в Ангар! Есть очень хорошая возможность нарваться на засаду...

— Да нет там никого! — беззаботно махнул рукой Стылый. — Да и то место, куда мы спустимся, всего-навсего небольшой бункер, а не туннель...

— Дело, конечно, твое... — недовольно пробормотал Болид, — только не говори потом, что я тебя не предупреждал...

До возжеленного, виднеющегося в траве ржавого люка оставалось всего ничего, метров десять, как вдруг замыкающий маленький отряд Шиз истошно завопил:

— Плоти, мать твою за ногу, на десять часов!!!

Сталкеры среагировали мгновенно, открыв шквальный огонь в указанном направлении. Замешкался один лишь Чадов, и то с непривычки, да отец Иоанн, который автомат, конечно, с предохранителя снял, но стрелять в мчащихся со стороны леса тварей почему-то не стал.

Потомки обыкновенной домашней свиньи скорее напоминали гипертрофированных гигантских блох на тонких длинных ногах. Кажется, похожую пакость некогда рисовал на своих шизофренических полотнах Сальвадор Дали.

Бегали плоти неуклюже, но довольно быстро. Глухо загрохотал РП-74 Ромеро. Мутировавшие хрюшки разлетались на мелкие окровавленные куски, но остальные продолжали переть, словно взбесившиеся лемминги.

— Они ведь редко нападают... — бормотал себе под нос немного растерявшийся во всей этой суматохе Чадов. — Только когда сильно голодные...

— Справа-а-а-а!!! — визгливо заголосил Шиз. — Вторая стая!

— Да что же это такое, в конце концов! — изумленно воскликнул Болид, быстро меняя обойму в пистолете. — Да я в жизни их столько ни разу не видел...

— Все к люку! Быстро! — коротко распорядился Стылый, вовсю поливая сбесившихся плотей из своего «Абакана».

Находящийся уже практически в двух шагах ржавый люк неожиданно с протяжным стоном открылся, и оттуда на поверхность выбрался высокий бородатый мужчина в очках, вооруженный длинным блестящим ломом.

— Торнтон! — радостно заорал Стылый, приветливо помахав свободной рукой загадочному бородачу. — А мы к тебе в гости!!!

Очкарик, облаченный в странный серо-оранжевый экзоскелет с непонятной круглой эмблемой на нагрудной пластине, радостно улыбнулся старому знакомому и, заливчато закусив губу, принялся крошить мощным ломом хлипкие черепа бегущих со всех сторон мутантов.

— В люк! По одному! Ромеро, давай круговую! — четко распределил обязанности Стылый.

Молчаливый охотник на зомби коротко кивнул, поудобнее перекидывая через левое плечо длинную змею извивающейся пулеметной ленты. Ствол верного РП-74 раскалился добела. Пляшущие в воздухе гильзы приятно хрустели под ногами. Ромеро был в своей естественной среде обитания, кроша поганых мутантов. Наверное, он так бы и стоял там наверху гордый и непобедимый, словно древнерусский витязь, поливая горячим свинцом взбесившиеся окрестности, если бы Стылый на пару с Болидом не втащили безумца за шиворот в спасительное убежище. Тяжелый пулемет еще несколько раз рывкнул, напоследок укладывая с десятков разорванных пополам плотей, затем стало тихо. Лишь яростно хрипели уткнувшиеся в задвинувшуюся крышку ржавого люка тупые бульдожьи рыла свирепствующих мутантов.

Внутри бункера было на удивление чисто и просторно. На аккуратно отштукатуренных стенах висели непонятного назначения приборы и исписанные какими-то безумными формулами бумажки. По углам теснилось высокотехнологичное, покрытое столетней пылью оборудование. Ярko светила широкая лампа дневного света под низким потолком, разукрашенным замысловатыми разводами зеленой плесени.

Помещений, судя по всему, было несколько. Вовремя пришедший на подмогу бородач отвел своих гостей в наиболее просторное, где стоял заваленный всевозможным хламом стол, огромная исписанная мелом доска, продавленный старый диван и очередная гора высокотехнологичного оборудования.

— Эй, мужик, ты что, ученый? — спросил симпатичного очкарика Шиз, со всей дури плюхаясь на жалобно заскрипевший диван. — Если да, то почему ты не с «Чистым небом» на вонючих болотах?

Однако бородач ему не ответил, смущенно посмотрев на Стылого.

— Шиз, завари хавальник! — строго проговорил тот. — Торнтон — немой!

— Что?

— Что слышал!

— А кто он, собственно, такой?

— Да не знаю я... — пожал плечами Стылый. — Пару лет назад он спас меня от верной гибели... Я раненый с боем прорывался к Кордону, но смог дойти только до Свалки. Меня преследовал контролер с огромной стаей слепых псов. А у Свалки ко всему еще встретили свинцом бандиты. Торнтон укрыл меня у себя, обработал раны, накормил, напоил... Я целый месяц тут у него отлеживался. В себя, так сказать, приходил...

— Стало быть, ты не знаешь, кто он такой?

— Стало быть, не знаю!

— А откуда тебе известно его имя?

Вместо ответа Стылый указал на цветную фотографию в деревянной рамке, стоявшую на столе.

Шиз не поленился встать с дивана, куда тут же с удовольствием уселся отец Иоанн. Медленно, вразвалочку подойдя к столу, сталкер внимательно присмотрелся к памяtnому фото, как видно, очень дорогому для обитателя странного убежища.

На фотографии был запечатлен улыбающийся гостеприимный бородач в обнимку с миниатюрной симпатичной мулаточкой. На заднем фоне виднелась какая-то научная лаборатория и парочка фигур в белых халатах. Чуть ниже шла аккуратная подпись на английском.

— Торнтону, с любовью! — тут же переведя вслух, прочел слегка озадаченный Шиз. — Херня какая-то! Стылый, а ему вообще-то можно доверять? Он ведь, кажется, не из наших, а из этих... заморских яйце-головых буржуев...

— Доверяй ему, как мне! — коротко бросил Стылый, деловито разбирая на разложенной в углу газетке свой автомат.

— А откуда он по-нашему-то понимает?

Стылый в очередной раз пожал плечами.

— Ну что ж... — Шиз приблизился к скромно отмалчивающемуся в сторонке Торнтону. — Будем знакомы, очкарелло...

И сталкер протянул немому ученому правую руку для дружеского пожатия.

— Подробно рассказываю всем желающим, зачем мы сюда, собственно, пришли! — закончив с автоматом, во всеуслышание объявил Стылый.

Отдыхающие где попало сталкеры оживились, а храпящий на удобном диване отец Иоанн тут же открыл хитро прищуренный правый глаз.

— Как все присутствующие помнят, штаб-квартира клана «Грех» раньше располагалась на старой заброшенной военной базе в известном всем довольно гиблом месте. Сомнительно, что после уничтожения клан снова возродился именно там. Хотя предсказывать поступки и мысли этих свихнутых ребят я бы, по понятным причинам, поостерегся. Черт их знает, может, и впрямь они на той базе снова окопались, с них, психов, станется. Идти нам туда сейчас — пустая трата времени. Что-то подсказывает мне... некое шестое чувство, что ждет нас там приличный облом. Цена этой ошибки — жизнь ребенка!

— И что же нам прикажешь делать? — задал написанный у каждого на лице вопрос Чадов.

— Вот как раз для быстрого решения этого важнейшего вопроса я и привел вас всех к моему старому другу!

— Так! — Отец Иоанн встал с дивана. — А вот с этого места, пожалуйста, как можно подробней. Чем же твой безмолвный друг нам сейчас сможет помочь...

— Вот! — Стылый торжественно поднял над головой указательный палец. — То, что вы сейчас увидите, кого-то из вас сильно удивит, а кое-кого и вовсе здорово напугает...

Впрочем, не стоит мне ничего вам рассказывать... портить, так сказать, первое впечатление... Торнтон!

Немой бородач бесшумно, словно призрак, возник в проеме низкой двери.

— Веди!

В ответ ученый с готовностью кивнул.

За маленькой овальной дверью, напоминающей люк подводной лодки, начиналась узкая каменная лестница.

Торнтон приглашающе махнул сталкерам рукой.

— Ты же, кажется, утверждал, что этот бункер не связан с подземельями Свалки, — раздраженно проговорил Шиз, с подозрением поглядывая на дружелюбно улыбающегося бородача.

— Так оно и есть! — кивнул Стылый, меланхолично закуривая. — Там внизу комната-тупик!

— А ты там уже был?

— Ага!

— Ну, лады, тогда идем... — скрепя сердце согласился Шиз, первым спускаясь по раскрошившимся от постоянной сырости ступенькам.

Дальше была тяжелая металлическая дверь. Торнтон поспешно снял большой амбарный замок и резко потянул заревевшую дверь на себя. Внутри царила абсолютная непроницаемая тьма.

— Я сам включу свет, Торнтон... — Вперед протиснулся дымящий как паровоз Стылый. — Еще с прошлого раза помню, где выключатель... А вы, парни, заходите, не стесняйтесь, тут места хватит всем...

Чертыхающийся в темноте Шиз налетел на широкую спину Ромеро, и сталкеры тут же перекинулись парочкой не очень лицеприятных отзывов друг о друге.

— Ага, вот он! — пробормотал Стылый, местоположение которого выдавала яркая точка тлеющей сигареты. — Сейчас-сейчас...

Щелкнул выключатель.

Сталкеры зажмурились от хлынувшего в глаза яркого света.

— Твою мать... — выругался Шиз, — предупредил бы хоть, что тут такая мощная иллюминация...

На то, чтобы глаза людей адаптировались к яркому свету, ушло от силы секунд десять. Наконец сталкеры получили возможность как следует оглядеться.

Годами тренированные рефлексы заставили руки опередить еще как следует не обработавший поступившую информацию мозг. Эти рефлексы, как правило, не раз спасали сталкерам их жизнь. Людей, у которых они срабатывали быстрее, чем у других, часто называли счастливчиками. Но удача тут была совсем ни при чем, потому что все зависело от уникальной нервной системы того или иного человека.

Но в тот момент присутствующие отреагировали настолько стремительно, что казалось, то и не люди вовсе, а бездушные совершенные машины для убийств.

Пять стволов четко уставились в угол просторного ярко освещенного полуподвала, и если бы не стоявший на пути готовых вырваться пуль бородач, свинцовый смерч уже давно бы изрешетил забранную стальной решеткой клетку.

Клетка располагалась в самом дальнем углу полуподвала, и то, что в ней находилось, заставило даже хладнокровного Ромеро судорожно сглотнуть. Один лишь Стылый был абсолютно спокоен. С улыбкой на лице он внимательно наблюдал за реакцией не на шутку перепуганных товарищей.

— Эт-т-то чт-т-то? — хрипло прошептал Болид, борясь с указательным пальцем правой руки, который настойчиво пытался нажать на спусковой крючок пистолета вопреки воле хозяина.

— Опустите стволы! — распорядился Стылый. — Ну же... мне бы не очень хотелось, чтобы кто-нибудь из вас от переизбытка чувств застрелил нашего гостеприимного хозяина...

Бородач быстро закивал, отводя рукой в сторону хищный ствол пулемета Ромеро.

Небольшое существо, сидевшее в клетке на грубо сколоченном табурете, с любопытством рассматривало людей, поблескивая маленькими, налитыми кровью глазками.

— Это же бюер! — Чадов опасливо приблизился к клетке. — Стылый, что здесь происходит?

— Все в порядке! — Сталкер бросил на цементный пол сигарету и тут же растер ее сапогом. — Да, это действительно бюер, ну и что с того? Вы что, живого бюера никогда в своей жизни не видели?

— Видели! — мрачно буркнул Ромеро. — Но не так близко...

Опасное порождение Зоны оказалось размером с десятилетнего ребенка. Одет бюер был в короткий защитного цвета плащ с надвинутым на голову капюшоном. Больше всего тварь походила на мерзкого карликового старика с морщинистым, изъеденным непонятной кожной болезнью лицом.

— Что это за х...ня? — строго спросил Шиз, сверля злым взглядом невозмутимого Стылого. — Что эта гнусная мразь здесь делает?

— Сейчас все поймешь! — Стылый повернулся к ученому. — Не беспокойся, Торнтон, я захватил с собой все необходимое...

И, сказав это, сталкер достал из своего рюкзака детскую игрушку — маленького плюшевого медвежонка. Бородач бережно принял мишку из рук Стылого и, подойдя к клетке, протянул игрушку бюеру.

Морщинистая морда существа мгновенно ожила, бюер определенно заинтересовался, маленькие костлявые ручки пришли в движение, и карлик быстро сцапал медвежонка.

— Откуда у тебя эта игрушка? — спросил отец Иоанн, с недоумением следя за всем происходящим.

— Я взял ее из комнаты Нюшки, — ответил Стылый.

— Значит, ты уже заранее решил идти сюда...

— Другого выхода я не видел...

Бюер тем временем тщательно изучал плюшевого медвежонка. Выражение лица карлика в этот момент сделалось совершенно человеческим. В маленьких глазках исчез звериный блеск, морщины разгладились, кажется, он даже улыбался. Это удивительное зрелище длилось минут десять, затем карлик вернул Торнтону медвежонка, после чего внимательно уставился на Стылого.

— Уже можно спрашивать? — Стылый вопросительно повернулся к бородачу.

Ученый медленно кивнул.

Сталкер подошел к самым прутьям прочной клетки:

— Скажи мне, девочка еще жива?

В ответ бюер что-то тихо пробормотал.

— Я не расслышал... громче...

Карлик повторил, и на этот раз до слуха присутствующих донеслись сбивчивые слова: «алтарь, сырость, боль, холод, янтарный свет, боль, хозяин, жива... жива... страх...»

— Господи! — Отец Иоанн быстро перекрестился. — Он что, чувствует то же, что и она?

— Общеизвестно, что бюеры способны видеть будущее... — объяснил Стылый. — Именно этот обладает особо сильным даром предвидения. Когда я оправился от ран, Торнтон показал мне его, и он предсказал мое будущее.

— Что? — удивленно воскликнул Чадов. — Он предсказал тебе будущее?

— Дату моей смерти! — Стылый жутко осклабился. — День и час, вплоть до последней минуты... И пока это не произошло, я бессмертен! Зона не посмеет забрать мою жизнь раньше установленного срока. Что бы со мной ни происходило, я не смогу погибнуть раньше предначертанной судьбой.

Присутствующие ошарашенно молчали.

— Может, кто-то из вас тоже хочет узнать? — Стылый обвел лукавым взглядом коллег, но все как один отвернулись.

— Знать подобное — великий грех! — тихо проговорил отец Иоанн. — Ибо сие знание дано одному лишь Господу Богу!

— Значит, гореть мне в аду! — усмехнулся Стылый и, сняв с пояса свой ПДА, протянул его неподвижно сидящему в клетке бюреру.

— Ты что это делаешь?!! — удивился Шиз. — Совсем, что ли, спятил?

Карлик бережно принял из рук сталкера электронное устройство, с интересом глядя на мерцающий экран.

— Он что, сможет им пользоваться? — ошеломленно спросил Болид.

Происходящее казалось фантасмагорическим сном.

— Боже... — проговорил Чадов, видя, как бюрер ловко колдует над попискивающим ПДА. — Все ведь считали этих существ полуживотными... Выходит, они также разумны, как и мы...

— Нет, не так... — поправил его Стылый. — Их разум безвозвратно изменен, он чужд нам, но в одном ты прав, они не животные...

— Все обитатели Зоны — твари Божьи! — неожиданно изрек Опрокидин. — Иные из них убивают, чтобы выжить, другие — чтобы защитить свою жизнь. Мы нагло вторглись на их законную территорию. Мы здесь чужие, и никто из нас ни разу не пробовал их понять, попытаться найти с ними общий язык...

— Болотный Доктор пробовал! — возразил Болид.

— Но ведь он уже не совсем человек! — в свою очередь возразил отец Иоанн.

Тем временем бюрер вернул ПДА Стылому, и сталкер тут же принялся что-то в нем проверять, открывая и закрывая какие-то приложения.

— Ну и что там? — скептически поинтересовался Шиз, с ненавистью глядя на маленькое опасное существо, по совершенно неведомым причинам решившее помочь людям.

— Он поставил на карте метку! — радостно сообщил Стылый, потрясая над головой ПДА.

— Какую метку?

— Метку места, где должна находиться девочка! Локация «Янтарь»!

— Этого просто не может быть... — Чадов вырвал из рук Стылого электронное устройство. — Как он может знать... да как он вообще смог войти в твою карту...

Бюрер с гордым превосходством смотрел на перепуганных людей.

— Попомнишь мои слова, Стылый, тварь заманивает нас в хитрую ловушку... — тараторил Шиз, когда сталкеры один за другим выбирались из подземного бункера на поверхность. — Ему нельзя доверять, он слишком умен, а значит, очень коварен... Да он умнее любого долбаного бюрера в этой долбаной Зоне... Господи, да я чуть не обделался, когда он говорить начал... Что здесь вообще происходит?

Пожав на прощание руку гостеприимному бородачу, Стылый помог Торнтону закрыть за собой тяжелый люк.

— С ума сойти, мы общались с бюрером! — все не унимался Шиз. — Да расскажи я кому из братвы, они меня тут же засмеют...

— А ты никому об этом не рассказывай! — посоветовал Стылый. — Итак, у нас есть цель! Теперь главное — как можно быстрее туда добраться!

Сталкер хотел сказать что-то еще, но в следующую секунду со стороны леса раздался стрекот автомата.

— Ложись! — Отец Иоанн толкнул на землю несколько растерявшегося Чадова.

В том месте, где только что стоял журналист, по земле пробежали пыльные фонтанчики от автоматных пуль.

— Десять человек идут со стороны НИИ «Агропром»! — быстро сообщил Болид, колдуя над своим ПДА.

— Идут? — удивился Стылый. — Уж скорее бегут... Мы-то им на кой хрен сдались?

— Бандиты! — скорбно проговорил батюшка, опуская бинокль. — Рано или поздно, но в окрестностях Свалки это должно было случиться...

Однако по залегшим на земле сталкерам бандиты почему-то больше не стреляли. Автоматные очереди переместились куда-то влево, глухо разорвалась граната, затем раздались душераздирающие крики.

— Какого хера? — Шиз слегка приподнялся на локтях, вглядываясь сквозь оптический прицел автомата в ближайший лес. — С кем они там сцепились?

Ответ пришел незамедлительно.

Двое мужчин стремительно выскочили из-за деревьев и, неустанно стреляя себе за спины, помчались прямо на залегших в траве сталкеров.

— Не стрелять! — скомандовал Стылый, предостерегающе поднимая левую руку.

Следом за убегающими людьми из леса неожиданно вынырнула сутулая неуклюжая фигура.

— Е...ть меня во все дыры! — простонал Шиз. — Кровосос!!!

— Спокойно! — Стылый вытащил из кармана разгрузки противотанковую гранату. — Никому не двигаться, посмотрим, что будет дальше...

Двухметровая прямоходящая страхолюдина, несмотря на свою обманчивую неуклюжесть, в один прыжок настигнув первого бандита, разорвала беднягу мощными когтями пополам.

Второй бандит истошно завизжал и, споткнувшись, кубарем полетел на землю. Кровосос на несколько секунд растворился в воздухе и в следующее мгновение возник уже над страшно кричащим человеком, вонзая свои мерзкие щупальца прямо в затылок трепыхающейся жертве.

— А вот теперь из всех стволов прицельный ОГО-О-О-ОНЬ!!! — и Стылый первым начал стрелять, подавая пример остальным.

Но занятый жуткой трапезой кровосос не обращал внимания на летящие прямо в него пули. Куски мерзкой розовой плоти отлетали в сторону, свинцовые горячие пчелы неустанно фаршировали плоть мутанта, но тот даже не повернул голову в сторону стрелявших людей.

— Что за херня происходит... — Шиз нервно менял обойму в своем «Винтаре». — Я ему уже шесть раз прямо в башку засадил...

Закончив со своей жертвой, кровосос наконец неспешно повернулся в сторону окопавшихся невдалеке сталкеров. Тварь недоуменно посмотрела на свою изрешеченную пулями широкую грудь, после чего неуклюже заковыляла к противникам. Когда кровосос приблизился на расстояние двадцати метров, стало ясно, что его плоть быстро регенерирует. Страшные раны затягивались на глазах, разорванные сухожилия срастались, вырванные с мясом куски розовой плоти быстро нарастали.

Когда до ведущих шквальный огонь сталкеров оставалось всего лишь несколько шагов, кровосос неожиданно остановился, ища блуждающим глазом свою первую жертву. Судя по всему, монстр никак не мог решить, на кого же первым наброситься.

— Прекратить стрелять! — неожиданно прокричал отец Иоанн и, встав во весь рост, спокойно пошел прямо к хрипло дышащему двухметровому монстру.

— Что он творит? — Шиз попытался было броситься следом за сошедшим с ума Опрокидиным, но Стылый вовремя схватил сталкера за шиворот защитного комбинезона.

— Сиди на месте, придурок, святой отец знает, что делает...

Опрокидин уже стоял напротив кровососа, морщась от гнусного запаха, который источал пропахший насквозь смертью монстр. Мутант недоуменно смотрел на святого отца, окровавленные щупальца на его длинной морде медленно шевелились в такт тяжелому могучему дыханию.

Опрокидин вытянул вперед правую руку, едва не касаясь розовой бугристой плоти.

— Нет! — отчетливо громко произнес отец Иоанн. — Уходи!!!

Это было совершенно немыслимым, но кровосос неожиданно сделал шаг назад, затем еще один и еще...

— Уходи!!! — уже намного громче прокричал святой отец, и чувствовалась в его голосе невероятная внутренняя сила.

Мутант побежал. Длинные когтистые лапы нелепо болтались вдоль широкого тела. Вот сутулая фигура скрылась за деревьями, еще несколько мгновений — и кровосос окончательно растворился в лесу.

— Что он... что он сделал... — Шиз поочередно заглядывал в перепуганные бледные лица сталкеров. — Что он с ним сделал... почему кровосос подчинился... Почему?

Священник обернулся, давая знак, что все в порядке.

— Тут в лесу раненый! — прокричал он. — Я слышу его стоны...

Стылый первым пришел в себя, бросившись к тому месту, куда указывал Опрокидин.

Бандит был обречен. Нанесенная ему мутантом рана оказалась смертельна, но жизнь все еще не покинула крепкое молодое тело.

— Дикая охота... — в бреду горячо бормотал умирающий. — Дикая... охота...

— Какая охота? — Стылый присел рядом, одним глазом поглядывая на лес. — От чего вы бежали?

— Всадник... охота... — тихо проговорил бандит, и эти последние слова выпили из него жизнь.

Стылый накрыл ладонью остекленевшие глаза мертвеца.

— У меня ПДА сломался! — безумно захихикал откуда-то из-за спины Шиз. — Эй, ребята, моему ПДА п...дец!

— Тогда моему тоже! — пробасил подошедший Ромеро.

Стылый снял с пояса жизненно необходимое в Зоне электронное устройство и не поверил своим глазам. К тому месту, где они сейчас находились, стремительно приближались сотни красных точек.

Стылый перевел взгляд на лес.

— Это гон!!! — прокричал сталкер, вскакивая на ноги. — Всем немедленно БЕЖА-А-А-АТЬ!!!

То, что случилось вслед за этим, запомнилось в виде бессвязных мутных обрывков. Неистово болтающийся на уровне груди автомат... стремительно проносящиеся под ногами желтые листья... перекошенная физиономия что-то надсадно кричащего Шиза... подстегивающий, жалящий в спину животный ужас...

— Батюшка и Плясун... — наконец смог разобрать Стылый истошные вопли напарника в редкий момент просветления. — Пропали...

— Не оборачиваться! — Бolid ловко перепрыгивал через путающиеся под ногами сучья. — Никому ни в коем случае не оборачиваться...

Но Стылый не удержался и в какой-то момент, наплевав на все, оглянулся, рискуя тут же превратиться в безмолвный соляной столб. Но он мог себе это сейчас позволить, потому что неизбежная смерть ждала его совсем в другом месте, и произойти это должно было очень и очень не скоро.

Сталкер не стал рассматривать несущихся сквозь лес мелких злобно ревущих тварей, он смотрел на Всадника.

Самого наездника было трудно разглядеть. Черная фигура расплывалась, словно в глаза попали капли грязной мутной воды. Но вот то существо, на котором он мчался через лес...

Длинноногая гривастая тварь меньше всего напоминала лошадь. Оскалившаяся хищная морда обнажала двойной ряд острых, как иглы, зубов. Из узких глазных отверстий сочился желтый гной. Ноздри широко раздувались, извергая дым. Белая слюна с шипением текла по длинной шее, прожигая черную плоть насквозь, до багровой вязкой сукровицы...

Наверное, время в тот момент остановилось, будто некто всемогущий благосклонно сделал для Стылого яркий реалистичный стоп-кадр. Ведь он оглянулся назад всего лишь на долю секунды, но при этом смог рассмотреть так много. Или, быть может, преследовавшая его тварь ХОТЕЛА, чтобы он ее увидел?

По застывшему изображению неожиданно побежала рябь, будто от брошенного в воду камня. По фигуре всадника прошли странные цветные помехи, какие бывают на экране неисправного агонизирующего монитора.

Но обдумать это удивительное видение как следует сталкер не успел, потому что обезумевшее время, сдвинувшись с мертвой точки, снова с головой окунуло его в безумный хоровод кошмарного бегства...

Глава шестая. Тени подземелья

Подземелье НИИ «Агропром»

Степан Чадов давно вышел из детского возраста и уже не мог припомнить, когда в последний раз смотрел мультфильмы. Однако при виде всего того, что было вокруг, в голову так и лезла фраза Карлсона, которую толстяк с моторчиком на спине часто повторял своему юному приятелю: «Спокойствие, только спокойствие, Малыш!» Но назвать «житейским делом» тот переплет, в который угодили они с отцом Иоанном, язык не поворачивался. Скорее уж, выражаясь словами героини того же мультя, фрекен Бок, это было «безобразием».

А как еще прикажете назвать этот безумный марш-бросок по бесконечному коридору, полному ловушек и препятствий?!

Когда журналист завидел несущуюся прямо на него темную массу жутких тварей, предводительствуемую зловещим всадником на бледном коне, он сломя голову ринулся наутек не разбирая дороги. Ему показалось, что слышал за спиной крики священника, призывавшего Степана остановиться, однако ноги сами несли его прочь от проклятого места.

...Раздутые ноздри, спутанная грива, дико косящий глаз и грозное ржание, словно предрекающее неминуемую гибель...

Это видение неизбежно преследовало Чадова, заставляя любой ценой искать место, где можно было бы спрятаться, укрыться, спастись. Он даже не представлял, что способен настолько испугаться. Сердце вдруг бешено заколотилось, а затем рухнуло, будто бы в бездонную пропасть.

И ведь не страхолудной лошади (или что там еще за ездовое животное было) устроился, а именно что Всадника. Конь с первого взгляда даже позабавил немного своими акульными клыками да гноющимися подслеповатыми глазами. Точь-в-точь кабан-гигант из анимэ Миядзаки. Но вот наездник...

Атлетически сложенный молодой парень чуть повыше среднего роста, уверенно держащийся в седле. Руки небрежно сжимают поводья, а ноги еле касаются лошадиных боков. Казалось, он не сидит на спине животного, а чуть-чуть парит над нею. Бледное лицо, обрамленное светлыми кудрями, выражало ледяное спокойствие и одновременно было перекошено болезненной судорогой. Такое выражение порой можно встретить у античных изваяний.

И самое страшное было то, что в этом застывшем лице Степан узнал... свое собственное лицо. Это он сам мчался верхом на лошадино-образном монстре во главе дикой охоты. Живой мертвец, снедаемый неведомой мукой.

— А-а-а! — рвался из груди вопль-рык.

Прочь, прочь отсюда!

— А-а-а!!!

И земля разверзлась под ногами, принимая в свое темное лоно грешника...

Чья-то тяжелая длань ощутимо шлепала Степана по щекам, возвращая к сознанию.

— Ты живой, Плясун? — донеслось до журналиста, как сквозь вату.

Он открыл глаза и сначала ничего не смог разобрать в наступающей со всех сторон темноте. Потом сквозь сумрак прорезался ярко-желтый луч фонарика. В его свете Чадов различил ящероподобное лицо батюшки.

— Отче, мы уже на том свете?

— Почти, — согласился отец Иоанн.

— А если серьезно? — С помощью священника парень принял строго вертикальное положение.

Голова кружилась и болела. Видно, сильно приложился во время падения.

— Если приборчик не врет, — сверился со своим ПДА Опрокидин, — то мы сейчас ровнехонько в подземельях института «Агропром».

— А где все наши?

Опираясь на стену, встал на ноги.

— Там остались...

Батюшка посветил фонариком вверх. В толстом бетонном потолке зияла большая неровная дыра, через которую они и провалились в эту преисподнюю.

— Они... — начал было журналист и не договорил из-за сжавшей горло судороги.

— Да живы, живы, не волнуйся, — успокаивающе махнул рукой отец Иоанн. — Просто, когда началась вся эта хренотень, ты рванул куда-то, я побежал за тобой, и мы с ними оказались по разные стороны гона. А потом парочка обалдуев сверзилась в сие пекло. Одним словом, надо выбираться, чадо. Я уже связался с нашими спутниками, договорились о точке встречи. Курс — «Янтарь». Там сейчас находится новая база «грешников». Именно туда указал бюрер. Мы с тобой пойдем под землей, через Агропром, а они отправятся поверху.

Испытующе посмотрел на молодого человека.

— Ты как, идти в состоянии?

— Нормуль, — показал большой палец Степан. — Все о'кей, отче.

— Вот и славно, — улыбнулся священник, поправляя оружие. — Ино побредем с Господней помощью! Тебе пособить?

Кивнул на чадовскую амуницию, но молодой человек отрицательно мотнул головой. Дескать, сам справлюсь.

— Ну, как знаешь... Была бы честь предложена...

Подозрительно оглядываясь по сторонам и медленно поводя стволами автоматов, «крестоносцы» подались вперед.

Журналисту как-то сразу не понравился этот странный туннель. Что-то в нем было не так. А что именно, ни он, ни Опрокидин, тоже заметно поеживающийся, причем явно не от холода, объяснить не могли.

Эти поросшие даже не зеленым или черным, а каким-то голубоватым мхом кирпичи и бетонные плиты с торчавшими то здесь, то там ржавыми арматуринами источали враждебность, щерясь на людей выбоинами и сколами.

Прямо как крысы.

Тьфу, не любил Степан этих тварей. И не понимал тех придурков, которые заводили себе жутковатых грызунов в качестве домашних питомцев. Вон, в Интернете куча специальных сайтов, дающих советы по уходу за «милыми зверушками». Делом бы лучше занялись, а не дурью маялись.

Как говорится в одной русской пословице, не буди лихо, пока оно тихо. Стоило только подумать о хвостатых тварях, как они невесть откуда свалились им с батюшкой на головы. Причем в буквальном, а не переносном смысле.

В своде тоннеля обнаружился то ли колодец, то ли просто какое-то сливное отверстие, из которого выпрыгнули с десятков огромных, в полтора локтя длиной, зверюг, хищно поблескивающих глазами-бусинами и противно скалящихся и шипящих.

— Бля!.. — вскрикнул Чадов, в ужасе стряхивая с себя визжащие мохнатые клубки. — Стреляйте, отче!

И первым открыл огонь по грызунам, даже особо не целясь.

Уши заложило от грохота выстрелов и от дикого крика поражаемых тварей. Они летели в разные стороны, точно бильярдные шары. Натыкаясь друг на друга и тут же отлетая. Иные, правда, почувствовав запах и вкус крови, забывали о родстве и тут же принимались за трапезу, закусывая плотью сородичей.

Смотреть на это было жутко и омерзительно. Но куда деться? Закрыть глаза? А как тогда стрелять?

Степан нажимал на спусковой крючок до тех пор, пока в автомате сухо не защелкало, сообщая о том, что патроны закончились. Расстрелял всю обойму и Опрокидин, потому как и с его стороны стрельба прекратилась.

— Да воскреснет Бог, и расточатся враги его! — воскликнул батюшка, размахисто крестясь. — Слава Всевышнему!

— Воистину, — выдохнул Степан. Креститься не было сил. Да и вообще...

— Конец! — прохрипел священник. — Кажется, отбились...

— Не может быть! — не поверил Чадов, вытирая со лба холодный пот.

Посветил фонариком.

Точно.

Среди серо-буро-кровавого месива, устилавшего землю вокруг них, не было никакого шевеления. Ну, ладно, они пристрелили пару-тройку десятков. И такое могло быть. Здесь, в закрытом помещении да при такой кучности нападавших, одной пулей можно было сразу нескольких тварей укокошить. (Даже странно, как это напарники друг друга не ранили, ведь рикошет и все такое...) Но остальные? Неужели пали жертвой зубов собратьев?

Ну, не до лишних размышлений сейчас. Надо дальше двигать.

— Вперед! — скомандовал Опрокидин, перезаряжая пистолет.

Благо, запасные обоймы имелись. Золотое правило человека с пистолетом: не имей сто рублей, но запаску всегда имей!

Так они прошли сотню или другую шагов. Степан сначала считал их, но потом сбился и перестал. Тем более что коридор петлял, то и дело являя их глазам все новые и новые боковые ответвления.

Странно, однако здесь даже спустя столько лет после катастрофы продолжали гореть лампочки, освещая все вокруг таинственным тревожным светом. Как они не перегорают? Или это тоже своего рода аномалия, порожденная Зоной, — вечно горящие лампы подземелья «Агропрома»?

— А вы не растерялись, батюшка, — ехидно заметил журналист. — Вон как лихо по крысам шмаляли. Как же ваше утверждение, что все обитатели Зоны твари Божьи, что их любить и понимать нужно?

Святой отец возмущенно хмыкнул.

— Скажи спасибо, что я не буддист или джайнист какой! А то бы вспомнил о благом ненасилии, да и скормил тебя этим мерзким животинам за длинный язык. Не все следует понимать буквально. Есть действительно Господни творения, а есть те, которые породил сон разума или диавол. В принципе вся эта Зона не что иное, как порождение заснувшего человеческого разума, забывшего о Создателе своем... О-хо-хо, грехи наши тяжкие. Когда же за ум наконец возьмемся, *хозяева природы*?

Чадов решил задать остро саднивший его вопрос.

— Скажите, отец Иоанн, — губы журналиста пересохли от волнения, — а вы успели рассмотреть... Его? Ну, всадника этого?..

Опрокидин по своей привычке сперва долго не отвечал.

— Разглядел, как же, — нарушил наконец молчание.

— И как?.. Что вы о нем думаете? Кто это или что? И какова его природа?..

— Слишком много вопросов. И, боюсь, ни на один из них я пока не смогу дать вразумительного ответа...

— Ну а во внешности его ничего особенного вам не показалось?..

— Ликом бледен и прекрасен, — вздохнул священник. — Не то что его меринок. Вот это образина так образина! Прости Господи!

Сплюнул себе под ноги и перекрестился.

— А не напомнил вам этот самый лик кого-то другого, знакомого? — продолжал настаивать Плясун.

— Кого бы? — нахмурившись, не понял святой отец.

— Ну, меня, например, — бухнул прямо в лоб Чадов.

— Окстись, чадо неразумное! — рывкнул на него батюшка. — Ишь, вознесся как! Сам диавол на него должен ликом походить! Не вышел рожей-то! Сие ангел падший был, а ты кто? Смирять себя молитвой и постом, и сны твои видений легких будут исполнены.

— Хорошо сказано! — повеселел журналист.

— Не мною, — скромно потупился собеседник. — Александром Сергеевичем. Цитата.

— Ага, да, Пушкин, — припомнил филолог. — «Борис Годунов», кажется.

— Точно.

От слов пастыря немного отлегло на сердце. Но потом вдруг перед глазами отчетливо встал бледный двойник. Ведь согласно приметам, увидавшим его вскорости предстоит распрощаться с этим светом.

При воспоминании о жутком призраке Степан едва не нажал на спусковой крючок. Страх желто-красным туманом заволок глаза.

Может быть, потому он сразу и не заметил, как внезапно куда-то запропастился Опрокидин.

Просто почувствовал, что под ногами нет тверди, и стал как вкопанный на месте.

Что за чертовщина?

Направил луч фонаря на пол и присвистнул.

Дальнейший путь перегородила большущая яма. Вширь она была метра в три или четыре. А вот вглубь...

Фонарный свет, поскакав со стенки на стенку, наконец добрался до дна ямы. Там, стоя на четвереньках, нелепо ползал батюшка, вероятно, отыскивая оброненное во время неожиданного падения оружие.

Слава Всевышнему, хоть живой.

— Эй, вы там как? — окликнул его Чадов. — Руки-ноги целы?

— Да, — отозвался священнослужитель. — Только расшибся малость. Колено ушиб и руки в кровь разодрал.

— Потерпите. Сейчас вытащу вас оттуда и продезинфицируем. Кстати, — спохватился вдруг, присмотревшись, — а что это там в углу за мерцание?

— Где?! — вскинулся батюшка.

Проворно обернулся назад и едва не угодил ногой в светящуюся ярко-зеленую жижу, хорошо видную даже в полутьме.

— Тьфу ты, еж твою дивизию! — в сердцах выругался батюшка. — «Холодец» чертов! Их здесь видимо-невидимо. Беречься надо.

При контакте с человеческим телом эта аномалия столь же опасна, как какая-нибудь сильная кислота. Легким ожогом тут не отделаешься.

— Вы там поосторожнее.

— Так она ж не кусается и не бросается на людей, словно собака, — отшутился отец Иоанн. — Лежит себе смирно, других не трогая. Лишь бы ее кто не зацепил.

Тем временем Степан извлек из заплечного мешка моток прочного туристского троса и, забросив его в провал, стал «ловить рыбку большую и малую».

Вдруг сильный толчок отбросил его на спину, заставив выпустить спасательную снасть из рук.

— Что за хрень? — не понял журналист, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Повернулся и обомлел.

Всего в двух шагах от Чадова стоял мужчина с закрытым маской лицом, одетый в черный комбинезон без каких-либо опознавательных знаков.

За его спиной маячили еще три типа, экипированных аналогично.

Степан тоскливо глянул на оружие, аккуратно сложенное в кучку перед операцией по спасению отца Иоанна. Не дотянуться. Придется как есть, голыми руками. Ну, ему не привыкать. Видно ведь, что и противники без огнестрельного оружия.

Первый незнакомец, по-видимому, главарь, резко бросился на парня, пытаясь свалить его с ног. Тот еле успел уйти из-под удара, кувыркнувшись через левое плечо.

Верзила, стоящий справа, со скоростью гепарда прыгнул на журналиста, и лишь только свист воздуха, разрезанного его телом, выдал практически незаметный выпад. Но и Степан был не лыком шит. Ловко присев под летящим на него бойцом и уйдя немного влево, он правой рукой изо всей силы ударил здоровяка в солнечное сплетение. Предполагалось, что от такого удара бедолага должен был вырубиться просто на месте, но тот, отлетев на пару метров и ударившись о близстоящую бетонную опору, тотчас же подскочил на ноги.

Плясун на мгновение замешкался, удивленный реакцией противника на удар. Этим не преминул воспользоваться следующий бандит, напавший со спины. Он обхватил парня сзади за руки, давя с чудовищной силой. Чадов попытался разорвать захват привычным приемом — ударить пяткой под коленной чашечкой и немного присесть, отступая вправо. Но намеченный выпад не увенчался успехом — журналист так и остался стоять, обхваченный сзади за руки верзилой. Человек в маске попросту не отреагировал на удар по болевой точке и не сдвинулся с места.

— Эй, парни, вы кто такие? — обратился Чадов к соперникам.

Ему никто не ответил.

Собрав всю силу, журналист дернулся вперед, выводя державшего его «ниндзя» из равновесия, и таки скинул того с себя. Перевернувшись через голову, «закутанный» поднялся на ноги.

— Что там у тебя, Плясун? — возопил из темных бездн не на шутку обеспокоенный батюшка.

— Сам не пойму, отче! Четверо верзил, от которых несет, как от помойки! Бомжи местные, что ли?

Два оставшихся бойца напали одновременно. Один бросился ему в ноги, обвивая руками колени, а второй решил схватить за горло. Чадову удалось предупредить прием второго разбойника, так что тот, получив локтем в челюсть, отправился подальше. При этом его голова, выдержав толчок, в который журналист вложил почти всю свою мощь, неестественно повернулась против часовой стрелки.

— Первый пошел, — ухмыльнулся Степан, все еще удерживаемый за ноги одним из негодяев.

Руки были свободны, и, сложив правую ладонь ковшиком, Плясун налаженным движением двинул врага по сонной артерии. Однако противник не среагировал, продолжая спокойно сидеть в ногах у парня и крепко сжимая их.

Между тем поднялся бандит со сломанной шеей. Судя по всему, травма ему не сильно мешала, так как он спокойно переминался с ноги на ногу, не спеша атаковать. Будто ожидал чьего-то приказа.

— Ни хрена себе фокусы! — крикнул во весь голос. — Это что еще за киборги, у которых нет слабых мест? Покойники встают как ни в чем не бывало. Или и впрямь конец света наступил?

— Похоже, на банду зомбаков нарвались, — гулко отозвался Опрокидин. — Держись, я уже на полпути. Сам выберусь. Тут стены неровные!

Журналист нагнулся вперед, вытянув обе руки, и, подогнув голову, кувыркнулся, освобождаясь от туши, схватившей его за ноги.

Теперь на арену вышел самый первый, тот, что стукнулся об опору. Он решил обхватить Степана спереди, но наткнулся на преграду. Вовремя выставленная «вилка» из двух пальцев воткнулась в его глазницы. Противная влага обволокла кисть Плясуна, мерзкий

запах ударил в нос. Ему еле удалось сдержать рвотный порыв, вызванный удушающей вонью. Это был запах гниющей плоти, разлагающегося тела.

— Точно зомби. Ваша правда, святой отец!

— Тут у них рассадник... Они вооружены?

— Нет!

— Твое счастье. Смотри не подпускай их к оружию, а то не совладаем! Сожрут за милую душу, как аборигены Кука.

Парень вспомнил любимый с детства фильм «Обитель зла». Ох и лихо Мила Йовович мочила там живых трупов. Только там они, кажется, были ужасно ядовитые и питались человечинной. Его же новые знакомые похожих симптомов пока не проявляли. Жаль, что оружие далековато. А то устроил бы им премьерный показ.

Теперь в атаку перешел Чадов. Поняв, что воздействие на болевые точки в данном случае бессмысленно, он решил применить грубую силу.

В два прыжка подлетев к одному из таинственных соперников, Степан с силой рванул его за руку, выводя локоть из сустава. Хрустнула кость, треснула, будто по швам, кожа, и оторванная по локоть конечность осталась в руках Плюсуна.

Несмотря на то что руку отсоединили от туловища, та продолжала извиваться и шевелить пальцами, пытаясь схватить парня за шею. Он с отвращением отбросил мерзкий кусок живой плоти подальше.

Следующий зомби попрощался со стопой, получив по суставу острым камнем, подобранным журналистом.

Чадова удивлял ход этой странной битвы. Соперники тщательно старались не покалечить его, взамен чего расставались с частями собственных тел. Последнее их, видимо, особо не расстраивало — они абсолютно не замечали травм, не чувствуя боли.

Внезапно живые мертвецы подняли головы, тупо уставившись в темный свод туннеля, будто к чему-то прислушиваясь. Затем зомби резко обернулись к противнику, протянув к нему мертвые узловатые руки.

Не успев даже моргнуть, Степан оказался придавленным к земле тяжестью четырех тел. При этом он больно ударился головой о камень, которым недавно отсек часть ноги одному из живых трупов.

Похоже, хозяину тварей надоела эта игра в кошки-мышки, и он решил закончить задуманное. Каков же план у этого таинственного НЕКТО?

Журналист почувствовал, как по его виску течет теплая струйка крови, и понял, что медленно проваливается в забытие.

— Аз есмь кара Господня! — прорвался сквозь туманную пелену торжествующий клич отца Иоанна.

А вслед за ним запело, загрохотало огнестрельное оружие.

Тяжесть с груди и конечностей убралась. Вместо этого на лицо парню шмякнулся мерзостно пахнущий кусок чего-то холодного и склизкого. Молодого человека тут же вывернуло наизнанку.

— Ух, суки! — орал беснующийся священнослужитель. — Убирайтесь в ад, дьявольские отродья!

Рой раскаленных пчел-пуль набросился на четверку зомби, с характерным звуком вонзаясь в не живые и не мертвые тела. Ошметки плоти, клочки материала, осколки пуговиц летели в разные стороны, натыкаясь на стены, столбы, поддерживающие потолок, и оставляли на них темные, остро пахнущие следы.

— В голову, в голову им стреляйте! — закричал Чадов, поспешно отползая к стене.

Фигуры, некогда бывшие людьми, наделенными искрой божественного разума и души, извивались в немыслимых пируэтах. Ничего не выражающие глаза безразлично пялились на извергающее свинцовый шквал оружие. В неясных жестах вздымались вялые длани, пытающиеся выставить преграду смертельному шторму.

И стрекотал-грохотал трудяга АКМ-74, кося в мелкую капусту живых мертвецов, пока не раздалось удовлетворенное:

— Ну, вот, кажется, и всё!

И вслед за ним полилось уже на чисто русском наречии:

— Что, трупяки гнойные, довыеживались?! Какого хера, мать вашу размать, на людей прыгали! Вот и провалитесь теперь на хрен в ад, огребши трындюлей от слуги божьего по полной!

Как ни странно, грубая брань привела Степана в душевное равновесие.

Все правильно, как учил сэнсей Голдин: «Вместе с руганью из тебя выходит злая энергия, мешающая рассудку трезво мыслить. Это как с перепою сунешь два пальца в рот для облегчения, выблюнешься, и на душе сразу свободнее станет. Так и тут...»

Все-таки умный человек Учитель.

Кряхтя и охая, отец Иоанн оттащил журналиста в другое помещение, куда не доносилась трупная вонь с зомбибойца. Сюда же приволок и пожитки с оружием.

— Передохнем малость, — заговорщицки подмигнул уже пришедшему в себя напарнику. — Ты как насчет хорошего глотка доброй горилки?

— Только, чур, без закуси, — взмолился Степан. — Ей-богу, от одной мысли о еде с души воротит.

— Поглядим, — не стал настаивать батюшка, разливая по раскладным металлическим стаканчикам прозрачную жидкость. — Ну, по единой!

Крепкая водица приятно обожгла гортань.

— Ядреная! — довольно крякнул святой отец и скоренько налил еще «по единой». — Будьмо! — провозгласил традиционный местный тост и, не дожидаясь ответа напарника, проглотил и эту порцию.

Занюхав рукавом комбинезона, священник извлек из широких штанин увесистый кожаный лопатник.

— Трофей! — похвастался, вертя перед носом. — Ну-ка, поглядим, чем зомби на жизнь зарабатывают.

Расстегнул застёжку и заглянул внутрь. На лице его тотчас же появилось кислое выражение.

— Фу-ты, ну-ты! И здесь фальшивки.

Извлек на свет божий пачку тысячных купюр. Стал рассматривать, внимательно приглядываясь к замысловатым узорам.

— И что в них такого, не пойму... Однако ж что-то есть. Тревожное, аномальное. Надо подумать... Не нравится мне это художество...

— Кстати, — заметил журналист, — сделаны достаточно профессионально. Только с детектором и отличишь от настоящих.

— Ну, да, — согласился Опрокидин. — Только вот зачем фальшивки зомбякам? Не для накопительных же вкладов в банк, в самом деле.

— Фальшивые деньги, неправильные зомби, — задумчиво произнес Чадов. — Вообще все как-то запуталось донельзя.

— В смысле? — недопонял пастырь. — Почему «неправильные»? Зомби — они и в Зоне зомби. Жаль, нашего Ромеро здесь нет. То-то бы порадовался парень славной охоте...

Степан рассказал батюшке о своих ощущениях. Вроде за живыми мертвецами, как за марионетками, стоял некий кукловод, управляющий их поведением.

— Вот и сейчас меня не оставляет такое чувство, что за нами кто-то следит. Засунул в стеклянную банку подопытных насекомых, а сам глядит со стороны, как они себя будут вести в тех или иных условиях.

— Это у тебя от многого ума! — наставительно вздел перст указующий отец Иоанн. — Давай-ка лучше усугубим. Оно опрощению способствует. А чем проще мыслится, тем лучше и легче человеку живется.

— Я не против, — согласился Степан. — Тем паче есть за что. Вот увидели мы этого самого хваленного призрака — и до сих пор живы.

— Сплюнь! — строго наказал батюшка. — Еще петух трижды не возопил...

После очередной «единой» настройке «крестоносцев» заметно улучшилось. Потянуло на задушевные разговоры.

— А вот, отче, что вы скажете о наших врагах, «грешниках»? Тоже ведь творения Господа. Или нет?

— Сатанизм. Типичная бесовня.

— Сон разума?

— Точно, он самый. — Твердая пастырская рука вновь до краев наполнила сосуды. — Есть некие морально-нравственные пределы, которые можно переступить только в таком «сонном» состоянии. Например, похитить ребенка...

Священник с силой сжал кулак, едва не раздавив стаканчик.

— Вот ты бы смог?

— Нет, конечно! — возмутился парень.

— А что тебя останавливает? Этический запрет? Да, но он имеет истоки. Его истоки — в Боге. А если ты все же это делаешь, то истоки твоего поступка в другом. Атеисты называют их нелюдями, люди верующие говорят, что они одержимы бесом.

— Так, может, вся современная культура — это бесовня?

— Это обычное язычество. А язычество — просто глупое прыщавое детство. Если кто-то всерьез начинает разбираться в себе и в окружающем мире, то он неизбежно приходит к религиозным ценностям, которые тянут за собой ценности морально-этические.

— Вы помните тот этап, когда вы устали от этого язычества?

— Такого момента не было. Я поступательно шел к вере. Когда я учился на режиссера и пытался постичь истоки мастерства великих предтеч, то вдруг осознал: для того чтобы сделать что-то по-настоящему, надо принести в жертву всего себя. Я стал искать и не нашел такой темы, такой идеи, ради которой готов пожертвовать жизнью. Тогда у меня начался довольно длительный период поисков. Он продолжался до тех пор, пока я не столкнулся с людьми, которые обладали такой идеей. Религиозный фактор — один из главных составляющих компонентов человека разумного. В основе любой религии лежит готовность к жертве. Другое дело, что у разных религий и мотивы разные. Христианский мотив — любовь. Но если у человека нет ради чего пожертвовать жизнью, его жизнь совершенно бессмысленна!

Он грустно склонил голову на грудь и приуныл. В своей нелепой бандане с черепами и стalkerском комбинезоне он сейчас меньше всего походил на слугу Божьего. И все же было в нем нечто такое, что заставляло, склонив голову, присоединиться к его безмолвию, не мешая работе ума и духа пастыря.

— Ладно, пойдем, — хлопнув себя руками по коленям, со вздохом встал с поваленной металлической бочки отец Иоанн. — Уже недолго осталось нам быть «детьми подземелья».

Это батюшкино «недолго» оказалось довольно условным. Как русские версты.

Спросишь кого-нибудь: а дальше ль до соседней деревни-озера-остановки? Всего-то пара верст — услышишь в ответ. И идешь себе час, другой, третий, не видя конца и краю той несчастной «парочке».

Так и здесь.

Помещение сменялось коридором, а коридор — очередным залом, захлавленным разбитыми ящиками с непонятной маркировкой, кучей пустых металлических бочек, связками проржавевшей арматуры.

Осторожно ступая на усыпанный кусками осыпавшейся штукатурки и битым кирпичом пол, «крестоносцы» двигались вперед. Стволы автоматов в любой момент были готовы исторгнуть град смертоносных «насекомых».

Степана никак не оставляло гнетущее ощущение чьего-то постороннего присутствия. Он как будто физически ощущал на себе липкие щупальца, пытающиеся вторгнуться в его душу, оплести разум, взяв под контроль движения и мысли.

Нужно было сопротивляться. Думать о чем-то постороннем. Хотя бы вот считать, сколько раз по пути им встретится «холодец». А эти изумрудные аномалии попадались едва

ли не через каждые пять-шесть метров. Росли здесь, как грибы или посты ГАИ на подъезде к столице. С чего бы, спрашивается? Какая среда питала эти неестественные образования?

— На пять часов — «электра», — сверился со своим ПДА батюшка.

Уже какое-то разнообразие, обрадовался Плясун. А то все «холодец» да «холодец». Так и сам не ровен час превратишься в зеленую студенистую слизь.

Они как раз подошли к широкому люку с уходящей куда-то вниз спиралевидной лестницей.

Грохоча подкованными берцами по проржавевшим металлическим ступенькам, спустились несколькими пролетами ниже.

Это хорошо, ни с того ни с сего пришло в голову Чадову, что они живут не в средние века. Отмахиваться на такой лестнице от кого-либо тяжелым мечом было бы несподручно. То ли дело их «Гром» с «Волкером» и АКМ-74 с «Форой». С такими помощничками любой противник не страшен. И можно хоть с левой, хоть с правой, хоть из обеих рук одновременно поражать врагов.

Ага, вот и она, обещанная святым отцом «электра».

По сравнению с примитивным «холодцом» эта аномалия была, конечно, как небо и земля.

Прежде всего они различались масштабами. Зеленый студень покрывал площадку метра в два-три, а «электра» представляла собой неправильную окружность радиусом около десяти метров. И больше всего походила на скопление сапфиров, сияющих холодным бледно-голубым светом.

Почему-то так и хотелось приблизиться к этому источнику света и погрузить в него руки. Какое-то непонятное умиротворение и покой исходили от него.

Однако поддаваться подобным настроениям было нельзя. «Электра» — это всего лишь скопление статического электричества, разряжающееся на любой попадающий в нее электропроводящий предмет. Поражение от нее практически всегда смертельно. Чем-то она напоминает морскую медузу. Так же непостижимо прекрасна и так же жжет любого, пытающегося протянуть к ней свои алчные заgreбушие руки.

Журналист с опаской разглядывал голубоватые искорки, со зловещим потрескиванием разлетающиеся от «электры» в разные стороны. Вот одна из них, отлетев слишком далеко от материнского лона, приземлилась на опрокинутый набок металлический бочонок. Едва голубой огонек коснулся металла, раздался оглушительный треск, напоминающий выстрел. Бочонок на несколько метров подкинуло в воздух, где он бешено завертелся вокруг своей оси. Потом полый цилиндр сплющило до дископодобного состояния и с грохотом швырнуло о стену.

После такого периода бурной активности «электра» на какое-то время приугасла, чутко разрядившись.

Отец Иоанн, велев Чадову оставаться на месте и следить в оба за обстановкой, осторожно приблизился к задремавшей аномалии и малость порыскал там-сям. Все-таки сталкерское прошлое взяло свое. Ведь, как правило, возле разрядившихся зоно-патологий можно найти какой-либо полезный и зачастую прилично стоящий артефакт.

Так и сейчас не обошлось без приятных находок. Склонившись над чем-то, батюшка издал торжествующе-довольный рык и потряс в воздухе некой вещицей, напоминающей песочные часы.

— Это что? — любопытствовал Степан, когда священник вновь оказался рядом с ним. — Давно я в Зоне не был, совсем голова дырявая стала...

— Так, пустышка, — небрежно молвил Опрокидин, вертя в руках артефакт, по виду смахивающий на два жестких диска, сцепленные между собой слизью.

— В смысле? — переспросил Чадов.

— Название такое: «пустышка», — разъяснил святой отец, пряча хабар в специальный контейнер. — Сказывают, что она уменьшает процесс денатурации белков из-за термического воздействия.

— Ага, кажется, что-то такое припоминаю, полезная вроде как штука, — важно кивнул журналист.

— Стимулятор для организма, — яснее выразился пастырь.

— Напомните, сколько стоит?

— Так себе, на пару свечек Богородице да бутылку «Казаков» хватит...

Еще какое-то время шли без происшествий.

Опрокидин даже начал шептать благодарственную молитву во избавление от злых напастей, и журналист попробовал присоединиться к нему со своим исковерканным и полузабытым «отченашем», хотя и считал, что не самое удачное время выбрано для славословий.

И зря богохульствовал, творя молитву не с чистым сердцем.

Ибо туннель заволокло невесть откуда взявшимся дымом.

Сначала путники не обращали на него внимания. Ну, дым себе и дым. Стелется клубами под ногами, как на какой-нибудь сцене во время выступления артистов. Безвредный же, идти и дышать не мешает.

Но постепенно дым поднялся им до колен, потом до пояса. И пришла тревога. Дышать оно не мешало, благо, респираторы есть. Но вот пола не видно. А кто знает, может, там снова какая яма нарисуеться. На этот раз шире и глубже той, в которую угодил святой отец. Или какая гадость похлеще.

Невольно ускорили шаги.

— Крыс они, что ли, выкуривают? — предположил Степан.

— Ага, крыс, как же, — с сарказмом сплюнул Опрокидин. — И кто это — «они»?

— Я почем знаю. Может, те, кто направлял зомби.

— Ну-ну, — скептически молвил батюшка. — Ты не мели, Емеля, чепухи, лучше давай топай. Ну, ты чего застрял, как Винни-Пух после обеда у Кролика?

— Там... — вытянул вперед руку журналист, став похожим на памятник Ленину, стоявший еще три года назад на главной площади сталкерского поселка. — Там...

— Да что там? — нетерпеливо обогнул его отец Иоанн.

И тоже увидел.

Впереди сквозь дым брезжил свет.

Не электрический.

Вполне себе обычный, дневной...

Глава седьмая. Тринадцатый

Локация неизвестна

Иногда жизнь может быть по-садистки жестокой. Она пинает тебя все сильнее и сильнее, и если ты, не дай бог, посмеешь попытаться встать, то она окончательно растопчет тебя, превратив твоё лицо в кровавое грязное месиво. Не стоит искать причин. Потому что их нет. Возможно, ты просто родился под несчастливой звездой, под холодной беспристрастной сукой, сгоревшей много тысяч лет назад. Звезда мертва, но её тусклый свет все еще мчится сквозь темное бесконечное пространство, принося боль и страдания тем несчастным, кому «повезло» родиться не в то время и не в том месте.

И тогда остается только одно — смириться со своей скотской участью и просто попытаться выжить. Выжить любой ценой. Несмотря ни на что. Платя самую высокую цену. Идя по трупам. Оставляя за собой длинный кровавый след. Потому что нет ничего бесценнее жизни. ТВОЕЙ ЖИЗНИ! И не существует в этом мире цены, ради которой ты готов ее отдать. Ни ради любимой женщины, ни ради ребенка, ни ради некой высокой чистой цели, идеи, мира во всем мире. Потому что с твоей смертью закончится все. А твоя жизнь священна. Окружающий мир существует только до тех пор, пока бьется в груди неутомимое сердце. Твое...

Тринадцатый медленно открыл глаза.

Это оказалось сделать очень непросто, потому что веки налились горячим свинцом. Чувство было таким, будто он только что пробудился от долгого кошмарного сна. Чужого кошмара, в который он когда-то случайно угодил.

Руки и ноги крепко пристегнуты к некой металлической конструкции, подвешенной над полом ярко освещенного круглого помещения. Тринадцатый с трудом повернул голову, рассмотрев на правой четырехпалой руке темно-синюю татуировку: две маленькие цифры — единица и тройка.

Почему у него только четыре пальца, ведь должно быть пять? Он перевел взгляд на вторую руку, но та оказалась точно такой же. Четыре пальца! Но нет, пятый палец не был удален хирургическим путем, его просто-напросто не существовало. Будто он изначально родился таким странным отталкивающим уродом. Какая же утроба смогла породить такого монстра?

Затем подвешенный к потолку пленник посмотрел на свою грудь. О да, там было на что посмотреть. Синие старые джинсы насквозь пропитались темной кровью. Обнаженный торс был замотан грязными бинтами, едва прикрывавшими огромную дыру в грудной клетке, где светилась янтарным светом странная продолговатая штука.

Тринадцатый попытался закричать, но вместо крика из его глотки вырвалось глухое звериное рычание.

Двери в дальнем конце круглого помещения неожиданно разошлись в стороны. На пороге возникли два человека в белых одеждах.

— Заходите, дружище, — произнес тот, что был постарше, высокий широкоплечий бородач. — Он абсолютно безопасен, артефакт полностью контролирует его поведение.

— А как же... э... э... телепатические способности? — неуверенно спросил молодой незнакомец, худой смуглолицый мужчина в темных очках.

— Их мы тоже успешно контролируем! — заверил его бородач.

Смуглолицый еще некоторое время нерешительно потоптался на пороге, затем неспешно вошел, с опаской приблизившись к неподвижно висящему над полом Тринадцатому.

— С ума сойти! — ошеломленно пробормотал молодой мужчина. — Я никогда еще в своей жизни не видел контролера так близко!

— И никогда больше не увидите! — торжественно заверил его бородач. — Он бы убил вас еще шагов этак за тридцать, заставив вас застрелиться из табельного оружия...

— Как же они это делают?

— Этого мы, к сожалению, не знаем, да нам и не нужно это знать, главное, мы можем теперь полностью им управлять!

— Просто поразительно!

— А все благодаря уникальному артефакту, который можно найти только в особом, мало кому известном месте Зоны. Видите рану у него на груди?

— Кажется, да...

— Мы вчера имплантировали артефакт прямо в тело мутанта...

— А как вам удалось его поймать?

— Чистое везение! Для вас не секрет, что у нас есть свои хорошо экипированные группы быстрого реагирования. Контролер был отловлен в Красном лесу, усыплен особым патроном из снайперской винтовки. Между прочим, наша уникальная разработка. Очень мощный препарат. Валит с одного попадания даже псевдогиганта.

— И что вы намерены делать теперь?

— Просить у ваших хозяев дополнительного финансирования! — улыбнулся бородач. — Ведь результат налицо! Вот он, один из самых опасных монстров Зоны, в двух шагах от вас, кроткий, как ягненок. Мы обещали результаты и с успехом добились даже большего, чем планировали изначально. Надеюсь, вы очень обстоятельно расскажете нашим друзьям в столице, что именно тут увидели.

— Похоже, вы и впрямь отлично отработали вложенные в этот рискованный проект деньги! — кивнул смуглолицый. — Полагаю, в столице будут довольны. Можете не сомневаться, деньги скоро поступят, причем деньги немалые.

— Очень рад это слышать!

— А что у него там на руке? Неужели татуировка?

— Именно! — подтвердил бородач. — Цифра тринадцать!

— Странно, кто же мог ее ему сделать в Зоне?

— А вы разве не в курсе? Контролеры — это бывшие люди, жертвы секретного эксперимента, проект «Прелюдия». Чем-то подобным занимались еще нацисты из «Аненербе» в сороковых годах двадцатого века. Но у них не было под рукой главного, у них не было возможности использовать ресурсы Зоны.

— И слава Богу, что не было...

— Вы так считаете?

— А вы, стало быть, нет?

— Гм... Эксперименты начали ставить как раз после первой катастрофы. В качестве подопытных использовали заключенных. Этот экземпляр, судя по всему, попал под программу развития у человека телепатических способностей. Но была еще другая программа, более интересная, касающаяся преимущественно телекинеза...

— Бюреры! — оживился смуглолицый. — Я более-менее знаком с этой темой. Непонятно только, как они все потом просочились в Зону...

— Сие даже нам неведомо! Все свидетели тех событий погибли. Не осталось ни одного ученого... ну или почти не осталось...

— А с какой целью здесь находится этот контролер?

— Мы собираемся с его помощью провести важный эксперимент, суть которого — сравнить большое количество разных мутантов.

— И зачем это нужно? — удивился смуглолицый.

— По-моему, это очевидно, молодой человек... — Бородач медленно обошел кругом безучастно болтающегося над полом пленника. — Одна из наших целей заключается в том, чтобы очистить Зону от мутантов. Во всяком случае, это лишь первый этап... Ведь именно на этом, если я не ошибаюсь, настаивают наши столичные друзья?

— Смуглолицый важно кивнул.

— Второй этап посложнее — избавить Зону от присутствия *человеческого элемента*, но и над этим мы вполне успешно сейчас работаем... Действовать тут следует осторожней, поскольку мы не можем поступить с людьми, как с монстрами. Они должны уйти сами. Уйти и навсегда забыть дорогу обратно, рассказав другим о том, что в Зону лучше вообще никогда не соваться...

— Весьма рискованное предприятие...

— А никто и не говорит, что все будет очень просто...

— Да, но... Черт... по-моему, он пошевелился...

— Да нет, что вы, боюсь, вам показалось...

— Смотрите, у него глаза открыты!

— Это ни о чем не говорит. Контролер находится в состоянии глубокой искусственной комы, все его эмоции и мысли подавлены артефактом...

— Но у меня такое чувство, будто он исподтишка наблюдает за нами, внимательно слушая весь наш разговор...

— Даже если бы он и смог нас подслушивать... — усмехнулся бородач, — то ничего бы из нашей беседы не понял. Эти твари очень примитивны, хотя кое-кто считает их достаточно разумными. Контролер лишь внешне похож на человека, на самом деле это опасное вероломное хищное животное...

...Тринадцатый легко, словно раскаленное добела шило, вошел в сознание смуглолицего. Чувство было привычным. Он легко сменил свое неподвижное уродливое тело на чужое, способное к действию. Подавить волю этого человека было очень просто, тот

даже не сопротивлялся, мгновенно бросившись на несколько оторопевшего бородача. Оружия у смуглолицего не было, поэтому контролер заставил его вцепиться зубами в кадык испуганно визжащей жертвы. Тринадцатый чувствовал все то же, что и управляемая им марионетка. Вот тупые зубы с хрустом вонзились в твердый хрящ, и по подбородку тут же потекла пьянящая теплая влага.

О бородаче можно было теперь особо не беспокоиться, тот корчился на полу, заливая стены красным, бьющим из горла фонтаном. Смуглолицый сработал как надо, разорвав жертве шейную артерию.

Марионетка бессмысленно взирала на содеянное, по гладко выбритому подбородку стекала темная вязкая кровь. Контролер чувствовал сопротивление, тлеющее в груди врага. Нет, он еще не победил. Почти. Осталось совсем немного.

Тринадцатый подвел смуглолицего ближе. Поначалу тот даже испугался твари, висевшей над полом на странной металлической раме. Мерзкое существо напоминало человека с непропорционально увеличенной головой. Маленькие злые глаза, узкая полоска обескровленных губ, грубая морщинистая кожа. Немного позже пришло жуткое осознание того, что он видит глазами марионетки свое собственное тело. Это тело было омерзительным, но другого у него сейчас не было, и контролер дал жертве команду развязать стягивающие запястья ремни.

Марионетка легко справилась, и Тринадцатый грузно свалился на пол. Теперь следовало убрать смуглолицего. Нет, не собственными руками, потому что сил на это у контролера уже не было. Жертва спокойно сняла темные очки и, сломав их о стену, глубоко вонзила в свой правый глаз острую металлическую дужку. Когда погружающаяся в голову металлическая спица достигла мозга, марионетка благополучно умерла.

Тринадцатый пополз к спасительным дверям. Огонь в груди разрастался, грозя пожрать все его тело, но он боролся, потому что иступленно хотел жить. Жить в теле жуткого отвратительного монстра. Наплевав на все. Потому что его жизнь бесценна.

Все, что происходило потом, виделось в красном тумане.

Он заполз в пустое соседнее помещение. Затем, хватаясь за стены, смог подняться на слабые дрожащие ноги. Непослушные руки лишь с третьей попытки смогли подобрать лежащий на маленькой тележке скальпель. Боли не было, когда он вырезал из собственной груди горячего сопротивляющегося врага. Когда жуткая операция была наконец завершена, контролер обессиленно сполз на пол, сжимая в правой руке пульсирующий оранжевый комок.

Даже извлеченный из тела, неведомый враг пытался контролировать его. Тринадцатый зажмурился, с яростью отшвыривая ненавистный комок подальше от себя, и сразу же стало легче. Силы вернулись. Огромная рваная рана на груди стала с шипением затягиваться.

Он снова был самим собой.

Самим.

Собой.

Определенно что-то произошло. Нечто совершенно невероятное, потому что осколки былой личности того, кем он был когда-то, снова соединились в одно целое, превратив полуживотное почти в человека. Возможно, всему виной странный оранжевый сгусток, пытавшийся все это время контролировать его тело. Воспоминания нахлынули нескончаемым потоком, но Тринадцатый сопротивлялся им, понимая, что вспоминать можно, лишь оказавшись в полной безопасности. Не сейчас. Позже. Когда удастся бежать. Он сделал только полдела. Его жизнь все еще не принадлежала ему.

Потом были многочисленные коридоры, противный, ввинчивающийся прямо в мозг вой сирен, болезненное пульсирование зловещего красного света. Как ни странно, по пути ему так никто и не попался. Лишь в самом конце длинного темного перехода вооруженный человек направил в его сторону хищное дуло черного автомата, но так и замер, не решившись нажать на спусковой крючок. Этот человек мог беспрепятственно выходить наружу, и контролер сделал его своим поводырем.

Очередная марионетка оказалась очень полезной. Автомат не затихал ни на минуту, пока они вместе прорывались к спасительному выходу. Чужие пули вязли в сером бронежилете. Поводырь был на редкость умелым бойцом, устилая длинные коридоры окровавленными трупами. Этот бой местные обитатели запомнят надолго. Прячущийся за спиной марионетки Тринадцатый как мог подпитывал тело жертвы энергией. Несколько пуль уже повредили жизненно важные органы верного помощника. Контролер понимал, что ведет перед собой живой труп...

Огромные раздвижные ворота, отделяющие его от сладкой и такой желанной свободы, открылись после того, как поводырь приложил к светящемуся продолговатому треугольнику свою правую руку. Приложил и умер, так и не поняв, что с ним, в сущности, произошло.

А там, за ушедшими в сторону стальными створками, желтела опавшая листва. Налетевший порыв холодного ветра принес запах перегноя, запах свободы.

Тринадцатый побежал, неуклюже переставляя толстые ноги, он дал себе клятву, что очень скоро снова сюда вернется. Вернется, чтобы отомстить. Чтобы сровнять это проклятое место с землей. Во всяком случае, он попытается. И если у него вдруг не получится сделать это с первого раза, он будет возвращаться сюда снова и снова, пока тут не останутся дымящиеся, усталые окровавленными телами руины.

Ибо то, что с ним попытались сотворить, не могло оставаться безнаказанным.

Когда-то один раз с ним проделали нечто похожее, превратив в отвратительного уродливого монстра, но вместе с тем они дали ему оружие. Орудие мщения, которым он даже не мечтал никогда обладать.

Значит, на земле и в самом деле есть Бог, и имя этого бога Месть!

Красный лес располагался на противоположном от Лиманска берегу реки. Наверное, так бы выглядела поверхность Марса, если бы там росли деревья. Кроваво-красная листва превращала окружающий пейзаж в совершенно неземную реальность. После второй катастрофы над этим местом прошел кровавый дождь, с тех самых пор лес и приобрел свое оригинальное название.

Наконец, почувствовав себя дома, Тринадцатый остановился у разводного моста, который был единственной дорогой в город Лиманск. Сейчас мост оказался поднят. Судя по всему, механизм, управляющий им, находился на другой стороне.

Вдалеке на противоположном берегу раскинулся небольшой провинциальный городок, построенный еще в начале пятидесятых годов двадцатого века пленными фашистами. Контролер смог хорошо рассмотреть небольшие, поросшие диким виноградом домики с просевшими, давно сгнившими крышами. Чуть дальше виднелись желтые трехэтажки с полукруглыми маленькими балконами. Замороженный в вечности призрак прошлого.

Он никогда там не был.

В Лиманске слишком много вооруженных людей, а это не располагало к частым прогулкам. Что они между собой не могли поделить, Тринадцатый не знал, да и незачем ему это знание. Двуногие истребляли друг друга даже здесь, в Зоне. Им было мало враждебно настроенных мутантов и смертельных ловушек на каждом шагу. Потому что внутри каждого из них сидел маленький подлый убийца, постоянно подстрекающий пырнуть своего ближнего ножом в спину.

Контролер почувствовал себя в безопасности. Впервые за долгое время. Умиротворяющий пейзаж вдалеке неожиданно всколыхнул что-то, давно дремавшее в глубине его израненной души. Он ошибочно полагал, что это что-то давно уже умерло в нем вместе с прежней, такой далекой жизнью. Внутри жуткого непостижимого существа сейчас уживались сразу две личности: очнувшийся от долгого сна человек и беспощадный мутант, жаждущий крови.

Человек вспоминал, и мутант не стал ему мешать, уйдя в самый дальний угол удивительного нечеловеческого сознания.

Тот город был очень похож на этот. Сколько же лет уже прошло? Тринадцатый не знал.

...Димыч и Серый нервно переглянулись, когда старый, заляпанный грязью «жигуленок» плавно затормозил у аптеки как раз напротив здания банка.

Сидевший за рулем Крот мрачно смотрел перед собой.

— Семь вечера! — тихо проговорил Димыч, поглядывая на часы. — А их все нет!

— Знаю! — спокойно отрезал Крот, механически перемалывая зубами жвачку.

— Ну что, Чалый, как твое знаменитое предчувствие? — с усмешкой обратился Серый к сидевшему рядом с водителем мужчине.

— Все будет в ажуре!

— Ты уверен?

— А то!

— Слушай, давно хотел тебя спросить... про твою татуировку...

— Валяй!

— Что она означает?

— Просто цифра! Мне ее сделал один больной туберкулезом старик, когда я срок за кражу мотал...

— Но почему тринадцать?

— Счастливое число!

— Ни х...я ж себе счастливое... Это же чертова дюжина!

— Для меня оно счастливое! Я родился тринадцатого, в камере сидел под номером тринадцать...

— Вот так уж повезло, так повезло...

— Но ведь я по-прежнему жив!

На это возразить Серому было нечего.

Накрапывал ноябрьский дождь, оседая мелкими каплями на мутных стеклах автомобиля. Со скрипом работали «дворники». Тускло светилась приборная доска.

Димыч громко вздохнул, передергивая спрятанный под курткой затвор автомата.

— Кажется, едут! — сухо сообщил Крот, демонстративно смотря в сторону аптеки.

— Маски одеваем? — уточнил Серый.

— На кой хер? — удивился Крот.

— Значит, как и в прошлый раз, сразу валим всех, берем деньги — и ветер за ушами?

— Угу!

Темно-серый тонированный микроавтобус с белым логотипом госбанка на бортах медленно припарковался у тротуара. Ушла в сторону сдвижная дверь. Двое инкассаторов в касках и черных бронежилетах неспешно выбрались под дождь. Один с небольшой тряпичной сумкой в руках двинулся в сторону входа в банк, второй, поудобней перехватив автомат, остался снаружи, внимательно разглядывая улицу. Взгляд инкассатора вяло скользнул по заляпанным грязью «жигулям», сиротливо приткнувшимся у обочины напротив аптеки.

— Это точно их последний заезд? — на всякий случай уточнил Димыч, как всегда слегка бледнея лицом перед делом.

— Последний! — подтвердил Крот. — Все деньги внутри!

— Много!

— Нам уж точно хватит...

Двери банка открылись. Возвращался второй инкассатор. Маленькая холщовая сумка заметно увеличилась в размерах.

— Все, пошли! — Крот первым выскочил из машины, точно выпущенной очередью перебивая стоявшему на стеме инкассатору ноги. — Время идет, мать вашу...

Четко помня свою задачу, Чалый положил сжимающие пистолет руки на крышу автомобиля, расстреливая лобовое стекло микроавтобуса со стороны водителя. Тонировка лопнула, превратившись в дождь мелких осколков, внутри корчился изрешеченный человек. Бронежилет ему не помог, пули вошли в шею и подбородок.

Тем временем Серый с Димычем расправлялись с оставшимися инкассаторами. Того, что ранил Крот, Серый добил очередью из автомата в упор. Второй попытался было отстреливаться, но его уложил Чалый, всадив тому пулю точно в горло.

На все про все ушло меньше полуминуты.

Крот уже был в микроавтобусе.

— Грузите сумки!

— Мать твою! — крикнул Серый, рассматривая что-то в темноте у обочины дороги.

— Что там? — спросил Димыч, следя за дверьми банка.

— Девка! Раненая! Похоже, ее рикошетом задело!

— Живая?

— Кажется, стонет!

— Из микроавтобуса выбрался нагруженный деньгами Крот:

— Чалый, добей!

— Но... — Серый растерянно повернулся к жожаку. — Ее ведь... случайно... шальной пулей...

— Она могла рассмотреть наши лица! — бескомпромиссно отрезал Крот.

Чалый подошел к корчившейся на асфальте девушке. На вид ей было лет восемнадцать.

«Наверное, студентка», — безразлично подумал он, после чего выстрелил ей в затылок.

Девушка дернулась. Ее голова ударилась об асфальт. К водостоку побежала вязкая кровь, казавшаяся в темноте черной.

— Все, уходим! — Крот уже сидел на месте водителя. — Полторы минуты!

Подельники поспешно погрузились в «Жигули».

Машина с визгом рванула с места.

Несколько мгновений — и она окончательно исчезла в стилой ноябрьской мороси, оставив за собой остывающие на мокром тротуаре трупы.

Тринадцатый резко вышел из транса.

Воспоминание походило на старую, внезапно открывшуюся рану. С того момента прошло очень много времени. Он изменился. Теперь он не был человеком. Но вся ирония заключалась в том, что он уже тогда был монстром. Монстром, выглядевшим как человек. Значит, на самом деле ничего не переменялось. Просто Зона обнажила его настоящую, прячущуюся внутри страшную сущность. Кесарю кесарево, кажется, так.

Контролер не хотел больше вспоминать. С него было достаточно и этого короткого приступа ностальгии. В прошлое нет возврата. Содеянного не воротишь. Если бы он когда-нибудь рискнул добраться до легендарного Монолита, то, наверное, попросил бы его вернуть себя назад. Вернуть в тот день, когда еще можно было что-то исправить. Сколько бы жизней он спас? И избежал бы в этом случае страшной судьбы, беспощадно забросившей его в это чудовищное место? Но даже с его новым телом и способностями он бы не смог дойти до ЧАЭС...

А потом Тринадцатый услышал стрекот приближающегося вертолета и понял, что пришло время возвращаться в то место, откуда он только что бежал. Он не думал, что это произойдет так скоро, но второго такого случая могло уже и не быть.

Ведь он, кажется, дал себе клятву.

А данную себе клятву следует исполнять.

Громоздкая туша Ми-24 медленно прошла над деревьями, срывая воздушной волной красные листья. Контролер аккуратно рассчитал место и расстояние, хирургически точно нанеся пси-удар.

В воздушной машине было только два человека, десантный отсек пустовал. Еще одна удача.

Стремительно войдя в тело стрелка-оператора, находившегося в передней части кабины, Тринадцатый заставил марионетку выхватить из кобуры пистолет и, резко развернувшись, выстрелить в сидящего позади пилота. Вертолет на несколько секунд

потерял управление, но стрелок-оператор быстро перевел его на себя, умело выравнивая заваливающуюся набок боевую машину.

Теперь они были одно целое. Контролер полностью переключился на тело человека, видя его глазами. Уродливая большеголовая туша, неуклюже бегущая вниз, подчинялась чистым рефлексам, по наитию обходя опасные места и уворачиваясь от попадающихся на пути деревьев. Скорость вертолета была несоизмерима со скоростью бега мутанта, но по-другому было нельзя, иначе мог нарушиться установившийся контакт, и тогда марионетка снова обретет свою волю.

Медленно летящий над лесом «Хайнд», наверное, вызывал у его обитателей недоумение, но Тринадцатому было на это глубоко наплевать, потому что он неумолимо приближался к своей цели. Несколько человеческих существ попытались было встать у него на пути, выскочив с автоматами из ближайшего подлеска, но вертолет тут же превратил их в груды дымящегося мяса и снова лег на свой прежний курс.

Никогда еще Тринадцатый не чувствовал себя таким всемогущим...

Была уже глубокая ночь, когда он подошел к ненавистному месту. Его уже несколько раз вызывали с базы по радиации, и он, используя голосовой аппарат марионетки, отвечал, что все в полном порядке. Что он следит за странным скоплением мутантов в районе Свалки. Похоже, ему верили, потому что именно за этим боевая машина и вылетела в Зону. Военных волновала слишком резко возросшая в последнее время активность опасных обитателей Припяти.

Разумеется, хозяева огромного куполообразного комплекса не могли не заметить приближающийся со стороны Лиманска боевой вертолет.

Внизу забегали маленькие смешные людишки. В небо одновременно взвилось сразу несколько осветительных ракет. Алчно зашарил среди деревьев луч яркого прожектора. Контролер улыбнулся, рассматривая глазами марионетки прилепленную к бронестеклу кабины фотографию молодой симпатичной женщины, держащей на руках белокурого розовощекого малыша. Осколки чьей-то некогда счастливой беззаботной жизни, которую он бессовестно отобрал. Угрызения совести? Нет. Просто любопытное наблюдение.

Стрелок-оператор нажал на гашетку, поливая суетящихся внизу муравьев снарядами из двустольной двадцатимиллиметровой пушки. Затем в ход пошли управляемые противотанковые ракеты, и темные окрестности неожиданно озарил потрясающе яркий фейерверк. Столб яростного огня жадно лизал низкое мрачное небо.

Контролер хорошо понимал, что не успеет уничтожить ненавистный белый купол, ему попросту не хватит на это времени. Что-то отчаянно запищало прямо в кабине парящего над деревьями вертолета, тревожно замигали какие-то индикаторы. Воздушную машину брали на прицел. Тринадцатый принялся судорожно рыться в памяти марионетки.

Бронирование кабины экипажа... Не то... Дублирование пилотажных приборов... Тоже не то... Резервирование ряда важных систем... Нет... Внедрение противопожарной системы путем заполнения топливных баков пенополиуретаном... Нет... Система защиты от вражеских ракет с тепловыми головками, самонаводящимися на фюзеляж вертолета... Вот оно! Контейнеры АСО-2, снаряженные сотней ложных целей.

Но Тринадцатый не успел задействовать защиту, слишком много времени потратив на поиск такой необходимой сейчас информации.

Выпущенная с земли ракета попала прямо в толстое синее брюхо «Хайнда». Боевую машину сильно потрянуло, длинный хвост клюнул вниз, снося верхушки гнилых деревьев. Контролер вцепился чужими руками в рычаги управления, направляя агонизирующий Ми-24 прямо на блестящие в свете пожаров огромные раздвижные ворота логова врага.

Земля резко прыгнула в кабину, сменившись абсолютной, глухой чернотой.

Тринадцатый быстро пришел в себя, осознав, что прячется в густых кустах недалеко от места проигранного боя. Там, где только что упал вертолет, в небо медленно поднимался черный уродливый гриб.

Сегодня он проиграл. Но это еще далеко не конец. Он вернется сюда снова. Чего бы это ему в конечном счете ни стоило.

Глава восьмая. Выброс

Граница Темной долины

В каждом внутри сидит жестокий опасный зверь. Во многих он благополучно дремлет, и так может продолжаться всю жизнь. Но есть те, кто выпускает своего внутреннего зверя на волю. Такого человека невозможно вычислить в толпе. Порою он и сам не знает, на что способен. Лишь стечение особых жизненных обстоятельств срывает страшного зверя с крепкой стальной цепи, и тогда его уже не остановить.

Это то самое первобытное зло, которое каждый раз напоминает о низком животном происхождении людей. То, что неумолимо тянет нас назад, в темный омут примитивных инстинктов. Постоянное стремление к саморазрушению, которое рано или поздно уничтожит всю цивилизацию. Этот процесс бесконечен, как сама жизнь, его нельзя остановить. Проклятое семя Каина...

Стас Демченко всегда считал себя уравновешенным человеком. Человеком с холодной головой и каменным сердцем. К сожалению, он ошибался, и ошибался жестоко. Это хуже всего, когда ты на самом деле ни черта о себе не знаешь, когда внутри сидит вероломный предатель, дергающий в нужный момент за невидимые рычаги, управляющие твоей жалкой никчемной душонкой. Таких ошибок жизнь никогда не прощает даже сильнейшим из сильнейших.

Стас родился в городе Харькове. После окончания школы, которая вполне могла сойти за колонию строгого режима, он загудел в армию. В школе он научился только одному — бить всегда первым. Потому что шакалье уважает исключительно грубую животную силу. Слабые там не выживали, ломаясь за каких-то два-три года. В армии мало что поменялось. Страна, в которой он родился, ни с кем не воевала. Этой стране не была нужна сильная армия. Те, кто прочно утвердился на верхушке, давно разложили эту структуру, боясь выдвижения из армейской среды сильного лидера. Но этому лидеру неоткуда было появиться. Акулы жрали опасных мальков еще на мелководье.

Ему так и не довелось побывать ни в одной из горячих точек, да он и не стремился туда. Пусть другие дураки суют голову в пасть разъяренному тигру, но жизнь, как водится, распорядилась иначе. У Господа Бога, который абсолютно непостижимым образом ухитрялся следить за каждым своим даже самым незначительным чадом, были серьезные планы в отношении Стаса. Хотя впоследствии Демченко был склонен полагать, что в его судьбу вмешался сам дьявол, и грядущие события только укрепили в нем эту страшную, поначалу совершенно иррациональную уверенность.

Вернувшись из армии, он устроился работать охранником в крупном супермаркете, и поначалу все шло хорошо. Раз в месяц он ходил с друзьями на футбол поболеть за любимую местную команду, раз в неделю регулярно напивался, заблеывая ванную родительской квартиры. Короче, вел полуживотное скотское существование, какое вели тысячи таких же, как и он, выброшенных из жизни никому ненужных дебилов. Дебилами было легко управлять, и любимое государство всячески заботилось о том, чтобы их количество с каждым годом становилось все больше и больше.

Наверное, если бы у него была такая возможность, Демченко сбежал бы куда-нибудь подальше от всей этой страшной бесконечной тоски. Но возможности эмигрировать за границу у него не было. По сути, он оставался за все тем же «железным занавесом», за которым всю жизнь просидели его перебивающиеся на нищенскую зарплату родители. Тогда, в советское время, уехать было невозможно, потому что не пускали, сейчас же ты мог отправляться на все четыре стороны, но элементарно не было денег. Замкнутый проклятый круг.

В один промозглый ноябрьский вечер он зашел в случайно попавшийся на глаза торгующий компакт-дисками музыкальный магазин, где познакомился с симпатичной

маленькой брюнеткой. Брюнетку звали Верой. Через год они поженились. Казалось, жизнь переменялась к лучшему, но то была только еще одна жестокая иллюзия. Судьба издевалась над ним, со знанием дела нанося наиболее болезненные раны.

То, что в их отношениях что-то не так, Стас почувствовал где-то через полгода. Он не мог объяснить, что именно его тревожит. Но Вера переменялась. Пропасть между ними с каждым месяцем становилась все больше, и оттуда, из темных неизведанных глубин, шел замогильный, сводящий с ума холод. Он понимал: его обманывают, но до самого конца не хотел в это верить, закрывая глаза на многое. Но когда его лучший друг, с которым они служили в армии, вызвал его на откровенный разговор, плотину наконец прорвало. После рюмки дешевой водки старый приятель виновато поведал, как несколько раз спал с Верой. Нет, он не размозжил тогда ублюдку голову, понимая — тот хотел ему только добра. Друг просто желал помочь, объяснить, что Стас женат на законченной шлюхе, что за его спиной все смеются, что она путалась со всеми его знакомыми. И он был благодарен за это припозднившееся откровение...

В тот вечер он поздно вернулся домой. Жена как раз принимала ванну. Стас вырвал из розетки черный шнур телефона. Вера причесывалась у большого запотевшего зеркала, когда он сзади набросил ей на горло черный тонкий шнур. Клокочущий внутри зверь был на воле. Зверь упивался свободой, и отныне правил только он...

Стас бережно опустил безжизненное тело, накрыв посиневшее лицо жены полотенцем. Телефонный шнур глубоко врезался в тонкую женскую шею. На перламутровый кафель натекла кровь. Именно это его и отрезвило. Он не думал, что будет кровь. Он хотел сохранить руки чистыми.

А затем он бежал.

Бежал в Зону.

Оставив свое прежнее имя на Большой Земле. Наверняка его искали. Слишком явные улики говорили сами за себя. Никто не сомневался, что убийца именно он. Но Стасу на это было глубоко наплевать, потому что Станислав Николаевич Демченко перестал существовать. Вместо него на свет из ниоткуда появился сталкер по имени Стылый. Хотя поначалу его прозвали Айсменом, «Ледяным человеком», но первая кличка не прижилась, и чуть позже он сделался Стылым. Почему именно Стылый? Да потому что в любой, даже самой безнадежной ситуации он сохранял совершенно нечеловеческое хладнокровие и другие сталкеры не могли этого не заметить. А все потому, что он давно уже умер внутри, умер много лет назад, когда почувствовал, как хрустнула тонкая женская шея и на нежной белоснежной коже выступили багровые капли смерти...

Рыская рядом с Периметром, он познакомился с таким же, как и он, изгоем, скрывавшимся от закона. Звали того щедедушного, быстро говорившего парня Быней. Им повезло, потому что их согласился взять в качестве отмычек опытный сталкер по кличке Фогель.

Быня погиб в первый же день, напоровшись на «птичью карусель», а вот Стылый выжил.

Выжил, чтобы обрести свой новый страшный дом, ибо так было угодно неведомым Хозяевам Зоны.

...Гон закончился так же неожиданно, как и начался. Поток мутантов внезапно иссяк. Основная часть, ведомая загадочным всадником, ушла куда-то в сторону, и через пару минут четверо сталкеров недоуменно смотрели на окровавленные тушки изрешеченных пулями тварей, устилавшие землю вокруг.

Ромеро, неприязненно морщась, поливал из фляги раскалившийся докрасна ствол своего РП-74. Вода шипела, тут же испаряясь. От остывающей стали шел неприятный, щекожущий ноздри запах.

— Е...ть меня во все дыры! — Шиз обессиленно сел прямо на сырую землю. — Что это было?

— Гон прошел немного стороной от этого места! — Стылый вставил в свой верный «Абакан» свежую обойму. — Нам повезло!

— Как вам эта всадница? — проговорил Болид, пиная ногой издохшую рядом с его сапогом псевдоплоть. — Я просто охренел, когда ее увидел.

— Ее? — резко обернулся Ромеро. — Ты, наверное, шутишь, приятель? Та тварь, что сидела верхом, меньше всего походила на человека...

— Там была голая баба, мамой клянусь! — усмехнулся Болид. — С окровавленными сосками. Леди Годива, так ее разэтак...

— Каждый из нас видел что-то свое! — спокойно кивнул Стылый. — Не стоит спорить, в конце концов, мы все окажемся неправы, потому что никто на самом деле не знает, как выглядит эта штука...

— Штука? — удивился Шиз.

— Мне сдается, что-то искусно пудрит нам мозги... — Стылый меланхолично закурил. — Этот всадник, как и его лошадь... Почему каждый из нас видит его по-разному? Не существует ли он только в нашем воображении...

— А как же мутанты! — возмутился Болид. — Они ведь за ним шли!

— Кто знает, что они видели... — пожал плечами Стылый. — Да, они шли за ним... но наверняка так же, как и мы, были хитро обмануты...

— Да ну его все... — беззаботно махнул рукой Шиз. — Не нашего это ума дело... Пусть «Чистое небо» этим загадочным дерьмом занимается, им не привыкать. Главное, мы выжили...

— Жаль святого отца с журналистом... — Ромеро неспешно прохаживался среди трупов, высматривая недобитых тварей. — Думаю, свора разорвала их на куски...

Стылый не ответил, шумно затягиваясь.

— А ты в курсе, что с каждой выкуренной в Зоне сигаретой... — раздраженно заявил Шиз, — ты увеличиваешь в своем организме количество радиации!

— Иди ты на х...й, Шизьяра! — беззлобно огрызнулся Стылый. — У меня «выверт» за пазухой, так что радиации я не боюсь...

— Снижающий радиоактивное облучение артефакт! — уважительно кивнул Ромеро. — А я вот «пузырем» пользуюсь...

— Дураки вы оба! — вмешался Болид. — Что «пузырь», что «выверт» — один хрен, воздействие на человеческий организм у них одинаковое...

— А все-таки жаль святого отца... — снова повторил Ромеро, любовно поглаживая остывший пулемет. — Прикольный мужик был...

И тут проснулся ПДА Стылого. Недовольно хмурясь, сталкер глянул на экран, сигналивший о полученном сообщении. Кому он мог понадобиться?

Открыл послание, быстро пробежал его глазами, и лицо его тут же осветилось радостной улыбкой.

— Что там? — заметил его реакцию глазастый Шиз.

— Они живы! — шмыгнул носом Стылый. — Батюшка и Плясун. Угодили в подземелья НИИ «Агропром». Будут пробираться через институт до «Янтаря». Там мы с ними и встретимся...

— Идем к Темной долине! — неожиданно заявил Стылый, когда сталкеры вышли на безопасную тропу, едва заметную в траве.

— На кой хер? — изумился Шиз.

— Есть там у меня одно дельце...

— Не понял?

— Артефакт нужно один подобрать, который покойный Шершень обронил...

— Так ты, значит, сукин кот, взял все-таки тогда в Баре заказ у скользкого типа, который вертелся у вашего стола?! Он и к нам было подкатывался, но мы его послали.

— Не только взял, но и аванс получил плюс точную метку в свой ПДА!

— А как же девчонка? — возмутился Болид. — Не ты ли недавно говорил, что любое промедление может стоить ребенку жизни?

— Да, говорил! — не стал отказываться от своих слов Стылый. — Но ты ведь сам видишь, в Зоне творится что-то неладное. Мы едва живые остались. А ведь не простые отмычки, четверо матерых сталкеров-старожилов... У меня некое предчувствие... не знаю, как и объяснить... Связан как-то проклятый артефакт со всем этим бредом и с похищением Ньюшки тоже...

— Некое предчувствие... — скривился Шиз. — Уж не твой ли любимый бюрер тебе тогда кое-чего на ушко нашептал?

— Может, и он... — загадочно ухмыльнулся Стылый. — Я ведь вас с собою не зову. Можете идти куда душа пожелает, а я в Темную долину...

— Я с тобой, брат! — неожиданно заявил Ромеро. — Может, наконец удастся подстрелить парочку зомбяк средней протухлости.

— Да вы оба просто рехнулись! — Шиз красноречиво покрутил пальцем у виска, искоса поглядывая на Болида. — Ну а ты, паря, как я понимаю, против?

Болид напряженно разглядывал Стылого, нервно поигрывая желваками:

— Черт с тобой, бродяга, доверимся твоему чутью...

— Ну, я же сказал, полные психи! — Шиз сокрушенно покачал головой.

— Шиз? — Стылый вопросительно посмотрел на сталкера. — Ты с нами?

— А куда я денусь... — вздохнул тот, раздосадованно сплевывая себе под ноги.

Темная долина встретила их проливным холодным дождем.

— Погода дачная, ноль градусов! — метко выразился Болид, неожиданно демонстрируя тонкое знание творчества Антона Павловича Чехова. — Далеко хоть до нужной точки?

— Полкилометра! — ответил Стылый, постоянно считывая информацию со своего ПДА. — Заметим издалека!

— В такую-то погоду? — засомневался Ромеро.

— У нас хороший ориентир!

— То есть?

— Разбившийся «Хайнд»!

— Двадцатьчетверка, что ли?

— Она самая!

— Не люблю я всю эту сбитую технику... — поежился Шиз, поглубже натягивая непромокаемый капюшон. — Рядом с ней вечно всякая дрянь водится...

— Большое количество гниющего металла притягивает аномалии... — согласился с ним Болид. — В особенности если это боевая техника, то, что создано убивать. Такие штуки Зона особенно любит...

— Ты говоришь о ней будто о некоем разумном существе... — удивился Ромеро.

— А что, разве это не так?

— Отставить пустой треп! — грубо вмешался Стылый, вышагивая во главе маленького отряда. — То, что мы на сталкерской тропе, ничего еще не значит. Она огибает только старые аномалии...

Сталкеры мгновенно притихли.

Через десяток шагов Стылый остановился и в подтверждение своих слов метнул по дороге крупную гайку. Невидимая сила тут же проворно сцапала металлический предмет. Гайка на несколько коротких мгновений зависла в воздухе, после чего бесшумно исчезла.

— «Воронка»! — хрипло объявил Стылый. — Обходим справа, на зеленую траву не наступать, идти только по жухлой...

Осторожно преодолев опасное место, сталкеры двинулись дальше.

— Вон он, твой вертолет! — торжественно объявил Болид, рассматривая окрестности через снайперский прицел «Винтаря». — Ох и давно же он тут, как видно, лежит... Небось сразу после первой катастрофы грохнулся... Странно, что он не обозначен в моем ПДА!

— А у тебя прошивка устарела! — гаденько захихикал Шиз.

— Прошивка — то в игровых приставках! — негодуяще ответил Болид. — Ни хрена ты в высоких технологиях не понимаешь, деревенщина, только делаешь вид...

Стылый поднес к глазам бинокль, внимательно разглядывая виднеющийся за мутной пеленой дождя громоздкий корпус «Хайнда». Один из лучших в свое время многоцелевых вертолетов напоминал выброшенного на берег морским приливом мертвого кита. Внутренности гиганта медленно гнили, растаскиваемые многочисленными хищниками. Жалкий конец для смертоносной боевой машины.

— Что-то не так? — встревоженно спросил примостившийся рядом Ромеро.

— Не нравится мне эта «вертушка»... — тихо, чтобы не слышали остальные, проговорил Стылый. — Не хочется мне к ней подходить...

— Ну, так и не подходи!

— Нужно место как раз рядом... справа от кабины...

— Хорошо хоть не внутри!

— Это точно... Короче, я один туда пойду!

— Стылый, не глупи!

— Это мое дело! — отрезал сталкер. — Ждите меня здесь!

Шиз с Болидом особо не возражали.

Стылый осторожно выбрался на открытое пространство, предварительно сняв автомат с предохранителя. При свете дня в Темной долине были особо активны только припять-кабаны. Уродливые лысые твари имели неприятную привычку нападать ни на любой движущийся объект в пределах их видимости. Плоти и псевдособаки также водились тут в изобилии, но охотились преимущественно ночью. Из-за огромного количества особо агрессивно настроенных мутантов Темная долина пользовалась среди сталкеров дурной репутацией. Хотя дело тут было не только в количестве опасных тварей. Что-то витало над этой постоянно влажной гниющей землей, страшное, пробуждающее из неизведанных глубин генетической памяти непостижимый первобытный ужас. Возможно, всему виной многочисленные подземные туннели, которые вполне могли источать некое невидимое на ПДА излучение, пагубно влияющее на человеческую психику. Никто до сих пор не знал их протяженность. Для чего они были построены? Какие страшные тайны хранили? Желающих спуститься и проверить было немного. А те, кто туда все-таки уходил, назад уже не возвращались.

Вертолет лежал на широком плоском брюхе, уткнувшись тупым носом в поваленную сосну. При падении хвостовая балка надломилась, некоторые лопасти отсутствовали, фонарь двухместной кабины, покрытый сеточкой мелких трещин, был наглухо закрыт. Рассмотреть что-либо внутри кабины было невозможно. Наверняка тела людей по-прежнему были где-то там.

Держа в левой руке готовый к бою «Абакан», а в правой тяжелую гайку, Стылый медленно обошел погибшую «вертушку». Артефакта в указанном клиентом месте не было. Сталкер проверил несколько раз. Он даже выкопал небольшую ямку в том месте, где на ПДА была обозначена нужная точка. И... ничего! Абсолютно ничего. Значит, то, что здесь якобы обронил Шершень, подобрал кто-то другой. В любом случае Стылый не собирался возвращать клиенту полученный аванс. Он здорово рисковал, сунувшись сюда, а излишний риск без компенсации — удел законченных придурков, которые в Зоне долго не живут.

Выпрямившись, Стылый помахал рукой в ту сторону, где, как он помнил, укрылись среди густых зарослей остальные сталкеры. Но вместо ответного взмаха со стороны леса к его ногам прилетела помигивающая красным сенсором световшумовая граната. Стылый даже не успел толком удивиться. Тело среагировало совершенно автоматически, мгновенно отвечая на возникшую опасность. Сталкер отпрыгнул, метя в десантный отсек находящегося в двух шагах вертолета.

Граната взорвалась с оглушительным хлопком. Окружающее пространство залил нестерпимо яркий белый свет. Стылый на несколько секунд ослеп. Если бы он не успел

вовремя отвернуться, то белый свет наверняка выжег бы ему сетчатку. Упав на землю, сталкер по памяти пополз к вертолету. Сделал он это очень вовремя, ибо по тому месту, где он только что стоял, хлестко прошла короткая автоматная очередь.

Ловко забравшись в десантный отсек, Стылый перевернулся на спину и, прижав автомат к груди, принялся слушать, что происходит снаружи, ожидая, пока вернется зрение.

А снаружи шел нешуточный бой. Сталкер смог различить веселый стрекот АКМ Шиза и жизнерадостное уханье РП-74 Ромеро.

Нападавших, судя по всему, было немало. Где-то до десятка. Их оружие било практически бесшумно. Наверняка дорогая заморская десантно-штурмовая техника. Стылый сразу же попытался прикинуть, кто бы это мог быть, но контуженное световой атакой воображение пасовало.

Когда зрение наконец вернулось, сталкер осторожно высунулся из вертолета, благоразумно выставив вперед короткое дуло автомата. Яростный бой продолжался. Между деревьями мелькали непонятные боевики в темно-серых экзоскелетах. Оглушительно разорвалась осколочная граната. По корпусу вертолета забарабанили куски вырванного из земли дерна.

— Отступают суки-и-и-и... — неожиданно истошно прокричал откуда-то справа Ромеро, пулемет которого не умолкал ни на секунду.

— Куда ты, мудила, стой!!! — визгливо завопил Шиз.

Стылый набрал в грудь побольше воздуха, после чего, сцепив зубы, дал длинную очередь по серым теням, мелькавшим среди деревьев. С такого расстояния он вряд ли мог нанести противникам серьезный урон, но просто отлеживаться в укрытии не позволяла сталкерская совесть.

Ему тут же ответили, проделывая в старом корпусе вертолета аккуратные вентиляционные дырочки. Стылый хищно осклабилсся и, прицелившись на глаз, навесом выпустил из подствольника разрывную гранату.

Среди деревьев полыхнуло. Одна из неуклюжих серых фигур, нелепо размахивая руками, полетела вверх тормашками в соседние кусты. Экзоскелет наверняка спас своего обладателя от серьезных увечий, однако на время один из врагов был благополучно выведен из боя.

— Ромеро, мать твою... — снова прокричал Шиз, в очередной раз демаскируя свою огневую позицию.

— Да они что там все, совсем охренели... — тихо проговорил Стылый, припадая к окулярам бинокля. — Ведут себя как обкурившиеся дешевой травой отмычки...

Воинственные, хорошо экипированные незнакомцы исчезли так же стремительно, как и появились. Стылый при помощи бинокля честно пытался обнаружить следы серьезно настроенного противника, но ничего путного из этой затеи не выходило. Через полчаса со стороны места недавнего боя появился Шиз, волокущий на себе громко матерящегося Болида. Сердце Стылого сжала холодная рука.

— Где Ромеро? — хрипло спросил он, выбираясь из недр вертолета.

— Серые забрали! — коротко ответил Шиз, сгружая раненого Болида на землю.

— Как забрали?

— А вот так! Заманили придурка в лес примитивным маневром ложного отступления. Этот пендос ломанулся следом с криком «банзай», и они его прямо тепленьким у оврага и взяли... Шарахнули из какой-то электрической штуки. Ромеро затрясся как припадошный, а по его бронекостюму побежали синие разряды. Затем эти суки взяли его под белы ручки, ну и прощай, вольный бродяга... На жрачку Бледному Всаднику потащили, не иначе...

— Не юродствуй! — мрачно посмотрел на товарища Стылый, затем быстренько открыл похоронную страничку в своем ПДА.

Ромеро, к счастью, среди недавно погибших сталкеров пока не числился.

— Странная история... — Шиз умело накладывал на шею Болида, задетую шальной пулей, бинт, извлеченный из универсальной армейской аптечки. — Такое впечатление, что эти ребята напали на нас только затем, чтобы сцапать Ромеро...

— Зачем им именно Ромеро? — удивился Стылый, делая потерявшему сознание сталкеру инъекцию стимулятора.

— Ну или один из нас... — поправился Шиз. — Кто этих серых чертей в экзоскелетах знает... Кстати, ты нашел артефакт?

— Нет, не нашел!

— А где он должен был быть?

— У носовой части вертолета, справа от кабины пилота...

— Я посмотрю?

— Валяй!

Оставив раненого Болида на попечение Стылого, Шиз принялся тщательно изучать окрестности. Вернулся он минут через пятнадцать довольный, как кровосос, высосавший упитанную псевдоплоть.

— Их было пятеро!

— Кого пятеро? — не понял Стылый.

— Тех ребят, что забрали твой заказной хабар!

— Почему ты так решил?

— Я хороший следопыт!

— Ой, вот только не надо мне тут свистеть... знаю я, какой ты следопыт... Сусанин хренов...

— Не веришь?

— Не-а...

— Тогда пошли со мной!

Пожав плечами, Стылый похлопал по руке пришедшего в себя Болида.

— Ну, как ты, братка...

— Нормально! — Болид поднял вверх большой палец.

— Вид у тебя, как у пронзенного осиновым колом графа Дракулы... бледен, как смерть...

— Я перехитрил старушку и на этот раз! — ухмыльнулся Болид, поудобней устроивая на коленях верный «Винтарь».

— Ладно, веди! — Стылый кивнул нетерпеливо переминающемуся за спиной Шизу.

Труп человека в черном защитном костюме лежал ничком как раз за передней частью вертолета. Как его не заметил Стылый, оставалось загадкой. Видно, был уж слишком сосредоточен на считывании информации со своего ПДА.

— Ты его переворачивал? — строго спросил сталкер, внимательно осматривая землю вокруг.

— Нет! — ответил Шиз. — Решил, что мы вместе это сделаем.

— Правильно!

Повесив за плечо автомат, Стылый осторожно перевернул тело.

— Японский магнитофон! — Шиз удивленно склонился над трупом. — Это чё такое? В Зоне объявились Чужие?

Большая дыра с запекшимися краями в груди покойника и впрямь вызывала странные ассоциации со старым фантастическим фильмом ужасов про плотоядных ксеноморфов.

— Охренеть! — вынес свой вердикт Шиз и, указав на налобную повязку мертвеца, весело добавил: — А ведь этот чел определенно из группировки «Грех»!

Стылый тоже обратил внимание на повязку, но ничего не сказал. Сталкер присел рядом с телом и, с трудом разжав окоченевшую руку мертвеца, извлек из нее маленькую детскую туфельку.

— Ё... — удивленно выдал Шиз. — Это еще что такое... девчонкино, что ли?

— Ага! — кивнул Стылый, внимательно рассматривая туфельку. — Это определенно принадлежало Нюшке!

— Похоже на западню! — Шиз с подозрением обвел взглядом окрестности.

— Я тоже так думаю! — согласился с ним Стылый, пряча детскую туфельку в свободный кармашек разгрузки. — Неспроста все это... артефакт... труп... туфелька...

— Грубо сработано! — скривился Шиз. — Дилетантами, не профессионалами...

Когда они вернулись к Болиду, тот уже дремал, тяжело облокотившись на облезлый серо-зеленый корпус вертолета.

— Подождем несколько часов, и в путь! — тихо проговорил Стылый, присаживаясь рядом с раненым товарищем. — Нам нельзя больше здесь оставаться...

— Святые слова! — с готовностью поддержал его Шиз.

Неожиданно Стылый насторожился.

Ветер...

Что-то неуловимо переменялось в окружающем пространстве. Сталкер посмотрел на стремительно темнеющее небо. Такое небо можно было увидеть только при высокоскоростной киносъемке, когда умело отснятые в течение суток кадры прогоняются на экране за несколько секунд.

Стылый приподнял голову, тщательно вглядываясь в опустившийся на землю сумрак. С неба неожиданно стал падать крупный черный пепел. Шиз, также заметивший неладное, машинально поймал несколько крупных хлопьев, растерев их защитной перчаткой.

— Что за х...ня?

— Тише! — Встав во весь рост рядом с вертолетом, Стылый прислушался.

Пепел летел против ветра.

— В укрытие быстро! — Сталкер яростно затряс дремлющего Болида. — Шиз, помоги мне затащить его в вертолет...

— Но...

— Делай что говорю!

Они быстро затащили вяло отбивающегося спросонья Болида в десантный отсек «Хайнда». Стылый попытался закрыть створки ржавой двери, и те, как ни странно, поддались, захлопнувшись с неприятным протяжным воем.

Шиз открыл свой ПДА. Тусклый зеленый свет дисплея разогнал царящий в вертолете мрак, жутко подсвечивая бледные худые лица опытных сталкеров.

— Это еще что за блядство? — Шиз судорожно переключал режимы электронного устройства. — Уровень аномальной энергии стремительно растет! Стылый, это ВЫБРОС!!!

— Знаю!

— Нам всем п...дец!

— Не ссы в компот, Шизяра!

— Да пошел ты...

— Водки бы сейчас... — неожиданно проговорил пришедший в себя Болид. — Ребята, как я рад видеть ваши перекошенные рожи...

Стылый припал глазом к крупной дыре, пробитой в обшивке вертолета автоматной пулей.

Низкое небо меняло свой цвет, становясь кроваво-алым.

— Господи! — Шиз в ужасе смотрел на световой индикатор уровня аномальной энергии на экране ПДА, который стремительно пересекал опасную красную черту.

Экран ПДА вспыхнул и погас.

— Он умер! — Сталкер преувеличенно громко рассмеялся. — Мой ПДА накрылся пи...ой!

— Мой тоже! — спокойно констатировал Стылый, пряча за пазуху своего электронного помощника.

— Ребята, это выброс! — грустно проговорил Болид. — Боже, как же хочется водки!

В темноте десантного отсека повисло тягостное ожидание. Ветер, яростно бушующий снаружи, дико завывал, врываясь в пробитые пулями отверстия. Стылый снова припал к удобной дыре. Небо меняло свой цвет, сделавшись лиловым с белыми прожилками беснующихся молний.

Неожиданно в правый борт вертолета что-то ударило. Через мгновение удар повторился, а за ним еще один и еще. Вертолет со скрипом накренился.

— Что там? — Шиз стремительно вскочил на ноги.

— Припять-кабаны! — ответил Стылый, хорошо рассмотрев мелькающие у вертолета уродливые морды мутантов.

— Сколько?

— Целое стадо! Похоже, с ними еще и псевдоплоти!

— Просто отлично, мать твою за ногу...

Стылый снял с плеча «Абакан» и дал короткую очередь по атакуемой мутантами обшивке.

Снаружи донесся дикий визг, и в этот самый момент Зона *вздохнула*...

Голова раскалывалась так, будто кто-то щедро насыпал внутрь битое стекло.

Едва держась на ногах, Стылый лишь с третьей попытки смог открыть неподдающиеся ржавые створки. Мутантов снаружи не было. Лишь белела в траве псевдоплоть, убитая наугад выпущенной очередью.

Небо снова было таким, как и раньше, напоминая грязную мутную лужу. Издав радостное попискивание, заработал вырубившийся перед выбросом ПДА.

— Шиз, Болид, выходите... уже можно... — прокричал Стылый, машинально роясь в своем электронном помощнике.

Поначалу он решил, что это обыкновенный глюк, вызванный недавними сбоями в работе. Но в ПДА напарников творилась та же сама чертовщина.

— Зона не изменилась! — не веря своим глазам, тихо проговорил Болид. — Карты аномалий прежние! Я не понимаю...

— Что же это было? — Шиз испуганно заглядывал в лица товарищей.

— Предупреждение Хозяев! — мрачно проговорил Стылый, пряча свой ПДА.

— Предупреждение о чем?

Стылый не ответил, направившись в сторону ближайшей сталкерской тропы.

Глава девятая. Ода кулачным бойцам

НИИ «Агропром»

Как бы «крестоносцам» ни хотелось поскорее выбраться на свет божий из подземелий НИИ, нужно было соблюдать осторожность. Это ведь Зона, тут на каждом шагу подстерегает опасность. Заезаешься — и тут же угодишь в одну из многочисленных аномалий или очутишься в лапах или зубах какой-нибудь твари. А то и попросту на пулю двуногого собрата нарвешься.

Поэтому отец Иоанн первым делом сверился со своим верным ПДА и тут же озадаченно крякнул.

— На двенадцать часов скопление людей. Человек пятнадцать, не меньше. На три и на девять часов — по три... Нет, на девять — пятеро.

Степан присвистнул. Надо же, задница какая. Вдвоем против двух десятков бойцов... Тут шансы выйти победителем, мягко сказать, невелики. Хотя, конечно, можно попробовать. Но как быть с человеколюбием святого отца? Еще заартачится, чего доброго.

Словно подслушав его мысли, Опрокидин сокрушенно покачал головой.

— Не дури! У нас цель иная. Нам бесшабашное геройство и авантюризм сейчас совсем ни к чему. Попробуем договориться для начала.

— А если?..

— Ну, если... Тогда и поглядим...

На всякий случай щелкнул предохранителем «Форы».

— Эй, там! — крикнул во всю мощь священнической глотки. — Не стреляйте!

Сначала снаружи не доносилось ни звука. Потом хриловатый мужской голос, в котором слышался восточный акцент, неуверенно окликнул:

— Кито там? Байкер, ты, что ли, старый шайтан?

Заслышав такое обращение, отец Иоанн не удивился, а, ехидно ухмыльнувшись, поставил пистолет на предохранитель.

— А то кто же, Султан-джан?!

— Ну, тада выхадите, — милостиво позволил невидимый собеседник. — Толка без глупастей. И напарника сваего предупреди, читоб не баловался, а то сам панимаешь...

— Ладно, ладно! — пообещал батюшка и, обернувшись к Степану, коротко пояснил: — Это бандиты из группировки «Затон». Слыхал о такой?

— Бандиты... — скривился Чадов, словно от приступа острой зубной боли.

— Бандит бандиту рознь, — наставительно молвил священник. — И среди них есть нормальные люди. «Затон» не воюет со сталкерами-одиночками. По крайней мере до недавнего времени не воевал. Их главарь — узбек Мирза Каримов по кличке Султан. Он мой должник, так что, может быть, прорвемся.

И, подняв высоко руки с зажатými в них «Форой» и АКМ-74, первым подался наружу. Степан поспешил за напарником. Ступив пару шагов, он вдруг почувствовал адскую боль в затылке. Словно кто-то пытался пробуровать его мозг. Перед глазами заплескали цветные пятна, на мгновение сложившиеся в яркую картинку: мертвая девушка, лежащая на асфальте, и струйка вязкой крови, кажу́щейся в темноте черной. Видение было настолько реалистичным, что парень даже почувствовал приторно-сладковатый запах.

Наверное, батюшка уловил его состояние. Потому как на мгновение обернулся и пристально глянул Степану в глаза. Боль сразу же прошла, в голове прояснилось. Ну, силен пастьер в искусстве внушения, ничего не скажешь. Правильно себе выбрал профессию.

Выйдя на улицу, Чадов с отцом Иоанном очутились в некоем дворе, со всех сторон окруженном высокими стенами, сложенными из массивных бетонных блоков, от чего создавалось впечатление, что они находятся на дне колодца. Такие же блоки, а также целые и разбитые плиты штабелями лежали посреди двора. Тусклый солнечный свет почти не проникал в «колодец». Степан в который раз подумал, что Зона — это совсем другой мир, резко отличающийся от привычного, находящегося всего-то в паре десятков километров отсюда. Разве сравнить изнуряющее жаркое августовское солнце на ослепительно-голубом небе над Киевом или тем же родным Харьковом и вот это блеклое пятно, еле видное из-за тяжелых свинцовых туч?

Их тотчас окружила группа людей, одетых в черные кожаные куртки и плащи, на рукавах которых красовалась традиционная бандитская эмблема — ухмыляющийся череп с пробитым теменем. Вооружены парни были кто чем. У одних были обрезы дробовиков, у парочки журналист приметил пистолеты-пулеметы «Гадюка-5», но больше всего было старых добрых ПМ.

Легонько подталкивая «крестоносцев» стволами в спины, подвели их к стоявшему чуть в сторонке низкорослому крепышу лет тридцати пяти. По внешнему виду в парне сразу угадывался уроженец Востока. Смуглый, щекастый, нос-пуговка. Черная окладистая борода-лопата. Узкие умные черные глазки, хитро поблескивая, с любопытством ощупывали задержанных.

— Точно, Байкер, — удостоверился он и, распахнув объятия, полез к Опрокидину целоваться.

Батюшка не стал чиниться и последовал этой восточной традиции, когда близкие знакомые и друзья при встрече трутся щеками.

Отстранившись, Султан пытливым взглядом поглядел на Степана.

— Это мой новый друг, — представил спутника священник. — Степан Чадов, журналист из Киева.

Заслышав род занятий гостя, узбек поморщился. Среди его людей тоже пробежал недовольный говорок. Видно, шелкоперов, да еще и столичных, здесь недолюбливали.

— Отмычка, нах? — презрительно констатировал Мирза.

— Нет, — поспешил разубедить его Опрокидин, — он не новичок, нанятый мною для прощупывания проходов. Плясун сам неоднократно ходил в Зону...

— Пылясун? — удивился бандит. — Так это он? Взгляд его стал настороженным и оценивающим.

— Хм... Надо же, Пылясун...

— Так вы слышали обо мне, уважаемый? — осведомился Чадов. Султан не удостоил его ответом, склонил голову набок и вновь принялся разглядывать отца Иоанна.

— Дашли до меня слюхи, чито ты в попы подался, Байкер. Правда, чито ли, нах?

Бандиты оживленно загоготали.

— Истину рекли, — смиренно ответствовал батюшка.

— Чито, нагрешил сильна? — хихикнул Султан. — Замаливать пора?

Хохот среди его людей усилился.

— О том не мне или тебе судить, — просто молвил Опрокидин, крестясь. — Токмо одному Господу Богу.

Каримов поперхнулся смешком и свирепо глянул на свою шайку. Смех мгновенно прекратился.

«Ну, у них и дисциплина», — подивился Степан.

— Ладна, — хлопнул себя ладонью по ляжке Мирза. — Чито это я вас на парогe держу? Вы же гости, а гость от Бога. Пайдем са мной...

Огромная, растянувшаяся на несколько квадратных километров и застроенная множеством малых и больших сооружений территория бывшего Научно-исследовательского института «Агропром» была лакомым кусочком, из-за которого постоянно велись свары, споры и войны между разнообразными группировками, составляющими население Зоны.

То патриоты из «Долга» грызутся с анархистами из «Свободы» за право установить здесь оплот борьбы с мировым Злом, средоточие которого бывшие офицеры видели в окружающих Чернобыльскую АЭС землях. Победят и сразу же с основательностью и дотошностью начинают, вернее, продолжают обживать на покоренном участке. Укрепляют стены бронированными листами, взрывают подземелья, заваривают люки и всевозможные входы-выходы, чтоб мутантам неповадно было лезть. Отключив насос, откачивающий грунтовые воды, пытаются затопить туннели, дабы извести прячущихся там мутантов.

То «свободовцы», воспользовавшись катаклизмами Зоны, заставившими «долговцев» временно убраться на завод «Росток», оккупируют оставленные идеологическим противником палестины и упиваются проявлениями матери порядка Анархии. Еле-еле налаженное отставниками хозяйство без зоркого глаза и рачительных рук тут же начинает приходить в упадок. Все препоны, преграды и ловушки против жутких порождений Зоны с непонятной скоростью ветшают, ожидая, пока кто-то вновь не спохватится и не начнет их восстанавливать.

А то бандитам повезет, и вот тогда начинается настоящий сыр-бор. Джентльмены удачи, не разбираясь что к чему, просто грабят «награбленное», живя одним мгновением и мало заботясь о дне грядущем. А что о нем заботиться? Разве можно предугадать, что с тобой случится здесь завтра, если в Зоне ежеминутно и ежесекундно под дамокловым мечом находишься. Одному Господу ведомо, когда Хозяевам Зоны взбредет в голову перерезать тонкую нить, на которой висит эта угроза. Но до Бога, как говорится, высоко, а до Хозяев совсем недалеко.

С недавнего времени, если сказать точно, то с тех самых пор, как объявился пресловутый Конь Бледный, на «Агропроме» установилось шаткое равновесие, сродни «водному перемирию» из сказки о Маугли. Контролировавшие территорию три силы —

бандиты, разместившиеся поближе к контролируемой ими Свалке, «долговцы», дислоцирующиеся в северной части, и военные, оккупировавшие южную часть, — как бы заключили между собой негласный договор о нейтралитете. Каждый занимался собственными проблемами, а в дела «соседей» не совался. Даже тогда, когда вот, как нынче, большая часть «Затона» погибла во время вылазки на Свалку, оказавшись на пути невиданного гона мутантов.

«Долговцы» хоть повели себя по-людски, выразив ловцам фортуны вежливое соболезнование, дескать, все под Богом ходим. А вояки промолчали в тряпочку. Им вообще на все наплевать. Окопались у себя в пятиэтажке и, знай, укрепляются, наворачивая вокруг да около новые и новые мотки колючей проволоки.

— Еще и ток по ней пустили, суки!

Султан со всей дури хряснул кулаком по столу. Жалобно зазвенели друг о дружку граненые стаканы, наполненные водкой.

Они находились в штабе бандитов. По всей видимости, помещение это некогда выполняло аналогичные функции у «долговцев». Стены были солидно укреплены бронированными щитами, расписанными под армейский камуфляж. Местами еще даже сохранились настенные лозунги патриотического содержания, к которым бандюки подписывали похабные слова, резко менявшие весь смысл возвышенных фраз.

— Прикинь, — уткнувшись носом в плечо отца Иоанна, горестно всхлипнул узбек. — У меня две трети людей полегло, а им насрать!

— И что они там охраняют? — осторожно полюбопытствовал Степан.

— А хер их знает, Пылясун, этих вояк гребаных! — Султан вылил водку в рот и, запрокинув голову, шумно прополоскал выпивкой горло.

Вытаращил глаза, прислушиваясь к ощущениям.

— Так-таки ничего не знаешь? — усомнился батюшка.

Бандит нахмурился.

— Ну, савсем немнога, — виновато развел руками. — Чито-та там умники делают. Шибка секретнае.

— Умники — это ученые?

— Ага, — подтвердил Султан. — Вечно они это, экскрементируют, экскрементируют, нах.

Журналист фыркнул в кулак.

Узбек подозрительно глянул на него, но ничего не сказал. Вместо этого взял кусок хлеба, макнул его в банку с «Завтраком туриста», подцепил кусок консервы и закусил.

Угощались уже второй час. За это время опорожнили две бутылки «Казаков» и доедали третью банку знаменитых с советских времен консервов.

«Крестonosцы» поведали предводителю «Загона» свою историю. Султан поцокал языком, повозмущался, несколько раз пообещал поймать в сугубо извращённой форме мам всех похитителей ребенка. Но видно было, что на самом деле ему вся эта история глубоко параллельна. Его больше волновали насущные проблемы собственного отряда.

— Так что, отпустишь нас? — в очередной раз задал щекотливый вопрос Опрокидин.

— А тебе чито, Байкер, плохо у меня в гостях? — уклонился от прямого ответа хозяин.

Сам же отчего-то косил глазом на журналиста, рассматривая его так, словно в первый раз увидел.

— Времени нет рассиживаться, — ответил святой отец. — Промедление смерти подобно.

— Как гаварил великий Ленин, — хохотнул Султан.

Чадов удивился было начитанности узбека, но затем увидел на одной из стен эту самую фразу, подписанную именем вождя мирового пролетариата, и успокоился.

— Симeрть, симeрть, — зафилософствовал джентльмен удачи. — Она тут за нами по пяткам скачет...

— Это ты о Конe Бледном? — напрягся пастырь.

Бандит сосредоточенно засопел.

— Вы его тоже видели? — вмешался журналист.

— Есили бы я его видел, то нэ сыдел би сейчас тут с вами. Май люди видели. И гиде они теперь?

— И что это, по-вашему?

— Шайтан!

— Ты не ответил, — вернул разговор в прежнее русло священник. — Отпустишь нас?

— Атпустить не магу, — вздохнул Каримов. — Уговор с вояками и «долговцами» есть: никого пастароннего не прапускать через территорию без сагласавания.

— И что, ты плюнешь на закон гостеприимства? — усовестил его отец Иоанн. — Выдашь нас на расправу?

— Я бы и хател вам памочь, — буркнул Мирза. — Но меня тут же заложат, и тагда мине несдабравать.

— Ты боишься собственных людей? — удивился батюшка.

— Шакалы они поганые! — плюнул в сторону двери вожак. — Каждый спит и видит, что займет мае место!

— Что же делать? — пригорюнился Степан.

— Не может быть, чтобы не было выхода! — решительно молвил Опрокидин. — Султан, ты мой должник, помнишь ли? Я ведь спас тебе жизнь.

— Да помню я, помню, — не стал отнекиваться бандит. — Есть адин выход... Вернее, делавое пиредложение...

— Ну, говори, не томи!

Каримов выпил еще полстаканчика, заев коркой хлеба с «Завтраком туриста», и лишь потом приступил к делу.

— Видите ли, май люди в последнее время сыльна упали духом. Я, как настоящий камандыр, нах, должен заботиться об их настроениях. Правильна?

— Разумеется, — подтвердил священник, недоумевая, к чему клонит узбек.

— Вот! — поднял вверх палец Султан. — Паэтаму я пиредлагаю вам сделку. Вы устроите нам здесь спартивный праздник, шоу, нах, а я вас за эта атпушу на все четыре стороны. Если пабедите, канечна... И людей дам. Люди вам абязательна панадобятся. Патаму чта шестера против сотни «грешникав» — эта плахой расклад. Савсем плахой, нах...

— Какое шоу? — не понял Чадов.

— Баи без пиравил, — бухнул прямо в лоб узбек. — На пабедытеля. Ведь пабедытеля нэ судят, нах!

Лукаво прищурил свои и без того узкие глазки, превратившиеся от этого в щелочки.

— Ну, ты и гнида, Султанчик, — не поверил своим ушам батюшка. — Это же...

— А чито? — крикнул бандит. — Когда еще поймашь двух таких мастеров рукапашного боя? У нас тут развлечений мала. Баб совсем нет, только водка, ахота на мутантов и наркота.

— Мы согласны, — процедил сквозь зубы отец Иоанн. — Кого выставишь против нас?

— Таких же гостей, как и вы, — подмигнул Мирза. — Каторых никито не будет искать...

— Но это форменное самоубийство! — воскликнул журналист. — Сражаться врукопашную в этих защитных костюмах? Нонсенс! А без них сдохнем из-за радиации.

— Не валнуйтесь, — успокоил его Султан. — Зидесь есть специальный зал для тренировок, абарудованный «долговцами». Туда пачти не праникает радиация. Так что драться можна в легких кастюмах.

— У меня два условия, — тоном, не терпящим возражений, сказал Опрокидин.

— Какие? — насторожился главарь бандитов.

— Первое: мы деремся не до смерти. Второе: мы не выступаем друг против друга. Идет?

— Дагаварылись! — хлопнул в ладоши Каримов и не удержался, чтобы не съязвить: — Вот чито значит стать попом...

Их провели в импровизированную раздевалку, где предложили удобные защитные костюмы заморского производства. Хотя на них и не было никаких опознавательных знаков, но качество пошива говорило само за себя.

Наверное, у миротворцев позаимствовали, подумал Степан. Каким именно образом произошло это «одолжение», журналист не захотел уточнять. Есть и есть, зачем лишние вопросы. Главное, что в них удобно было двигаться.

— А как вы начали изучать боевые искусства, отче? — любопытно спросил Чадов, переодеваясь. — Это не расходится с православными канонами?

— С канонами это не то что не расходится, а даже наоборот, — пояснил батюшка. — Нельзя забывать, что христианская церковь — это в первую очередь церковь воинствующая. По Священному писанию именно она станет первым заслоном на пути Тьмы в конце всех времен. Вот и надобно совершенствоваться, чтобы продержаться подольше и дать остальному миру возможность собрать силы. В Зоне это ох как пригождается.

— Насколько я знаю, очень долго церковь двояко относилась к боевым искусствам. Четко отделяя практиков восточных единоборств... Что-то изменилось по отношению к «восточникам»?

— Невежество, только невежество причина этой двоякости. Так называемая «восточность» — надуманный невеждами термин, оправдывающий отсутствие у этих же невежд здравого смысла и желания совершенствоваться. Слава Богу, наконец это поняли. Многие священнослужители и прихожане занимаются единоборствами и не скрывают этого...

— Но ведь единоборствами занимаются не только христиане...

— Все мы братья. И с мусульманами, и с иудеями мы находимся в одной ветхозаветной традиции. Поэтому никаких разногласий у нас нет и быть не должно. И с представителями других традиционных религиозных конфессий нам тоже делить нечего. Зло же, его природа, во всех традициях одинаково. Религия — это прежде всего вера в Любовь! Но в Любовь не абстрактную, а в жертвенную. Когда, например, один человек отдает всего себя, защищая честь страны, честь своей команды, другой человек ложится под пулю, прикрывая собой ребенка, а третий умирает за рабочим столом в НИИ, положив всего себя на алтарь науки. Это одна вера, одна жертва, одна Любовь.

В раздевалке, кроме них, готовились к бою еще пять человек. Седой верзила с уродливым шрамом через все лицо, худощавый парень в красном защитном костюме (Степан окрестил его «Модником»)... Здоровущий зверообразный негр. Откуда здесь взялось дитя знойной Африки? Темнокожих вообще в Зоне не так много. Прежде всего среди миротворцев. А такой монстр сразу бросается в глаза. Вон, все лицо исписано тонкой вязью причудливой татуировки. Не иначе, состоял при своем боссе в роли экзотического пугала.

Двое остальных производили впечатление тертых калачей. На их физиономиях явственно читалось уголовное прошлое. Угрюмые бритые качки с квадратными челюстями и такими же квадратными плечами. Наверняка тоже из какой-нибудь противоборствующей с Каримовым группировки.

Журналиста и священника встретили настороженными взглядами. Особенно встревожились Модник и седой. Наверное, они недолго были здесь в плену, и предстоящий бой страшил их. Из остальной тройки дольше всех рассматривал «крестоносцев» негр. Покончив с разглядыванием, одобрителем поднял вверх большой палец правой руки и осклабился.

Неужели он не понимает, зачем их всех сюда привели? Или просто таким уж дружелюбным уродился, что способен по достоинству оценить бойцовские качества соперника.

Особенно расслабиться (или наоборот — собраться) им не дали.

— На выход! — взмахнув пистолетом, хмуро распорядился один из приведших их сюда «затоновцев».

Участников поединка по длинному коридору провели в большое помещение с хорошим освещением и, как и обещал Султан, надежной защитой от радиации. Чадов оценил толщину свинцовых плит, покрывавших стены. Это сколько ж металла на них пошло? И все это, наверняка, стоило немалых денег. Да уж, «Долг» не скупился, оборудуя место для тренировок личного состава. Что ж, еще древние греки утверждали, что в здоровом теле здоровый дух.

Бойцов провели в центр зала, прямо к рингу, который тоже был устроен по всем правилам.

Вокруг ринга размещались зрители, удобно устроившиеся за столами, заставленными бутылками с водкой и немудреной закуской. Рожи по преимуществу были мало отягощенные интеллектом. А чего еще ожидать от бандитов?

При появлении «гладиаторов» публика оживилась.

Бесцеремонно разглядывая бойцов, словно те были забавными диковинками, подвыпившие бандиты обменивались оценивающими репликами.

На ринг взобрался один из «затоновцев», по всей видимости, исполняющий роль конферансье и рефери.

— Итак, господа, — обратился он к публике, — мы начинаем состязания. Путем жеребьевки определены четыре пары первого круга. Четверо победителей образуют две пары во втором круге. Наконец в последний круг выйдут оставшиеся двое. Один из них и будет объявлен победителем.

Зрители одобрительно загудели.

Интересно, заволновался Чадов, кто же будет восьмым?

И тут им со святым отцом был преподнесен сюрприз. Потому что восьмым поединщиком оказался... Мирза Каримов собственной персоной. Его появление было встречено бандитами бурной овацией.

— Нэ ажидали? — расплылся узбек в довольной улыбке.

— Что за комедия, Султанчик? — осведомился Опрокидин.

— А рэшил молодость вспомнить. Кровь паганять, нах, читоб не застаивалась.

И, повернувшись к Степану, добавил:

— Ми же с тобой земиляки, Пылясун. Я тоже в Харькаве начынал. На Благовещенском базаре фируктами таргавал, да. Хурма-мурма, кишмиш, дыни-шмыни. И тоже теренировался у сэнсея Голдина.

Вот так сюрприз!

— Чито, нэ знал? А учитэль минога мне а тибе рассказывал. Гаварил, чито ты его лючий ученик. Типер пасмотрим, кито из нас лючий.

В черных узких глазах Плясун увидел смертный приговор, вынесенный ему бандитом. Этот щадить не будет.

Ладно, время покажет...

Внезапно вновь накатила уже знакомая головная боль. Померкло в глазах. Померещилось, что он — это уже не только он, Степан Чадов, но и кто-то еще. Некто дикий и страшный, ненавидящий весь род людской и горящий одним желанием — сеять вокруг себя Смерть. Из груди вырвался хриплый рык. И парень не узнал собственного голоса. Хотел было обратиться за помощью к отцу Иоанну, чтобы тот снова помог справиться с непонятным недугом, но зверь внутри намертво запечатал его уста.

«Не смей! — явственно раздалось в ушах. — Смерть, смерть всем и каждому!»

...Струйка вязкой крови, кажущейся в темноте черной...

Рефери развел бойцов по парам. Негр стал напротив седого, Опрокидин — напротив первого из «шкафов», Султану предстояло сойтись со вторым мордоворотом, а Степану — с «Модником». Журналист с облегчением вздохнул. Хорошо все-таки, что не с Каримовым. Не теперь.

Зрители принялись бурно обсуждать образовавшиеся двойки. Из карманов были извлечены бумажники, а оттуда — купюры. Азарт завладел разгоряченными спиртным умами. Святое дело — сделать ставку на кровь ближнего своего.

Первыми на ринг вышли чернокожий и долговязый с седыми волосами.

Чадову было интересно, каков негр в бою.

Оба противника находились в разных весовых категориях. На фоне глыбообразного темного парень со шрамом казался легкой тростинкой. Однако в боях без правил комплекция не имеет решающего значения. Как дополнительный нюанс — да. Но главное здесь техника, мастерство.

И вот она-то у седого подкачала. Это стало ясно уже после первых прыжков и серии молниеносных ударов, которая была проведена «Шрамом» вхолостую. Выполнены они были технично, нечего грешить, но ни один из них не причинил негру видимого урона. Он только вяло отмахивался от наскоков противника, будто отгонял назойливого комара.

Среди зрителей послышались смешки и подзадоривающие выкрики. Одни предлагали соплеменнику начистить рожу этому «немытому медведю». Другие, наоборот, призывали гиганта размазать седого по асфальту. Где они нашли битумное покрытие на ринге, непонятно.

«Меченый» раззадорился. Левой рукой, которая у него явно была сильнее, он попытался нанести удар в ухо, при этом правая нога устремилась прямехонько в пах «зулуса». Здоровяк слегка повернул голову, и первый выпад пришелся по касательной. Седой не сумел совладать с вложенной в удар силой, которая повлекла его вперед, от чего он потерял равновесие и пошатнулся. Правая нога высоко задралась и оказалась прямо в руках негра.

Тот угрюмо усмехнулся, а затем, поудобнее ухватившись за нижнюю конечность «Шрама», одним махом сломал ее о свое колено. Раздался противный хруст, и вслед за ним послышался протяжный вой, который тут же и оборвался, потому что чернокожий закрыл широко распахнутый рот седого гигантской ручищей. И скривился — обезумевший от боли парень впился зубами в его ладонь.

Негр страдальчески посмотрел на публику, ожидая решения участи проигравшего. Зрители, разумеется, требовали крови. Пожав плечами, «зулус» тяжело вздохнул и положил вторую руку на затылок обреченного. Степану показалось, что гигант просто погладил по седым волосам, будто жалея парня. Потом бережно опустил тело на пол ринга и перелез через натянутые канаты. Оставшийся на поле брани не шевелился.

Рефери подал знак, и двое телохранов очистили ринг, освобождая пространство для второй пары.

Ею стали батюшка и мордоворот.

Отец Иоанн заметно уступал «шкафу» ростом и статью. Бандит скептически поглядел на противника и хмыкнул. Опрокидин пожал плечами. Мал золотник, да дорог.

Первые удары наносились соперниками нехотя, вяло. К вящему разочарованию раззадоренных первой кровью наблюдателей, которые тут же потребовали от рефери призвать лентяев к порядку.

Султан подмигнул судье, и тот недолго думая пальнул из своего пистолета. Пуля пролетела прямо над головами горе-бойцов, срезав у священника прядь волос.

Средство подействовало. Батюшка с воплем подпрыгнул и быстро замолотил кулаками по гладкой голове соперника. Тот очумело выпучил глаза, которые тут же налились кровью, и резким движением стряхнул с себя разухабистого барабанщика. Повел тугими плечами вправо-влево, да как двинул правой прямо в нос нахалу. Тот мгновенно кровью умылся. Зашатался, как подпиленное дерево, и с открытым ртом повалился наземь.

Не удовлетворившись этим и не дожидаясь особого приглашения, мордоворот подскочил к лежащему и стал изо всей дури пинать его ногами по корпусу. Зрителям это не особо понравилось. Ничего технически красивого в таких ударах не было. Не то что в нокауте, встреченном зрителями единодушным ревом одобрения. От «шкафа» потребовали прекратить безобразие. Тем более что Опрокидин сделал жест, означающий, что он признает поражение.

Султан осуждающе покачал головой.

— Нада же, спырыгнул! Ну, Байкер, нэ ажидал!

Отец Иоанн виновато развел руками. Что, мол, поделаешь. Не мой день.

— Адихай, — милостиво разрешил главарь «Затона». — Гостем будишь. Я дабро помню. Но мы в расчете, идет, нах?

Пастырь, утирая расшибленный нос, кивнул. Договорились. Однако за столы к зрителям не пошел, а встал тут же, у ринга, показав Чадову глазами, что все идет как надо.

Степан созерцал все происходившее на ринге в каком-то тупом оцепенении. Словно глядел кино. Подмечал особо удачные выпады и атаки, а финалы поединков казались чем-то театральным, ненастоящим. Когда же лицо батюшки окрасилось кровью, произошло и вовсе непонятное. Из груди журналиста вновь вырвался звук, похожий на звериное рычание. А ноздри хищно раздулись.

Еще сильнее затрепетали они, когда на ринг вслед за зеркальным подобием недавнего победителя взвошел Мирза Каримов.

В голове запульсировало: «Враг! Враг!»

Словно прочитав чадовские мысли, узбек повернулся к журналисту и, погрозив кулаком, глумливо улыбнулся.

Плясун снова зарычал. Захотелось тут же перепрыгнуть через веревки и разделаться с обидчиком. Порвать его на куски. Отправить в царство Смерти.

Не дав сопернику опомниться, Мирза тут же перешел в атаку. Сложившись пополам, молнией метнулся в ноги здоровяку, обхватил руками его колени и с силой дернул на себя. Взмахнув руками в воздухе, гигант мешком свалился на ринг, пребольно ударившись спиной.

Быстро, однако, оправившись, он встал на колени и сделал захват, сжав правой рукой шею Каримова, а левой заколотив ему по ребрам.

При виде этого бандиты заволновались и начали подбадривать своего предводителя громкими выкриками.

Непостижимым образом извернувшись, Мирза выскользнул из цепких рук крепыша и боднул его головой в грудь, одновременно вскакивая на ноги. «Шкафчик» отлетел в угол и повис на веревках, схватившись рукой за горло. Ему явно не хватало воздуха, он задыхался.

Закрепляя успех, Каримов прыгнул на здоровяка. Сначала сел ему на грудь и нанес град мелких ударов кулаками по лицу. Потом, свернув крепыша калачиком, поставил его на голову и ударил ладонью в пах.

«Чего он возится?» — недоумевал Чадов.

С техникой боя шиванат Мирза вполне мог управиться с противником уже на первой минуте. Правда, это было бы не столь зрелищно, как сейчас.

Бросив здоровяка бревном лежать на ринге, вожак «Затона» стал картинно прохаживаться вдоль веревок, сотрясая кулаками и раскланиваясь перед рукоплещущей публикой.

«Шкаф» зашевелился и, опершись на локти, стал подниматься. И тут Мирза, оттолкнувшись ногами от пола, взмыл в воздухе, пролетел несколько метров и плюхнулся задом прямо на грудь врага. Тот страшно захрипел, изогнулся и обмяк.

Все было кончено.

Изящно поклонившись зрителям, Каримов снова нашел Чадова и вытянул кулак сначала в сторону сраженного им здоровяка, а потом ткнул им в направлении журналиста. Угроза была красноречивой. Держись, мол, тебя ожидает такая же участь.

Степан пожал плечами и пошел на ринг.

По пути поискал глазами отца Иоанна и, найдя, кивнул священнику. Тот ответил.

«Модник» выглядел жалко.

Вжавшись спиной в угол, затравленно смотрел на того, с кем ему придется сойтись в спарринге, словно чувствуя, что у него нет ни малейших шансов на победу.

А Чадов тоже глядел на соперника и не видел его. Что-то обожгло грудь. Это подаренный Опрокидиным крест отчего-то нагрелся.

Журналист сделал положенный в шиванате жест приветствия и пустился в *пляс*, заходя на малый круг тандавы. Все его мысли сосредоточились только на танце, на правильном и точном выполнении всех движений.

Со стороны это выглядело завораживающе.

Полуобнаженный красавец-брюнет с дико горящими глазами бабочкой порхал по огороженному веревками квадрату, наворачивая круги и неумолимо приближаясь к замершей в углу и словно загипнотизированной жертве. Впрочем, какая же это бабочка? Самый настоящий паук!

Остановился в полушаге от цели и стал хищно втягивать носом воздух, ловя исходящие от несчастного флюиды животного ужаса.

«Муха», не желая принять и поверить в неизбежное, затрепыхалась и бросилась навстречу судьбе. И оказалась прямо в руках охотника. Но сколько же у него этих рук? Две, четыре или, может быть, шесть? Шевелятся, двигаются, бегают. Как будто плетут вокруг тела жертвы кокон из прочной паутины.

Сплели.

И принялись играть продолговатым мячиком, подбрасывая его вверх и ловя попеременно то одной, то другой рукой-щупальцем.

Да когда же прекратится эта жуть? Хватит! Довольно!

«Кокон» летит вперед, покидает пределы, очерченные веревками, и с грохотом плюхается прямо на один из столов, обдавая оцепеневших зрителей брызгами разлитого спиртного и кусками развороченных яств...

Степан оглянулся по сторонам. Куда это запропастился «Модник»? И почему все как-то странно смотрят на него? Особенно отец Иоанн, нервно кусающий бледные губы и часто крестящийся. Зато во взгляде Султана читалось искреннее удивление и одобрение.

Зверь в голове плотоядно облизнулся при виде врага.

— Первый круг состязаний закончен! — торжественно провозгласил рефери.

«Как так закончен?» — не понял сначала журналист.

И тут его взгляд наткнулся на разгромленный стол, с которого трое сидевших за ним бандитов поспешно убрали безвольный тюк человеческого тела.

«Господи! — не поверил глазам своим молодой человек. — Это я?...»

Ответом ему было довольное урчание насытившегося кровью хищника.

— Начинаем второй круг! — объявил конферансье. — Результаты второй жеребьевки...

Предугадать, как именно составят пары, было нетрудно.

Мирзе достался негр, а Степану — бритый здоровяк.

И снова Чадов обрадовался. Но не тому, что опять не бьется с Каримовым, а потому, что не ему выпало драться с «зулусом». Отчего-то он нравился Плясуну.

Видно, Султан решил больше не выпендриваться. Зачем зря расходовать силу, которая может пригодиться для финального поединка. Никто из присутствующих уже не сомневался, кто выйдет в третий, завершающий круг.

Как только чернокожий, перемахнув через веревки, разогнулся на ринге, он сразу был атакован бородачом.

Правая рука Каримова, превратившись в живое копьё, ткнулась в брюшной пресс гиганта. Из развороченного пупка полилась кровь. Негр схватился руками за живот, не давая внутренностям вывалиться наружу. Его лицо посерело.

Султан, оскалившись, ткнул указательным пальцем «зулусу» под кадык, а когда великан начал валиться на пол, сделал пальцами «козу» и вогнал их в широко раскрытые глаза сына Черного континента и дернул на себя.

Темнокожий медленно опустился на колени и с глухим стуком ткнулся лбом в пол ринга. Да так, согнувшись под углом, и застыл.

Каримов понюхал окровавленные пальцы и безразлично потряхнул ладонью. Алые брызги полетели в сторону следующей пары, приблизившейся к ристалищу. Одна из капель попала в

лицо Чадова, запачкав ему лоб. Журналист утерся, но только размазал кровь в большое пятно.

Так, с темно-красным пятном над переносицей, Степан и вступил в свой второй бой. Странно, однако парень готов был поклясться, что его лоб как будто горел огнем. Этот зуд раздражал, мешал сосредоточиться.

...Струйка вязкой крови, кажущейся в темноте черной...

Ни с того ни с сего заслезились глаза. словно туда кто насыпал перца.

Парень потер их кулаками и пропустил тяжелейший удар в челюсть. Щелкнул зубами, ощутив, как рот наполняется чем-то солоноватым.

Нужно сосредоточиться. Но головная боль становилась все сильнее, пока не разорвалась внутри черепа световой вспышкой.

Из света вынырнуло большое темное пятно, угрожающе двинулось на молодого человека. Он присел, уходя с линии удара, а потом, выставив перед собой руки с растопыренными веером пальцами, устремился вперед, как утопающий, рвущийся из глубины на поверхность. Пальцы угодили во что-то твердое, преодолели сопротивление и завязли уже в мягком и горячем. Степан сжал кулаки и дернулся назад.

Поскользнулся на ровном месте и чуть не упал. Однако вовремя сгруппировался и всего лишь опустился на колено.

Туман в голове начал рассеиваться. Уже почти полностью оправившись, увидел, как сверху на него рушится соперник. Принял массивное тело на кулаки и с силой отшвырнул от себя. «Шкаф» долетел до веревок-ограничителей и повис на них.

Наконец-то организм Степана вновь обрел равновесие, и журналист сфокусировал взгляд на противнике.

Что это?!

Вся грудная клетка мордовороты была разворочена так, будто ее располосовал своими когтями хищный зверь. Чадову как-то пришлось видеть в Индии человека, разорванного тигром. Картина не из приятных.

Неужели вот это сделал *он*? Похлеще, чем исход поединка с «Модником».

— Третий круг! — изрек рефери. — И пусть победит достойнейший!

Степан и Мирза медленно двигались и выжидали.

Был бы противником Чадова кто-то другой, этой заминки не было бы, все решилось бы очень быстро. Но против него стоял шиванат. Боец талантливый, сильный, резкий. Неприятель, которого, вне всякого сомнения, стоило опасаться.

Как видно, подобные мысли посещали сейчас и Каримова, потому что он тоже осторожничал.

Бойцы вились на месте неспешно и аккуратно, стараясь не сделать ни одного лишнего движения, глядя друг другу прямо в глаза и пытаясь уловить там мимолетный проблеск неуверенности или замешательства. Проблеск, которого хватит для того, чтобы одной моментальной атакой решить все.

Когда встречаются два сильных бойца, сказал как-то Голдин, то побеждает тот, у кого лучше техника. Когда у обоих техника на одном уровне, то побеждает тот, у кого больше опыта. Когда оба одинаково опытные, то побеждает тот, у кого сильнее дух. «А если и дух у них одинаково сильный?» — спросил тогда Степан наставника. Голдин усмехнулся и ответил: «Тогда победит тот, кому в тот день больше повезет».

Журналист смотрел на Султана и понимал, что это именно тот самый случай. Их техника более-менее равна, опыта у Степана немного больше, но бандит быстрее. Дух? Да и с духом у его противника все в порядке, отметил про себя парень. Оставалось одно — надеяться на удачу. Ну или чуть-чуть ей помочь.

Чадов сделал неловкое движение и чуть подался вперед, как будто споткнулся. Его противник не заставил себя ждать. Как стрела, выпущенная из тугого монгольского лука, он кинулся вперед, далеко выбросив перед собой левую руку. Рука с раскрытыми подобно китайскому вееру пальцами летела прямо в глаза Степана.

Это был первый удар классической «Золотой связки Чертынхана». Связки, от которой нет защиты, если ее не знать.

Давным-давно в свите хана Бабура, того самого основателя династии Великих Моголов, был нукер по имени Чертынхан. И однажды в бою с воинами коварного Шейбани-хана он бросил меч и стал драться голыми руками. Вечером того же дня, когда воины Бабура делили добычу и перевязывали раны, Бабур подошел к своему верному нукеру и сказал: «Знаешь, когда ты бросил меч посреди сражения, я уже было подумал, что ты струсил, и хотел самолично отрубить тебе голову, но ты проявил недюжинную доблесть и дрался голыми руками, как настоящий лев». «Да, о повелитель. Бой был очень жаркий, а я в своих тренировках всегда больше уделял внимания искусству руки, нежели искусству меча. Когда совсем тяжело, руками мне драться сподручнее».

Эта удачная придумка Чертынхана вошла в шиванат лет четыреста тому назад под именем «золотой связки» и с тех пор непременно изучалась всеми поколениями учеников. Степан ее тоже знал, и знал прекрасно, но дело в том, что у каждого бойца шиванат она своя. Первый удар всегда один и тот же, а вот что дальше... Дальше уже можно только гадать, какой сюрприз приготовил тебе твой противник. Если только ты сам не приготовил ему своего собственного, коронного сюрприза.

Журналист точно просчитал этот выпад Султана.

Сделал легкое движение вперед, как будто потерял равновесие, в надежде на то, что опытный боец, заметив оплошку противника, использует ее на все сто. Каримов ее использовал. И Степан этого ждал.

Пулей вылетела рука бандита, но еще быстрее журналист метнулся наискосок влево, хватая своей левой рукой, как тисками, кисть противника у запястья, а правой подбивая того под нос.

Следующее произошло в мгновение ока.

Рывок вперед, запрокидывание головы Султана и подбив пяткой левой ноги под его колено — слились в одно движение. Бандита словно вихрем подхватило. Он беспомощно взбрыкнул ногами и со всего размаху рухнул на землю вниз головой.

По рядам зрителей прошел стон.

Чадов смотрел на лежавшего у его ног соперника, и зверь в груди требовал: «Добей! Добей! Смерть!»

Повинуясь этому приказу, нога парня уже поднялась, чтоб опуститься на беззащитный кадык Султана, но тут сквозь кровавую пелену, застилавшую мозг журналиста, пробился крик батюшки:

— Сгинь! Сгинь, нечистый! Именем Господа велю, убирайся прочь!

Злобный рык был ему ответом.

— Очнись, парень! — воззвал глас, вопиющий в пустыне. — Да воскреснет Бог, и расточатся врази его!

На душе отпустило. Перед глазами возник пылающий взор отца Иоанна. Этот взгляд подействовал на Чадова, как ведро холодной воды. Мысли прояснились.

Уже совсем другим взглядом он посмотрел на вставшего на четвереньки Султана и подал ему руку, чтобы помочь подняться. Бандит не оттолкнул руку помощи.

Встал, отряхнулся, угрюмо зыркнул на священника и журналиста и вдруг заулыбался.

— Ты лючий, — по-дружески беззлобно ткнул бывшего противника в грудь. — Учитель был прав, нах.

И добавил, адресуясь уже к обоим:

— Вы пабедили, значит, свободны!

И тут Зона вздохнула...

Глава десятая. В вихре иллюзий

Локация неизвестна

Стены узкого тоннеля плавно колыхались. Они были живыми, их мягкое покачивание убаюкивало. По стенам бежали многочисленные мелкие узоры, удивительные письмена на неизвестном нечеловеческом языке. Иногда узоры складывались в сложные абстрактные картины, проекции безумных снов противоестественных потусторонних существ. Здесь не было ни пола, ни потолка — один лишь бесконечный тягучий путь вперед. Невидимая сила влекла все дальше и дальше, унося к неведомой далекой цели. Хотя, возможно, путешественник, безразлично созерцающий тоннель, все это время находился на одном и том же месте, а безумный мир просто двигался вокруг него. Путешественник был стержнем этого таинственного места, единственным четким ориентиром, осью вечно противоборствующих добра и зла, которые не в силах существовать друг без друга...

Неожиданно в тоннеле появился змей. Изумрудное полупрозрачное существо, медленно извивающееся в причудливом завораживающем танце. Змей был проводником, и душа путешественника интуитивно потянулась к нему. Живые стены вокруг заволновались, замысловатые узоры пришли в неистовое движение. Теперь разобрать удивительные картины было невозможно, потому что они слишком быстро сменяли друг друга...

То было эхо ментальной памяти, проекция материнской утробы, воспоминания о том, как лишенный истины комок жизни стремится из темного мрака к свету — прелюдии неминуемой смерти.

Раз родившись, ты обречен на страшный конец, который невозможно отсрочить. И с каждым новым вдохом ты все ближе и ближе к той непостижимой тьме, которая терпеливо ждет за последним порогом, который так просто переступить раньше времени.

Изумрудный змей не обманул, выведя к свету, и путешественник неожиданно осознал, что имеет имя, осознал, что он человек, человек, страстно желающий жить: потерявшийся, обманутый, блудный сын, возвращающийся к жестокому предательскому миру...

Ромеро пришел в себя, тупо уставившись на быстро сменяющие друг друга светящиеся прямоугольники. Изумрудный змей по-прежнему извивался перед глазами, но странная иллюзия постепенно растворялась, таяла, будто изморозь на согреваемом горячим дыханием стекле.

Светящиеся прямоугольники оказались лампами дневного света. Сталкер лежал на спине, крепко привязанный к неудобной кушетке. Маленькие колесики с неприятным скрипом подпрыгивали на каждой неровности пола. Куда его везут? Что происходит? Он прекрасно помнил недавний бой с незнакомым хорошо экипированным противником. Помнил приятную тяжесть верного, судорожно бьющегося в руках РП-74, помнил истощный оклик Шиза, а дальше... тишина, полный вакуум, невозстановимый провал контуженной памяти.

Кушетка благополучно прошла сквозь автоматически открывшуюся дверь. Ромеро успел увидеть промелькнувший сверху дверной проем.

— Установите по центру! — неожиданно распорядился чей-то молодой и приятный вкрадчивый голос. — Да-да, вот здесь...

Кушетка остановилась.

Сталкер хотел оглядеться, но не мог, все его тело парализовала странная необъяснимая усталость. Определенно, эти сволочи что-то вкололи. Ему едва хватало сил, чтобы держать глаза открытыми. В просторном, ярко освещенном помещении присутствовали люди, он это чувствовал. Эти люди что-то хотели с ним сделать. Ромеро снова вспомнил о своем РП-74. Вот бы ему сейчас в руки любимого стального зверя.

«Славно поохотился на зомби, дурак», — подумал сталкер, понимая, что вляпался во что-то весьма и весьма скверное.

— Итак, коллеги... — проговорил все тот же приятный мужской голос, — нам снова несказанно повезло. Мы смогли заполучить вполне подходящий для нашего эксперимента экземпляр. Рост, вес, возраст, группа крови... просто несказанная удача.

— А что произошло с предыдущим подопытным, профессор? — спросил кто-то находящийся слева от Ромеро.

— Вы здесь недавно, коллега, и поэтому я вам сейчас все вкратце изложу. Остальным это будет неинтересно, потому что они и так уже в курсе. Проект «Мантикора», слышали о таком? Нет? Цель довольно банальна, создание сверхсолдата. Неуязвимого, всемогущего убийцы. Артефакт икс, метко названный недавно одним из наших коллег «слезой Смерти», имплантировался в тело подопытного, после чего последний приобретал все необходимые нам свойства. Однако, как водится, в таких случаях творение оказалось слишком... как бы это правильней выразиться... плохо управляемым. Подопытный вырвался на свободу, предварительно уничтожив два десятка охранников научного комплекса и двух ценнейших сотрудников, изначально занимавшихся этим довольно необычным проектом. Поверьте, эта потеря оказалась совершенно невозполнимой. У меня до сих пор сжимается сердце, когда я об этом вспоминаю.

— И что же стало с тем первым подопытным?

— Подопытный ушел в Зону, где вскоре погиб от истощения. Артефакт погубил его! Слишком быстро выпил все его жизненные силы. Теперь-то мы знаем, как избежать этого, придумав надежную изоляцию. Между прочим, эту нашу новую изоляцию мы как раз и проверим на свежем объекте, только что доставленном из Зоны.

— А кто заказчик проекта?

— Ну у вас и вопросы, коллега... Одна могущественная частная корпорация! Сказать вам ее название? Отрицательно качаете головой? То-то! Потому что, если я вам отвечу, прожить нам после этого, как и всем присутствующим, от силы пару суток.

— Значит, обычный человек после имплантации «сердца Смерти» действительно приобретает все те сверхспособности, о которых вы нам недавно говорили...

— Нет, не простой человек... — строго поправил собеседника Профессор. — А человек, чьи рефлексy намного превосходят рефлексy любого из нас. Перед вами опытный сталкер, но усовершенствованный имплантатом, он получит все те качества, которые превратят его в ходячую машину для убийств.

— А не случится ли та же самая накладка, что и в прошлый раз?

— Надеюсь, что нет! Во всяком случае, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы усилить обычные меры безопасности.

— А эксперименты с мутантами?

— Проект «Аргус»?

— Именно!

— А что вас, собственно, интересует?

— Его суть и смысл!

— Э... гм... Этот проект возник из странного побочного эффекта, который приобретали монстры, облученные нашей опытной установкой. Тогда, полгода назад, мы только начинали робко экспериментировать, не зная, чего ожидать от нового мощного артефакта. Мы смогли во много раз усилить его воздействие, поместив в особую искусственную среду... Так возникла наша многоцелевая установка «МУС-2911». Облученные при ее помощи мутанты приобретали удивительное свойство временной регенерации. По сути, они становились неуязвимы. Мы облучили нескольких и, поместив в их тела датчики, выпустили в Зону. Результаты превзошли даже самые смелые ожидания. Однако через пару суток эффект сходил на нет, и мутанты снова становились уязвимыми.

— Полагаю, эти твари наделали в Припяти много шороху...

— О да... — рассмеялся профессор. — Мы ведь на это как раз и рассчитывали. Во-первых, они успешно уничтожали других монстров, во-вторых, здорово напугали бывалых сталкеров, так что наша главная цель — избавить Зону от присутствия опасных тварей и не менее опасных людей — с успехом продолжает осуществляться.

Ромеро неожиданно почувствовал, что над ним кто-то стоит, пристально его рассматривая.

— Профессор, кажется, он нас подслушивает... — громко раздалось над самым ухом.

— Ничего страшного, коллега, он все равно не сможет ничего никому рассказать, потому что живым отсюда уже не выйдет...

Кровь похолодела в венах сталкера, он в очередной раз попытался пошевелиться и в очередной раз потерпел сокрушительное поражение. Собственное тело не подчинялось ему.

— Сейчас мы переместим подопытного в соседнюю лабораторию, и я выведу его из состояния временного паралича...

Кушетка на колесиках снова со скрипом задвигалась, и Ромеро закрыл глаза, полностью смирившись со своей страшной участью.

Толстая игла больно впиалась в правое предплечье, и сталкер наконец почувствовал собственное тело. Туловище от неподвижного лежания в неудобной напряженной позе онемело, руки и ноги покалывали миллионы маленьких иголочек.

Ромеро смог оглядеться по сторонам. Вокруг суетились люди в белых халатах. Особенно его поразил факт наличия среди них двух маленьких азиатов и троих смуглокожих индусов, с большим интересом рассматривавших подопытного.

— Суки... — хрипло проговорил сталкер и резко рванулся вперед, попытавшись разорвать путы.

Кушетка жалобно скрипнула.

— Сколько в нем безудержной агрессии! — восхищенно воскликнул мерзкого вида молодой мордатый очкарик с маленькими ручонками, пальцы которых напоминали разварившиеся сосиски.

— Грязный ублюдок... — коротко бросил в сторону усмехающегося очкарика Ромеро. — Подожди, ты еще попадешься мне в руки...

— Сильно в этом сомневаюсь, парень! — весело ответил ему профессор, заговорщицки подмигивая.

Сталкер набрал в грудь побольше воздуха, затем емко и длинно высказался по поводу противоестественных сексуальных наклонностей самого ученого и всех его близких родственников мужского пола. Те из присутствующих, кто имел вполне европейскую внешность, густо покраснели, сам же очкарик стойко выдержал заряд изощренной брани, сохранив на своем неприятном лице гаденькую иезуитскую улыбочку.

— Сейчас мы проверим, чего ты стоишь, бродяга, — спокойно проговорил он.

Вивисекторы в белых халатах поспешно расступились, пропуская к кушетке двух громил в сером камуфляже. Громилы умело отстегнули Ромеро и, профессионально скрутив не успевшего опомниться сталкера, поволокли его в дальний конец лаборатории.

За автоматически открывшимися дверьми оказался длинный белоснежный коридор, по обеим сторонам которого тянулись многочисленные стеклянные двери. Ромеро тщательно рассматривал каждую деталь, четко запоминая расположение помещений. Кто знает, возможно, в будущем это знание здорово ему пригодится, а возможно, даже спасет жизнь.

В конце ярко освещенного коридора была еще одна дверь, за ней располагалось темное помещение, по углам которого светились мертвенным зеленым светом продолговатые прозрачные саркофаги. Три из четырех были пусты, а вот в четвертом сталкер заметил спящего обнаженного человека. Он мог поклясться, что этот человек определенно ему знаком. Ромеро попытался напрячь память, но, к сожалению, рассмотреть подробнее странного длинноволосого мужчину ему не удалось, потому что его уже грубо волокли по новому коридору.

Через пару мгновений он понял, что спящий незнакомец был очень похож на отца Иоанна. Странное совпадение? Как может его тело оказаться здесь? Ведь батюшка сейчас топает на пару с Плясуном к «Янтарию», где обе группы «крестоносцев» должны встретиться. Или, быть может, он обознался? В той комнате было довольно темно, мог же он, в конце концов, просто ошибиться? Но натренированная годами сталкерская память настойчиво твердила об обратном.

В следующем помещении, через которое его провели, был устроен самый настоящий зверинец. Похоже, неизвестные исследователи собрали здесь почти всех мыслимых представителей жуткой фауны Зоны.

Бестиарий выдался знатный.

Мутанты сидели в хорошо оборудованных камерах за прозрачными бронестеклами. Многочисленные приборы постоянно считывали какие-то данные, выводя их на светящиеся мониторы, расположенные у каждой клетки. В одной из камер дремала крупная псевдоплоть, в соседней по кругу бегала обезумевшая слепая собака. Матерый двухметровый кровосос, завидев людей, с силой врезался во вздрогнувшее бронестекло, испачкав его бурой слизью.

Немного растерявшиеся конвоиры на мгновение ослабили хватку, и этого вполне хватило. Ромеро резко ринулся вперед, ловко выворачиваясь из захвата. Нога в тяжелом сталкерском ботинке беспощадно врезалась в пах ближайшего противника, второй мордоворот попытался было схватить сталкера за шиворот куртки, но Ромеро, легко просчитав дальнейшие действия, хладнокровно вонзил пальцы прямо в его глазницы.

Кровосос в своей камере бесновался, издавая дикий утробный вой. Судя по всему, жуткая тварь вознамерилась расшибить о бронестекло свою уродливую тупую голову.

С удовлетворением разглядывая корчащихся на полу противников, сталкер сорвал с пояса одного из них длинный жезл электрошокера, ткнув им по очереди в шею каждого из конвоиров. Когда тела наконец затихли, Ромеро мстительно улыбнулся и, повернувшись к воющему кровососу, посмотрел тому прямо в маленькие злобные глаза. Затем сталкер отставил вверх средний палец, с удовольствием поведив им у морды безуспешно бьющегося в непробиваемую преграду мутанта. Кажется, кровосос что-то понял, завыв с особым отчаянием. Теперь в его вое слышалась не только яростная злоба, но и страшная обида.

«Может, и впрямь он когда-то был человеком!» — подумал Ромеро, с интересом рассматривая аппаратуру рядом с клеткой одного из самых опасных мутантов Зоны.

Идея выпустить злобную тварь на волю и тем учинить лабораторным крысам большие неприятности была неплоха. Но Ромеро не знал, как отпереть камеру. Скорее всего это делалось при помощи одного из компьютеров, и нужная команда наверняка была защищена паролем. Во-вторых, кровосос вполне мог сперва наброситься на своего спасителя, а это вооруженного простым электрошокером сталкера совершенно не устраивало. Подобное шло вразрез с безумной мыслью о благополучном спасении. Но «благополучным спасением» пока и не пахло. Немного полюбовавшись вяло жующим какие-то кровавые ошметки псевдогигантом в соседней с кровососом камере, Ромеро медленно двинулся к выходу, чувствуя, что за ним тщательно наблюдают, и наблюдают отнюдь не сидящие в клетках мутанты. Он не заметил присутствия на потолке видеокамер, но это не говорило о том, что их нет вовсе.

Чувство крысы, застрявшей в смертельно опасном лабиринте, нарастало.

Ромеро не хотел чувствовать себя крысой. Ромеро хотел быть хищником. Ромеро впервые молился Хозяевам Зоны, чтобы те помогли ему выбраться из этого жуткого сумасшедшего места. Такие места не должны были существовать на земле. Даже здесь, в Зоне. Эта лаборатория была чем-то сродни нацистским концлагерям. Позором для всего человечества. Почему Хозяева Зоны позволяют такое? Вопрос был риторическим.

Сталкер ускорил шаг, добравшись до очередных автоматически открывающихся дверей. За дверьми располагался очередной коридор, а в самом его конце белела дверь с красной надписью «Exit».

Сердце Ромеро учащенно забилося. Не удержавшись, сталкер побежал, пинком отворяя путь к долгожданной свободе. Секундой позже он понял, что жестоко ошибся. Путь назад уже был безвозвратно отрезан упавшей вниз стальной перегородкой. То была очередная хитрая ловушка.

Глупую крысу снова обманули, сыграв на простых инстинктах обильно приправленных страхом.

Над головой зажегся яркий свет.

Усиленный спрятанными в стенах динамиками знакомый вкрадчивый голос торжественно произнес:

— Эксперимент «Противостояние», часть вторая!

Стальные перегородки в дальнем конце круглой арены одновременно ушли вверх.

Ромеро нервно облизнул сухие губы. Влажная рука крепко сжала совершенно бесполезный сейчас электрошокер, потому что то, что вырывалось сейчас на арену, добавило в густую шевелюру сталкера добрую сотню седых волосков.

Глупая крыса приготовилась к своей последней решающей схватке, итог которой был предрешен уже заранее.

Снорков было трое. Учитывая решительное отсутствие у их жертвы огнестрельного оружия, бой должен был выйти скоротечным. Передвигающиеся на четвереньках твари закружили в дальнем конце арены, тщательно обнюхивая оторванными раструбами армейских противогазов кафельный пол.

Ромеро принял боевую стойку, отведя в сторону готовый к удару электрошокер, но снорки не спешили. Сталкер внимательно следил за мутантами, казалось, не испытывающими к нему никакого интереса, но эта их странная апатия была лишь видимостью. Твари готовились разорвать свою одинокую жертву на куски.

Указательный палец неожиданно нащупал маленький переключатель. Ромеро удивленно посмотрел на свое совершенно бесполезное сейчас оружие. Электрошокер был оснащен регулятором напряжения. Красная маленькая стрелка стояла на цифре два, всего же цифр на регуляторе было восемь. Сталкер сдвинул маленький ползунок до упора. Интересно, как такой подарочек понравится мутировавшим тварям.

Закончив обнюхивать пол, снорки неожиданно разделились, резко метнувшись в разные стороны. Ромеро поспешно попятился, сразу же потеряв противников из виду. Пару мгновений, и вот уже три смертоносные тени, по-паучьи расставив конечности, быстро бежали по потолку.

— Твою мать! — Сталкер обвел взглядом наверняка нашпигованный многочисленными видеокамерами купол ловушки. — Вы что, издеваетесь? Какого хрена? Живодеры х...вы...

Понимая, что жить ему осталось от силы пару секунд, Ромеро побежал в противоположную часть арены. Туда, откуда минуту назад выбрались смертоносные твари. Разумеется, широкие лазы, по которым снорки проникли в замкнутое помещение, были заблокированы металлическими заслонками. Но справа от них сталкер заметил вентиляционную решетку, прикрывающую медленно вращающиеся лопасти большого вентилятора.

Первый из мутантов, прыгнул прямо на голову Ромеро. Каким-то шестым чувством ощутив надвигающуюся опасность, сталкер умело перекатился в сторону, вонзая металлический набалдашник электрошокера прямо в разорванное сопло истлевшего противогаса, где исходила желтой слюной кривая гнилозубая ощерившаяся пасть. Пластиковый жезл в руках завибрировал, выпуская в противника мощный электрический заряд. Итог превзошел все мыслимые ожидания, потому что в следующую секунду голова снорка взорвалась, залив Ромеро с ног до головы вонючей жижей.

Пара оставшихся монстров атаковала сразу с двух сторон. Тому, что прыгнул справа, сталкер со всего размаха заехал в грудь ногой, отбрасывая рычащую тварь в сторону. Второй снорк получил разряд электрошокера прямо в обнаженную покрытую трупными пятнами грудь. Мутант истошно завизжал и, упав на спину, конвульсивно задергал конечностями. Ромеро прыгнул всем своим весом на голову оглушенной твари. Под мощными сталкерскими ботинками хрустнуло, и голова снорка треснула, словно спелый арбуз.

— Минус два! — зловеще расхохотался Ромеро, только сейчас обратив внимание на горевший красным индикатор на длинной ручке электрошокера, спасшего ему жизнь.

Раньше маленький светодиод светился зеленым. В электрошокере закончился заряд. Последние два мощных всплеска окончательно его доконали.

— Пута-мадре... — по-испански выругался Ромеро, потеряв из виду третьего снорка.

Судя по всему, тварь снова была на потолке.

Без электрошокера сталкер досрочно становился свежим остывающим трупом.

Но оставалась еще вентиляционная решетка...

Решетка вылетела из стены после двух мощных ударов. Сдохший электрошокер теперь годился разве что в качестве удобной дубинки. Раздирая руки в кровь, Ромеро вырвал медленно вращающийся вентилятор, тут же ловко запуская его в бегущего по правой стене снорка. Оставшийся мутант, явно не ожидая дерзкой атаки, резко изменил траекторию прыжка, неуклюже съехав по стене вниз.

Жизненно необходимые мгновения были благополучно выиграны.

Присев на пол, Ромеро просунул в узкий колодец вентиляционной шахты ноги, затем, оттолкнувшись руками, быстро пополз в спасительную тьму. Но его потрясающее везение на этом закончилось. Ноги неожиданно уперлись в прочную преграду. Вентиляционная шахта оказалась неглубокой, от силы метра три, а дальше она резко поворачивала куда-то влево. Нужно было быть гибким цирковым акробатом небольшого роста, чтобы суметь туда протиснуться, кроме того, для этого следовало с самого начала забираться в вентиляционную шахту головой вперед. Все эти довольно грустные мысли пронесли в голове отчаявшегося сталкера за какие-то доли секунды.

Снорк, сбитый с толку быстрой гибелью своих товарищей, окончательно осмелел. Издавая нетерпеливое сопение, тварь с хищным любопытством обнюхивала пол возле вентиляционной шахты. Мутант опасливо изучил вырванную из стены решетку, медленно боком приблизившись к темному квадрату входа. Ромеро ничего не оставалось, как в бессильной злобе с ненавистью смотреть на маячащую в пятне яркого света смерть.

Но снорк почему-то медлил. Судя по всему, его немного смущала абсолютная темнота, царившая в вентиляционной шахте, куда только что спряталась непредсказуемая жертва, одним махом уничтожившая двух его сородичей. Мутант был далеко не тупым. Мутант размышлял, как бы выманить человека из тесного укрытия. Снорк не знал, что жертва лишилась своего последнего оружия, но даже в этом случае он вряд ли сломя голову сунулся бы в тесное, пропахшее пылью вентиляционное отверстие. Грязные стекла армейского противогаза злое по блескивали в каких-то пятидесяти сантиметрах от взмокшего лица Ромеро.

Мутант натужно сопел, безуспешно пытаясь рассмотреть укывшегося в темноте человека. Он чувствовал, что жертва где-то рядом, но все не решался напасть.

Сталкер понимал, что длиться долго это не может. Время уходило. Снорк нетерпеливо зарычал, царапая острыми когтями кафель у входа в вентиляционную шахту.

И тут Ромеро заметил...

Это было невероятно, но на поясе у нерешительно топчущейся рядом твари висел в ножнах охотничий нож. Лезвие наверняка сильно проржавело, от камуфляжных темно-зеленых штанов и вовсе остались какие-то лохмотья. В своей прошлой жизни мутант наверняка был одним из пропавших без вести армейских сталкеров. Как же так? Неужели ученые настолько глупы, что не заметили на монстре остатки былой человеческой экипировки? Или они специально так поступили, давая подопытному совершенно фантастический шанс на спасение.

Сейчас был как раз тот самый момент, чтобы этим шансом благополучно воспользоваться.

Ромеро в очередной раз мысленно поблагодарил Хозяев Зоны за то, что до сих пор вопреки всему жив.

Когда тварь в очередной раз с рычанием промелькнула в ярком проеме лаза, сталкер стремительно ринулся вперед, хватая снорка за болтающийся раструб противогаза. Монстр попытался вонзить в грудь Ромеро длинные когти, но сталкер резко потянул снорка на себя, впечатывая его голову в обложенную кафелем стену. Затем свободной рукой рванул пояс мутанта, и тот с треском разорвался, оставив в руке Ромеро ножны вместе с куском истлевших штанов.

Еще секунда понадобилась для того, чтобы вытащить нож. Лезвие и впрямь кое-где поржавело, но поржавело несильно, видимо, мутировавший в незапамятные времена владелец обитал в сухих местах. Это в конечном счете стоило ему жизни.

Нож по самую рукоять вошел в неприкрытое противогазом горло слегка оглушенной ударом о стену твари. Снорк дернулся и затих. Из противогаза на белую плитку пола потекла вязкая черная кровь.

Отряхивая защитный комбинезон, Ромеро неспешно выбрался из своего тесного укрытия.

Затем сталкер встал во весь рост и, уперев руки в бока, хрипло спросил:

— Ну и как вам это, долбанные мазефакеры?

Ответом ему было громкое шипение, ударившее сразу со всех сторон. Арену недавней жестокой схватки заволокло зеленым едким дымом.

Ромеро закашлялся и, схватившись за грудь, тяжело рухнул на колени. С ним снова грязно играли. Зеленый дым заполнил все помещение. Сталкер попытался разорвать ворот неожиданно ставшего тесным комбинезона, но не успел, потеряв сознание.

Металлическая блестящая люлька парила над полом без всякой опоры. Такое Ромеро видел только однажды в каком-то малобюджетном фантастическом боевике. Все это было, конечно, неплохо, вот только он бы предпочел сейчас находиться вне удивительной конструкции. Руки и ноги, к счастью, отлично его слушались, но двигаться мешали прочные пластиковые зажимы. Верхняя часть фантастического саркофага была полностью прозрачной. Вокруг мелькали знакомые лица местных Менгеле.

Худой высокий индус с щеточкой жестких усов над смешно оттопыренной верхней губой приветливо улыбался сталкеру. Ромеро очень хотелось воспроизвести сейчас какой-нибудь оскорбительный интернациональный жест, но мешали проклятые зажимы. Плевать в злорадно лыбящегося придурка также было совершенно бесполезно, прозрачный купол над головой не имел никаких отверстий.

— Улыбайся-улыбайся, цветной ублюдок... — глухо проговорил сталкер, не узнавая собственный окончательно осипший голос. — Я и до тебя со временем доберусь...

Улыбающаяся физиономия индуса тут же исчезла, и на ее месте возникла постная рожа главного изувера. Профессор внимательно посмотрел на лежащего в расслабленной позе Ромеро, после чего в саркофаге стало происходить нечто ужасное.

Какие-то маленькие блестящие механизмы, на которые сталкер поначалу не обратил внимания, с тихим жужжанием ожили. Из правой стенки просторного кокона выдвинулся изящный манипулятор, с кончика которого сорвался тонкий язычок красного лазера. Язычок легко коснулся грудной пластины бронежилета, вскрыв его словно консервную банку. Второй манипулятор, выдвинувшийся слева, проворно убрал кевлар, под которым находилась обнаженная взмокшая от страха грудь подопытного.

Ромеро грязно выругался. Казалось, все происходило не с ним, а с кем-то другим, с дебилом-неудачником из дешевого фантастического боевика. С тем самым парнем, который показывает в начале фильма главному герою фотографию жены с маленьким сынишкой. После подобной сопливой сцены зрителю сразу же становится ясно, что второстепенный персонаж отныне не жилец.

Красный лазер зловеще завис над обнаженной грудью, второй манипулятор нырнул куда-то в сторону и тут же поспешно вернулся, сжимая в маленькой металлической лапке светящуюся продолговатую штуку, похожую на большой кусок янтаря.

Ромеро неистово задергался в этом жутком сюрреалистическом гробу. Красный лазер пошел вниз, но неожиданно замер в каких-то нескольких миллиметрах над кожей.

Яркий свет вокруг мигнул и погас, затем снова включился, но на этот раз сделавшись более тусклым.

— Приближается выброс! — закричал кто-то, стремительно пробежав мимо саркофага. — Сбоит энергоснабжение, немедленно задействовать резервный реактор...

Свет снова мигнул. Прозрачный купол над головой ушел в сторону, пластиковые зажимы со щелчком отстегнулись, не веря своим глазам, Ромеро осознал, что свободен.

Сталкер тяжело перегнулся через высокий бортик люльки, вываливаясь наружу.

В тусклом красном свете заработавшего аварийного освещения он смог разглядеть мечущиеся по лаборатории фигуры.

— Операционный бокс разблокировался! — истошно крикнул на вполне приличном русском усатый индус.

Тем временем вскочивший на ноги Ромеро не зевал, отпустив ненавистному вивисектору мощный пинок под тощий зад. Индус словно теннисный мячик, выпущенный из вакуумной пушки, врезался головой в ближайший монитор. Во все стороны полетели искры, запахло паленой изоляцией. Ромеро был готов рвать выродков голыми руками. Лаборатория, озаренная алым зловещим светом, наполнилась едким вонючим дымом.

— Перегрев резервного реактора... — монотонно произнес усиленный динамиками механический голос. — Экстренное отключение через сорок секунд...

Ромеро бросился к выходу. В приоткрытых стеклянных дверях мелькали чьи-то тени, он уже почти выскочил в переполненный бегущими людьми коридор, когда Зона *вздохнула*.

Острая игла беспощадно впиалась в затылок.

Сталкер сделал еще один шаг, а затем упал, успев увидеть, как на пол валятся толпящиеся в коридоре нелюди в белых халатах.

«Славно поохотился на зомби, дурак», — в очередной раз грустно подумал Ромеро, погружаясь в вязкое болезненное ничто.

Глава одиннадцатая. Разведка боем

НИИ «Агропром»

— Ну, батюшка, признаться, не ожидал я от вас такого! — зло прошипел на ухо пастырю Степан. — Если бы не видел вас собственными глазами в деле, ни за что бы не поверил, что вы мастер восточных единоборств. Что с вами случилось?

— Стряслось, — вздохнув, согласился отец Иоанн. — Только не со мной, а с тобой.

— Не понял, — машинально ответил Чадов, хотя на самом деле он догадался, о чем сейчас пойдет речь.

— Ты, парень, попал под влияние контролера, — объяснил суть происходившего с журналистом Опрокидин.

— Не может быть! — присвистнул молодой человек.

— Точно, уж поверь. Я это сразу почуял, вот и решил тебе помочь. А для этого мне надобно было собрать все силы, чтоб не позволить твари окаянной полностью овладеть твоим разумом и уничтожить тебя как личность. Потому и сдался в самом начале боя.

— Только поэтому? — ехидно поинтересовался Степан.

— Исключительно! — твердо ответил батюшка. — А ты что думал, струсил поп, да?

— Ну-у, — протянул журналист. — Этот ваш пацифизм...

— Не юродствуй! Агрессивность не является нормальным состоянием для бойца. Настоящий боец должен быть холоден рассудком во время боя и обязан мыслить трезво. Заповедь о щеке (когда надо подставить вторую, если тебя ударили по первой) не должна низводиться до дилетантизма. Как сказал Гете: «Бог в мелочах — дьявол в крайностях».

— Неужели вы не могли остановить меня еще до того, как...

Он не договорил, но Опрокидин понял и покачал головой.

— Не смог. Уж больно могучей оказалась тварь. Но ты не кори себя. Это Зона, сам знаешь. Здесь мы все на войне. А в бою всякое иногда случается...

Чадов кивнул. Но на душе все равно было муторно.

Побитый Степаном Султан все-таки сдержал слово и не только отпустил пленников восвояси с оружием и всей экипировкой, но и выделил в их распоряжение небольшой отряд из десяти человек во главе с уже знакомым «крестоносцам» «рефери», которого в миру звали

Ряхой. Отчего такая кличка прилепилась к в общем-то довольно высокому и приятному лицом молодому мужику, было непонятно. Журналист не стал приставать с расспросами, полагая, что если проводник захочет, то расскажет сам. Но не до рассказов сейчас было. Следовало с наименьшей кровью пересечь обширную территорию НИИ «Агропром» и прорваться на локацию «Янтарь», где они договорились соединиться с остальными «крестоносцами» и где им предстояло наказать полоумных «грешников».

Несмотря на оптимистические предсказания оракула-бюрера, что с Нюшкой все в порядке и она пока жива и здорова, Чадов сильно переживал. Никогда бы не подумал, что может так волноваться из-за чужого ребенка.

Он вырос единственным чадом в семье, окруженный всеобщей заботой, переходящей в поклонение и обожествление, потому не знал, каково оно — делить родительскую любовь с кем-то еще. По молодости и по образу жизни, не стыковавшемуся пока с понятием семейного очага, о том, чтобы завести собственных детей, парень пока не задумывался. Хоть мать, созваниваясь со Степаном и приезжая к нему в гости (сам Степан в последнее время редко вырывался в родной Харьков), постоянно донимала его болезненным для нее вопросом: ну, когда же, когда Степа осчастливит их с отцом внуком или внучкой? Молодой человек отделивался обещаниями в духе «как только, так сразу», но решительных шагов пока не предпринимал.

И вот на тебе. Нюшка. Маленькая, беленькая и беззащитная. Всегда воспринимавшаяся как бесплатное приложение к Татьяне, от которого никуда не деться. И видел-то ее короткими урывками, приезжая в Зону «на побывки».

Сначала, когда ребенок был еще совсем крошечным, заботливая возлюбленная оберегала кавалера от стрессов, отправляя дочку на время жарких и страстных ночей любви к соседке, работавшей в том же Баре официанткой. Но потом они как-то попривыкли к тому, что Нюшка посапывает себе за стенкой, ни о чем не подозревая и ничего пока не разумея. Тем более что девочка отличалась богатырской крепостью сна, который не способны были потревожить даже самые страстные крики разгоряченной любовью Татьяны.

С каждым новым его приездом в Зону Степан все больше и больше привязывался к смышленому и не по годам развитому ребенку. Постоянно привозил Нюшке гостинцы: сладости, обновки, красивые игрушки. И девочка, и Татьяна несказанно радовались этим нехитрым проявлениям заботы. Одевшись в новое платьишко с оборочками, нацепив на ножки красные лакированные туфельки, подаренные Плясуном же, кроха взбиралась к Чадову на колени и, с остервенением посасывая чупа-чупс, внимательно прислушивалась к разговорам взрослых. И журналисту время от времени казалось, что Нюшка почти все понимает в этих беседах. По крайней мере она всегда к месту поддакивала и иногда отпускала такие реплики, что старшие озадачивались.

Или это так Зона влияет на ребятню, что они рождаются здесь такими не по годам развитыми? Он знал, что Нюшкин случай не уникален. Многие дети, которых в Пограничье не так много, но и не единицы, обладают какими-нибудь особыми свойствами. То ли вот так, как Снегина-младшая, шибко уж остры умом, то ли, подобно уродцам-бюерам, обладают даром телекинеза, двигая силой взгляда разнообразные предметы, а то могут тем же взором воспламенять вещи. Фантастика, да и только! Степан всего этого сам не видел, но, представляя себе подобных монстриков, содрогался. Нет уж, лучше, как его Нюшка, пусть будут умненькими-благоразумненькими буратинами.

Его. С каких это пор он стал думать о Татьянином ребенке как о *своем*? Не с батюшкиного ль острого взора, сравнивающего физиономии Степана и девочки? И откуда он взялся на его голову, этот философ в рясе?! А если б не было этого сопоставления и удивленного пастырского взора-узнавания, если бы не мысль о том, что, возможно, это его собственный ребенок, его плоть и кровь, отважился бы Чадов на подобное безрассудство? На поход неведомо куда и неведомо зачем?

Да, жалко бедную кроху. Но сколько таких же точно крохотуль каждую минуту гибнет вокруг? То ли от халатности докторов, не способных правильно принять роды у матери или по невежеству (халатности) вприснувших ребенку не ту вакцину во время прививки; то ли

брошенные мамашами-кукушками прямо на пороге роддома, а то и просто выброшенные в мусорный бак и там замерзшие; то ли погибшие от голода или небрежного ухода... Ой, да мало ли случаев бывает. И что, всем им помогать? Ну, в идеале христианской любви, проповедуемой отцом Иоанном, так и следовало бы. Однако жизнь намного жестче и циничнее. Так что...

И все же он идет. Значит, верит, что так нужно, что это правильно. И будет продолжать свой путь, чего бы это ему ни стоило. Лишь бы успеть. Лишь бы с Нюшкой ничего не случилось. Она ведь такая маленькая.

Закрывая глаза, Степан раз за разом отчетливо представлял себе жуткую сцену — истязаемого безумцами-«грешниками» ребенка. Да даже если и не терзаемого, все равно. Какой неопиcуемый шок и страх должна испытывать девчушка, вдруг оказавшаяся в грязных лапах сбрендивших маньяков, волокущих ее в глубь жуткой Зоны? Сколько всякой мерзости может ей встретиться на этом ее крестном пути? Лучше не думать об этом.

Господи, если ты есть, помоги!!.

Выбросы в Зоне случаются довольно часто. Но выброс выбросу рознь.

Есть ВЫБРОС, который можно сравнить лишь с какой-нибудь глобальной катастрофой в миниатюре.

Если бы человек существовал на Земле не каких-нибудь полтора-два миллиона лет, когда геологический облик планеты уже более-менее сформировался, а во времена бурной молодости голубого шарика, то, наверное, мог бы наблюдать нечто подобное большому выбросу в Зоне. Когда небо вспыхивало мириадами огней и сполохов, а землю корежило и ломало в страшных судорогах. Когда на месте гор образовывались моря, а из глубин морских, изгоняя прочь влагу и занимая ее место, поднимались могучие каменные исполины. Когда твердь шла глубокими бездонными морщинами, когда кипела раскаленная лава, сжигая на своем пути все живое.

Вот так и во время ВЫБРОСА. Не приведи вам Бог стать его очевидцем. Потому как уже вряд ли сможете кому-либо поведать о своих наблюдениях и впечатлениях. Ибо редкий человек, не нашедший вовремя укрытия, может пережить выброс, находясь под открытым небом Зоны. Поговаривают, что только легендарному Черному Сталкеру удавалось такое. Даже Болотный Доктор — и тот старается укрыться, когда случается выброс, чтоб затем было кому пользоваться сырых и убогих бедолаг, выживших после этого стихийного бедствия.

Выброс перелопачивает Зону, словно лемех пахаря будоражит лоно земное во время вспашки. Он не оставляет в покое ни единого обитателя этого специфического ареала, будь он разумным или просто любой жизненной формой. Модифицируются аномалии, артефакты и мутанты. Если еще вчера на данном конкретном месте обитала какая-нибудь примитивная «жарка», то нынче на ее месте может оказаться гораздо более опасная для живых существ «мясорубка» или жутковатые в своей непонятности «загребущие руки». Вместо очень опасных снорков или злобных, но относительно легко уничтожаемых слепых псов селятся могучие псевдогиганты или щупальцебородые кровососы. И тому подобное...

Неудивительно, что мудрый сталкер в Зону сразу после Большого выброса не пойдет, а некоторое время пересидит в укромном местечке, травя байки о безумцах, бросавших вызов этому суровому испытанию и якобы выходивших из него победителями. Оно, конечно, можно почесать язык о чем-нибудь подобном за чаркой-другой «Казаков», когда самым грозным испытанием для тебя является увесистая плюха вышибалы, буде ты переоценишь свои физические и, главное, финансовые возможности. Но лучше бы остерегаться излишнего словоблудия, дабы не наклепать на себя немилость Судьбы. Ведь, как известно, не буди лихо, пока оно тихо.

Но это все о БОЛЬШОМ выбросе.

Однако ж бывают выбросы и малые. Редко, конечно, но и они случаются. Когда, как говорят старожилы, Зона вздыхает. Что оно значит, никто из самых матерых знатоков здешних мест точно объяснить не может. Но это как любой из нас вдруг ни с того ни с сего пригорюнится, да и вздохнет тяжело, печалуясь о каком-то давно прошедшем или совсем

недавнем событии. Вот «ох», и все тебе. А отчего этот «ох», по какой причине? Да кто ж его знает. Помстилось, и все. Разве ж Зона не такой же живой организм, как любой другой? Будто ей и печаловаться не дано. Может, сожалеет о ком-то или о чем-то особом. Вот и вздыхает себе.

После такого «вздоха», как правило, не бывает глобальных потрясений основ Зоны. Однако ж относиться к таким явлениям свысока было бы ошибкой. Поскольку не зря говорится, что в тихом омуте черти водятся. Так и тут. Вроде бы и нет прямой и явной угрозы, но беречься следует, ибо береженого и Бог бережет. Знаешь, что вот тут, в двух шагах, располагается «электра», видишь собственными глазами эту самую аномалию. Но ПДА показывает, что прямо по курсу «телепорт». И думаешь, то ли бездумная электроника подвела, то ли бес с тобой нехорошие шутки шутит. Попробуй разберись, где здесь истина. Можешь, конечно, сломя голову испытать свое счастье. Однако ж где гарантия, что лимит везения не исчерпан?

Вот потому «крестоносцы», вновь отправляясь в поход, не шибко и радовались, что Зона всего лишь вздохнула, а не оскалилась Большим выбросом. Что в лоб, что по лбу, как философски заметил отец Иоанн.

Выйдя наружу, институтские «старожилы», знаками велев гостям, чтобы те пока не рыпались, первым делом осмотрелись вокруг. ПДА показывали, что никаких серьезных изменений в расположении аномалий вроде не произошло. Но черт ее знает, эту Зону. Тут каждый шаг — словно по минному полю.

Наконец Ряха махнул рукой, давая понять, что все спокойно и можно двигаться.

Степан осторожно ступил на площадку, устеленную битым кирпичом, и огляделся по сторонам.

Они находились в большом дворе, с трех сторон окруженном высокими стенами, сложенными все из тех же крупных бетонных блоков. В центре двора размещалось прямоугольное одноэтажное строение с большими окнами, некогда застекленными и забранными металлическими решетками. К настоящему времени стекол практически не осталось, а проржавевшие решетки по большей части были покорежены и сломаны. Чадов предположил, что прежде тут были мастерские, потому как сквозь окна можно было заметить нестройные ряды каких-то громоздких верстаков.

Отец Иоанн придержал Степана за руку и показал на что-то, находившееся в десяти метрах спереди и слева. Журналист присмотрелся и поначалу ничего не заметил. Так, легкое шевеление воздуха. Но затем до него дошло.

Так это же «воронка»! Ох, мамочки. Не повезет тому, кто вляпается в такую гадость. Тебя словно гигантским пылесосом, затянет внутрь этой аномалии, и там от тебя не останется ни рожек ни ножек. Зажмет что-то, похожее на гигантские тиски, и давай ломать кости, спрессовывая тело в некое подобие бильярдного шарика, который затем взорвется на мелкие ошметки.

Как-то Степану «посчастливилось» наблюдать «воронку» в действии. Было это чуть ли не в первый его визит в Зону. Он тогда был типичной отмычкой: наивно хлопающий глазами и ртом на каждую диковинку и постоянно рискующий угодить туда, откуда обычно не возвращаются. Хорошо хоть проводник приличный попался. Не использовал дотошного журналогу для «откупоривания» прохода в нужную сталкеру локацию. Как раз Стылый это и был. По-честному выполнил взятое на себя обязательство сводить столичного гостя на экскурсию. Провел для начала недалеко, на Свалку. Но и здесь нашлась масса материалов для заказанного шефом «Авеню» фоторепортажа к очередной годовщине Второго Взрыва.

Чадов как раз фотографировал огромную зловещего вида ворону, примостившуюся как по заказу рядышком с лианой жгучего пуха, и придумывал броскую подпись для редкого кадра. И в это время из какого-то ржавого бака выскочила мерзкая псевдокрыса. (Он это, конечно, уже потом узнал, что эта крыса была «псевдо».) Облезлая, с перебитым хвостом и кровавой проплешиной на темени. Степан, с детства не переносивший этих тварей, заорал что было мочи, спугнув свою пернатую натурщицу и нагнав страху на грызуна. Крыса,

заслышав сирену, издаваемую журналистом, изменила траекторию забега и метнулась вправо. И тут ее подхватило нечто невидимое и подбросило на полметра в воздух, а затем начало плющить, как пластилин, смяв в комок. Затем бурый шарик лопнул, разбросав в разные стороны клочки шерстистой окровавленной плоти. Брр! Начинаящего сталкера тогда вывернуло наизнанку. Чуть драгоценный «Сапон» не разбил. А бывалому ходоку по Зоне все нипочем. Чуток переждав, принялся деловито рыскать в окрестностях, пояснив недоумевающему Степану, что после вот такой вот вивисекции около «воронки» можно найти какие-нибудь артефакты, образовавшиеся из разорвавшейся плоти. Какую-нибудь там «золотую рыбку», «выверт» или «грави».

Было бы у них сейчас время, то Чадов и сам искал бы, не завалилось ли где этакой «золотой рыбешки». Полезная вещица, хоть и радиоактивная. Почти вдвое уменьшает вес поклажи в вещевом мешке, а также создает излучение, защищающее от воздействия когтей, клыков и холодного оружия. Правда, неведомо, попадался ли кто в ближайшее время в объятия аномалии, как правило, «засиживающейся» на одном месте не дольше недели. А вдруг она только что образовалась после выброса? Тогда ищи, не ищи...

Осторожно огибая опасную местность с затаившейся «воронкой», сталкеры вплотную подошли к зданию «мастерской». Первые парни из «затоновского» конвоя уже скрылись за углом, как вдруг из окна, на котором решетка вовсе отсутствовала, выскочила какая-то образина, за нею другая, третья, четвертая...

Не дав людям опомниться, твари тут же атаковали.

Передвигающиеся на четырех конечностях, они походили на огромных обезьян, лишенных шерсти. Причем было видно, что у этих монстров оголен позвоночник, от чего вся спина напоминала непрожаренную котлету. Двигались они прыжками, не отрывая головы от земли и постоянно обнюхивая ее.

Одна из них бочком-бочком добралась до Степана, норовя обойти парня со спины. Он словно замороженный застыл на месте, боясь пошевелиться. Ведь всего в двух шагах начиналась зона захвата «воронки».

Тварь подняла морду и, запрокинув голову, издала звук, отдаленно напоминающий уханье совы. И в этот момент Чадов разобрал, что рожа мутанта отнюдь не была обезьяньей. Перед ним был... деградировавший человек. Понятненько. Со snorkами сука-судьба столкнула. Как-то прежде встречать эту разновидность мутантов парню не доводилось.

Однако времени для натуралистических наблюдений журналисту дадено не было. Оттолкнувшись сильными мускулистыми задними лапами-ногами от земли, уродина прыгнула прямо на Степана, метя передними конечностями в его грудь.

Выработанные годами тренировок реакции не подвели адепта шиваната и на этот раз. Со стороны могло показаться, что молодой человек всего лишь сделал наклон назад, коснувшись земли руками. На самом же деле он сгруппировал мышцы и, опершись на руку, превратил ноги в некое подобие теннисной ракетки. Когда атакующая тварь пролетела прямо над его грудью, едва не коснувшись животом лица Плясуна, тот мощным ударом ног отправил snorka в полет, а сам совершил невероятное круговое сальто, мгновенно снова оказавшись в боевой стойке. Выхватив пистолет, он, не давая чудищу опомниться, стал стрелять ему в спину, выпуская пулю за пулей. И лишь тогда звенящая тишина в ушах разорвалась, и он расслышал, что и вокруг раздаются беспорядочные пистолетные выстрелы и стрекот автоматов. Это бандиты и святой отец расправлялись с оставшейся троицей четвероногих уродцев.

Его «собственный» зверочеловек между тем, пролетев несколько метров, оказался добычей «воронки». Через мгновение произошло то, что уже когда-то наблюдал Степан в случае с псевдокрысой. Если изначально у монстра лишь спина походила на котлету-полуфабрикат, то вскоре рубленным бифштексом стал он весь. «Воронка» схарчила бедолагу, не поморщившись, и отпрыгнула переваренные остатки.

Окруженные со всех сторон snorkи попали под прицельный шквальный огонь. Наверное, они не ожидали подобного отпора. Обычно эти мутанты гнездятся и нападают на

противника большими стаями. Отчего же сейчас вышли четверо против дюжины крепких и хорошо вооруженных бойцов? То ли изголодались вконец и запах человеческой плоти застил им последние крохи разума? Или это выброс так на них подействовал. А может, просто недоглядели, скольких противников атакуют. Ведь большая часть отряда уже скрылась за углом «мастерской», пропав из поля видимости. Так или иначе, но снарки пошли на коллективное самоубийство.

Поскольку его жизни не угрожала прямая и явная опасность, как во время давешнего нападения твари, то Степан не принимал участия в расстреле снарков, предоставив пальму первенства одуревшим от безделья и не имевшей выхода агрессии «затоновцам». Так же точно и батюшка устранился от бойни, заняв сторожевую позицию и поводя автоматом туда-сюда на случай появления сородичей умерщвляемых монстров или еще какой иной непредвиденной напасти. Он даже демонстративно повернулся спиной к месту снарочьей казни, чтоб не видеть изуверства. А Чадов смотрел в оба глаза. Кровавая вакханалия накрыла и его.

Снарки оказались весьма живучими тварями. Даже изрешеченные вдоль и поперек, начиненные свинцом по самое не хочу, они продолжали упорно цепляться за свои никчемные жизни. Впрочем, сами монстры наверняка не считали свое существование никчемным.

Одного из троицы прикончили довольно быстро, перебив ему хребет в районе шеи и тем самым обездвигив уродца. Лишенный подвижности снарк нелепо распластался на земле, с завыванием и жуткими всхлипами принимая каждую новую пулю, попадавшую в его полусгнившую плоть. Наконец, к вящему удовлетворению Степана, мутант затих, ибо не было больше сил слышать эти звуки.

Зато двое других мутантов оказались более проворными и живучими. Их донельзя трансформированные мышцы позволили проявлять чудеса акробатики. Зверолюди виртуозно уворачивались от свинцовых ос, что со стороны казалось необъяснимым чудом. Завороженные они, что ли, удивлялся журналист.

Проделав невообразимые пируэты, два снарка исхитрились вырваться из окружения и наперегонки бросились к ржавой пожарной лестнице, спускающейся с крыши институтского здания. Замыкающего таки догнала автоматная очередь, выпущенная метким Ряхой. Монстр, сделав в воздухе совершенно умопомрачительный кульбит, отлетел на несколько метров и шлепнулся прямо у ног отца Иоанна, обдав того кровавыми брызгами.

Пастырь содрогнулся то ли от отвращения, то ли от сострадания живой твари и склонился над раненым снарком, рассматривая его. Что поразило святого отца, так это то, что гниущее тело монстра прикрывали остатки вполне человеческой одежды, в которой при пристальном рассмотрении можно было узнать... военную форму. Судя по сохранившимся нашивкам, принадлежала она ооновским миротворцам, охраняющим подступы к Зоне. Откуда тварь раздобыла тряпье? Сняла с какого-нибудь бедолаги после удачной охоты? Или правдивы байки, согласно которым в «прежней» жизни снарки были сталкерами или военными, мутировавшими по каким-то неизвестным причинам до полуживотного состояния?

Смертельно раненный снарк вцепился обеими руками в сапоги Опрокидина, словно почувствовал в этом человеке защиту от опасности. Было видно, что мутанту больно и страшно. В глазах, по-человечески осмысленных, а не тупых, как это обычно бывает у дикого зверья, стоял ужас. Ужас перед неминуемой Смертью.

Отец Иоанн возложил руку на лоб снарка. Тот затих. Батюшка зашептал отходную молитву: «Днесь, Сыне Божий, причастника мя прими». Слыша успокаивающий, убаюкивающий голос, зверчеловек притих. Опрокидин ласково погладил его по голове, а затем быстро нажал пару точек на шее умирающего. Тот дернулся и затих. Священник разогнулся, перекрестил новопреставленного, а затем размашисто перекрестился и сам.

Последний из снарков таки добрался до лестницы и, невзирая на полученные им страшные раны, начал быстро подниматься на крышу. «Затоновцы» били по отчаянному беглецу почти в упор, но только мешали друг другу.

Выругавшись, Ряха бросил в кобуру свой ПМ и снял с плеча «Винтарь». Найдя через оптический прицел голову мутанта, уже занесшего ногу, чтобы прыгнуть с последней ступеньки на крышу, бандит нервно нажал спуск. Ствол слегка дернулся, и пуля прошла в нескольких сантиметрах от цели, угодив в стену и вызвав выплеск бетонной крошки и пыли. Пыль, видимо, угодила снайперу в глаза, потому что беглец застыл на месте, одной рукой вцепившись в лестничную перекладину, а другой яростно протирая органы зрения. Этой его остановкой и воспользовался Ряха, сделав повторный выстрел.

Из снайперского черепа вылетел окровавленный кусок, фонтаном забила темная кровь. Пальцы рук и ног разжались, и тело как-то плавно, по-птичьи спланировало вниз. Не долетая до земли, оно было подхвачено ненасытной «воронкой», проделавшей с последним из мутантов то же самое, что и с его предшественником.

Бандиты с дружным гогом бросились рыскать в окрестностях, уповая на удачу. Она и впрямь улыбнулась счастливым охотникам, послав им несколько артефактов, образовавшихся из прошедшей через аномалию плоти мутантов.

Улыбающийся Ряха подошел к Степану и протянул ему сверкающий металлический предмет, очертаниями и впрямь походивший на рыбку.

— Твоя доля, Плясун. От твоего уroda осталось.

Чадов, закусив губу, отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами бандит. — Нашим больше достанется. В походе пригодится...

Отошел.

— Примите, едите, сие есть тело мое, пейте, ибо сие есть кровь моя, — процитировал вслух журналист евангельские слова.

— Не богохульствуй! — сурово одернул его объявившийся рядом отец Иоанн.

Покинув негостеприимный двор, отряд оказался у небольшого соснового леска. Да какой там лесок, одно название. Буквально три сосны, в которых даже при самом большом желании не заблудишься.

Откуда он здесь, на территории научно-исследовательского института, взялся? Кто знает. Была в прежние, советские времена мода строить вот такие, как «Агропром», средоточия науки посреди дикой природы. Часть деревьев уничтожалась, территория застраивалась, а в центре ее оставалась рекреационная зона, предназначенная специально для того, чтобы товарищи ученые, доценты с кандидатами, могли во время перерыва пройтись, вдохнув полной грудью животворящего лесного воздуха. А то, устав от ломания мозгов над очередной задачей партии и правительства, вышли бы сюда на шашлычок под рюмочку «Столичной» или стакан легендарного портвейна «777».

Эти сосны мало походили на привычные, растущие вне Зоны. У последних обычно гладкий высокий ствол, напоминающий пальму, с редкими голыми ветвями, направленными в одну сторону. Вся сила и краса сосредоточены в подпирающей небо пушистой вечнозеленой кроне. Здесь же наблюдалась совершенно иная картина. Стволы отнюдь не были гладкими. То здесь, то там на них виднелись уродливые наросты, напоминающие глаза. Причем эти очи сочились гниловатым соком ядовито-желтого цвета, будто страдали конъюнктивитом. Покореженные и перекрученные в разные стороны ветви-лапы торчали по всему стволу, от чего сосны походили на свою родственницу ель.

Перед самым леском «крестonosцы» заметили нечто несуразное, никак не вяжущееся с остальным пейзажем, и, не поверив своим глазам, справились у Ряхи, что это за «оазис» посреди радиоактивной пустыни. Уж не мираж ли? Или какая-нибудь новая, еще не известная за Периметром аномалия?

Не мираж и не аномалия, охотно пояснил бандит под ехидные смешки остальных «затоновцев». Это, вишь, Султан чудит. Скучает их предводитель по прежним беззаботным временам, когда он на Благовещенском рынке в Харькове торговал бахчевыми культурами. Да и по родному Узбекистану с его обилием фруктов-ягод-овощей тоскует. Вот и придумал устроить здесь «бахчу». Благо, почва позволяет. Песок — как раз то, что нужно для арбузов

и дынь. Разбил грядки, высадил семена. Парни вообще-то сомневались, что из этой затеи выйдет какой-то толк. Уж больно климат не подходящий для бахчевых. Влажно, солнца мало, радиация аж свистит. Однако ж семена проросли, закрутились побеги, а потом завязались и плоды. В общем, гости сами могут видеть, что получилось в результате мичуринских экспериментов Султана. Есть все это, разумеется, людям нельзя, а вот лесные обитатели с удовольствием снимают уже второй урожай. Судя по всему, им нравится.

— А что, — встрепнулся от мрачных дум Степан, — здесь что-то водится?

— Как же, — подмигнул один из «затоновцев», молодой круглолицый парень по кличке Суслик, — и белки, и ежи, и лисы. Псевдо, разумеется. Но главное — Васька!

— Васька? — заинтересовался отец Иоанн. — Это еще кто?

— Наш любимец, — засиял юноша. — Припять-кабан!

Священник присвистнул. Ничего себе любимец. Один из самых свирепых и опасных зверей-мутантов Зоны.

«Коммандос» стали осторожно пробираться через бахчу, стараясь не наступить на толстые, похожие на раскормленных змей побеги. Они и вели себя, будто пресмыкающиеся. Учув рядом с собой человека, дергались к нему, норовя схватить за ногу. Только что не шипели. Да и сами «фрукты» вызывали легкую оторопь, смешанную со священным ужасом. Гигантские, в половину роста взрослого мужчины арбузы, раздувшие щеки от самодовольства. Причем, не привычной зеленой в черную полоску расцветки, а какой-то синеватой, от чего ягоды смахивали скорее на баклажаны. Дыни, напоминавшие размерами упитанных кабанчиков, тоже не были желтыми. Их окрас приближался к алому в зеленую крапинку. Ну, вылитое манго.

Степан не удержался и даже щелкнул этот паноптикум на камеру, с которой по старой журналистской привычке не расставался, но почти не пользовался. Не время и не место.

Тяжело вздохнул, вспомнив кровавую бойню.

— Что, чадо, тягостно? — легла на плечо пастырская рука.

Журналист кивнул.

— В брани всегда нелегко, — наставил Опрокидин.

— Так то ж в брани, — парировал молодой человек. — А здесь... Тоже мне поединок.

— И такое полезно.

— Чем? Приобретением жизненного опыта? Клал я на такой опыт!..

— Очищением, — пояснил отец Иоанн. — В момент поединка, когда ты выдыхаешься и твой соперник также выдыхается, в глубине его глаз ты видишь дух. Когда у тебя уже не осталось сил, а ты все продолжаешь держаться, то тебя держит только дух. В этом состоянии ничего нет — ни страха, ни жизни, ни смерти. В этом состоянии — вечность...

— «И вечный бой, покой нам только снится», — процитировал Блока Степан. — А смысл?

— Да чтоб выжить, в конце концов! — воскликнул священник с укоризной. — Вообще мы, русские, другие люди. Форс-мажор для нас — это норма. А нормальное состояние дел, как это есть в понятии у других, — это для нас форс-мажор. В этом состоянии мы или спиваемся, или сходим с ума, или просто опускаемся «ниже плинтуса». И это происходит до тех пор, пока снова не наступает форс-мажор. Тогда нам снова становится хорошо и уютно. Я бы назвал нас прослойкой между миром добра и миром хаоса. И мы этот хаос постоянно сдерживаем. Русский человек сам по себе — это человек, стоящий на границе хаоса и отодвигающий этот хаос. Но пока русский человек лицом к врагу, он разрушает врага. А когда врага нет — русский человек разрушает себя.

— Мудрено, — насупился Чадов.

— Не мудрено, а мудро! — потряс в воздухе указательным пальцем батюшка. — Эх, сейчас бы принять по единой...

— О! — раздался восторженный вопль Суслика. — Васька! Легок на помине.

Юноша первым из отряда перебрался через бахчу и оказался под сенью «агропромовских» сосен. И тотчас же послышался грозный рев, отдаленно напоминающий свиное хрюканье. Некто с шумом пробирался сквозь густые кусты.

— Осторожнее! — крикнул отец Иоанн, беря наизготовку свой автомат.

— Да это ж наш Васька, — беззаботно махнул рукой юный «затоновец». — Он вырос, можно сказать, у меня на руках...

Огромная серо-коричневая туша выскочила из-за ближайшей сосны и, наклонив голову, бросилась вперед, к людям.

— Видите, — повернулся лицом к «крестоносцам» Суслик. — Узнал.

И тут же на глуповатом лице парня появилось выражение глубокого удивления, сменившееся гримасой невыносимой боли. Из уголка рта потекла струйка темной крови. Медленно, как при рапидной съемке в кино, юноша повернулся на месте и плавно осел на землю.

И сразу над незащищенным телом нависла тяжелая плешивая и морщинистая голова с массивным лбом, покрытым неким подобием брони, из-под которой сверкали дикой ненавистью белесые глаза с бесцветными зрачками. Поросшее шерстью острое копыто, формой больше напоминавшее коготь, опустилось на грудь Суслика, придавив несчастного парня тяжелым грузом. Изогнутые мощные клыки стали рвать защитный комбинезон, пытаясь добраться до плоти.

— Господи Иисусе! — в ужасе воскликнул отец Иоанн.

И первым открыл огонь по исчадию Зоны. К нему тут же присоединились и остальные бойцы.

Сначала увлеченный приготовлением к кровавому пиршеству кабан не обращал внимания на обстрел. Тем более что пули, направленные прямо в голову монстра, по большей части отскакивали от «бронированной» башки. Быстро расправившись с комбинезоном Суслика, (причем даже вшитые металлические пластины не стали помехой для клыков, крепостью своей не уступавших зубьям экскаваторного ковша), Припять-кабан приступил к трапезе. Вырвав из груди юноши добрый шмат, секач с чавканьем стал пережевывать его, жмурясь от удовольствия.

Тут уж люди не смогли совладать с обуявшей их ненавистью к убийце. Это уже было не хладнокровное истребление безумных снарков. Здесь была месть за павшего товарища. Праведное чувство, не дававшее сердцам поддаться эйфории тупого азарта истребления — пали, не думая, куда попадешь, лишь бы палить. Нет.

Ряха снова взял в руки «Винтарь». Да и батюшка перевел свой АКМ-74 в режим одиночных выстрелов. Жестами показали друг другу, кто бьет в левый, а кто в правый глаз. Задержали дыхание. Пальцы коснулись спусковых крючков. Два выстрела прозвучали почти синхронно. И оба достигли цели.

Кабан удивленно застыл, запрокинув морду. Кусок человечины вывалился из его раскрытой пасти. Кровь залила глаза, смешавшись с кровью жертвы. Окрестности огласил жуткий визг, ударивший людям по ушам. Не понимая, что происходит, секач затряс головой и затанцевал на месте, вновь и вновь пронзая тело Суслика когтями-копытами. Впрочем, парню уже было все равно.

Взревев, гигантская туша весом около полутонны рванулась вперед. Зверь ничего не видел, идя на ненавистный и в то же время сладкий запах человечины. В несколько прыжков он преодолел зону поражения. Огнестрельное оружие стало почти бесполезным. «Затоновцы» и «крестоносцы», не переставая, шпиговали свинину свинцовыми чесночинами, но это было малоэффективно. Толстая шкура почти не поддавалась, а если и поддавалась, то пули увязали в толстых жировых отложениях, не достигая жизненно важных органов мутанта.

Степан и сам не понял, как оказался один на один с кабаном. Если бы не многолетние занятия шиванатом, он был бы смят и раскатан по земле в считанные секунды. Но тренированное тело не подвело и на сей раз.

Оттолкнувшись от земли, молодой человек подпрыгнул, удачно приземлившись ногами на спину хищника, и тотчас же принялся приплясывать на ней, чтобы сохранить баланс и одновременно нащупывая нервные узлы на теле твари. Действовал по наитию, на ощупь, потому как сэнсей Голдин не рассказывал на занятиях о болевых точках на телах хищников,

не предполагая, что его ученикам когда-нибудь придется сразиться с чем-то подобным. Но журналист здраво рассудил, что принцип устройства нервной системы гигантской свиньи не очень отличается от человеческого. Кстати, по своему устройству свиной организм очень близок к анатомии человека.

Конечно, полагаться на одни лишь пляски он не стал. Это было всего лишь дополнением к тому смертоносному оружию, которое у него имелось. Недолго думая прицелился и выстрелил в голову, метя в то место, где ухо соединялось с плотью. Помнил, что у свиней это самое слабое место. Именно туда бьют ножом резники, когда забивают домашних хрюшек. С первого раза не попал, тяжело было плясать и снайперить. Но потом справился. Струя крови, хлынувшей из раны, плеснула на комбинезон Чадова. Кабан зашатался и повалился на бок, едва не подмяв стрелка под себя.

К туше сразу подскочили остальные «коммандос» и принялись добивать животину. Отец Иоанн, достав из-за пояса причудливо изогнутый нож — как похвастался ранее Степану батюшка, выкованный им лично, — примерился и точным ударом завершил дело...

Предав бранные останки Суслика земле, на чем настоял пастырь, не принявший доводов Ряхи, что, дескать, в Зоне не принято хоронить своих павших, отряд двинулся дальше. Боевой дух был несколько утерян. Хоть Суслик был еще молодой и не заработал себе должного авторитета у товарищей, однако такой страшной и нелепой смерти парень не заслужил. Хотя какая смерть не страшна и сообразна?

Быстро прошли негостеприимный лесок, истребляя по пути всю встречавшуюся им живность. К счастью, кабанов больше не попадалось. Что странно, потому что эти твари обычно не обитают поодиночке, кучкуясь в относительно большие стада.

Зато Чадов познакомился с такими представителями фауны Зоны, как псевдобелка и псевдоеж.

Ежик ростом с упитанную собаку, ошетилившийся полуметровыми дикобразными иглами, куда-то деловито тащил дохлую псевдокрысу, на ходу аппетитно чавкая. Внезапно сверху на него упало нечто большое и тяжелое. И только по огромному пушистому хвосту и ушам с кисточками можно было определить, что это лесная любимица детей. Но, наверняка, эта «белочка» не вызвала бы у малышни умиления. Вооруженная острыми когтями и крупными, как у акулы, зубами псевдобелка попыталась отобрать у трудяги-ежа законную добычу, улетев с нею обратно на сосну. Но не тут-то было. Ежик тоже оказался не промах. Забыв об острых дротиках, украшающих его спину, он стал отбиваться от нахалки мощными мутированными лапами и не менее острыми, чем у противницы, зубами.

Степан не стал дожидаться, чем закончится этот поединок, пристрелив обеих тварей из автомата. Никакой жалости к «бедным зверушкам» он при этом не испытал.

Вскоре «коммандос» очутились у небольшого озерца, заполненного останками проржавевшей техники. Скорее всего здесь когда-то был котлован. Возможно, перед самым взрывом на АЭС руководство НИИ «Агропром» как раз собиралось построить здесь новый корпус или столовую, согнав кучу разнообразных строительных машин: бульдозеров, кранов, самосвалов, экскаваторов. Судя по количеству механики, строительство должно было стать грандиозным, в духе брежневских пятилеток. Но взрыв привел это все в негодность.

Потом дожди, оползни и время сделали свое черное дело. На месте котлована образовалось озеро, ставшее одной из местных достопримечательностей.

Ряха поведал, что здесь при желании можно раздобыть кучу полезных, хоть и недорогих артефактов. Не то что на Свалке, но на выпить-закусить хабара хватает.

— А динозавры здесь, случайно, не водятся? — мрачно пошутил Степан.

— Чего не видели, того не видели, — развел руками бандит, сооротив постную рожу.

— Долго ли еще? — нетерпеливо осведомился батюшка, имея в виду, сколько осталось идти по кажущейся бесконечной территории НИИ.

Ряха понял.

— А вот узкоколейку перейдем, так сразу к институтской ограде и выйдем. Там пару километров ходу через холмы — и уже ваш гребаный «Янтарь».

— Угу, — мрачно кивнул святой отец. — Прибавим шагу, что ли?

Издалека можно было подумать, что перед ними какая-нибудь небольшая железнодорожная станция.

Сплетения тронутых ржавчиной рельсов, бетонные перроны, цепочки коричневых товарных вагонов. Скука смертная.

Отчего-то товарняки всегда нагоняли на Степана жуткое уныние. Может, потому, что в отличие от веселых зеленых с красным или голубых с желтым пассажирских вагонов они не имели окошек, из которых выглядывали бы люди? Или оттого, что товарные составы неизменно были до бесконечности длинными. Как застучит мимо тебя цепочка таких деревянных коробок, так сдается, что конца-краю ей не будет. Один, второй, третий... Да сколько же их, елки-палки, этих светло-каштановых вагонов?..

— Стой, кто идет?! — разорвал тоскливую тишину грозный окрик.

— Оба-на, — присвистнул озабоченно Ряха. — Приплыли, мать его за ногу! «Долговцы», хер им в руку!

На перроне, преграждая отряду дальнейший путь, показались десятка полтора-два парней, одетых в черные с красными вставками комбинезоны. На эмблемах, представлявших собой мишень на фоне щита, красовалась короткая, но емкая надпись «Долг». Поводя на бандитов стволами «Абаканов», АКМ-74, «Громов» и «Лавин» (ишь, как вооружены, отметил про себя Степан, не иначе с Большой Земли поддержка), бывшие офицеры угрюмо молчали. И это их молчание было многозначительным и грозным.

Блин, подумалось Чадову, и ведь всего каких-то пару метров до возделенного бетонного забора, обозначающего конец территории «Агропрома», осталось. Вон он, отсюда невооруженным глазом виден. Перемахнуть, и баста.

— Стой, стрелять будем! — прозвучало второе уставное предупреждение, за которым должен последовать выстрел в воздух.

После которого...

— Может, переговоры начнем? — предложил Ряхе отец Иоанн.

Однако бандит сокрушенно покачал головой.

— Похоже, тут без вариантов. Уж я-то их знаю. По голосу узнаю, когда можно говорить, а когда бесполезно. Вот же засада, нах...

— Но ведь у вас вроде нейтралитет? — удивился журналист.

— Х...етет!

— Но поговорить-то людям никогда не помешает, — назидательно молвил пастырь, ступая вперед. — Чада мои...

Ответом ему была короткая очередь, прочертившая линию точно у батюшкиных ног.

— Одумайтесь!..

Вторая такая же просвистела в паре миллиметров над головой Опрокидина.

— Сможем против них выстоять? — повернул священник к «затоновцу» покрасневшее от гнева лицо.

— Сомнительно. Шансы один к трем не в нашу пользу... Мы на открытом месте. Расстреляют, как зайцев на охоте...

И тут...

...Струйка вязкой крови, кажущейся в темноте черной...

Постороннее присутствие «крестоносцы» почувствовали одновременно. И переглянулись, не зная, чего ожидать.

— Бля! — отвесил челюсть Ряха, с выпученными глазами уставившись на перрон.

Там творилось непонятное. Ни с того ни с сего «долговцы» отвернули от бандитов с «крестоносцами» стволы... и направили их друг на друга. Через мгновение автоматы изрыгнули свинец, смертельным дождем пролившийся на людей в черно-красных комбинезонах. То одна, то другая фигура, сложившись пополам или дергаясь в жутких

конвульсиях, падала наземь с двухметровой высоты перрона, откуда ее продолжали обстреливать еще остававшиеся наверху...

«Уходим», — знаками показал своим людям и «крестоносцам» Ряха.

Они были лишними на этом пиршестве Смерти.

Впереди была возделенная бетонная стена, а за нею — «Янтарь».

Степану показалось, или он и впрямь услышал, что где-то рядом раздалось дикое конское ржание...

Глава двенадцатая. Шатун

Дикая территория

— Фух! — вырвался вздох облегчения из груди Стылого, когда наконец проклятая Темная долина осталась у них за спиной.

Даже перекрестился, вспомнив отца Иоанна. Ох, как часто не хватает его мудрого дружеского совета. Да и просто слов утешения...

Что-то ты раскис, сталкер! Не время и не место для сантиментов. Расслабимся потом.

До поставленной в его ПДА бюером-предсказателем электронной метки было не так уж и далеко. Следовало пересечь Дикую территорию, а там уже и до самого «Янтаря» рукой подать.

Впрочем, проход через Дикую территорию вовсе не выглядел увеселительной прогулкой даже для опытных сталкеров. То была часть завода «Росток», пересекаемая ржавыми, изъеденными временем железнодорожными рельсами, по которым уже давно не ходили поезда. В окрестностях часто шныряли хорошо вооруженные наемники, открывающие огонь на поражение по всему, что двигалось. Из мутантов преобладали тушканчики, слепые псы и кровососы. Говорят, что кто-то встречался даже с химерами, но это уж на уровне слухов. Слишком редкая и непредсказуемая тварь. С аномалиями, правда, в этом районе было полегче, в основном здесь водились «жарки» да «электры», щедро рассыпая многочисленные артефакты, из-за которых сюда часто совалились сталкеры-новички, не решавшиеся до поры до времени углубляться в сердце Зоны.

— Скажи, пожалуйста, друг... — нарушил продолжительное молчание Шиз, у которого от постоянного вглядывания в экран ПДА уже слезились глаза, — какого черта эти сектанты окопались на «Янтаре»? Чё, мест других в Зоне не нашлось?

— А мне почем знать? — пожал плечами Стылый. — Вот как туда доберемся, все на месте и выясним...

— А мне все-таки кажется, что проклятый недомерок-мутант заманивает нас в ловушку...

— Опять ты за свое?

— Не опять, а снова! — с вызовом подтвердил Шиз.

Стылый вяло отмахнулся от вечно брюзжащего напарника, навесом швыряя крупную гайку в вольготно расположившуюся прямо на сталкерской тропе «электру». Та ответила ленивой вспышкой. Словно презрительно сквозь зубы сплюнула. Если представить, разумеется, что у безмозглой аномалии могут быть «зубы». Устройство всех этих «жарок», «электр», «холодцов» и прочей дряни до конца не изучено. Вон умники в своих лабораториях изучают их, изучают, а толку мало. Может, оно и впрямь все живое и разумное. А артефакты, порождаемые аномалиями, — это что-то типа метаболизма. Или «детенышей».

Господи, лезет же в голову всякая хрень. Думать мне больше не о чем, кроме как об удивительной природе аномалий.

— Жаль, что с нами нет Ромеро! — грустно посетовал заметно прибодрившийся после ранения Болид, на которого были истрачены уйма транквилизаторов и парочка недорогих артефактов из закровов Стылого. — Вот бы кто порадовался...

— Чему? — Шиз удивленно повернулся к коллеге. — Тому, что лезем сломя голову в пасть к самому дьяволу?

— На «Янтаре» полно зомби! — веско заметил Болид. — Вот бы Ромерчик отвел там душу...

— Ах, вот ты о чем! — Шиз разочарованно сплюнул себе под ноги. — М-да, РП-47 Ромеро нам бы сейчас очень даже пригодился... Вместе с его хозяином...

— Тихо! — Стылый поднял правую руку и, присев на одно колено, припал к окулярам мощного армейского бинокля.

— Чего там? — Болид тоже принялся изучать окрестности через оптику своего «Винтаря». — Я ничего подозрительного не вижу...

— Там... чуть дальше... — Стылый медленно подкручивал колесико настройки. — За железнодорожной насыпью...

— Что там?

— Туман! А нам нужно перейти насыпь... Это самый короткий путь к «Янтарию»...

— Ну так перейдем...

— Не нравится мне этот туман что-то...

Оно и впрямь было довольно странным — это зрелище. Густой, словно молочный кисель, туман угрожающе ошетинился многочисленными напоминающими не то копыта, не то щупальца гигантского спрута выбросами. Не хватало только жуткого аккомпанемента в виде слепых собак, да и их самих в качестве свиты, чтобы подумать, что на троицу сталкеров движется какая-то новая, еще не известная аномалия или мутант. Сам Конь Бледный, не к ночи будь помянут. А что, по цвету подходит. И антураж вполне в его духе. Вечер, восходящая на небо полная луна, руины вокруг.

Стылый опустил бинокль.

— Вы оставайтесь здесь, а я на разведку!

Спутники не стали спорить.

Кося правым глазом на зажатый в руке ПДА, Стылый осторожно выбрался из частого кустарника. Дальше был довольно приличный кусок открытого пространства. Невдалеке виднелась железнодорожная насыпь с ржавыми рельсами, чуть правее в клубах серого тумана темнели здания зловещих заводских корпусов. По слухам, именно там водились кровососы, охотничьи угодья которых простирались почти на всю Дикую территорию.

Сталкер короткими перебежками добрался до насыпи и замер, прислушиваясь к окружающим звукам.

Зашипела на поясе рация.

Стылый нервно ответил:

— Ну что еще?

— Ты там долго? — сквозь шум помех раздраженно прокаркал Шиз. — Я тут себе уже всю жопу отсидел, двигать надо!

— Да погоди ты!

— А в чем, собственно, дело?

— Туман наступает прямо от городских корпусов... Дорогу застит...

— Может, успеем проскочить?

— А если нет? Полагаю, лучше всего переждать...

— А как же моя жопа?

— Массируй подручными средствами!

— Да пошел ты...

И связь оборвалась.

Стылый усмехнулся, возвращая рацию обратно на пояс. Этот клубящийся туман определенно ему не нравился. Время от времени внутри серой вязкой массы проскальзывали маленькие белые молнии. Туман целенаправленно двигался в сторону железнодорожного полотна, теперь в этом не было никаких сомнений.

Странная дрожь прошла по сырой земле. Сталкер тихо выругался и быстро пополз к рельсам. Внимательно исследовав окрестности на наличие жгучего пуха, он коснулся темно-

коричневого металла, с удивлением почувствовав, что рельс слегка вибрирует. Затем приложил к холодной стали ухо, отчетливо услышав дробный перестук колес приближающегося локомотива.

— Листья клена падают с ясеня... — ошарашенно пробормотал Стылый, вновь хватаясь за рацию. — Эй, бродяги, есть там кто?

— На связи! — на этот раз ему ответил Болид. — Что там у тебя стряслось? Почему не возвращаешься?

— Поезд идет!

— ЧТО?!!

— Поезд, говорю, приближается! Повторить?

— Нет, я понял... Что еще за херня?

— Не знаю, но пересекать насыпь я бы пока повременил...

— Ладно! Возвращайся!

Стылый еще немного полюбовался медленно ползущим от завода туманом, после чего по своим же следам вернулся к тому месту, где окопались его приятели.

— Я тут решил, что кто-то из вас определенно тронулся... — первым делом сообщил Шиз вернувшемуся из разведки товарищу. — Болид сказал, что ты услышал поезд?

— Угу! — коротко кивнул Стылый, отхлебывая воды из металлической фляги. — Он приближается!

— Может, тебе показалось?

— Не-а, я слышал вибрацию, даже ухо к рельсу для верности приложил...

Болид снова изучал насыпь сквозь оптический прицел снайперки. Серый туман уже почти добрался до ржавых путей.

— Какой здесь, на хрен, поезд? — визгливо выдал Шиз, и в этот самый момент издали донесся протяжный полный смертной тоски гудок.

— Етить твою мать! — Болид вскочил со своего места и, ломанувшись сквозь усохший кустарник, залег за небольшим, поросшим черной травой холмиком.

— Кажется, я наделал в штаны! — нервно захихикал Шиз.

Быстро завинтив колпачок фляги, Стылый последовал за Болидом, заняв место рядом с ним.

— Подходит! — Болид кивнул в сторону железнодорожных путей. — Скажи мне честно, бродяга, ты когда-нибудь слышал о таком?

Стылый пожал плечами:

— В Зоне все когда-нибудь происходит в первый раз! Ни в чем здесь нельзя быть уверенным!

— А вдруг эта хрень очень опасна? Может, на нее даже смотреть нельзя?

— А вот мы сейчас и проверим!

Состав приближался. Достигший насыпи туман почему-то не рискнул перебраться на другую сторону, так и застыв в нерешительности в нескольких сантиметрах от ржавых рельсов. словно страшился пересечь обозначенную кем-то границу.

— Вот он! — Болид втянул голову в плечи. — Новая херова аномалия под названием «Поезд-призрак»!

Оглушительно грохочущий состав несясь сквозь раздираемый на куски туман в сторону заводских построек. Когда он поравнялся с ними, то стало заметно, что окна тянувшего за собой вереницу вагонов и платформ тепловоза были разбиты, на месте машинного отделения зияла сквозная рваная дыра. Хорошо хоть, что какой-нибудь нежити вроде щерящегося скелета, одетого в железнодорожную форму, не было видно. А то б вообще кранты. Точно наложили бы полные штаны.

— Товарняк! — прошептал подползший сзади Шиз. — Парни, может, все это нам попросту снится... Как одному обкурившемуся древнему китайцу...

Сталкеры не ответили, изумленно разглядывая проносящиеся мимо наполовину разбитые вагоны и грузовые платформы, на которых покоились кривые остовы изъеденных ржавыми волосами танков. Некогда грозные боевые машины и сейчас выглядели вполне

внушительно, напоминая неповоротливых слонов, горделиво задравших вверх длинные хоботы. Интересно, а что за груз скрывается за коричневатými досками, местами еще сохранившими советскую маркировку: гербы, тоннаж и прочую дребедень? Не боеприпасы же, в самом деле.

Загадочный поезд исчез так же неожиданно, как и появился, уведя за собой туман, так и не рискнувший пересечь железнодорожную насыпь. Тоскливо провыл со стороны завода леденящий кровь гудок, и когда налетевший порыв холодного ветра разогнал последние клочья серых стелящихся по земле языков, никакого поезда вдалеке уже не было.

— Визитер из прошлого... — непонятно выразился Стылый, давая команду двигаться дальше.

Но, видно, не судьба им была без приключений перебраться через насыпь. Точно ее кто-то заколдовал, не желая, чтобы непрошеные гости так вот себе восвояси и покинули заводские развалины.

До невысокого искусственного пригорка, насыпанного из щебенки, оставался какой-то десяток-другой метров, как вдруг из близлежащего ангара появилось некое четвероногое недоразумение. Продолговатое худосочное тельце на корявых паучьих ножонках, увенчанное ушастью головой, скалящейся острыми зубками. Не то кошка, не то собака, не то уродливая крыса. Правда, хвост коротковат. Куцый обрубок, а не хвост.

Тварюшка повернулась туда-сюда, и стали видны пятнышки и полосы, украшающие ее спину. Не сильно, конечно, они способствовали улучшению внешнего облика мерзкого уродца. Но именно по этим признакам монстр получил название тушканчика.

Вот уж прилипчивая тварь. И весьма опасная. В одиночку ей, понятное дело, со здоровым и сильным сталкером не управиться. Саданет ее тяжелым прикладом по ушастью головенке, и вся недолга. Но если путник ослаб или ранен, то расклад может быть иным. Как подпрыгнет вертлявый демоненок, да как вцепится зубами куда-нибудь в менее защищенное место, так и вырвет кусок ткани из защитного комбинезона. Ты его отгонишь, а он с другой стороны присоединится. И так до тех пор, пока у атакуемого не станет сил отбиваться. Тогда-то тушканчик и проявит свою адскую сущность. А если таких дьяволят не один и не два, а целая стая?..

Потому-то Болид, не раздумывая, вскинул свой «Винтарь» и принук глазом к оптическому прицелу.

Зверек, уловив настроение человека, жалобно заскулил и затрясся всем своим худющим тельцем. Засеменил длинными ножками, а потом издал протяжный и тоскливый вой-визг, резко ударивший сталкерам по барабанным перепонкам. Захотелось тут же зажать уши руками, лишь бы не слышать этого «соловья-разбойника». Потому как звук, проникая в самое нутро, заставлял сердце бешено колотиться, едва ли не выскакивая через горло.

То была еще одна особенность физиологии грызуна-мутанта, делающая эту мелкую разновидность обитателей Зоны весьма опасной для людей.

Но подлинная угроза таилась не в этом.

Стылый с опаской глядел на ангар, криво ухмыляющийся полураспахнутыми створками ржавых ворот. И его страхи, основанные на хорошем знании Зоны, как всегда оказались небеспочвенными.

На зов первой твари из ангарного чрева выскочила стайка ей подобных. Мутанты, злобно визжа, окружили троицу «крестоносцев». Звуковая волна с головой накрыла сталкеров, заставляя глаза лезть на лоб, вынося мозг.

— А-а-а!!! — завопил в ответ Шиз, передергивая затвор автомата.

И его вопль отнюдь не уступил визгу тушканчиков по громкости. Вот разве что резкости не хватало. Но ее с лихвой заменил ливень свинца, обрушившийся на головы ушастых дьяволов.

Серые тощие тени бешено метались в шальном танце смерти. К тенору АКМ Шиза присоединился бас «Абакана» Стылого. Потом резонансом вступил в общий хор нервный

треск Болидового «Винтаря». Эта троица дала визгливым пародиям на грызунов такой концерт, какого, наверное, давненько не слышали жуткие развалины «Ростка».

Жизнерадостно заливался венгр АКМ, кроша в кровавые ошметки черепушки двух самых смелых тушканчиков, подобранных слишком близко к Шизу.

Методично громыхал «Абакан», сбивая на лету мутанта, сдуру прыгнувшего на Стылого.

Выпущенная из ствола «Винтаря» бронебойная пуля легко перебила хребет того самого первого монстра, который и заварил всю эту кровавую кашу.

Шаг за шагом сталкеры отступали к возделенной насыпи, с каждым новым выстрелом прореживая ряды обезумевших тушканчиков, которые, по всей видимости, не собирались прекращать атаку. То ли в головах у них что-то переклинило, что зверьки закусил удила, то ли ими двигало нечто иное.

Но что?

Очередь АКМ а разорвала очередного тушканчика на две половины, которые по инерции сделали еще несколько нервных движений, пока не свалились в пыль. Стылый, немного отвлекшись, пропустил бросок еще одного грызуна, прорвавшего линию обороны и вцепившегося зубами в его левый сапог.

Нашел, куда кусать, придурок. Носки ведь отделаны металлом. Ишь, как огорчился-то. Никак зубы сломал? А вот тебе добавочка прикладом по морде. И пуля промеж желтых глаз. Чтоб не зыркал так свирепо. На человека животное должно глядеть с любовью и подобострастием, как на венец творения. А то, понимаешь, взяли моду прыгать да кусаться.

Еще один замах и глухой удар, дробящий ушастую черепушку.

Сколько ж их еще там, в проклятом ангаре? Как будто со всей Зоны сюда собрались, чтобы разорвать на куски трех заблудившихся сталкеров.

Желтые искорки горящих ненавистью глаз. Куда ни глянь, всюду они. Хорошо еще, что не могут взглядом испепелять. Уже бы давно высились под насыпью в траве некошенной три кучки серого пепла...

И тут Стылый заметил, что сталкеры как-то незаметно достигли вершины железнодорожной насыпи. Той самой точки, дальше которой не решился прорваться чудотуман, породивший поезд-призрак.

— Что, сученята, сожрали? — недобро захохотал сталкер и скрутил ушастым монстрам кукиш.

Потом пальнул еще пару раз для острастки, однако тушканчики и не думали преследовать людей. Стояли себе и визжали от бессильной злобы, глядя, как троица скрывается по ту сторону холма из щебенки.

Аномалия «загребущие руки» выглядела гротескно. Этакой пародией на триумфальные арки древних. Словно памятник людям, успешно прошедшим Дикую территорию и добравшимся до границ «Янтая». Как специально: точно на окраине леска, раскинувшегося сразу за железнодорожной насыпью, в километре-полутора от следующей локации.

Стылый намеренно остановил свой маленький отряд невдалеке, чтобы передохнуть после в общем-то необременительного марш-броска через лес и полюбоваться этим произведением искусства, автором которого была сама Зона.

Длинные, вырвавшиеся прямо из земли «пальцы» соединялись в самом верху, будто в землю навеки погрузился огромный великан, сложив свои руки в жесте отчаянной мольбы о спасении. Это странное образование возникало под воздействием высокого гравитационного поля. Находящиеся в почве силикатные породы причудливо сплавлялись и вытягивались вдоль потока гравитационных волн, образуя изогнутые «персты» бурого цвета.

— Что, насмотрелся? — с издевкой поинтересовался Шиз у отвесившего едва ли не до земли челюсть Болида.

— Настоящие врата в преисподнюю! — произнес напарник. — Интересно, что будет, если пройти сквозь эту жуткую арку...

— А ты давай, не стесняйся... — тут же подначил его Шиз. — Попробуй! А мы посмотрим, как очередного дурака вывернет наизнанку мышцами и костями наружу...

Неожиданно воздух внутри странных сюрреалистических ворот сначала подернулся мелкой рябью, а затем загустел.

Все три ПДА сталкеров истошно заверещали, подавая непонятные сигналы. Почти как тогда, когда приходило сообщение о гибели очередного бедолаги. Почти. Так, да не так.

— Назад! — Стылый первым попятился по узкой, едва заметной в траве безопасной тропе.

Из сгустившегося внутри аномалии воздуха появилась темная человеческая фигура. Когда искажения взбесившегося пространства прекратились, из жуткого портала вышел высокий, немного сутулящийся мужчина в сталкерском комбинезоне. На груди темнело большое пятно вокруг ужасной рваной раны. С такими «украшениями» обычно не живут. Но кто говорил, что стоящий перед людьми был из мира живых?

— Это Шершень! — ошарашенно произнес Стылый, легко узнав направляющегося к ним незнакомца.

— Шатун! — Шиз тут же вскинул свой АКМ. — Воссозданный Ноосферой дубль погибшего человека...

— Гос-споди, спаси и помилуй, — пролепетал, мелко крестясь, Болид. — Сгинь, сгинь, рассыпся!

— Никому не стрелять! — Стылый выступил вперед, становясь на линии возможного огня.

— Я безоружен! — раздался глухой, немного осипший голос.

Шершень медленно развел руки в сторону.

— Я вам ничего не сделаю...

— Ну да, как же! — выкрикнул из-за плеча товарища побледневший Шиз. — Тебя ведь, кажется, разодрала «мясорубка» или что-то в этом роде? И впрямь, чего нам опасаться, ходячий мясной гуляш?..

— Меня послали Хозяева!

Шиз тут же заткнулся, злобно сверкая глазами. О Хозяевах Зоны знали все, хотя никто и никогда их не видел. Так, что-то из разряда легенд и мифов.

— Ближе не подходи! — Стылый предостерегающе поднял руку, и дубль послушно остановился в десяти шагах от сталкеров, готовых открыть в любую минуту огонь. — Что тебе нужно?

— Я пришел предупредить!

— Предупредить о чем?

— Ваш пропавший товарищ попал в большую беду...

— Ромеро?

— Да, он!

— Что с ним?

— Мне разрешено рассказать не так уж и много... Вы его найдете... в одном странном месте... он будет вести себя... необычно... Он сильно изменился... но вы все равно не бросайте его... Если доставите вашего друга за Периметр, все вернется на свои места, и он станет таким, как прежде...

— Полный бред! — нервно выкрикнул Шиз. — Стылый, я его сейчас пристрелю! Эх, жаль, серебряных пуль с собой прихватить не догадался...

Стылый цыкнул на компаньона и, нахмурившись, справился у шатуна:

— Артефакт, за которым ты ходил в Зону, перед тем как... погибнуть... что это?

— То, что не должно было попасть в плохие руки...

— Старая, как этот долбанный мир, история... — Шиз истерично расхохотался. — Это агент Ноосферы, чертов запрограммированный дубль, не слушайте его, он вешает вам лапшу на уши...

— Не волнуйтесь... — Шершень мрачно улыбнулся, осердив плохие зубы. — Все под контролем Хозяев и в воле их. Они не потерпят вмешательства туда, куда людям путь заказан...

Росчерки зажигательных пуль срубили ветки ближайших деревьев. Шиз выматерился, неуклюже падая на землю, его примеру тут же последовали остальные сталкеры, лишь продолжавший улыбаться дубль все так же неподвижно стоял на своем месте. Одна из пуль угодила ему в левое плечо, но только зашипела и тонкой струйкой расплавленного свинца зазмеилась по рукаву комбинезона. Вторая пуля срезала у шатуна мочку правого уха, но тот и бровью не повел к вящему ужасу не перестающего креститься Болида. Впрочем, молился не только он. Даже циник Шиз, нащупав на груди подаренный отцом Иоанном крестик, опустил очи долу и бесшумно шевелил губами.

— Вы находитесь на подконтрольной территории группировки «Долг»! — донесся усиленный громкоговорителем монотонный голос. — Немедленно бросьте оружие и выходите с поднятыми руками...

— «Долговцы»... — зло прошипел Шиз, мертвой хваткой вцепившись в автомат. — Какого черта они к нам прикопались...

— На мне комбинезон клана «Свободы»! — догадался Стылый, отползая в сторону. — Проклятие, почему я об этом раньше не подумал...

— «Долг» и «Свобода» непримиримые враги! — Шиз снова нервно захихикал. — Стылый, ты придурок!

— Знаю! — спокойно ответил сталкер, вжимаясь в землю.

Пули теперь всюду свистели над головами сталкеров, то и дело жала стоявшего недалеко с немного задумчивым видом Шершня. Воссозданный Зоной дубль был отличным ориентиром для бьющих из всех стволов «долговцев». Но для шатуна вся эта пальба была не больше, чем детской игрой в войнушку. Он продолжал стоять столбом, чему-то грустно улыбаясь.

— Сейчас они догадаются шмальнуть из подствольного гранатомета, и все... мама, не горюй! — предупредил Болид.

Но шквальный автоматный огонь неожиданно захлебнулся. Из леса послышались истошные крики, и знакомый до дрожи утробный победный вой.

— Кровосос! — Болид быстро поймал в перекрестие оптического прицела обманчиво неуклюжую гротескную фигуру. — Наверное, его привлекла стрельба...

— Час от часу не легче... — Шиз быстро перекатился за ствол ближайшего дерева, готовя к бою АКМ, еще не совсем отдохнувший после охоты на тушканчиков.

Крики не прекращались. Люди молили о помощи. Орали от боли и ужаса.

Через пару минут все было кончено. Наступила бьющая по ушам ватная тишина.

«Долговцы» больше не стреляли. «Долговцы» вообще не подавали никаких признаков жизни.

— Я держу его на прицеле! — хрипло сообщил Болид. — В стволе разрывной патрон! Мутант занят жратвой! Могу засадить ему прямо в башку! Стылый, твои мысли?

— Не надо! — неожиданно проговорил появившийся рядом Шершень.

Шиза передернуло, Стылый же посмотрел на настырного шатуна с большим интересом.

— Почему не надо?

— Он не враг!

— Глядите-ка, уходит! — Болид нервно поглаживал пальцем, влажным от пота, спусковой крючок. — Ну что там, Стылый, валить мне его или нет?

— Пусть уходит! — коротко распорядился сталкер и, обернувшись к дублю, хотел его еще кое о чем спросить, но за спиной уже никого не было.

— Я видел! — Белый как мел Шиз медленно на четвереньках выползал из-за дерева. — Шатун растворился прямо в воздухе...

Промолчав в ответ, Стылый задумчиво рассматривал примятую траву в том месте, где пару секунд назад стоял воскрешенный Зоной говорящий мертвец.

Со стороны «Янтая» донесся глухой удар колокола.
За ним второй, третий...

Глава тринадцатая. По волнам памяти

Холмы рядом с НИИ «Агропром»

Мы охотимся, на нас охотятся.

Это нехитрое правило Степан Чадов усвоил с ранних лет. Так уж устроен этот жестокий мир. Причем не только в Зоне, но и за ее пределами.

Вот и теперь, глядя на таинственно подмигивающий огонь, возле которого расселись для короткого привала и перекуса с выпивом (надо же помянуть бедолагу Суслика) с десятком вооруженных до зубов людей, Степан отчего-то вспомнил детство. Да и когда ж его вспоминать, как не у такого вот костерка, кажется, явившегося оттуда, из беззаботной босоногой поры?

Когда это было? Десять, нет, пожалуй, все пятнадцать лет тому назад...

Нет, ну точно Борька — вылитый Ворчун из мультика про мишек Гамми! Только на голове вместо колпака тюбетейка. А так один к одному.

Степке жутко нравится этот американский мультфильм, который он смотрит по кабельному каналу «Дисней картин». Папа бухтит, возмущаясь тем, что отпрыск растет таким «непатриотичным оболтусом», и призывает учиться, а не паяльничать круглосуточно в зомбоящик. На худой конец, смотреть «Дискавери». Все полезнее для учебы.

Но Степану уже до чертиков надоели бесконечные передачи о египетских фараонах и динозаврах. Понятное дело, вслух такое говорить не стал, а то батя вообще телевизор выбросит. Родитель у него такой, «норовистый», как выражается мама.

Кстати, именно мамуленция и защищает Степаново увлечение «иностраниной». Мол, ребенку только на пользу. Лучше будет знать английский язык. И сама частенько усаживается рядышком на диван, забывая о стряпне и от души смеясь над очередным поражением неуклюжих гоблинов, которых ловкие мишки Гамми уделывали в два счета. Заодно помогает с переводом.

Классно у нее получается. Смешно.

Еще бы. Учительница английского языка, как-никак. В их школе. Но это не значит, что Анна Ивановна делает сыну и его друзьям поблажки, с потолка натягивая хорошие оценки. Как бы не так. Дождешься от нее. Семь потов утрешь, пока все вызубришь.

Ну, с потами он, пожалуй, перегнул. Иностранному ему и так неплохо дается (мама говорит, что это гены). А вот с точными науками похуже, к немалому огорчению отца.

«Что-то из тебя будет?» — часто задает Валентин Петрович вопрос наследнику и уныло качает головой. А потом добавляет: «Дети перестройки!» — и сплевывает. Как верблюд.

Тут плюйся, не плюйся, а ничего не поделаешь. Не тянет Степку к естественным предметам. От математики с геометрией зубы тоской сводит. То ли дело история с литературой.

А вот Борис прирожденный математик. Все считает и считает. К немалой гордости отца, Александра Борисовича.

«По моим стопам пойдет!» — смеется Шерман-старший, глядя, как его сын сходу решает сложное уравнение, на которое Степке понадобилось бы минимум полчаса.

И все равно и Борис, и он окончили четвертый класс на одни пятерки. Танька Снегина дразнится, говорит, что это им «по благу» учителя наставили таких оценок. Из-за их родителей. У Борьки папа крупный предприниматель, владелец огромного вещевого рынка, а Валентин Петрович Чадов — полковник, начальник кафедры в военном университете.

Все она врет, эта вреднюга Танька. Завидует, что родители подарили парням в связи с успешным окончанием учебного года настоящую лодку с рыболовными снастями. Целых два спиннинга. Всамделишных, с надписями «Мейд ин Ингланд». А к ним такие же фирменные подсаки и наборы блесен.

Это Александр Борисович из Англии привез. Ездил туда недавно с делегацией от Верховной Рады, депутатом которой является.

А еще привез жвачки и горсть мелких монет с портретами королевы Елизаветы. И по паре настоящих, а не турецких или китайских, джинсов — Борису и Степану.

Степка свои сразу нацепил и практически не снимает. И сейчас в них щеголяет.

А вот Шерман-младший отчего-то больше любит восточную одежду. Пестрый халат, подпоясанный шелковым кушаком, тибетейка... Чего только не найдешь на Курчатовском базаре.

Прямо-таки Ходжа Насреддин нашелся! Ворчун Гамми он, а не великий обманщик.

И вообще меньше есть надо, и так вон какой кругленький да толстощекий. Куда только оно в него лезет?! А еще танцами занимается. В специальной школе.

— Петька! — рявкнул Борис. — Дыню давай!

Дыню? Неужели он не наелся?!

Шашлык, фаршированная рыба, сладкие пирожки, арбуз... Теперь еще и дыня!

Вот обжора-то.

Из соседней палатки пулей выскочил молодой крепкий парень. Личный «бодигард» Борьки, специально приставленный к ним Александром Борисовичем на время рыбалки.

Понятное дело, кто ж отпустит двух десятилетних пацанов одних, без взрослых, на рыбалку-то? Оно хоть и недалеко от города, а все же...

Салтовское водохранилище довольно норовистое. Тут всякое может случиться.

Петр проворно разрезал большую хорезмскую дыню, купленную на Благовещенском рынке у какого-то узбека, и над «полянкой» разлился такой изумительный аромат, что и Степка, забыв о своей досаде на дружка, потянулся за сочным ломтем. Вгрызся в сладкую, словно крем на торте, мякоть.

Вкусно!

— Слышь, Степ, а что еще о той усадьбе говорят? — вытирая ладонью рот, продолжил разговор Шерман.

— Что-что? — досадливо отмахнулся от него Чадов. — Вот поедем, сам все увидишь.

Их класс на следующей неделе собрался на экскурсию в пригород Харькова, чтоб осмотреть развалины старой помещичьей усадьбы.

— Ну, Расскажи-и, пожа-алуйста-а... — заканючил Борис.

Он любил слушать рассказы приятеля. У Степки так складно получалось, как будто из книжки читал.

— Рыбу ловить пора! — отрезал мальчик. — Зачем мы сюда приехали?

— Ой! — отмахнулся толстячок. — Рыба никуда не денется. Вон ее в реке сколько. А хорошая беседа за хорошим столом — это настоящая ценность.

Ох, как гладко стелет. У отца научился. Александр Борисович настоящий оратор. Недаром депутат.

— Расскажи про призраков, — попросил Ворчун. — Пока чай пить будем. А потом и на рыбалку...

Что, еще чай будет?!

— Петька! Мы чаю хотим!

— Будет сделано, Борис Александрович! — словно джинн из бутылки возник рядом с их «полянкой» «бодигард».

Степану показалось, что парень хотел по-военному козырнуть.

— Ладно, — сдался на уговоры. — Только, чур, сразу после чаю — выходим.

— Идет! — обрадовался кругляш. — Как же я тебя люблю!..

Полез обниматься. Вот еще, телячьи нежности!

Чадов отпихнул друга и устроился на коврике поудобнее. Если честно, ему и самому хотелось рассказать то, что он слышал об этих удивительных руинах...

...Это странное место всегда пользовалось дурной славой не только среди Степановых однокашников, но и между старшими. Недаром школьники еле-еле выпросили у родителей разрешение на поездку в эту усадьбу.

Всем известно, что непонятные там вещи творятся.

Бывает, забредет на развалины какая коза или теленок, и поминай, как звали. И сколько б безутешные хозяева ни искали ее, ни зазывали бы — ни ответа, ни привета. А только потом еще несколько ночей из развалин слышится душераздирающее блеяние несчастной скотины.

Прохожие всегда обходили усадьбу стороной. Боялись попасться в лапы призракам, которые частенько напоминали о своем существовании запоздалым путникам. Как выплывет из-за угла бестелесное облако и давай кружить возле бедолаги, который тут же пускается наутек.

Но это еще, как говорится, цветочки. Это все днем приключается. А вот по ночам...

Тут уж начинается настоящая жуть!

Над городищем разливается непонятное фиолетовое свечение, вокруг раздаются мистические песнопения, а то и вовсе ужасающие стоны и режущие, будто острый нож, ухо крики. Иногда над стенами даже пролетает человеческая фигура в белых облачениях и в жуткой маске, словно пытаюсь вырваться из своей жуткой тюрьмы.

Конечно, такое бывает не повседневно, но и пары-тройки таких случаев предостаточно, чтобы отвадить охотников за приключениями от зачарованных руин.

Старики рассказывают, будто усадьба была проклята двести лет назад злой колдуньей, изведенной по указу местного помещика, потому-то ее черная душа и забирает к себе всякого, кто сунется в усадьбу в одну из этих самых колдовских ночей...

— А все-таки странно, что директор разрешил организовать экскурсию в эту усадьбу, а, Борь?

— Да ладно, не парься, Степашка! — улыбнулся розовощекий крепыш.

И уже совсем другим, капризно-приказным тоном прикрикнул на присевшего неподалеку и покуривавшего Петра:

— Чего уши развесил?! Готовь лодку, за рыбой пойдем, однако!

Они отправлялись в плавание уже пару раз, с тех пор, как стали здесь небольшим двухпалаточным лагерем, но ничего путного до сих пор так и не поймали. Попадалась одна мелочь. То судачок с полметра длиной, то небольшая щучка.

На уху, конечно, хватало. Но *настоящего* рыбацкого фарта не было.

Не возвращаться же домой с этакой-то мелочевкой? Засмеют ведь. Хотя бы та же вреднюга Снегина. Скажет, зачем вам такое дорогое снаряжение, если вы им как следует пользоваться не умеете? И будет права, конечно.

Нет, надо ждать большой добычи. Чтоб было чем похвастаться.

Хорошо бы изловить парочку крупных щук, карпов или, если совсем повезет, сома. Петр, когда их сюда привез, уверял, что в этих местах сомов пруд пруди. И где ж они, усаые? Словно повывелись.

Между тем Борис, поднявшись, принялся разминаться, делая замысловатые движения руками и ногами.

— Это что? — заинтересовался Степка диковинным танцем. — Борьба такая? Карате или айкидо?

— А-а, — хитро прищурился Борька Шерман, продолжая изгибаться то влево, то вправо. — Секрет. Нравится?

— Ага, — не стал кривить душой парень.

— Это шиванат называется. На секции учат. Сам Олег Дмитриевич Голдин. Он у нас сэнсей, Мастер танца. Видал бы ты, как он пляшет. Куда там «на-найцам»!

— Вот бы и мне с тобой, а? — загорелся Степан.

— Увы, — развел руками пончик, — нельзя. Туда только по знакомству принимают. Я несколько раз спрашивал, хотел тебя привести. Но Олег Дмитриевич не позволяет.

— А что говорит? — насупился Чадов.

— Сам не пойму. Что-то о глазе Плясуна, пока не открывшемся.

— Ребята! — позвал с речки Петр. — Идите, все готово.

Помахав «бодигарду», оставшемуся на берегу сторожить добро, парни налегли на весла.

— Далеко не отплывайте! — крикнул им вслед Петр.

— Без тебя знаем! — огрызнулся Борис. — Сами с усами! Ты чебуреки не забыл положить?!

Ну, вот. Кто о чем, а толстяк снова о еде. Или это он рыбу на жаренные в масле пирожки ловить вздумал?

— На весло налегай лучше, — посоветовал Степан ласково, но с подтекстом.

Дескать, будешь сачковать — можно и по шее схлопотать.

Из Шермана гребец был никакой. Он слишком рьяно принимался за дело, вертя веслом, будто ложкой в тарелке, но потом быстро уставал, и Чадову приходилось работать за двоих, пока напарник «восстанавливал силы».

Вот и сейчас произошло то же самое. Не успели они отплыть от берега, как Борис набил кровавые мозоли (вот неженка!) и вверил управление плавсредством единолично однокласснику. Сам же извлек из-под скамьи маслянистый пакет и принялся за обе щеки уплетать чебуреки.

— Приятного аппетита! — сквозь зубы пожелал Степан.

— Спасибо, — как ни в чем не бывало поблагодарил «мишка Гамми».

— Ты смотри наживку не слопай. А то снова останемся без рыбы.

— Я червяков не ем, — резонно заметил Борис и, прикинув расстояние до берега, скомандовал: — Все, суши весла. Будем якорь бросать.

Ишь, раскомандовался. Интересно, кто тут офицерский сын? Якорь булькнул в мутную воду, обдав парней холодными брызгами.

— Ну, ты, потише! — утерся Шерман.

— Сам бы и бросал, — пожал плечами Степка. — По такой жаре холодный душ — самое то.

Неспешно насадил на крючок своего спиннинга наживку и, забросив снасть, принялся ждать поклевки. Спина к нему устроился Борис, решивший попытать счастья с другого борта. На добрых полчаса установилась тишина.

Первым не выдержал пончик.

— Вот же холера! — выругался. — Ее что тут, отравили, что ли? Или всю выловили?

— Не кричи, — предостерег Чадов. — Рыбу распугаешь.

— Да что тут пугать?! Нет здесь никакой рыбы!

— Спокойствие, только спокойствие, — голосом мультяшного Карлсона призвал Степан.

— Головую шашечку бы сюда!

— Хе! А ты ею хоть пользоваться умеешь? Помнишь «Пес Барбос и необычный кросс»?..

Ответить Борис не успел. У него как раз клюнуло.

— Давай подсекай! — взволнованно крикнул Степан.

Удилище сильно прогнулось. Как видно, рыбка попалась немаленькая. Теперь главное — не сплеховать. Не делать резких движений, чтоб не сорвалась с крючка или не лопнула леска.

От нетерпения Шерман затанцевал на одном месте. Даже лодка закачалась. Вот же медведь.

— Готовь сачок! — велел, а сам лихорадочно вертел катушку, то наматывая, то отпуская леску.

Молодец, не мог не признать сноровистости друга Степа. Когда только успел набить руку? Не иначе, дома тренировался. На игрушках.

— Ага! — возликовал увалень, когда из воды показалась длинная и узкая голова.

Щука. Но не такая мелкая, как вчерашняя. Судя по морде, раза в два больше. И потяжелее будет.

Неплохое начало. Так бы и дальше.

Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, — поплевал за борт.

Подвел сачок под самый хвост рыбины и почувствовал, что может не удержать улов. Тяжелый, зараза!

— Помогай, — попросил Борьку.

Тот быстренько бросил спиннинг на дно лодки и обеими руками ухватился за длинную ручку сачка.

Вдвоем, конечно, лучше. Живо управились.

Видя, как трепыхается и подпрыгивает под скамьями щука, приятели довольно заулыбались. Хороша, нечего сказать. Жирная и крупная. Наверное, целый метр будет. И весит чуть ли не десять килограммов. По крайней мере им так показалось.

— О-го-го-го!! — издал воинственный клич Шерман.

Чем перепугал оставшегося на берегу Петра. Парень заметался по песку, не зная, в чем дело и что предпринять.

— Как там у вас?! — донеслось с той стороны. — Все нормально?

— О'кей, — прокричал Степка в сложенные рупором ладони. — У нас все хорошо!..

И тут лодку дернуло.

Не удержав равновесия, мальчишки свалились на дно, пребольно стукнувшись лбами.

— Что это было? — растер ушибленное место Чадов.

— Не знаю, — испуганно простонал Борис.

Новый рывок, и их суденышко угрожающе накренилось носом. Присмотревшись, Степан заметил, что от носовой части вниз под воду уходит какой-то тонкий трос.

— Это еще что такое?!

Толстяк хотел было отделаться очередным «не знаю», но на полуслове заткнулся и хлопнул себя по лбу.

— Так это ж...

— Что?

— Я велел Петру донку поставить на всякий случай!

— Вот болван!

— Так ведь сработало же?! — шмыгнул носом «мишка Гамми». — Зачем бранишься? Лучше давай вытащить попробуем.

И первый с готовностью схватился за тросик.

— Ого! — закричал. — Там целый крокодил, однако!

Степка пристроился рядышком и тоже попробовал потянуть. Не тут-то было. К тому концу словно двухпудовую (или даже тяжелее) гирию привесили.

Лодка же как будто взбесилась. Начала вертеться на одном месте по кругу. Это ей якорь мешал сорваться с места.

— Щука, — предположил Чадов. — Или сом. Лишь бы не сорвался.

— Никуда он не денется, — убежденно заявил Борис. — Знаешь какой там крючок? Не крючок, а крючище! С мою руку толщиной.

Это он, положим, загнул. Не бывает таких крючьев. Шутит, наверное.

Через пару минут парням стало не до шуток.

Их суденышко рвануло вперед со страшной силой. Волны, поднятые рыбиной, бешено забарабанили по деревянным бортикам, которые, как почудилось ребятам, вот-вот поддадутся невидимому врагу и разлетятся на мелкие щепки.

Но не тут-то было. Крепкая древесина стойко выдержала атаку речного чудища, полностью оправдав деньжищи, которые Александр Борисович выложил за подарок сынишке.

Перепуганные мальчишки прижались ко дну лодки, стараясь при этом удержать равновесие.

Краем глаза Степан глянул на приятеля. Борис выглядел не лучшим образом. Пригретый жарким августовским солнцем, упитанный парень из последних сил держался за края их плавсредства.

Внезапно отчаянные всплески воды прекратились.

Из мутных глубин Салтовского водохранилища поднималось что-то действительно огромное. Гигантская скользкая спина разрезала речную гладь, а спустя пару секунд рыба решила явить миру и свою морду. Два мутных глаза размером с чайные блюдца, что «украшали» страшную усатую голову, уставились на Чадова. Злобная пасть, усыпанная острыми, словно иглы, зубами, растянулась в подобии зловещей ухмылки. Куда-то в глубь разверстого зева уходил их трос. Как видно, страшилище глубоко заглотало наживку.

«Сом, — пронеслось в Степановой голове. — Но уж больно здоровый. Килограммов на сто, не меньше! Вот классно было бы его выловить. То-то Танька удивится».

Чудище, а это был именно громадный сом, оценив ситуацию на поверхности, снова ушло под воду. Видать, задумало какую-то пакость.

И точно. Не успела ребятня оправиться от первого потрясения, связанного с явлением салтовского Несси, как им был преподнесен очередной «подарочек».

На поверхности вновь возникло бревноподобное туловище. На глаз в нем было метра три — три с половиной. Почти с их лодку.

Полежав так чуток, словно собираясь с мыслями (или с силами?), рыбина с громким звуком, напоминающим выстрел, хлопнула по воде хвостом и устремилась вперед.

Разгадав ее маневр, Степан схватил весло и принялся быстро подгребать, разворачивая суденышко параллельно курсу живой торпеды. Еле успел.

Сом все равно настиг цель, однако удар пришелся вскользь, по касательной. Не погасив разгона, монстр пронесся вперед, а затем ушел под воду.

— Чего ему от нас надо? — сквозь слезы пролепетал Борис. — Он взбесился, что ли?

Чадов пожал плечами.

— Говорят, такое бывает, когда кто-то оказывается около его гнезда...

— Гнезда-а? — широко раскрыл глаза пончик.

— Ну да. Когда по весне вода теплеет, сом устраивает из водорослей гнездо. Самка откладывает икру, а самец начинает караулить будущее потомство, не подпуская к нему врагов...

— Что же делать? Может, обрежем трос, а?

— Чем? Это же сталь, ее перочинным ножиком не возьмешь.

Шерман вскочил на ноги и принялся как полоумный размахивать руками и орать:

— Караул! Караул! На помощь!

«Бодигард» всполошился не на шутку.

— В чем дело?! Что случилось?!

Ответить пузан не успел.

Всего на миг отвлекся Степка от наблюдений, пытаясь уговорить впавшего в панику друга, но и этого хватило безумной рыбине.

На сей раз лобовая атака сому удалась.

Лодка снова уцелела, но перевернулась, и мальчишки очутились в воде.

Чадов плавал неплохо, а вот Борис, как и большинство толстяков, держаться на воде не умел и почти сразу камнем пошел ко дну. Степан, не мешкая, нырнул следом за ним. Думая лишь об одном: чтоб сомяра не помешал и не напал на них под водой. Поэтому старался делать как можно меньше резких движений. Однако гигант куда-то запропал. Не иначе переусердствовал и, слишком сильно треснувшись лбом об их судно, теперь решил малость отдохнуть.

В воде было трудно что-то рассмотреть. Салтовское водохранилище вообще не очень чистое. В ней много глинистой мути. Хорошо, что Шерман был в ярком полосатом халате. По этим-то полоскам парень его и заметил. Подцепил одноклассника за кушак и потащил

за собой наверх. По правилам спасения на воде утопающего нужно вытаскивать за волосы, но пойдя тут ухватись, если голова стрижена под «демократку», то есть практически лысая.

На суше Степан вряд ли сумел бы проволочь тяжелого Борьку больше десяти метров. Но вода делает человеческое тело почти вдвое легче. Оттого подъем оказался не очень сложным.

Всплыли метра в двух от перевернутой лодки.

Придерживая неподвижное тело Шермана на плаву, Чадов добрался до судна и после нескольких безуспешных попыток сумел-таки вернуть плавсредство в нормальное положение. Натужно кряхтя, стал выталкивать Бориса из воды, норовя перевалить его через борт челна. Из этого ничего не получалось. Лодка вновь и вновь опасно кренилась, готовая в любую минуту перевернуться.

А там еще и трос заходил, задергался. Это сом передохнул и опять загулял.

Мальчик в отчаянии завертел головой по сторонам.

И тут заметил, что к ним приближается еще один пловец. Присмотревшись, с облегчением узнал в нем Петра. Верный «бодигард», поняв, что у ребятни дела совсем плохи, ринулся вплавь на выручку.

На пару с молодым сильным мужчиной дела пошли быстрее. Степан придержал борт лодки, а Петр забросил в нее сначала Борьку, а потом и его приятеля, который, в свою очередь, помог молодому человеку забраться внутрь.

Не успели они отдышаться, как челн снова был атакован зловредной рыбой.

Чем бы ее таким огреть? Разве что веслом попробовать. Они прочные, стальные. Правда, одно при «кораблекрушении» выскочило из уключины и утонуло. Но второе осталось.

Выдернув его из гнезда, Степа решительно сжал весло в руках и замахнулся.

— Пстой, — отстранил мальчика Петр.

В его руке откуда-то появился пистолет.

«Макаров», — безошибочно определил офицерский сын.

Парень, почти не целясь, несколько раз выстрелил прямо в голову гиганта. Громко, так, что у Степки аж уши заложило.

Рыба, казалось, сначала не поняла, что происходит. Потому как по инерции продолжила плыть, нацелившись на борт лодки. Затем вдруг дернулась и пошла ко дну, пуская кровавые пузыри.

Нос челна снова опасно накренился, но вскоре плавсредство опять обрело равновесие.

— Конец, — сплюнул Петр и ткнул пистолетом куда-то вперед.

На речной поверхности всплыла кверху брюхом гигантская туша.

— Хрен! — выругался «бодигард».

И тут же забыл о поверженном противнике, принявшись заботливой наседкой хлопотать над до сих пор не пришедшим в себя Борисом. Стащил с него мокрый халат, стал массировать грудную клетку, делать искусственное дыхание, пока Шерман-младший наконец не закашлялся, выпустив струю воды, будто кашалот, и не открыл глаза.

— Слава Богу! — обрадовался Петр. — Как вы себя чувствуете, Борис Александрович?

— Где она? — игнорируя его вопрос, спросил толстяк, обращаясь к Степке. — Где?

Чадов покачал головой и, внезапно почувствовав невероятную усталость, плюхнулся на скамью. Перед глазами все поплыло. Как сквозь вату до него донеслись слова охранника:

— Тут нужен трактор, не иначе. Сами не справимся.

И капризное ворчание «мишки Гамми»:

— Вот и давай быстренько вызывай подмогу. А то расскажу отцу, как ты меня тут оберегал...

Это была школа, обычная школа.

Тогда отчего Степка так волновался, словно шел первый раз в первый класс? Или готовился к поступлению в пионеры? Ведь Борис сказал, что обо всем уже договорено. Причем не он просил за одноклассника и даже не Александр Борисович, который уже и сам

не знал, чем еще отблагодарить Чадова-младшего за спасение своего сына. И золотые часы подарил, и к медали «За спасение утопающего» представил, и...

Нет, сам сэнсей Голдин пригласил юного героя посещать занятия своего кружка.

И все же сердце бешено колотилось в груди, когда он переступил порог кабинета Мастера танца.

Странный это был кабинет, совершенно не похожий на те, что были в их школе. Ни стола, ни стульев, ни портретов Президента и Тараса Шевченко, ни почетных грамот или кубков за спортивные достижения. Всей мебели — одна деревянная полочка на стене, а на полке — статуэтка из позеленевшей бронзы, изображающая танцующего многорукого бога.

Шива, вспомнил Степан иллюстрацию из красивого двухтомника «Мифы народов мира», подаренного ему мамой на Новый год. Зачем оно здесь, это необычное божество из далекой Индии?

Рассматривая статуэтку, парень сначала не заметил самого главного.

Хозяина кабинета.

Да, признаться, и мудрено это было в полутемной комнате, куда сквозь плотно задернутые шторы почти не проникал дневной свет.

Только когда Шерман дернул его за рукав и развернул лицом к дальнему правому углу, увидел, что в помещении есть еще кто-то, кроме них самих.

Прямо на полу на плетеной циновке сидел, по-восточному поджав под себя ноги, полуобнаженный бритый человек. Голова его была склонена к земле. Он то ли спал, то ли молился.

— Учитель, — кашлянул Борис и пихнул одноклассника в спину, подтолкнув его к мужчине. — Учитель... Простите, что потревожил ваш покой, но... Вот, я привел своего друга, как вы и велели.

Человек поднял голову. Улыбнувшись, поманил Чадова рукой, чтобы тот подошел поближе. Мальчик повиновался.

— Вы научите меня танцевать, Учитель? — спросил Степка, с надеждой всматриваясь в художавое лицо Голдина.

Мастер танца долго не отвечал, тоже глядя в глаза мальчику, словно пытаясь проникнуть в самую глубину его души, а потом кивнул.

— Только не танцевать, — поправил. — *А плясать...*

Глава четырнадцатая. Монстры

Неизвестная локация

Ромеро снился сон...

Больной параноидальный бред, режиссером которого был свихнувшийся безумный маньяк.

Сталкер видел себя как бы со стороны.

На огромном блестящем металлическом столе лежали его тщательно вымытые внутренности, которые невидимый изувер только что аккуратно вынул из его еще теплого тела. Несмотря на то что Ромеро лишился всех жизненно важных органов, он по-прежнему вопреки всякой логике был жив, сохраняя способность связно мыслить. Сталкер не был силен в анатомии, поэтому смог узнать только сизый комок бьющегося на столе сердца. Вынутое из грудной клетки, оно продолжало трепетать, судорожно сокращаясь, возможно, именно поэтому он был все еще жив. Крови не было, комок отвратительной, но такой необходимой любому живому существу плоти прокачивал сквозь себя один лишь воздух.

Вокруг сияющего начищенным до блеска металлом стола царил непроницаемая тьма, но неизвестный изувер, проделавший недавно жуткую операцию, был где-то рядом. Ромеро даже показалось, что он слышит его тихое издевательское хихиканье. Палач с извращенным удовольствием следил за своей жертвой. Но сталкер отчетливо понимал, что все

происходящее — страшный, но довольно безобидный сон, и именно это в конечном счете не давало ему сойти с ума.

— Ну, что же ты молчишь? — неожиданно проговорил во тьме невидимый расчленитель. — Ведь я пока еще не начал вынимать твой мозг... Взгляни, разве ты видишь его на столе?

Ромеро посмотрел, но ничего похожего на мозги на столе действительно не было.

— А ты знаешь, как я это сделаю? — вкрадчиво поинтересовался жуткий собеседник. — Молчишь? Значит, действительно не знаешь! Я использую специальный инструмент, особо загнутый металлический крючок. Я введу его тебе через нос, и когда крючок достигнет серого вещества, стану медленно наматывать его, умело вращая инструмент, а затем я начну вытаскивать крючок обратно. Никакой трепанации, твой череп останется девственно нетронутым. Как раз то, что нужно для моей потрясающей коллекции... Ты ведь знаешь, что мозг не имеет нервных окончаний? Тебе не будет больно, просто ты неожиданно почувствуешь, как постепенно лишаешься чего-то важного: воспоминаний, приобретенного опыта, навыков... Твоя личность разрушится, как карточный домик... Твое имя отныне — пустота...

Какая-то зыбкая тень неожиданно заслонила исходящий от стола свет, и Ромеро неожиданно увидел своего мучителя. То был не человек. Вернее, мерзкая тварь сильно походила на человека, но одного короткого взгляда было достаточно, чтобы понять — это существо не имеет ничего общего с людским родом.

— Кто ты? — наконец смог выдавить из себя Ромеро, с ужасом заметив, как вырванное из груди сердце ускорило ритм судорожных сокращений.

— Враг человеческий! — захохотал чудовищный уродец и, схватив сизый комок сердца, бросил его себе под ноги. — Прямо сейчас я покажу тебе, что такое настоящий ад!!!

И странное существо, ликующе усмехаясь, раздавило ногой трепещущую плоть...

Истошный вой сирены ржавым штопором ввинчивался в мозг.

Ромеро открыл глаза. Заливающий окружающее пространство красный аварийный свет никуда не исчез. Он все еще находился в лаборатории. Со зрением творилось что-то невероятное. Как только сталкер сфокусировал свой взгляд на ближайшей стене, та сразу же стала прозрачной, и он отчетливо увидел освещенный тревожным багровым сиянием коридор.

Неладное творилось не только со зрением. Ромеро определенно стал намного выше ростом. Могучее громоздкое тело сочилось невиданной доселе силой. Он сделал робкий шаг вперед, и окружающее пространство резко прыгнуло ему прямо в глаза. С такой скоростью он раньше никогда не передвигался. Одного короткого шага оказалось достаточно, чтобы оказаться в узком коридоре. Секундой позже он узнал его. Это был тот самый местный экспериментальный зверинец, через который упирающегося сталкера волокли угрюмые головорезы в камуфляже. Все камеры были почему-то открыты. Судя по всему, мутанты сбежали. Они наверняка рыскали сейчас в поисках выхода по секретному комплексу, уничтожая все живое на своем пути. Следовало соблюдать двойную осторожность.

Ромеро побежал вдоль коридора в том направлении, откуда его привели сюда. Не рассчитав свои новые удивительные силы, он легко прошиб прозрачные автоматические двери, которые с веселым звоном разлетелись на мелкие блестящие осколки. Тело продолжало откалывать совершенно умопомрачительные номера, но сталкер не придавал этому особого значения, понимая, что главное сейчас сбежать из секретного научного центра.

Невдалеке за очередным поворотом затаился вооруженный человек. Беглец легко заметил его очерченный красным силуэт, прекрасно видя сквозь стены. Человек был напуган, запах его страха заволакивал коридор. Врага следовало обойти со спины. Эта странная мысль внезапно всплыла из глубин лихорадочно работающего мозга. Обойти со спины и убить. Ромеро подчинился, с ужасом осознавая, что теряет управление собственным телом. Теперь он просто наблюдал, как красный силуэт перемещается куда-то в сторону.

Несколько мощных рывков, и вот уже стала видна крупным планом спина ссутулившегося в темном углу человека. Противник, по всей видимости, что-то почувствовал, резко обернувшись в последний момент, но это его не спасло. Дуло короткого автомата только начало подниматься вверх, как...

То, что произошло вслед за этим, напугало Ромеро еще больше, чем странные причуды с изменившимся зрением. Продолжая нагло своевольничать, вышедшее из-под контроля тело склонилось над человеком, закатившим от ужаса глаза. Длинные отвратительные щупальца, напоминающие извивающихся розовых червей, вонзились в лицо теряющей сознание жертвы. Сталкер совершенно не понимал, что происходит. Его мозг просто не успевал обрабатывать поступающую противоречивую информацию. Ведь если верить этой информации, мерзкие розовые щупальца были продолжением... его собственного лица.

Ромеро так и не успел постичь всего кошмара происходящего, когда на него внезапно накатил волна нечеловеческого блаженства. Чувство походило на сладкую эйфорию от употребления сильного синтетического наркотика (доводилось пару раз пробовать). Сталкер не стал сопротивляться, погружаясь в теплые волны абсолютного насыщения. Это было трудно с чем-то сравнить. Он еще ни разу в своей жизни не испытывал такого наслаждения. Наркота — не то. Нещадно тормозящий мозг наконец обработал всю поступившую информацию, сообщив, что Ромеро пьет человеческую кровь. Сталкер удивился, но так и не смог прервать эту ужасающую противоестественную трапезу. Животный инстинкт оказался сильнее страха.

Когда бывшая некогда живым человеком оболочка иссякла, Ромеро с легкостью отшвырнул обескровленное обмякшее тело в сторону. Затем он поднес к лицу правую руку, тупо уставившись на уродливую пятипалую конечность с кривыми черными когтями. Страх холодными иглами прошелся по позвоночнику, вонзив самую длинную и тупую иглу в район затылка. Сталкер попытался заговорить, но вместо человеческой речи из того места, где у него должна была располагаться глотка, донеслось жуткое хриплое сипение. Ромеро ощупал свой рот рукой, тут же измазав длинные узловатые пальцы свежей ароматной кровью. Опустив взгляд ниже, он увидел широкую грудь, исполосованную рубцами чудовищных шрамов. Длинные отростки, растущие прямо из его рта, мерзко извивались, будто живая сюрреалистическая борода из мяса. Эта мясная борода сочилась кровью, багровые капли срывались на мощную грудь, оставляя на бугристой плоти красные кривые дорожки.

Каким-то совершенно чудовищным непостижимым образом он оказался в теле кровососа, в теле того самого мутанта, которого видел в одной из камер секретной лаборатории. Внезапно ударивший выброс что-то сделал с его сознанием, поменяв местами человека и противоестественного отвратительного монстра.

Страх так же прошел, как и появился. Звериная натура боролась с нагло вторгшимся вовнутрь человеком. Страх мешал, страх противоречил главной цели — выживанию. Выживанию и насыщению, а все остальное не имело значения. Ромеро сдался, в очередной раз потеряв управление над монстром. Кровосос тут же продолжил свое стремительное движение, быстро вертя по сторонам уродливой головой.

Теперь перед его глазами был план всего здания. Нечеловеческое зрение обрело воистину пугающую глубину. Та часть мозга, что отвечала за удивительную моторику мутанта, всю работала в поисках спасительного выхода. И этот выход был найден. Подсвеченный зеленым маршрут тут же указал наиболее правильный путь. Кровосос ускорился, от непривычки у Ромеро все поплыло перед глазами, но он быстро адаптировался к резко меняющимся условиям восприятия. Сейчас его больше всего волновало, что он потерял управление над монстром. Следовало немедленно что-то предпринять, он не хотел быть узником в этой совершенной обезумевшей машине смерти.

У точки, обозначенной как выход, находились вооруженные люди. Пять человек. Угроза была мгновенно оценена, и в следующую секунду кровосос включил невидимость. Ромеро с радостью осознал, что к нему снова возвращается способность управлять чудовищным мутантом. Он смог опустить взгляд, а затем поднести к лицу прозрачную, словно состоящую из гибкого стекла руку.

Небольшой зал, отделяющий от долгожданной свободы, был уже совсем близко. Сталкер приободрился и, взяв всю свою человеческую силу воли в кулак, загнал упирающегося монстра в самый дальний угол своего сознания. Монстр нехотя отступил, однако готовый, если понадобится, в любой момент взять управление на себя.

У порога занятого местной охраной зала Ромеро обнаружил изрешеченного крупнокалиберными пулями псевдогиганта. Чуть дальше валялась распотрошенная на составные части издохшая плоть. Охрана секретного центра не теряла времени зря, последовательно уничтожая монстров, вырвавшихся после отключения энергии из своих камер.

Сталкер медленно выбрался на середину зала, чутко вслушиваясь в разговоры закованных в серые экзоскелеты солдат.

— Проклятого кровососа пока еще не нашли! — глухо проговорил один из вояк и, поднеся к забралу шлема рацию, раздраженно рывкнул: — Вы чем там занимаетесь, мать вашу? Это самый важный урод из всех! Руководство строго-настроено приказало взять его живым! Да мне насрать, как вы это сделаете... Я сам вас на фарш пушу, если эта тварь вдруг по каким-то причинам окочурится...

Отключив рацию, военный медленно повернулся к своим напарникам:

— Слыхали новость, парни?

Солдаты быстро переглянулись, а тот, что стоял ближе всего к командиру, отрицательно мотнул головой.

— Выброс-то только по территории лаборатории ударил!

— Товарищ полковник, да как такое вообще возможно?

— Сам не знаю! Но яйцеголовые ублюдки утверждают, что все так и было. Один мощный точечный удар по сравнительно небольшому пяточку. Как вам такое? Будто бомбу сбросили! На остальной территории Зоны все прошло малой кровью. Аномалии остались на прежних местах, границы известных локаций не поменялись... Видно, кому-то там, ближе к реактору, не очень нравится то, что здесь происходит. Говорил я этим придуркам, что исследовательскую базу нужно строить за Периметром, но кто меня тогда слушал...

Ромеро принялся медленно сдвигаться в сторону. Его взгляд был прикован к крупнокалиберному станковому пулемету, направленному в сторону мертвых мутантов.

Неожиданно полковник насторожился, плавно поведя дулом своего автомата. Ромеро замер на месте, задержав дыхание.

— Видели?

Солдаты дружно передернули затворы.

— Воздух дрожит... будто над горячим асфальтом, там, у стены... Черт, это все, наверное, от нервов... Долбанный псевдогигант теперь определенно будет сниться мне ночами... На кой хер эти ученые ублюдки натащили сюда столько опасных тварей? Конечно, добром это кончиться не могло... Увольняюсь на следующей неделе к чертям собачьим! Пусть ищут на Большой Земле замену. С первой же «вертушкой» валю отсюда и вам, ребята, тоже советую... Пусть яйцеголовые сами выкручиваются, мне моя жизнь дороже любых денег...

Бочком вдоль стены Ромеро успешно пробрался за спины солдат. Мутант внутри недовольно заворочался, но особо вмешиваться не стал, потому что был пока сыт. Сталкер не хотел больше сеять смерть, особенно такую жуткую в объятиях чудовищного кровососа. Эти ребята еще найдут свою последнюю пулю. К ним у Ромеро не было никаких претензий, простые наемники выполняли обычную для себя опасную работу. Сейчас он ненавидел только тех изуверов, которые носили белые халаты, с умным видом ставя на людях и мутантах свои бесчеловечные эксперименты.

Где-то вдалеке раздались приглушенные автоматные выстрелы, затем разорвалась граната.

— Что за хрень? — Полковник снова снял с пояса рацию. — Пастушенко, доложите, что у вас там происходит? ЧТО?!! Мать-перемать... сейчас будем...

Солдаты выжидающе смотрели на своего командира. Полковник шумно вздохнул:

— Монада Пастушенко обнаружила химеру в жилых блоках... нужно бы им помочь...

И наемники, не сговариваясь, побежали следом за кинувшимся в ближайший коридор командиром.

Ромеро вышел из режима маскировки, мгновенно почувствовав себя голым. Широкая металлическая дверь вела наружу, в Зону. Рядом был хитрый электронный идентификатор, судя по всему, сканирующий отпечатки пальцев. Сталкер посмотрел на свою длинную правую руку. Черные загнутые когти следовало проверить в деле. Ромеро помнил частые разговоры о том, что когти кровососа способны легко вспороть не только самый лучший кевларовый панцирь, но и бронированный борт боевой машины пехоты. Сталкерскую байку следовало проверить.

Хорошенько размахнувшись, Ромеро обрушил на прочную на вид дверь правую руку. Черные когти легко пропороли металл, оставив длинную рваную прореху. Снаружи царила ночь, из пробитой дыры потянуло прохладным пахнущим перегноем воздухом. Ноздри кровососа затрепетали, и он, в очередной раз грубо отпихнув в сторону еще не свыкшегося с новым телом человека, принялся неистово рвать поддающийся металл. Казалось, то был и не металл вовсе, а обычная промышленная фольга. Пара мгновений — и Ромеро уже стремительно неся сквозь ночь, казавшуюся благодаря его новому зрению ярким днем, количество оттенков всевозможных цветов и запахов сбивало с толку.

Чудовищный вырвавшийся на свободу беглец шел к своей неведомой пока кровавой цели...

— Вот, нашли вашего подопытного... — сообщил один из наемников, закованный в серый экзоскелет. — В отключке, прямо в коридоре валялся...

Ассистент внимательно разглядывал обмякшее тело в разорванном сталкерском комбинезоне, которое солдаты грубо затащили прямо в лабораторию.

— И что мне с ним делать? — недовольно поинтересовался ученый.

— А не один хрен... — пожал плечами тот, что был выше ростом своего напарника. — Был бы трупом, мы бы его в молекулярную печь запихнули к останкам уничтоженных мутантов... а так, смотрим, вроде как живой! Сами теперь разбирайтесь...

— А что с мутантами? — Ассистент подошел к уложенному на носилки сталкеру, проверяя у того пульс.

— Да вроде как со всеми разобрались... — устало ответил солдат. — Правда, многих пришлось уничтожить... С химерой намучились... Шесть человек потеряли, пока эту тварь из огнеметов завалили...

— А кровосос?

— Ушел кровосос!

— Как ушел?

— Да кто ж его знает как... Короче, дал деру... Никто из наших его не видел... Нашли только обескровленный труп в подземных секторах, а дальше... как в воду канул. Сдается мне, тварь использовала свою знаменитую маскировку. В режиме невидимости ему ничего не стоило проскользнуть к главным воротам, а там... Вот такая дырища! Когтями семисантиметровую сталь разодрал...

— Плохо! — Приподняв правое веко бледного как стена сталкера, ученый посветил ему в глаз маленьким фонариком.

Зрачки на яркий свет не отреагировали.

— Ваши нам премию за беглого кровососа обещали... — грустно заметил наемник. — Ну, в смысле, если живого возьмем... Накрылась премия... м-да... А зачем он вам был так нужен, если не секрет?

— Секрет! — сухо отрезал ассистент, делая в своем планшете какие-то пометки. — Спасибо, ребята, вы свободны!

— А, ну тогда мы это... — вояки смущенно топтались в лаборатории, — пошли, что ли? Ученый обернулся, изумленно посмотрев на наемников:

— Мне кажется, вы хотите еще о чем-то меня спросить?

— В общем-то да...

Солдаты переглянулись.

— Говорят, выброс был точечный... В полную силу ударил только по научному комплексу...

— Похоже на то... — не стал отрицать ассистент. — А что вас, собственно, беспокоит?

— Мы не нанимались воевать с Хозяевами Зоны! — хрипло заявил наемник.

— Но вам, кажется, платят неплохие деньги...

— Деньги тут ни при чем... Мы просто не хотим прогневать Хозяев...

— А я тут каким боком?

— Передайте своему начальству, что мы возвращаемся за Периметр... завтра... с утренней «вертушкой»...

И не проронив больше ни слова, солдаты вышли в коридор.

— Вот тебе раз! — Ученый изумленно смотрел им вслед. — Час от часу не легче...

Подойдя к интеркому внутренней связи, ассистент быстро набрал короткую комбинацию цифр.

— Док, это Тарасов!

— Гм... Алексей... — глухо донеслось из переговорного устройства. — Что там у вас случилось?

— У меня тут только что был не очень приятный разговор... с одним из наемников...

— Ну и?

— Они говорят, что завтра с утра эвакуируются с объекта за Периметр!

— Ах, это... я уже в курсе... Большинство действительно нас покинет, но кое-кто решил остаться... Руководство пообещало увеличить им оплату услуг... Пусть бегут, горстка суеверных трусливых баб... Я уже переговорил с Большой Землей, они обещали к концу недели укомплектовать недостающий контингент новыми людьми... За Периметром всегда достаточно желающих хорошо заработать... Что-то еще или это все, что ты хотел мне сказать?

— Да тут еще кое-что... — Тарасов задумчиво разглядывал пребывающего в бессознательном состоянии сталкера. — Тут ваш подопытный объявился...

— Какой подопытный?

— Сталкер, которого вы со снарками срамливали...

— Честно говоря, я думал, что он погиб во время выброса...

— Нет, он живой. Лежит сейчас у меня в лаборатории... пульс нитевидный... зрачки на свет не реагируют...

— Очень интересно... — оживился профессор. — Свяжись с Нигматулиным, пусть он его как следует осмотрит. Если произойдут малейшие изменения в его состоянии, ты сразу же обязательно рапортуй мне, договорились?

— Заметано, док!

— Вот и славно! А я пока попробую разгрести весь этот винегрет... Проклятый выброс здорово нам навредил. Во время пожара в жилых секторах погибли несколько ценнейших сотрудников. Ко всему еще этот кровосос...

— Я слышал, он сбежал...

— Вот именно! Господи, сколько мы с ним бились... Полтора года интереснейших исследований коту под хвост... Нам почти удалось найти сыворотку, благодаря которой процесс мутации можно обратить вспять. Представляете, Алексей, вкалываете любому мутанту десять кубиков, и он за сутки превращается обратно в то, чем был изначально...

— Просто потрясающе!

— Вот именно, что потрясающе! Теперь об этом можно будет надолго забыть... Все, до связи!

И интерком, тихо пискнув, замолчал.

Тарасов вздохнул, уныло прохаживаясь по лаборатории. Связываться с Нигматулиным не хотелось. Не любил он этого напыщенного индюка, разговаривающего с людьми так, будто перед ним не человек, а зловонный кусок дерьма. Конечно, он видный специалист по

Зоне, автор многочисленных засекреченных исследований, но... Разве это повод ставить себя выше других?

Однако ничего не поделаешь. Профессор выразился вполне определенно, а не выполнять просьбы начальства себе же дороже.

Алексей снова подошел к интеркому и, заглянув в планшет, набрал код жилых блоков. После недолгого пререкания с отвечающим за безопасность офицером в маленькой коробочке устройства внутренней связи возник тягучий бас местного светила науки.

— Я вас слушаю, Алексей.

Какая странная перемена. Просто воплощение вежливости.

— Да я тут... — несколько растерялся от такого неожиданного начала Тарасов.

— Со мной только что связывался ддок... — раскатисто донеслось из интеркома, — он ввел меня в курс вашей проблемы...

Ага, вот в чем, значит, дело! А то Тарасов, грешным делом, подумал, что на заносчивого засранца так подействовал точечный выброс. Иного человека даже сама Зона не в состоянии изменить, горбатого, как говорится, только могила исправит.

— Через пять минут я у вас! — бодро сообщил Нигматулин, после чего зеленый индикатор на интеркоме мигнул и погас.

Дородный бородач прибыл в лабораторию точно по расписанию.

— Так-с... — деловито проговорил он. — Где наш пациент?

Тарасов молча указал на металлическую кушетку.

— Ага! — Нигматулин достал из кармана белого халата очки и, надев их на смуглый нос, вальяжно приблизился к сталкеру. — А что это у него за дыра в одежде на груди?

— Прерванная имплантация! — быстро ответил Тарасов. — Как раз перед тем, как лазер собрался сделать первый разрез, вырубилась подача энергии...

— Повезло же парню! — хохотнул бородач. — Честно говоря, подобное везение бывает только в кино... Какой-то пары секунд не хватило...

Нигматулин с важным видом проверил у сталкера пульс, затем посветил фонариком в каждый глаз.

— М-да... — наконец с озадаченным видом выдал он. — Очень странный случай... Я бы даже сказал — необъяснимый... По всем признакам человек находится в состоянии глубокой комы... однако кое-что меня серьезно беспокоит...

Бородач озадаченно склонился над телом, надавливая сталкеру большими пальцами на ушные раковины.

— Кстати, Алексей... — Нигматулин резко обернулся. — Вы по-прежнему держите на меня обиду за ту разгромную рецензию на вашу интернет-статью о взаимодействии различных экосистем Зоны?

— Ваша рецензия стоила мне научного гранта... — холодно ответил Тарасов. — Все уже было на мази... Я даже вещи собрал, ожидая очередного вертолета, чтобы вернуться за Периметр... Но тут в сети появился ваш отзыв, и я снова застрял здесь на неопределенный срок, а ведь дома меня уже два года ждет молодая жена и маленький ребенок...

— Ох, извините, я не знал! — На лице Нигматулина появилась иезуитская улыбочка. — Выходит, я сломал вам такую многообещающую научную карьеру. Вы ведь, кажется, всего лишь один из ассистентов? Мелкий научный планктон, если не ошибаюсь. Таких, как вы, тут десятки, и все мечтают о великом открытии, способном поставить на уши весь научный мир. Но та жалкая статейка... Честно говоря, я просто не мог промолчать. Ведь я видный специалист по существам-симбионтам, а эта ваша совершенно абсурдная идея о том, что в некоторых ситуациях кровососы добровольно сотрудничают с контролерами, полный бред. Как вообще такая сумасшедшая идея могла прийти вам в голову? Да, безусловно, контролеры не способны подчинять себе кровососов, с этим никто не спорит, но чтобы данный вид мутантов в некоторых ситуациях шел на добровольный контакт с телепатами... Честно говоря, я десять минут хохотал, когда это прочел...

Тарасов отвернулся. Он был уже далеко не мальчишка, но сдержать хлынувшую к лицу кровь не смог. Щеки пылали так, будто его только что прилюдно отхлестали. Хотя почему, собственно, будто? Нигматулин действительно его отхлестал. Отхлестал мастерски, не опускаясь до примитивного рукоприкладства.

Все стало на свои места. Вот он, настоящий Рашид Зарифович, во всей своей гадской красе. Он не только сломал Тарасову карьеру, он сломал ему и жизнь, потому что на прошлой неделе пришел имейл от Анастасии, в котором она коротко сообщала, что уходит к другому мужчине. Об этом ученый, разумеется, умолчал. Впрочем, вряд ли подобная новость особо растрогала бы заносчивого ублюдка.

Довольный произведенной на молодого сотрудника реакцией Нигматулин снова повернулся к безучастно лежащему сталкеру, и в этот самый момент пациент открыл глаза.

— Батюшки-светы! — изумленно воскликнул Рашид Зарифович. — Спящая красавица пришла в себя!!!

Лицо подопытного исказила страшная гримаса нечеловеческой злобы. Бородач отшатнулся от хрипло зарывавшего сталкера. Вольный бродяга по кличке Ромеро, проявляя воистину потрясающую прыть, резко вскочил с больничной койки и, растопырив пальцы, стремительно кинулся на по-бабьи взвизгнувшего от страха Нигматулина.

Все происходящее заняло от силы несколько секунд. Тарасов растерянно смотрел на упавшего бородача, на котором сверху сидел обезумевший сталкер, неистово рвущий тупыми зубами залитое темной кровью человеческое горло.

Алексей медленно бочком двинулся к выходу из лаборатории. Он хорошо видел направленный на него молящий взгляд Нигматулина. Правая рука Рашида Зарифовича судорожно скребла пол.

Ассистент благополучно выбрался за дверь и, уткнувшись лбом в прозрачные створки, принялся с отвращением наблюдать за происходящим.

Нигматулин агонизировал, его руки и ноги сотрясали конвульсии. Сталкер с упоением пил бьющую из горла жертвы теплую человеческую кровь. Что-то во всей его напряженной сутулой фигуре было Алексею очень знакомо, будто человек неумело пародировал того, кем изначально не был.

«Кровосос!» — неожиданно понял Тарасов, изумившись этой совершенно абсурдной мысли.

Сошедший с ума сталкер напоминал кровососа. То, как он двигался, как прыгнул на жертву, как пытался сосать кровь из раны абсолютно не приспособленным для этой цели ртом.

Нигматулин был мертв. Убивший его оборотень обвел мутным взглядом лабораторию, сфокусировав взгляд на перекошенном от отвращения лице застывшего за стеклянной дверью молодого человека. Открыв измазанный кровью рот, сталкер угрожающе захрипел.

— Собаке собачья смерть! — мстительно улыбаясь, прошептал Алексей, с удовольствием глядя на окровавленный труп старшего коллеги, затем ученый нажал красную кнопку на висящем на поясе черном брелке.

Тут же тревожно завывла сирена, двери лаборатории автоматически заблокировались. Бросившийся на Тарасова оборотень со всего размаху врезался головой в холодное стекло, тут же покрывшееся сеточкой мелких трещин. Алексей машинально отступил на несколько шагов, понимая, что, если бы перед ним сейчас был настоящий кровосос, жить ему оставалось от силы пару секунд.

Во главе бегущих по коридору наемников мчался запыхавшийся профессор.

— Что тут у вас случилось? — первым делом встревоженно спросил он, заглядывая сквозь прозрачные двери в лабораторию. — О господи, что произошло?

Озверевший сталкер тупо бился головой о довольно прочное стекло.

— Не знаю... — Тарасов медленно провел рукой по мокрому от пота лицу. — Могу только предположить... все произошло очень быстро... Пациент поначалу находился в кататоническом состоянии, но внезапно перешел в активную агрессивную фазу...

— Боже мой, а что он сделал с Рашидом?
Руководитель лаборатории только сейчас заметил труп Нигматулина.
— Ваш подопытный неожиданно набросился на него...Рашид Зарифович в тот момент как раз его осматривал...
— У Рашида разорвано горло... Он что,пил у него кровь?
— Во всяком случае, пытался. Ротовой аппарат человека не очень подходит для подобных занятий...
— О чем вы?
— Этот сталкер ведет себя как кровосос — те же движения, повадки... я сразу это заметил...
— Боже мой, какая потеря для современной науки! — Казалось, еще немного, и на глазах профессора заблестят скупые мужские слезы.
Он не мог в тот момент видеть мстительной ухмылки на лице стоявшего чуть в стороне Тарасова.
— Что с ним делать? — грубо нарушил трагическую паузу один из наемников. — Предлагаю без лишних разговоров пристрелить ублюдка...
— Ни в коем случае! — гневно обернулся док. — Нам непременно нужно выяснить, почему так произошло. Это может быть очень важным... У вас есть пистолет с транквилизатором? Парализуйте его и доставьте на мой этаж...
— Будет сделано! — Вояка повернулся к солдатам. — Немедленно отключить тревогу и разблокировать дверь в лабораторию.
— Какая потеря... — в очередной раз горестно пробормотал профессор, после чего, резко развернувшись, целеустремленно направился к лифту.
Тарасов проводил начальника задумчивым взглядом. Да, он вполне мог спасти Нигматулина. В правом кармане его халата лежал шприц с препаратом, способным вырубить надолго даже слона. Но он не стал этого делать, позволив монстру совершить справедливый суд.
Но кто был страшнее из них двоих? Он, позволивший погибнуть безоружному человеку, или сошедший с ума оборотень?
Тарасов не знал!

...Тринадцатый шел по следу. Впервые за долгие годы пребывания в Зоне контролер почувствовал родственную душу. То было нечто сродни удивительному чувству, когда нежданно-негаданно ты обретаешь много лет назад потерянного брата. Этот удивительный человек был словно естественным продолжением его рук. Идеальный кандидат для совершенно потрясающего симбиоза. Все прошлые марионетки не шли ни в какое сравнение, потому что ему никогда не удавалось полностью завладеть их душами. Сейчас же... он хорошо понимал, что это его шанс. Идеальный союзник с уникальным внутренним миром. Тринадцатый читал его, как раскрытую книгу, даже тогда, когда находился на большом расстоянии. Их связь крепла с каждым часом, становясь в конце концов нерасторжимой. Идеальное оружие мести, пусть и одно из многих. Этот союз был неизбежен. Контролер мог заглядывать в будущее, чуть-чуть приоткрывая завесу тайны. Конечно, ему было далеко до таких мастеров предвидения, как бюеры, но те изменения, которые произошли с ним в лаборатории, открывали новые, доселе невиданные возможности, и этими возможностями следовало обязательно воспользоваться против его новых врагов.

Каждый раз сокращая то расстояние, которое их разделяло, Тринадцатый осторожно читал мысли собрата, все больше и больше узнавая о нем. Он видел в этом человеке себя. Себя прошлого, непостижимым образом вернувшегося на много лет назад, в тот момент, когда еще существовал призрачный шанс что-то исправить. Контролер предчувствовал, что рано или поздно его могущественный враг станет врагом и этого удивительного человека. У них схожие цели, хотя собрат еще ничего не знал об этом. На кону стояла жизнь маленького незащищенного существа, жизнь ребенка, и Тринадцатый решил вмешаться, помочь спасти то, что не спас в своей прошлой, не менее страшной жизни. Почему-то судьба этого ребенка

была невероятно важна для собрата. Что ж, пусть же все свершится так, как того желает такой необходимый сейчас контролеру человек.

Единственное, что немного беспокоило Тринадцатого, это постоянный спутник его собрата. Загадочный человек был абсолютным черным пятном. Он пугал контролера, потому что Тринадцатый не мог его «увидеть» так, как видел обычных людей. Что-то мешало, не позволяя даже подслушать его мысли. Таинственный незнакомец напоминал живую бездну, приближаться к которой было очень опасно, и после нескольких безуспешных робких попыток пробить мощную защиту Тринадцатый оставил этого непонятного человека в покое. Во всяком случае, мешать планам его скорой мести странный незнакомец, называющий себя слугой Господа Бога, пока не собирался...

Контролер помогал своему удивительному собрату как мог, в нужный момент перехватывая управление на себя. Бедняга, кажется, даже ничего не заподозрил, получая все новые боевые возможности. Тринадцатый старался как можно чаще устраивать «сеансы подключения», чтобы к финальному бою быть способным идеально управлять этой потрясающе синхронизирующейся марионеткой. Он гордился собой. Подобный симбиоз — настоящее искусство, высший пилотаж, о котором не мог мечтать ни один представитель его мутировавшего вида.

А вскоре Тринадцатый с изумлением открыл в себе новый совершенно необходимый в грядущей смертельной схватке талант. Оказывается, он мог легко брать под свой контроль сразу несколько высокоорганизованных существ со сложнейшей нервной системой. И это еще на шаг приближало его к такой желанной и уже заранее пьянящей мести...

Сплетения тронутых ржавчиной рельсов, бетонные перроны, цепочки коричневых товарных вагонов... Тринадцатому определенно не нравилось это место. Ничего хорошего от такого места не жди, но собрат находился рядом, поэтому следовало быть начеку.

— Стой, кто идет?! — раздалось издалека, и спрятавшийся под железнодорожным вагоном контролер понял, что схватки не избежать.

Разумеется, этот отклик относился не к нему. Никто бы не стал окликать опасного мутанта. Вместо слов в его сторону полетел бы смертоносный свинец. Требование остановиться относилось к находящемуся неподалеку собрату и его спутникам. В воздухе запахло смертью, и это мог чувствовать только Тринадцатый, немного предугадывавший дальнейшие события.

Контролер усилил свое ментальное поле, отчетливо слыша не только разговоры, но и мысли застывших у перрона людей.

— Оба-на, — присвистнул человек, носивший странную кличку Ряха. — Приплыли, мать его за ногу! «Долговцы», хер им в руку!

— Стой, стрелять будем!

Раздался короткий выстрел. Судя по всему, стреляли в воздух в качестве предупреждения. У мельтешащих на перроне незнакомцев были очень серьезные намерения.

— Может, переговоры начнем? — неуверенно предложил напарник собрата, тот самый, который не давал покоя встревоженному Тринадцатому.

— Похоже, тут без вариантов. Уж я-то их знаю. По голосу узнаю, когда можно говорить, а когда бесполезно. Вот же засада, нах...

— Но ведь у вас вроде нейтралитет?

— Х...етет!

— Но поговорить-то людям никогда не помешает... Чада мои...

На этот раз автомат выпустил целую очередь. Обстановка накалялась.

— Одумайтесь!

Вторая очередь была направлена в грудь наглухо закрывшегося от любых внешних прощупываний незнакомца, но в последний момент стрелявший передумал, уведя ствол автомата немного вверх, и смертоносный свинец прошел над головой человека, носившего имя отец Иоанн. «Передумать» стрелявшему помог Тринадцатый, понимая, что самое время перейти к активным действиям.

— Сможем против них выстоять? — с сомнением спросил священник.

— Сомнительно, — ответил один из сопровождающих. — Шансы один к трем не в нашу пользу... Мы на открытом месте. Расстреляют, как зайцев на охоте...

Контролер зловеще усмехнулся, нанося первую мощнейшую атаку.

— Бля! — очумело выдало человеческое существо по имени Ряха, изумленно глядя на перрон.

Люди в черно-красных комбинезонах в упор расстреливали друг друга. Тринадцатый смог подчинить волю их всех. Тринадцатый упивался своей новой силой, обретая воистину неиссякаемую власть.

Даже получив несовместимые с жизнью ранения, марионетки продолжали с ненавистью друг к другу давить на спусковые крючки автоматов. Вот он — его истинный триумф, первый выход на большую сцену, репетиция незабываемого спектакля, премьеры которого только еще будет.

Здание с ненавистным белым куполом породило монстра, который в конце концов пожрет своих же создателей. Кровавый круг рано или поздно замкнется, ибо то был один из основных законов самой Зоны.

Тринадцатый с удовлетворением бродил среди остывающих трупов. Его собрат ушел далеко вперед, пока ему не грозила серьезная опасность, и контролер мог позволить себе немного передохнуть. Итог учиненной им кровавой бойни радовал нечеловеческое сердце мутанта. Двадцать шесть жертв. О таком результате раньше он не мог даже мечтать.

— Славно поработал, дружище!

Контролер обернулся, увидев за своей спиной высокого улыбающегося сталкера. Все его обостренные чувства упорно твердили, что на самом деле за спиной никого сейчас нет. Ни одно существо Зоны не было способно бесшумно подобраться к Тринадцатому, ни одно, кроме...

— Что тебе нужно, шатун? — собственная речь показалась ему какой-то чужой, словно говорил не он, а кто-то затаившийся рядом.

Тринадцатый уже давно отвык от звука своего голоса, он попросту забыл его.

— У тебя отлично получается строить правильные фразы... — кивнул сталкер. — Ты говоришь почти как человек...

— Почти...

— Ты необычный контролер, Чалый...

— Откуда тебе известно это прозвище?

— Меня послали Хозяева!

— Это очевидно, шатун!

— Лучше называй меня Шершнем!

— Хорошо, Шершень! Что Хозяевам от меня нужно?

— Уже само твое существование нарушает давно сложившийся баланс сил в Зоне... — сделавшись серьезным, тихо проговорил сталкер. — Ты не должен был... переродиться... вспомнить свою прежнюю жизнь... вернуть часть безвозвратно утерянной личности... Рано или поздно тебе придется заплатить за это очень высокую цену...

— Я знаю! Это все?

— Нет, не все! Возможно, Хозяева смогут пойти тебе навстречу...

— Что нужно сделать?

— Ты схватываешь все на лету!

— Но ведь я не простой контролер...

Сталкер рассмеялся:

— Это уж точно! Ты должен разыскать одного кровососа...

— Кровососа?

— Да, ты не ослышался. Этот кровосос особенный, так же как и ты. Он очень важен...

— Важен, как и я?

— Возможно! Найди его и помоги тому, кто находится внутри, обрести абсолютный контроль над мутантом...

— Звучит безумно...

— А ты не думай, просто выполни эту достаточно простую просьбу Хозяев, и в будущем тебе это обязательно зачтется...

— Хорошо. Как мне его найти?

— Я тебя отведу!

— Тогда веди... Шершень...

И сталкер повел.

Ромеро мчался сквозь лес, раздираемый желанием неуголенного голода. Он не знал, где находится. Проклятый кровосос уже растерзал несколько псевдоплотей, но ему все оказалось мало. Голодного монстра было невозможно контролировать. Приходилось подчиняться этой жуткой машине смерти.

Сталкер всеми силами старался дистанцироваться от происходящего, вспоминая свою прошлую жизнь, но терапия не помогала, в особенности когда кровосос насыщался. В эти отвратительные моменты они сливались в одно дикое непостижимое существо.

Но неожиданно кровавая вакханалия прекратилась. Кто-то сильный, желающий Ромеро добра, легко загасил пылающий внутри звериный огонь, и сталкер почувствовал, что снова может контролировать строптивого мутанта.

— *Подойди ко мне!* — раздался в голове вкрадчивый, но одновременно властный голос.

— *Не бойся, я твой друг!*

Ромеро остановился, оторопело осматривая подсвеченные синим светом окрестности. Ярκο-оранжевая фигура говорившего с ним существа виднелась справа за мокрыми от дождя деревьями.

— *Да, это я!*

— *Кто ты?* — так же мысленно спросил Ромеро, понимая, что чего-либо бояться в своем новом могучем теле — верх идиотизма.

— *Друг!* — повторил незнакомец. — *Пожалуйста, подойди ко мне ближе!*

— *Зачем?*

— *Я помогу тебе окончательно укротить твоего вынужденного соседа...*

Ромеро, конечно, удивился, но спорить не стал, двинувшись к непонятному незнакомцу. Он легко вышел из режима охотничьего зренья, увидев лес таким, каким видел, когда был обычным человеком.

На голову загадочного «друга» был надвинут большой капюшон. Незнакомец приветливо помахал рукой, и, окончательно осмелев, сталкер открыто двинулся к своему единственному во всей Зоне союзнику. Но союзнику ли?

— *Как ты можешь говорить со мной?*

— *Я — контролер!* — спокойно ответил незнакомец, медленно стягивая с головы капюшон.

Уродливая лысая непропорционально большая голова, четырехпалые руки... да, определенно перед ним находился контролер, одна из самых опасных и вероломных тварей Зоны. Но Ромеро вопреки здравому смыслу не испытывал к этому существу ни страха, ни отвращения. Ромеро чувствовал, что тот действительно пришел помочь.

— *Что мне нужно делать?*

— *Просто закрой глаза... Обо всем остальном не беспокойся... Это будет похоже на очень реалистичный сон... Ты сам интуитивно поймешь, что нужно делать...*

Сталкер подчинился, зажмурившись, затем он почувствовал прикосновение шершавых ледяных рук мутанта. Контролер нажал пальцами ему на виски. Короткое, немного болезненное мгновение, и окружающий лес исчез, сменившись полутемным пропахшим сыростью тоннелем...

Ромеро снова был в своем родном теле. Он так этому обрадовался, что не сразу обратил внимание на настойчиво обращающийся к нему знакомый голос.

— Найди его... — монотонно повторял льющийся откуда-то сверху шепот контролера. — У тебя двадцать минут, дольше держать тебя здесь я не смогу... слишком много уходит сил...

— Где я? — Ромеро огляделся, этот тоннель был определенно ему не знаком.

Под ногами с журчанием струилась мутная вода, покрытые плесенью стены, остов ржавой покореженной бочки, дырявая крышка в углу от большого грузовика или, скорее, трактора...

— Это сейчас не важно... найди врага...

Ромеро удивленно моргнул и в следующее мгновение почувствовал тяжесть верного РП-74 в руках.

— Нет, это не подходит... — монотонно проговорил контролер. — Нужно что-нибудь полегче...

Пулемет тут же исчез, вместо него в руках сталкера возник обычный АКМ.

— Это сон! — догадался Ромеро. — Все это обыкновенный сон...

— Не совсем... ты находишься в собственном подсознании... Ищи врага... Время идет...

— Но почему мое подсознание похоже на грязный вонючий тоннель?

Вопрос был вполне справедливым, но на этот раз контролер не ответил.

Пожав плечами, сталкер двинулся вдоль мутного ручейка, бегущего под ногами.

— Какой еще враг? Кого я должен искать?

Выскочившая из темной ниши тень бросилась наперерез.

Ромеро среагировал чисто автоматически, полоснув перед собой короткой очередью. Неведомое существо протяжно взвыло, выкатываясь сталкеру под ноги. Ромеро увернулся, с удивлением узнав в атаковавшей его твари сравнительно небольшого кровососа. Сообразив, что его внезапная атака с треском провалилась, мутант включил невидимость, но сталкер, заранее готовый к подобным фокусам, всадил в спину удирающей твари следующую очередь.

— Гони его вдоль коридора! — приказал вновь оживившийся контролер.

Ромеро погнался, подхлестывая истекающего кровью кровососа горячей свинцовой плетью.

Тоннель резко повернул вправо, неожиданно закончившись тупиком. В конце тупика располагалась тесная клетка с ржавыми, но очень толстыми прутьями.

Кровосос тоже увидел клетку и, почувствовав неладное, попытался снова атаковать.

— Назад, тварь! — Сталкер умело сменил пустой рожок на новый, возникший прямо из воздуха.

Мутант покачнулся под градом пуль и, отчаянно взревев, отступил в клетку.

— Запирай! — усталым голосом пробасил под сырыми сводами неожиданный союзник.

Ромеро пнул ногой со скрипом захлопнувшуюся дверь. В одной из металлических дужек болтался массивный навесной замок. Один короткий щелчок — и скулящий в клетке монстр был надежно заперт.

— Ну, вот и все... — с облегчением раздалось в тоннеле. — Молодец... теперь он тебе больше не станет мешать...

Сталкер прицелился в плененного кровососа, но выстрелить не успел, вновь очутившись в ночном промозглом лесу. Дождь лил как из ведра, и казалось, что то была не вода, а яростная осатаневшая шрапнель.

Контролера нигде не было видно. Лишь в призрачном свете, источаемом низким небом, блестела вода, постепенно заполняющая глубокие следы во влажной листве.

Глава пятнадцатая. Последняя месса

«Янтарь»

Старая трансформаторная на бывшем заводе «Янтарь» повидала на своем веку немало всякого разного. Когда-то она гордилась тем, что была энергетическим сердцем огромного предприятия. К ней стекались все его провода-артерии, по которым умные машины, расположенные в кирпичной будке, гнали ток, питая механизмы, лампы, печи и прочую утварь, ничего собой не представляющую без электричества. Ее уважали, холили и лелеяли. К ней был приставлен целый штат смотрителей-монтеров. Желтые таблички с черным человеческим костяком, перечеркнутым красной молнией, грозно устрашали посторонних надписями: «Осторожно, высокое напряжение!» и «Опасно для жизни!». А чтоб любопытным зевакам и вовсе неповадно было соваться на территорию, вся будка была огорожена забором из колючей проволоки. Режимно-стратегический объект как-никак.

Потом грянуло Лихо. И трансформаторная будка постепенно утратила свое привилегированное положение. Перестал поступать ток, и нечего стало распределять по проводам, которые вскорости тоже пришли в негодность. Люди раскурочили умные машины-трансформаторы, и будка стала просто большой и пустой кирпичной коробкой, окруженной колючей оградой. И только черные контуры черепов на желтых табличках напоминали о грозном и прекрасном прошлом трансформаторной.

И вот недавно будка вновь обрела свою значимость, став едва ли не самым важным сооружением на «Янтаре». А все благодаря усердию странных людей в длинных черных балахонах с глубоко надвинутыми на глаза капюшонами. Они заменили собой прежних монтеров-смотрителей, еще рачительнее, чем те, ухаживая за старой будкой, теперь гордо именуемой Храмом. Вечный покой, в который, как казалось, навсегда погрузилась трансформаторная, был нарушен часто повторяющимися ритуалами, смысл которых понимали лишь совершающие их.

Вот и сегодня, в ночь, когда на небе должна была взойти полная луна, Храм-трансформаторная наполнился людьми. Их здесь было десятка три или четыре. Все одетые в традиционные длиннополые балахоны черного цвета, накинута поверх защитных комбинезонов. На груди у большинства присутствующих поблескивали серебряные амулеты-пентакли с вписанными в перевернутые звезды козлиными головами. Такое же, только большего размера изображение Бафомета украшало грудь верховного Жреца, застывшего в величественной и гордой позе у алтаря.

Алтарь, традиционно размещавшийся у западной стены, был изготовлен из подошедшего по размерам старого трансформаторного шкафа, покрытого сверху расшитым каббалистическими символами пологом. На алтарной поверхности, в самом ее центре, возлежал продолговатый конский череп, с четырех сторон обставленный горящими черными свечами, помещенными в шахтерские фонари «летучая мышь». Тут же, на алтаре, разместились большая чаша, изготовленная из старого спортивного кубка, найденного в прежней ленинской комнате, большой обоюдоострый нож с костяной рукоятью и поднос, на котором горкой были насыпаны деньги для ритуального подношения-сожжения.

Рядом с алтарем был вкопан рельс, заменяющий традиционный колокол. И здесь же стояли четыре пустые металлические бочки из-под краски, исполняющие роль ритуальных барабанов. За ними расположились четверо ражих молодцов, сжимающих в руках увесистые дубинки — «барабанные палочки».

— Шемхамфораш! — вздев руки к провалившемуся потолку, сквозь который была видна полная луна, торжественно провозгласил Жрец, объявляя начало черной мессы.

— Шемхамфораш! — в тон ему ответствовала паства. — Шемхамфораш!

Священнодействующий подал знак, и один из барабанщиков ударил в рельс, отозвавшийся протяжным стонущим звучанием. Одновременно с этим на полу запылало изображение пятиконечной перевернутой звезды, вписанной в окружность. В каменной кладке были выдолблены специальные желобки, в которые загодя налили солярку и теперь подожгли. От вонючего дыма кое-кто из присутствовавших закашлялся, но их святотатственные звуки были тут же заглушены очередными ударами в рельс.

Унылые звуки, извлекаемые из рельса ударами по нему чем-то металлическим, разлетелись над зловещими в неровном лунном свете остовами строений «Янтаря».

— Бля, опоздали! — выматерился Ряха, влетая в полураспахнутые металлические ворота. — Уже поминальный колокол звонит!

— Даст Бог, нет, — с надеждой парировал отец Иоанн. — Возможно, месса только началась, и у нас еще есть время спасти жертву... или жертв.

— Тогда чего ж мы медлим? — зарычал Степан от бессильной злобы. — Вперед!

— А куда? — уточнил предводитель «затоновцев». — Вон здесь сколько зданий.

— Надо разделиться, — предложил батюшка. — Рассыплемся на мелкие группы и станем методично прочесывать все вокруг.

— Правильно, — согласился бандит. — Только надо постоянно держать связь. Чтоб действовать слаженно и четко.

— Согласен. ПДА у всех нормально работают?

«Коммандос» дружно проверили умные приборчики. Все функционировали исправно. Тут как раз ожил коммуникатор Опрокидина.

— Что там? — напрягся Чадов. — Неужели кто-то погиб?

— Нет, — покачал головой священник. — Как раз наоборот. Наши добрались. Заходят со стороны Дикой территории.

— Отстучите им, чтобы шли на соединение с нами, проверяя все на своем пути.

Снова послышался звон колокола-рельса.

— Мать-перемать! — ругнулся пастырь. — Не мешкаем, друзья! И осторожно. Кто знает, сколько здесь этих слуг сатаны притаилось.

— Мочим всех без разбора, — категорично припечатал Ряха. — Бог на небе разберется, кто прав, кто виноват...

Тени «затоновцев» растворились в темноте. «Крестonosцы» остались вдвоем...

— Во имя Смерти, Владычицы земли, — начал заклинание призыва Жрец, — Царицы мира сего, мы призываем силы Тьмы поделиться с нами своей мощью! Откройте шире адские врата и дайте выйти Вестнику Смерти, Бледному Всаднику, дабы мы могли достойно встретить Его и приветствовать! Дайте милости, о которой молим вас! Имена ваши мы взяли как часть себя! Мы хотим жить, подобно зверям, лишенным греха! Мы жаждем справедливости и проклинаем гниль! Мы прославляем Зону, посланную человекам в наказание за все их прегрешения! Именем Смерти закликаем все, о чем молим мы, произойти! Прискачи же, Конь Блед, и воплоти наши желания!

Произнеся это, ведущий мессу взял со стола кубок и испил из него. Потом настал черед ножа.

Поворачиваясь против часовой стрелки и указывая острием на главные стороны света, Жрец окликал по именам соответствующих Принцев Ада: Сатану — с юга, Люцифера — с востока, Белиала — с севера и Левиафана — с запада. Под конец, вздев клинок к таинственно мерцающему в небе лунному диску, он возгласил имя Царицы Смерти и ее Вестника.

Словно повинуясь его призыву, на алтарной стене возникло световое пятно. Сначала размытое, а потом сложившееся в грозную фигуру бледного всадника на бледном коне. По рядам молящихся прошел вздох-всхлип восхищения и ужаса. И в ответ на него призывно зазвучали бочки-тамтамы, будоражимые палочками-дубинами. В грохоте барабанов слышались конский топот и гневный дикий храп. Удивительно, что столь грубые «музыкальные инструменты» способны были издавать такие звуки.

Помощник Жреца стал обносить паству подносом с деньгами, предлагая каждому из верующих взять одну или две купюры и написать на них пожелания-проклятия, которые затем будут через огонь переданы владычице Смерти и ее Вестнику. Люди в черных балахонах охотно брали бумажки, с любопытством рассматривая красивые узоры, окаймляющие портрет известного украинского писателя и политического деятеля начала XX века Владимира Винниченко, словно в первый раз видели это чудо бонистики. Странно, но

чем дольше глаза адерживались на тысячной купюре, тем агрессивнее становились люди. Их естество наполнялось невесть откуда взявшейся темной злобой, желанием немедленно унижить, растоптать, уничтожить неведомого врага. Быстро нацарапав карандашом проклятие прямо по высокому лбу Винниченко, «грешники» стали бросать бумажки обратно на поднос.

Между тем священнодействующий читал заклинание уничтожения:

— Смотрите! Могучий глас нашего отмщения разрушает безмятежность воздуха и стоит подобный монолитам гнева среди поля корчащихся тварей-мутантов. Мы стали подобными чудовищной машине уничтожения гноящихся кусков тел тех, кто намеревается нас остановить...

Откуда-то из-за кирпичных стен трансформаторной будки донеслись жуткие звуки, похожие на стенания терзаемой адской болью плоти.

— Мы не сожалеем о том, что призывы наши оседлали ураганные силы, умножающие жжение яда Зоны. Огромные черные скользкие призраки восстанут из недр ее и изрыгнут гной свой в жалкий мозг презренных крохоборов, копающихся во чреве Зоны. Мы пришли сюда, чтобы научиться жить после того, как Зона поглотит весь мир. Она стала нашим домом, она воспитала нас. Мы не пытаемся ее приручить или уничтожить, как это делают наши враги. Мы пытаемся в ней выжить!

— Выжить! — поддержала своего поводыря паства. — Выжить!

Помощник Жреца поджег деньги, лежащие на подносе. Огонь жадно поглотил бумагу с написанными на ней проклятиями, мгновенно обратив ее в пепел. Видно, подношение пришлось по вкусу тем силам, которым оно предназначалось.

— Я призываю Вестника Смерти милостиво принять избранные нами жертвы. Безмолвна та безгласная птица, что питается мякотью мозга тех, кто мучит мать Зону; и крики их боли послужат сигналом предупреждения тем, кто посмеет прийти им вослед.

О владычица Смерть, дающая всем успокоение, выезжающая на жарких ветрах Ада, живущая во храме Дьявола, появись же! Предстань пред теми, чей низкий разум движет устами, невнятно насмехающимися над справедливыми и сильными! Вырви эти гогочущие языки и запихни им обратно в глотку! Пронзи их легкие жалами скорпионов! Ввергни суть их в гнетущую пустоту небытия!

Да здравствует Смерть и Вестник ее!

Стылый открыл электронную почту своего ПДА, бегло просматривая последние новости. Касательно «Янтаря» там ничего не было, стало быть, вчерашняя карта местных аномалий осталась без изменений. Невдалеке темнел массивный корпус заводского цеха, дерзко устремившего в серое небо толстые фаллические трубы. Когда-то это была одна из самых опасных территорий Зоны. На берегу давно высохшего озера располагался загадочный заводской комплекс, по слухам, построенный лишь для отвода глаз. На самом деле под липовым заводом якобы прятались некие тайные лаборатории, занимавшиеся, как водится в Зоне, всякими жутко засекреченными делами. Одно время над этой локацией царило странное пульсирующее излучение непонятной природы. Защиты от этой пакости не существовало. Даже самые совершенные бронекостюмы не могли уберечь человека от неминуемой гибели. В большинстве своем сталкеры, попадавшие под удар этого излучения, становились зомби, которыми до сих пор кишели окрестности «Янтаря». Где-то здесь располагался лагерь ученых, пытавшихся изучать этот странный феномен, но он скорее всего давно сгинул в прошлом.

Сейчас же на «Янтаре» было относительно спокойно. Загадочное излучение давно иссякло и многие простодушно полагали, что, возможно, на самом деле никакого гиблого места на «Янтаре» и не было вовсе, считая рассказы бывалых сталкеров очередной причудливой легендой Зоны.

— Ну, что там? — поинтересовался Шиз, заглядывая колдующему над ПДА Стылому через плечо.

— Не мешай...

Закусив кончик языка, сталкер старательно набирал новое сообщение.

«Благополучно добрались до «Янтаря»! — указательным пальцем набивал Стылый. — Заходим со стороны Дикой территории. Нас трое. По пути потеряли Ромеро».

— Чего ты там строчишь? — Шиз по-дружески пихнул напарника кулаком в бок.

— Сообщаю отцу Иоанну, что мы уже рядом!

— А они там как? Добрались без приключений?

— Сейчас станет ясно...

Ответ пришел незамедлительно. Священник писал, чтобы сталкеры двигались к ним навстречу, тщательно проверяя территорию завода на своем пути.

— Пишет, что он с журналистом не один... — усмехнулся Стылый. — Обзавелись по дороге подмогой...

— Какой еще подмогой? — удивленно спросил Болид.

— А хер его знает... — пожал плечами Стылый, выходя из электронной почты. — Он по этому поводу ничего не уточнил...

— Странно... — Болид задумчиво поскреб трехдневную щетину. — Как бы мы случайно не вальнули кого не надо...

— Зашибись! — захихикал Шиз. — Тут тебе не позиционная война двух противоборствующих армий. Стреляем во все, что движется, и точка. Ты не выстрелил — выстрелили в тебя, это главный закон Зоны.

— Разговорчики! — Стылый угрюмо покосился на товарищей. — Рты позакрывали, тут зомбяр выше крыши... Двигаемся к зданию заводского цеха... Болид ведущий, я замыкающий. Шиз, работаешь с ПДА! Дистанция четыре шага...

— Заметано! — кивнул Болид, снимая из-за плеча верный «Винтарь».

Короткими перебежками тройка «крестоносцев» миновала границу заводской территории, обозначенную на восточном направлении перекошенным металлическим забором, поросшим во многих местах длинными космами ржавых волос.

«Грешники» вопреки всякому здравому смыслу совершенно не пеклись о своей безопасности, даже не подумав выставить в этом месте тыловое охранение. Вот уж и впрямь непонятно, о чем думали эти наивные чудилы, учитывая огромное количество бродящих в окрестностях зомбированных сталкеров.

Стылый подал предупреждающий знак, останавливая продвижение маленькой группы. Им предстояло выйти на открытое пространство, чтобы преодолеть несколько десятков, метров отделявших их от корпуса цеха.

— Так ты все-таки решил идти через здание завода... — прошептал подобранный сзади Шиз. — Может, ну его к такой-то матери... Давай-ка попробуем обойти цех со стороны железнодорожной ветки.

— А если территорию контролируют снайперы? — вполне резонно возразил Стылый. — Ты, Шиз, головой, а не голой жопой думай! «Грешники» — они, конечно, психи и все такое, но не настолько, чтобы не охранять свои законные владения... Сражаться эти ребята умеют так, что мама не горюй...

— Ладно, убедил, молчу, — сразу же пошел на попятную Шиз, признавая правоту аргументов ведущего.

Заводской корпус встретил сталкеров глухой зловещей тишиной. Проникнуть внутрь не составило особого труда, потому что массивные раздвижные двери были гостеприимно раскрыты еще в незапамятные времена, намертво врезавшись ржавыми створками в землю. Внутри царил полумрак, пахло какой-то щекочущей ноздри химией, то тут, то там виднелись нагромождения массивных раскуроченных механизмов. Судя по всему, здесь когда-то произошел мощный взрыв, разметающий все оборудование по сторонам. Несущие стены и крыша устояли, а вот все стекла были напрочь выбиты.

Сталкеры успели продвинуться всего ничего, как вдруг по ним с разных сторон ударили выстрелы. Били из пистолетов и помповых винтовок. Одеты в бронекастомы людей попадание свинцовой картечи или пистолетных пуль скорее раздражало, чем действительно наносило им серьезный урон. Но уповать на внешнюю защиту в подобном

положении все же не стоило, ибо опасная ситуация могла кардинально перемениться в любой момент. Рассредоточившиеся между ржавыми завалами «грешники» были способны вести себя неадекватно. Совершенно непредсказуемый и вдвойне опасный враг.

— Придурки х...вы... — хрипло проорал Болид, бросая в глубь заводского цеха гранату. — Вот тебе и кучка свихнутых на голову придурков... стрелять они и впрямь хорошо умеют...

Через четыре секунды граната разорвалась, обдав упавших на цементный пол сталкеров градом ржавых осколков.

— Сюда! — Стылый перекатился за огромную деревянную катушку, на которую был намотан толстый черный кабель.

Его «Абакан» огрызнулся короткими хлесткими очередями. Припав на одно колено, Стылый прикрывал передвижение Шиза и Болида, пока те перемещались к очередному укрытию.

В левой части цехового ангара располагался ряд небольших помещений. Продолжая яростно отстреливаться, сталкеры благополучно добрались до маленькой комнаты, заваленной каким-то разбитым деревянным хламом.

— Фух! — Болид изнуренно облокотился о покрытую разводами белой плесени стену. — Ублюдки искусно прячутся. Я ни одного из них так и не увидел. Огневые позиции подобраны по всем правилам боя в закрытом пространстве...

— А ты что хотел? — пожал плечами Стылый, меняя обойму в нагревшемся автомате. — Мы на их территории. Им тут известна каждая ржавая бочка...

— Надеюсь, хотя бы нескольких мы положили... — неуверенно пробормотал Шиз, доставая из кармана разгрузки полный рожок к своему АКМу.

В темном проеме дверей промелькнули тени. Стылый отреагировал незамедлительно, с ходу открыв огонь. Очереди, выпущенные из его автомата, прошли двоих, еще троим «грешникам», так неудачно решившим поменять огневые позиции, удалось скрыться в сумерках промышленного объекта.

— А... суки... — рассмеялся Шиз. — Не все коту масленица, бывает и постный день...

— Болид, подстрахуй! — Стылый осторожно высунулся из захламленной коморки, полосуя из автомата по темным нагромождениям каких-то ящиков.

Ему показалось, что уцелевшие после его атаки «грешники» спрятались именно там.

— Болид, гранату!

Болид выдернул чеку и навесом на глаз метнул тяжелый металлический цилиндр за ящики. Громыкнуло, озарив на секунду оранжевым светом окружающее пространство. По истошным воплям Стылый понял, что граната зацепила как минимум пару противников. Не желая оставлять ублюдкам лишних шансов на спасение, сталкер переключил свой автомат на режим подствольного гранатомета, посылая в сторону развороченных взрывом ящиков очередной разрывной гостинец. На этот раз бахнуло скромнее. Стоны и вопли раненых «грешников» мгновенно оборвались.

— Финита ля комедия! — зловеще усмехнулся Болид. — Пятерых как пить дать завалили...

— Проблема в том, что их там человек двадцать как минимум... — грустно проговорил Шиз, сидевший у стены с абсолютно потерянным видом.

— И как же ты это, братец, определил? — прищурившись, спросил Болид.

— По интенсивности прицельного огня!

— Путь назад наверняка отрезан! — Стылый пытался хоть как-то оценить обстановку, царящую за пределами их ненадежного укрытия. — Вернуться обратно по своим следам мы не сможем... Впрочем, попытка обойти завод с любой из сторон наверняка закончилась бы для нас еще хуже...

— Что же делать? — Напускное веселье окончательно оставило Шиза, теперь он напоминал загнанного в угол перепуганного отмычку.

В ответ Стылый хладнокровно передернул затвор автомата.

— Что делать, спрашиваешь? Прорываться, ясное дело!

Неожиданно из-под потолка цеха ударил ручной пулемет. Пули с резкими щелчками вонзались в деревянную раму дверного проема, уходя в визгливый рикошет от цементного пола и тут же вгрызаясь в хрупкую штукатурку старых стен.

— Вашу мать... — закричал Шиз, падая на пол и закрывая голову руками.

— Откуда бьют? — деловито поинтересовался Болид, перекатываясь в мертвую зону.

— Там на самом верху металлические мостки... — ответил Стылый, за ноги оттаскивая матерящегося на чем свет Шиза в безопасную часть комнаты.

Клубы штукатурки весело витали вокруг, ухудшая и без того плохую видимость.

— Болид! — Стылый повернулся к напарнику, меняющему дыхательный фильтр в респираторе. — Вся надежда на тебя и твой «Винтарь»!

— Понял! — кивнул снайпер. — Что нужно делать?

— Сейчас я швырну в проем светошумовую гранату... у тебя будет секунд тридцать на то, чтобы вычислить стрелка наверху и проделать в его башке пару лишних отверстий...

— Годится! — Болид поудобнее перехватил винтовку. — На счет «три»... раз... два... три...

Шарахнуло знатно. Боевые шлемы сталкеров автоматически включили затемнение. У «грешников», судя по всему, подобных полезных примочек в обмундировании не было. Сухо щелкнул несколько раз «Винтарь», и вниз из-под купола цеха полетели две темные человеческие фигуры.

— Готово, снял! — радостно сообщил Болид.

— Пока они не очухались, — закричал Стылый, — вперед, меняем позицию!

Сталкеры выскочили из изрешеченного пулями укрытия, прорываясь в следующее помещение, оказавшееся длинным коридором с разбитыми, забранными решетками окнами. Коридор шел вдоль левой стороны цеха, но ближе к его середине обрывался слепым прямоугольником очередного дверного проема.

Шиз было ломанулся к этому сомнительно выглядевшему выходу, но тут же отпрянул назад, автоматная очередь со звоном вспорола рифленую жёсть торчащей из стены вентиляционной трубы.

«Грешники», не скрываясь, о чем-то переговаривались, но разобрать отдельные слова, гуляющие гулким эхом по огромному заводу, не представлялось возможным.

— Загоняют по всем правилам королевской охоты... — пробормотал Шиз, приподнимая прозрачное бронированное забрало своего шлема, на котором остались глубокие царапины от вражеских пуль.

— Мы примерно посередине цеха... — задумчиво рассуждал Стылый. — До противоположного его конца, где имеется выход, не так уж и далеко... Если верно рассчитать силы и время...

— Это самоубийство! — Шиз вымученно улыбнулся.

— Возможно, что и так! — кивнул Стылый. — Но попробовать все-таки стоит... Болид, ты как? Со мной?

— А то!

— Шиз? Шизяра, я, кажется, к тебе сейчас обращаюсь?

— А? Что?

— Не придуривайся, ты все прекрасно слышал... Ты с нами?

— А есть другие варианты?

— Нет!

— Тогда зачем ты, сукин кот, меня вообще спрашиваешь?

— Решено! — и Стылый первым метнулся в изгрызенный пулями дверной проем.

По знаку Жреца двери храма распахнулись. Двое дюжих молодцов внесли и возложили на алтарь какой-то сверток. Когда неровный свет черных свечей в фонарях озарил принесенное, то стало видно, что это человеческое тело, облаченное в стандартный сталкерский комбинезон «Заря». Жертва слабо шевелилась, то ли оглушенная, то ли опоенная специальным составом, парализующим волю.

Вслед за первой группой «жертвоносцев» появилась еще одна.

На этот раз уже шестеро чернобалахонников втащили в преобразованную в храм трансформаторную будку гигантскую, изо всех сил сопротивляющуюся фигуру, связанную по рукам и ногам стальными цепями. Росту в великане было никак не меньше двух метров. Голова его казалась покрытой рыцарским шлемом — настолько массивным был чешуйчато-костный покров черепа. Нижние конечности уродца выглядели практически атрофированными, так что он еле-еле на них держался. Зато две пары верхних конечностей смотрелись грозно. К вящему удовлетворению присутствующих эти лапы были надежно спеленаты. Потому как получи жуткий монстр, именуемый псевдогигантом, возможность хоть на мгновение ослабить путы и воспользоваться своими «руками», он смог бы создать в помещении сейсмическо-гравитационные волны разрушительной силы. И не миновать тогда Храму «грешников» участи филистимлянского храма, разрушенного могучим библейским героем Самсоном.

Появление одного из самых мощных и опасных мутантов Зоны, столкновение с которым для путника-одиночки почти всегда означало верную гибель, было встречено громкими криками восторга. Появилась возможность удовлетворить агрессию, через край льющуюся из глубин естества присутствующих на черной мессе.

— Шемхамфораш!

Это не раз звучавшее во время службы слово стало командой к началу кровавой вакханалии, высокопарно и торжественно называемой жертвоприношением.

Паства с энтузиазмом принялась вооружаться острыми тяжелыми камнями, заботливо приготовленными загодя и сложенными в кучки у восточной стены. Барабаны умолкли, дабы Царица Смерть и ее Вестник могли без помех наслаждаться криками боли, исторгаемыми глотками мучимых.

Жрец прочел заключительную молитву, доказывающую верность участников ритуала силам Тьмы:

— От могучего трона донеслись раскаты грома, и пять грозовых туч полетели на Восток. Вестник воскликнул: «Выходите из дома Смерти!» И собрались они вместе и обрели меру; они — те бессмертные, что оседлали вихри, несущие гибель всему живому. Выйдите же! Потому что мы приготовили для вас место и угощение. Покажитесь! Сбросьте пелену с тайн своего сотворения! Будьте к нам благосклонны, ибо мы — истинные почитатели Смерти!

Жалобно зазвучал рельс. И не дожидаясь, пока утихнет первый из девяти ритуальных ударов, завершающих черную мессу, в псевдогиганта полетел рой каменных снарядов.

Многие прихожане ошибочно попытались поразить монстра в голову, считая свои броски наиболее меткими и удачными. Однако эти удары не достигли желаемого результата, буквально отскакивая от башки мутанта и не причиняя ему никакого вреда. Он рычал, но не от боли, а от бессильной злобы. Понятно, то была не та реакция и не те вопли, на которые рассчитан ритуал. Нужны были стоны, крики невыносимой боли, кровавым туманом застилающей мозг.

Поняв это, камнеметы немного скорректировали огонь. Снаряды стали ударять в грудь, конечности и, главное, в самое слабое место псевдогиганта — спину, поражая хребет со спинным мозгом — основным центром нервной деятельности мутанта. Помощник первосвященника несколько раз пырнул монстра заточенным ржавым прутком, метя под ребра и явно пародируя удары копьем, нанесенные Христу во время распятия. Бурая жидкость полилась из ран.

Тварь наконец стала издавать звуки, требовавшиеся от нее. От этих стонов кровь стыла в жилах. Они разлетались окрест, и даже толстые кирпичные стены трансформаторной будки не поглощали их. Испуганно притихли самые болтливые твари Зоны — воронье. И лишь стайка слепых псов, терзающая на окраине болота протухшую плоть несчастливой «грешника», утонувшего в трясине две недели назад и недавно всплывшего, отозвалась на вопли псевдогиганта недружным тоскливым воем.

Жрец же тем временем занялся второй жертвой.

Мутант и сталкер должны были символизировать двух основных врагов сектантов. Две силы, подрывающие Зону снаружи и изнутри. Потому их необходимо истреблять. Без пощады, без сожаления! Всех! Пока Зона не очистится Смертью!

Обоюдоострый нож не без труда взрезал прочную ткань защитного комбинезона, обнажая бледную человеческую плоть. Последней на пол полетела маска-респиратор, скрывавшая лицо несчастного. Священнодействующий застыл, рассматривая жертву.

Это был молодой мужчина лет двадцати — двадцати двух. Наверное, из новичков, только-только пришедших в Зону, поскольку еще не успел обзавестись характерными для бывалых сталкеров шрамами. На бледном лице застыло мечтательное выражение. Распухшие губы шевелились в полусне, навевшем поилом, насильно влитым в жертву перед церемонией.

Ритуальный нож коснулся ямки на шее между четко обозначенных ключиц, прочертил тонкую алую полосу-царапину на левой стороне мускулистой безволосой груди, ища место, под которым трепетало сердце. На миг застыл, как бы сомневаясь в том, что собрался сделать.

В принципе человек уже и так был обречен. Ни один сталкер, лишившись защитного костюма, не выжил бы в этом проклятом месте, где бушевали волны радиации и пси-излучения. Поэтому и раздумывать нечего. Самым милосердным актом по отношению к безвольной жертве будет завершить начатое.

Клинок медленно, с характерным хрустом рассекаемой плоти, погрузился в живое тело.

С поблекших губ умирающего сорвался болезненный стон, заглушённый очередным ударом в рельс...

Их жизни спасли последние две светошумовые гранаты, отыскавшиеся в недрах бездонной разгрузки Стылого. Это было просто невероятно, но сталкерам без потерь удалось за минуту добежать до спасительных ворот и, выскочив наружу, спрятаться за темно-коричневым контейнером, украшенным загадочной номерной маркировкой.

Очухавшиеся после очередного сеанса слепоты «грешники» запоздало открыли огонь им в спины.

Прямо за зданием цеха начинался ряд приземистых трехэтажных построек, чуть левее виднелись железнодорожные пути, на которых скучал унылый грузовой вагон.

— Где же этот их растреклятый Храм? — злобно прошипел Шиз, к которому постепенно возвращалось слегка подрастерянное за время боя самообладание.

— Двое на крыше справа! — вместо ответа прокричал Стылый, вскидывая автомат.

«Грешники» бежали по крыше ближайшей пристройки, один из них нес в руках длинную трубу РПГ.

Выпущенные им вслед пули ушли в «молоко».

— Твою мать... — Шиз смачно сплюнул на растрескавшийся асфальт. — Ушли, падлы...

— Сейчас из-за угла как засадят ракетой... — предупредил Болид, изучая окрестности сквозь оптический прицел снайперки.

— Не каркай! — огрызнулся Шиз. — Нужно двигаться, они наверняка запомнили наше местоположение...

— Добро! — согласился Стылый, бросаясь к трехэтажной административной постройке.

Из окон постройки тут же слаженно ударили автоматы, отлично простреливая все мыслимые подходы к зданию.

— Гранаты в окна! — хрипло распорядился Стылый, одновременно с Шизом переключаясь на подствольники. — Второй и третий этаж!

Пригибаясь, Болид метнулся вдоль фасада, бросая последнюю «лимонку» вовнутрь помещений первого этажа, так, ради профилактики. Профилактика оказалась не лишней. Из широких проемов вместе с каменной крошкой вылетели чьи-то окровавленные ошметки.

Здание содрогнулось. На головы сталкерам обрушились куски деревянных рам, рыжего кирпича и рассыпающейся в пыль серой штукатурки.

— Все внутрь, живо... да шевелите же задницами, мать-перемать...

Внутри располагалась лестница, которую заволокло кислым удушливым дымом. Болид, матерясь, поскользнулся на чих-то вывороченных прямо на кафельный пол внутренностей. На первом этаже зарождался нешуточный пожар, горели воспламененные гранатными взрывами куски деревянной казенной мебели. Черный дым мешал ориентироваться. Прошив вслепую несколькими очередями задымленное пространство, Стылый первым кинулся вверх по лестнице.

На втором этаже задымленность была поменьше. Под ногами хрустели выбитые взрывами стекла. У дверей, ведущих в выкрашенный гниlostной темно-зеленой краской коридор, отдыхал изрезанный осколками труп «грешника» с черной повязкой на наголо выбритой голове.

— Скинхед херов... — Шиз с ненавистью ткнул слегка дымящийся труп ногой. — Любитель немецких обдолбанных гомиков из «Рамштайна»...

Стылый осторожно проскользнул в коридор и, присев на одно колено, коротким жестом указал напарникам на несколько сорванных с петель дверей. Болид и Шиз метнулись вперед, держась правой стены, чтобы, если что, не блокировать Стылому линию огня. Все помещения расположенные по левую сторону, выходили окнами прямо на здание цеха.

Стылый замер рядом с единственной закрытой дверью в коридоре. Шиз уже заранее сжимал в руке гранату с выдернутым кольцом.

— На счет «три»... — едва слышно прошептал Стылый. — Раз... два... три...

От мощного пинка дверь едва не слетела с петель, внутрь полетела, вращаясь, граната. Сталкеры поспешно вжались в стену по разные стороны от проема. Раздался взрыв, с оглушительным грохотом на пол упало что-то очень громоздкое. Шиз заглянул в помещение, любуясь оторванной по локоть человеческой рукой.

— Порядок! Тут чисто!

В коридоре внезапно появились «грешники», спустившиеся с третьего этажа. Как видно, обстрел из подствольников успокоил далеко не всех. Внешний вид представителей клана «Грех» пугал. Боевики были с ног до головы забрызганы кровью погибших товарищей, измазанные сажей лица перекосила нечеловеческая, звериная злоба. Заметив противников, те, что бежали впереди, мгновенно вскинули оружие, но в тесноте наполненного дымом коридора лишь помешали друг другу, паля над головами упавших на пол сталкеров. Стылый перекатился на спину, из неудобного положения всаживая в «грешников» длинную очередь. Один из боевиков, оседая на пол, рефлекторно нажал на спусковой крючок автомата. Пули прошли коридор насквозь, вонзаясь в правое плечо едва успевшего уйти с линии огня Стылого. Скрикошетив от кевларового наплечника, горячий свинец ушел в противоположную стену.

Если бы не подоспевшие вовремя напарники, Стылому было бы совсем туго. Истерично загрохотал АКМ Шиза, звонко зарявкали пистолет «Фора» Болида.

«Грешники» бездумно перли напролом, обуреваемые жадой мести, и это в конечном счете их погубило. Через десять секунд все было кончено. Стылый, истощно перхая, согнулся в три погибели, срывая с лица респиратор. Еще пара вражеских гостинцев все-таки успела в него попасть. Бронекостюм стойчески принял удар на себя, останавливая свинец, но выпущенные почти в упор автоматные пули обладали чудовищной убойной силой. Корчившийся на полу Стылый чувствовал себя сопливым мальчишкой, избитым в вонючей подворотне опытными борцами.

Болид неспешно подошел к постанывающему сталкеру, не сводя взгляда с противоположного конца коридора:

— Бродяга, ты там как?

— Сносно... — сквозь зубы процедил Стылый.

— Сильно тебя приколбасило?

— Не то слово...

— Но броня выдержала?

— Чудом... ох, мать моя женщина... сейчас, погоди... я уже почти могу нормально дышать...

— Восемь сраных выродков! — Шиз внимательно изучал трупы уничтоженных «грешников». — Болидище, да ты просто Рембо х...ев... Трех из «Форы» уложил... причем в башку... при видимости сорок процентов... силен, ничего не скажешь...

С помощью подставившего руку Болида Стылый тяжело поднялся на ноги.

— Нужно выбраться на крышу и уже оттуда оценить обстановку...

— Пошли! — кивнул Шиз. — Сдается мне, самое интересное еще только начинается...

— Как вы думаете, отче, мы успеем? — с надеждой взмолился Плясун.

— Будем уповать на Господа, чадо! — отвечал Опрокидин с твердой убежденностью в голосе. — Все в деснице Его! Но нам тоже не следует тянуть канитель...

Они заметили неподалеку круглый зев туннеля, образованного гигантского сечения трубами, сваренными друг с другом, и бросились туда. Куда он ведет, кто его знает, но проверить не мешало. Вдруг, да и выведет к нужному месту.

Удары кованых сапог о ржавый металл гулко отдавались в ушах. Мелькали над головами тускло светившиеся лампочки, горевшие по той же неведомой причине, что и в подземельях «Агропрома».

— А ведь вы не возразили ему, батюшка, — как бы между прочим вернул журналист на ходу.

— Кому? — не понял отец Иоанн.

— Да Ряхе же. Когда он сказал, что нужно мочить всех «грешников».

— Совершающий преступление в отношении ребенка — демон, — глухо, но категорично ответил батюшка после долгой паузы. — А уничтожение демона — дорога в рай...

Чадов ничего не сказал, только как-то странно покосился на соратника. Что-то изменилось в святом отце за время их недолгих странствий. Какая-то твердость появилась, отчасти потеснив идею полного всепрощенчества и всеобщей любви. Ой, да что там говорить, если Степан чувствовал, что и сам внутренне преобразился. Ему казалось, что он наконец постиг нечто, доселе ему неведомое, что его естества коснулись некие персты, начавшие лепить из черствой и циничной душонки что-то светлое, такое, чему найти верную и точную формулировку журналист пока не мог.

— Остановитесь! — донесся вдруг из полумрака громкий зловещий голос.

Десяток крепких мужчин, облаченных в черные балахоны поверх защитных костюмов, заступили «крестonosцам» дорогу. Оружия отчего-то не было видно. Наверное, брать его с собой в храм не положено. Как и у всех остальных нормальных верующих.

— Остановитесь, во имя Владычицы Смерти и ее Вестника!

— «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи», — процитировал евангелие от своего тезки Опрокидин.

— Что ты там бормочешь, падаль? — с угрозой спросил один из сектантов, самый здоровый на вид.

Легкая неуверенность прокатилась по затылку Степана, громко застучало в груди сердце. Дыхание участилось, и парень с трудом удержал себя, чтобы не сделать пару упражнений успокаивающей гимнастики. Проклятые инстинкты!

Несколькими движениями размял плечи. Взмахнул руками и глубоко вдохнул. Придется драться врукопашную. Любой выстрел здесь чреват непредсказуемыми последствиями. Рикошет не выбирает, кого поражать. Поэтому, переглянувшись с батюшкой, они закинули автоматы подальше за спину и встали в боевые позиции.

«Грешники» приближались единым строем. Совсем как в пошлом анекдоте: «...и дружным строем отправились на...»

От глупого воспоминания стало очень весело. Журналист заулыбался в полный рот и произнес двусмысленную фразу вслух, чтобы подбодрить и Опрокидина. Батюшка понял шутку и одобрительно хохотнул.

Сектанты непонимающе переглянулись. Мало того что нашлись дураки, голыми руками собравшиеся уложить десятерых. Так еще ухмыляются. Тут явно пси-излучение замешано.

— Ну что, начинаем? — осведомился Степан.

— В руки твои, Господи, предаю дух мой! — громко прошептал святой отец и перекрестился.

— Нарываетесь? — тяжелым басом спросил «грешник»-здоровяк. — Шли бы вы отсюда, радиоактивное мясо, пока живы-здоровы...

Чадов подступил на шаг и остановился.

И в тот же момент крепыш накинудся на журналиста.

Еще до начала боя Степан правильно оценил соперника. Слишком большой и сильный, чтобы двигаться быстро. Такая махина не станет уклоняться от ударов, а попытается подмять соперника под себя. Задавит весом.

Как и ожидал Плясун, «грешник» без ложных выпадов просто шагнул вперед и раскинул руки. В глазах так и читалось: дай только обнять тебя маленько — мигом ребра затрещат.

Вместо того чтобы уклониться, журналист и сам стремительно шагнул вперед. Никаких отступлений. Раскрытая ладонь ударила здоровяка в солнечное сплетение. Пальцы левой руки будто невзначай скользнули по бедру противника.

Остальные «грешники» издали дружный вздох.

Все случилось невероятно быстро. Никто даже не заметил движения Степана. Но результат увидел каждый.

Гигант удивленно распахнул глаза, мгновенно краснея от нехватки воздуха (удар под грудь всегда отличался особым цинизмом). Правая нога сектанта подкосилась, и сам он рухнул на землю. «Грешники» недовольно зашумели. Их ропот потонул в обиженном рыке поверженного бойца. Здоровяк поднялся с земли и стал яростно массировать пострадавшую ногу.

Надо отдать ему должное — не стал сквернословить или сыпать угрозами. Размахнулся и ударил Чадова в ухо. Вернее, попытался ударить.

Рука верзилы скользнула по согнутому локтю Степана. Журналист продолжил ее движение, слегка пригибаясь и разворачиваясь вокруг своей оси. Свободная рука парня описала длинную дугу и врезалась «грешнику» в затылок.

Громила запрокинул голову и издал что-то вроде: «ка-а-а».

В следующее мгновение он уже валялся на земле. Хлесткий удар в основание черепа — страшная штука.

Сектанты, не сговариваясь, бросились в атаку. Все сразу.

Отец Иоанн скользнул в сторону, уходя из-под направленного удара сразу троих. Основная масса нападавших пролетела мимо, принятая Степаном. Целью же пастыря стали те трое, что двигались медленнее.

Кулак одного из противников почти коснулся батюшкиной щеки. Опрокидин приблизился к сектанту почти вплотную и поднял согнутую руку, заключая локоть бойца в замок. Тычок головой в переносицу. Ногой — в лодыжку, и завершающий удар плечом в скулу. Противник покатился под ноги бегущих товарищей.

Второй «грешник» отлично работал ногами, но ему изрядно мешал худощавый собрат. Отец Иоанн блокировал выпад коленом и слегка развернул Второго налево. Тот с удивлением увидел перед собой кулак приятеля.

— Ах ты... — успел закричать Второй.

И тут же обмяк — Опрокидин двумя указательными пальцами ударил его в шею. Точки на гортани и яремной вене — замечательные мишени. Даже если они скрыты под защитным костюмом. Но долго ли, умеючи, достать их?

Пока Третий еще отдергивал сразившую единоверца длань, батюшка поднырнул под нее и провел подсечку. «Грешник» не упал, но отклонился в сторону, размахивая руками для балансировки. Пастырь распрямился и треснул бойца под кадык. Тот захлебнулся и схватился за горло. Удар кулаком в висок навсегда оборвал его мучения.

Пятый сектант, получив меткий удар кулаком в лоб от Степана, кулем свалился на Четвертого, и оба они схлопотали тяжелым носком сапога в ухо. Головы «грешников» дернулись, а по телам прошла волна агонии.

Оставшиеся «грешники» благоразумно держали дистанцию. Они своими глазами видели, как непонятная парочка обычных в общем-то парней уделала их шестерых отнюдь не хлипких собратьев.

— Стена, — вдруг шепнул кто-то из них. — Посмотрим, как они теперь попляшут.

Сектанты тесно прижались друг к другу плечами. Двое на полшага вышли вперед, образуя условную дугу. Изогнутая фаланга. Весьма эффектно. Не надо разворачивать линию, бегая туда-сюда. Фланги прикрыты, центр наступает. Чекая шаг, маленькая, но грозная фаланга двинулась вперед.

«Крестоносцы» приготовились отразить атаку. Они понимали, что противники будут поддерживать друг друга, и пока передние станут блокировать выпады Чадова и Опрокидина, другие атакуют.

Степан сделал глубокий вдох, пока хватало сил. Взбурлила и до того разгоряченная кровь. Резкий выдох, чтобы ничего не осталось. Еще раз, и еще. В ушах зашумело, перед глазами поплыли яркие пятна. Реакция убыстрилась, движения журналиста стали резкими и очень быстрыми.

Он прыгнул вперед, нанося стремительный удар. Пятка с неприятным плотским гулом треснула левого крайнего в грудь.

Фаланга пошатнулась. Ближайший сектант подхватил скрючившегося единоверца за плечи. И тут же получил от отца Иоанна локтем в надбровную дугу.

После прыжка довольно тяжело рассчитать следующий удар.

Чадов добавил первому, еще не оправившемуся от потери дыхания, «грешнику». Хлесткий удар ладонью в шею. Резкий поворот, уход в тыл фаланги. Обеими руками парень схватил двоих противников за шеи и стукнул их головой об голову.

Отряд поредел ровно наполовину. Оставшимся чернобалахонникам не осталось ничего лучшего, как разъединиться и попытаться расправиться с «крестоносцами» поодиночке.

Чадов сделал несколько шагов вперед, минуя сектантов. Развернулся, хватая ближайшего за голову, и двинул его локтем в ключицу. Противник выгнулся, ощерившись гримасой боли. И свалился спиной назад, угостившись пяткой с разворота.

— Останется только один, — тяжело дыша, пошутил Степан, заканчивая расправу.

Последнему «грешнику» было не до смеха.

Он схватил отца Иоанна за плечи и ударил коленом. Но его нога вдруг наткнулась на выставленное бедро священника.

Батюшка подцепил сектанта за пятку и резко дернул ее наверх. Хрустнула лодыжка.

Чернобалахонник замер в странной позе: с согнутой ногой, почти прижатой к ягодице, и откинувшись назад. Опрокидин небрежно отклонил его плечом еще ниже. И завершил поединок эффектным хлопком раскрытой ладони по гортани противника.

Дорога дальше была свободной. Но кто знает, сколько еще противников скрывались на пути к цели...

На крышу троика сталкеров выбралась без особых приключений. Слетевшееся на звук стрельбы воронье уже всюду клевало чьи-то багровые потроха, мирно лежащие в самом дальнем конце у водосточной трубы.

Воспользовавшись биноклем, Стылый внимательно изучил открывающуюся взору панораму. Увиденное ему не понравилось. У цеха мелькали черные силуэты «грешников». Судя по всему, они здорово недооценили изначальное количество противника. Шиз как в воду глядел — кровавая схватка далеко еще не закончилась.

— Хочешь, сниму из «Винтаря» парочку? — предложил Болид, удобно располагаясь рядом.

— Нет... — покачал головой Стылый. — Только выдашь наше местоположение... Пусть думают, что мы уже покинули здание...

— А ведь это не мы его грохнули... — прокричал с дальнего края крыши Шиз, отгоняя от окровавленного труп надсадно орущих ворон.

Стылый резко обернулся, многозначительно покрутив пальцем у виска. Болид в свою очередь показал напарнику кулак, после чего поднес к губам указательный палец.

Шиз придурковато улынулся и, пригнувшись, подобрался поближе к так заинтересовавшему его трупу. Покойный определенно не принадлежал к членам бесноватой группировки «Грех». Судя по бронекостюму, бедняга некогда топтал Зону в рядах «Чистого неба». Хладнокровно разглядывая превратившуюся в кровавое месиво грудь мертвеца, Шиз потянулся к висящему на поясе трупа контейнеру для хабара.

— А ну-ка посмотрим, зачем ты в промзону на «Янтарь» забрался, дружище... и что успел нарыть, пока тебя «грешники» не грохнули...

Труп открыл глаза, уставившись бесцветными зрачками на слегка прибалдевшего Шиза. Рот покойного приоткрылся, и на бледный подбородок хлынула вязкая черная жижа. Шиз матюгнулся, отпрянув назад. Мертвец зашевелился, пытаясь приподняться на локтях. Взгляд белесых зрачков монстра сфокусировался на отползающем в сторону человеке. Зомби издал странный булькающий звук и, неуклюже загребая руками, с трудом отодвинулся от близкого края крыши.

Шиз спешил к товарищам, но те, как назло, ни разу не обернулись. Окликнуть их он не мог, ибо перекошенная физиономия Стылого однозначно говорила о том, что делать это сейчас совсем не стоило.

Зомби тем временем каким-то непостижимым образом все-таки ухитрился встать на четвереньки, целенаправленно двигаясь следом за потревожившим его человеком. Шиз прикинул свои шансы. Шансы были не ахти, учитывая то, что встать в полный рост он не мог. Проклятая крыша была покрыта расшатанными листами дребезжащего цинка. Если он побежит, то грохот будет на всю промзону. Стрелять он тоже не мог. Звук одинокого выстрела наверняка привлечет к крыше внимание снующих внизу «грешников».

Зомби неумолимо приближался с упрямством тупой механической куклы.

И тут Шиза осенило. ПДА! Сталкер быстро достал из кармана электронное устройство, входя в раздел электронной почты.

«Стылый, полный п...ец, тут на крыше зомби! Обернись, мать твою!» — быстро набил непослушными пальцами.

Через казавшиеся бесконечными мгновения Стылый наконец обернулся. Упрямый зомби уже почти касался скрюченными пальцами массивных сталкерских ботинок подтягивающего ноги Шиза.

Стылый беззвучно выматерился, выхватывая из-за пояса длинный охотничий нож. Короткий взмах — и острое лезвие, просвистев в сантиметре от взмокшей перекошенной физиономии Шиза, с хрустом вошло в правый глаз агрессивно настроенного мертвеца.

Зомби судорожно дернулся, после чего затих, на этот раз навсегда.

Настойчиво запищал ПДА, сигнализируя о том, что пришло новое сообщение. Шиз опасливо покосился на светящийся экранчик, ожидая любой, даже самой чудовищной новости. Но хуже того, что только что могло с ним произойти, казалось, случиться уже не может.

«Ножик верни, исследователь хренов, — пришло от колдующего над своим электронным устройством Стылого. — Он мне дорог как память о моем первом ведомом».

Шиз перевел взгляд на отдавшего концы зомби, затем взялся за широкую костяную рукоятку ножа, потянув ее на себя. Широкое лезвие легко вышло из мягкой разложившейся плоти, оставляя на полированной стали багровую вязкую массу.

«Чтобы чистым вернул!» — возникла новая строка на экране пискнувшего ПДА.

Шиз грустно вздохнул, тщательно вытирая лезвие ножа о рукав костюма издохшего мертвеца.

...Клинок продолжал расписывать мраморно-белое тело сталкера темно-алыми полосами.

Помощник священнодействующего прилежно подставлял кубок под драгоценные капли медленно текущей крови. Можно было бы, конечно, сделать раны поглубже, но тогда мучениям жертвы придет быстрый конец, и владычица Смерть не успеет в полной мере насладиться муками и стонами приносимой ей жертвы. Поэтому Жрец не спешил, с мрачным вдохновением творя кровавые росписи по бледной штукатурке кожи.

Рельс все издавал аккорды торжественной песни, смешивающиеся с душераздирающими воплями добываемого толпой псевдогиганта и слабыми стонами молодого сталкера. Еще немного, еще пару ударов импровизированного «гонга» — и месса будет закончена. Теперь не лишним будет поторопиться. Тем паче что откуда-то снаружи стали доноситься далекие, но тревожные звуки, напоминающие шум боя. За грохотом барабанов и звоном рельса пока было не разобрать, что к чему, однако лучше быть готовыми к любым неожиданностям...

— «Храм» там, в трансформаторной! — Стылый указал рукой куда-то влево. — Звуки идут оттуда. С этой точки ее плохо видно, здание низкое, одноэтажное...

— Как вы тут? — спросил подползший Шиз, радостно улыбаясь.

— А, это ты, придурок? — Болид через плечо мрачно посмотрел на коллегу. — Решил сплясать с одиноким зомби зажигательную джигу?

— Еще раз что-то подобное повторится — досрочно отправишься за Периметр! — не отрываясь от бинокля, спокойно предупредил Стылый. — Зона сейчас непредсказуема, так что заодно и проверим твою сталкерскую удачу...

— Да ладно вам... — Шиз не на шутку разволновался. — Случайно ведь вышло! Смотрю, сталкер мертвый на краю крыши лежит, дай, думаю, гляну, что у него в контейнере для артефактов...

— Ну и что, посмотрел?

— Да пусто там, как видно, «грешники» обобрали...

— Овчинка не стоила выделки... — усмехнулся Болид. — Если тебя что в Зоне и погубит, Шизяра, так это твоя патологическая жадность...

— А кто сказал, что я жадный?

Вопрос остался без ответа.

— Там, кажется, где-то была водосточная труба... — Стылый обернулся, рассматривая дальний конец крыши.

— Ага! — оживился Шиз. — Рядом с ней зомби как раз и отдыхал.

— Хочешь попробовать по ней спуститься?.. — с сомнением изрек Болид. — А если не выдержит?

— Так лететь ведь невысоко! — пожал плечами Стылый. — Если хотя бы до второго этажа спустимся, сами спрыгнем...

— Ну, тогда пошли...

Водосточная труба выглядела не очень обнадеживающе, хотя в крепеже, на первый взгляд, держалась хорошо.

— В советские времена умели делать... — Стылый первым перебрался через карниз крыши и, обхватив оцинкованную трубу руками, медленно заскользил вниз. — Не то что сегодня...

Шиз было ринулся следом, но Болид вовремя его остановил:

— Куда, мать твою... двух бугаев в броне она уж точно не выдержит...

Стылый благополучно добрался до второго этажа и, ловко спрыгнув на землю, укрылся за массивным мусорным контейнером.

— Пошел! — Болид подтолкнул к краю крыши нервничавшего Шиза.

— Нет, я передумал, сперва лучше ты!

— Как хочешь...

В точности повторяя все движения Стылого, Болид осторожно спустился по трубе, мягко соскочив вниз.

Шиз опасливо заглянул за край крыши. Оба его напарника уже сидели за ржавым укрытием, подавая снизу нетерпеливые жесты.

— Эх, была, не была...

Сталкер закинул за спину тяжелый автомат и неуклюже забрался на трубу. Правая нога скользнула по металлической поверхности. Шиз попытался слегка съехать вниз, и в этот момент один из длинных штырей, при помощи которых водосточная труба крепилась к стене здания, выскочил из паза. С жутким скрежетом вся ненадежная конструкция медленно отделилась от дома и с грохотом просела вниз.

— Да что ж ты, падла, творишь... — выругался Болид, видя, как Шиз вместе с водосточной трубой валится на землю.

— Все, мы обнаружены! — Стылый выскочил из укрытия, стреляя в узкий переулок, в котором появились «грешники». — Болид, подбери горе-эквилибриста, и сразу же за мной...

К счастью, бронекостюм в очередной раз спас жизнь незадачливому сталкеру, Шиз был вполне дееспособен, тут же схватившись за верный АКМ.

Сталкеры бежали, на ходу отстреливаясь от прячущихся по закоулкам черных силуэтов. Словно заправский фокусник Стылый извлек из-за пазухи длинную дымовую шашку.

— Опаньки? — удивился Болид.

— Припас на самый крайний случай! — пояснил Стылый, швыряя зашипевшую шашку себе за плечо. — Быстро сворачиваем налево, мы почти добрались до цели...

Искусственный туман прикрыл спины беглецов, растворившихся в белой кисее, словно призраки.

Ряха методично зачищал территорию.

Дело было привычным. Еще на Кавказе приновился, когда год с небольшим служил наемником у тамошних сепаратистов. Дольше не выдержал. И не потому, что психика не справлялась с кошмарами партизанской войны. Просто у «партизан» начала гореть под ногами земля. Действия федеральных войск стали уж больно решительными, а коренное население, уставшее от бесконечных боевых действий, ведомых на его территории, практически перестало поддерживать «борцов за свободу». Почувствовав, что пахнет жареным, Ряха взял ноги в руки, не забыв прихватить и то, что успело прилипнуть за год к этим самым рукам, и рванул туда, где можно было спрятаться от Закона.

Сюда, в Зону. Уже пара его бывших сослуживцев из числа местных ультранационалистов осела здесь, скрываясь от преследований, начатых новым украинским руководством, решившим покончить с радикалами, мешающими нормализации отношений с братской Россией. Они сообщали, что жить в Зоне можно, и притом неплохо. Надо только удачно выбрать позицию в здешнем раскладе сил. Ряха сделал свой выбор и ни разу не пожалел об этом.

Служить под началом Султана было весело и комфортно. Словно никуда и не уезжал с Кавказа. Привычные реалии, обычная жизнь боевика-наемника. Только вместо гор зараженные радиацией здания и мелкие объекты. Плюс жутковатая живность. А так кругом одни враги. Мочи, не раздумывая, всех подряд, а то сам в радиоактивную землю ляжешь. Ну и не зевай, разумеется. Тогда будет и нос в борще, и губа в лапше. И вообще...

Вот и сейчас все выглядело рутинно-однообразным. Увидел фигуру в черном балахоне — уничтожай, используя все доступные виды оружия...

Разбившись на тройки, отряд «затоновцев» медленно, но верно продвигался к намеченной цели. А чего спешить? Тут главное самому целым остаться. Это ведь чужая

война. Пускай поп с его дружкой-каратистом сами со своими проблемами разбираются. Тем более что на подмогу к ним идут еще трое таких же придурков.

Потому и не совались бандюганы в самое пекло, работая дружно и слаженно. Попадется «грешник»-одиночка или даже группа таковых, их мгновенно накрывал шквальный огонь одновременно из девяти стволов, разрывая жертву на мелкие кровавые ошметки.

Дольше всего пришлось повозиться у бойлерной. Там, по всей видимости, засели человек десять или даже больше сектантов. Завидев приближающегося противника, они открыли перекрестный обстрел, не давая пришлецам и шагу ступить вперед.

Командир «затоновцев» не стал долго раздумывать, пустив в дело гранатометы. Пара залпов из «Бульдога-6» и М203, и хамбец котенку. Ворвавшись в притихшее здание, бандиты обнаружили там лишь кровавое месиво из людских тел. «Словно «мясорубка» поработала», — пошутил кто-то из командос. Ряха только ухмыльнулся. Куда там той «мясорубке». Человек страшнее любой из аномалий Зоны будет. До того, что способны сотворить его руки и ум, не сможет дорасти ни один мутант.

Преодолев эту преграду, «затоновцы» дальше уже почти не встречали сопротивления.

Вот наконец впереди показалось кирпичное строение, из которого и долетали звуки похоронного звона, барабанной дробы и заунывных песнопений. Ряха подал команду приготовиться к штурму.

Неожиданно слева от зловещего сооружения повалил густой дым. Ряха догадался, что кто-то применил дымовую шашку, и приготовился к неожиданностям.

Из белого тумана выскочили трое вооруженных людей. На «грешников» они не были похожи, потому как не носили длиннополых черных балахонов. Но это еще ни о чем не говорило. Мало ли что? Вдруг сектанты решили замаскироваться. Да и вообще в Зоне почти каждый встречный — враг.

— Работаем, — решительно сказал он своим подчиненным.

Щелкнули затворные рамы.

— Не стреляйте! — раздался внезапно словно из преисподней голос отца Иоанна. — Это наши!

Из еле приметного отверстия в земле появились две темные фигуры, в которых Ряха узнал священника и Плясуна.

— Парни, сюда! — помахал журналист рукой остальным «крестоносцам».

Те, заметив людей и узнав среди них своих соратников, живо подались к ним навстречу.

— Ложись! — резко скомандовал предводитель «затоновцев» и, когда троица послушно распласталась на земле, крикнул: — Огонь!

Пули ударили по вынырнувшим из дыма преследователям сталкеров.

Жрец кивнул помощнику.

Тот взял в руки ритуальный топор и обрушил удар на израненную спину мутанта, метя в основание черепа. С одного раза перерубить мощный хребет твари не удалось даже такому силачу, как Циклоп. Поэтому последовала еще пара взмахов секиры. Наконец бронированная голова отделилась от туловища.

Гигантское тело дернулось и высвободилось из шести пар удерживавших его рук. Обезглавленный монстр сделал пару шагов навстречу своим мучителям, поводя могучими плечами. Паства в смятении шарахнулась в разные стороны. Туша развернулась грудью к алтарю, совершила последний прыжок и, дергаясь, поверглась у ног Жреца, едва успевшего отскочить в сторону.

Поправ правой ступней первую жертву, первосвященник Смерти занес нож над горлом второй. Точный и быстрый взмах клинка. Короткий хрип. И темно-алая струя обильно полилась в услужливо подставленный помощником кубок, быстро наполнив его до краев.

Вцепившись окровавленными пальцами в длинные волосы, Жрец высоко поднял над алтарем отрезанную им голову убиенного сталкера и щедро окропил кровью желтый конский череп, оскаливший редкие зубы, а затем и всю алтарную поверхность.

Священнодействующий выплеснул из кубка половину содержимого на землю, творя кровавое возлияние силам Тьмы, разбавил оставшуюся кровь крепчайшим спиртом и пригубил, творя причастие во имя Смерти и ее Вестника. Потом передал чашу помощнику. Тот также причастился и стал по очереди подносить жуткий напиток единоверцам, причащая их.

— Итак, свершено! — дождавшись последнего удара в рельс, возгласил Жрец, объявляя мессу оконченной.

— Вот вы где притаились, суки! — раздался под дырявыми сводами старой трансформаторной будки торжествующий голос. — Мочи их на хер, пацаны!..

По испуганно заматавшимся зловецим фигурам в черных балахонах дружно ударили автоматные очереди.

— Попа их черного смотрите не подстрелите! — крикнул Степан. — Он нам еще ненадолго живым понадобится!..

Глава шестнадцатая. И поведет их всех ребенок

НИИ «Агропром»

— Что, Стылый, дал маху твой бюрер-оракул? — с горечью выдавил из себя Степан, глядя на сталкера сквозь наполненный спиртом стакан. — Ошибся мутант хренов. Нет ее здесь.

Тот ничего не ответил, лишь нервно поиграл желваками...

Допрос Жреца «грешников» (к большому удивлению Чадова, им оказался тот самый «Модник» из сталкерского Бара, побитый журналистом) не дал ничего существенного. Визжащий от ужаса парень, за которого со знанием дела взялся Ряха, лепетал какую-то белиберду.

Предводитель «затоновцев» разложил пастыря сектантов здесь же, в их импровизированном Храме, заваленном трупами уничтоженных бандитами и «крестоносцами» изуверов-кровопийц. Прямо на черном алтаре, залитом кровью недавней жертвы. Привязал крестообразно за руки и за ноги и высыпал у изголовья, так, чтобы пытаемый лучше видел, нехитрые средства дознания: топорик, саперную лопатку, пару ножей разного размера и ножницы для резки металла.

— Значит, сука, несовершеннолетних отмычек режешь? — взяв в руки клинок, задумчиво попробовал на ногте его остроту Ряха. — Мало тебе мутантов, что ли?

Священнослужитель заверещал, будто подготавливаемая к убою свинья. Он категорически отрицал то, что «грешники» приносят в жертву юных сталкеров. Владычица Смерть не приемлет таких подношений. Она милосердна.

— Ты мне зубы не заговаривай! — несильно кольнул бандит парня в живот. — А это что?

Он кивнул головой в сторону человеческого трупа, прикрытого плащ-накидкой.

— Ему двадцать один! — взвизгнул Жрец. — Можете паспорт посмотреть. Вон там, в сейфе, в углу Храма!

— По-твоему, двадцать один — это уже не ребенок? — заскрежетал зубами палач и резко вонзил нож в бедро «Модника».

Тот зашелся диким криком, неприятно ударившим по ушам присутствовавших здесь «затоновцев» и «крестоносцев». Степан, не выдержав, вышел на свежий воздух. Следом за ним подались отец Иоанн, Стылый и Болид. Шиз остался внутри Храма. Ему подобное зрелище было в кайф.

Проводив удалившихся «крестоносцев» понимающе-насмешливым взглядом, командир бандитов продолжил дознание. Слова лились из духовного лидера «грешников», как вода из открытого кухонного крана. Даже средства пытки больше не понадобились, к большому огорчению Шиза. «Модник» лепетал обо всем на свете. О принципах своей веры и ее обрядности, о величии Смерти и ее посланника Бледного Всадника на Бледном Коне. В общем, о чем попало, кроме интересовавшего дознавателей предмета.

— Ша! — ударил его ладонью по губам Ряха. — За каким хером ты нам все это рассказываешь? У меня аж голова заболела!..

— Ты лучше скажи, где девочка и зачем вы ее похитили? — подскочил с другой стороны Шиз, хватая со стола ножницы по металлу и угрожающе тыча ими Жрецу в пах. — Неужели только для того, чтобы отомстить сталкерам за свои побитые рожи?

Обезумевший выродок судорожно забился на алтаре. Ни о какой мести речи не шло и в помине. Им заранее было указано, кого следовало похитить и отвести в Зону. Кем приказано? Да все ею же, владычицей Смертью. Нет, не прямо явилась собственной персоной и велела. У нее для того Вестник есть. Вот он и передал повеление своей госпожи. Приказав, чтобы по пути назад они наведались в Темную долину, прихватили там у разбитого вертолета одну вещь и доставили вместе с девочкой в Храм. Что за вещь? Да откуда ж он ведает. Знает только, что она очень опасна и не позволяет прикасаться к себе кому попало. Вон, Верста попробовал его взять, да обжегся. Артефакт прожег в его груди огромную дырищу и убил верзилу. Пришлось там и оставить, даже похоронить времени не было.

— И куда вы потом дели этот артефакт? — заволновался Шиз.

Да никуда. Его девчонка себе выпросила в качестве игрушки. Уж очень ей приглянулась сияющая неземным светом вещица. Как ни странно, артефакт признал ее как хозяйку. Дался в руки... Однако ж... В общем, ребенок заболел. Впал в странное беспамятство. Они попробовали отобрать у девочки опасную игрушку, думая, что это поможет. Но артефакт сросся с телом ребенка. Присосался к ее груди, и оторвать его от детского тельца не было никакой возможности. Разве что оперативным путем, да где здесь опытного хирурга найдешь...

— И что дальше? — Ряха многозначительно постучал топориком рядом с головой допрашиваемого.

Ну, потом они добрались до «Янтаря». Девочка стала совсем плоха. Волновались, что не смогут передать ее Вестнику. Да тот не зря вездесущ и всеведущ. Примчался на своем Бледном Коне в окружении диких тварей и унес ребенка... Куда? Разве ж они знают. Пути владычицы Смерти и Всадника людям неизвестны. Приходят неожиданно-негаданно и так же уходят.

— А поточнее?

Сектант затрепыхался, изрытая ктатвы одна страшнее другой в том, что знать не знает, ведать не ведает.

Ряха видел, что Жрец не врет. Действительно не знает.

Поглядев на Шиза, «затоновец» увидел, что тот обуян дикой жаждой крови, и утвердительно кивнул головой. На лице сталкера появилась зловещая ухмылка. Сейчас он рассчитается с главным виновником того, что их занесло сюда, в проклятую дыру, кишашую мерзкими чудовищами, что они протопали не один десяток километров по зараженной радиацией земле, что много раз были на волосок от столь обожаемой «грешником» смерти...

— Любишь Смерть, говоришь? — прищурил око Шиз. — Не раз тешил ее последними воплями жертв? Ну-ну...

Противно щелкнули челюсти ножниц, встретив на своем пути не привычную твердость стальной колючей проволоки, а сплетение хрящей и мягкой плоти.

Здание трансформаторной будки огласилось жутким звериным воем...

Градов пытался утопить в стакане со спиртом свою боль и отчаяние. Безуспешно. Те никуда не хотели уходить. Равно как и проклятая трезвость. Спасительное опьянение никак не могло справиться с сопротивляющимся организмом.

Они устроились в здании бывшей электрощитовой, переделанном «грешниками» под трапезную. Каждый выделил в общий котел часть из имевшейся у него в закромах снеди и выпивки, и началась невеселая пирушка, больше смахивающая на поминки. «Затоновцы», двое из которых были серьезно ранены во время штурма Храма, устроились на одном конце длинного, сколоченного из досок стола и занялись специфической беседой, суть которой была понятна только им. Шиз и Болид уселись поближе к бандюкам, речи которых были им любопытны. Трое остальных «крестоносцев» оккупировали противоположный конец стола.

— Что делать, отче? — в который раз вопрошал священника Степан. — Где ее искать? Зона такая огромная, а Нюшка такая маленькая... Это ж иголка в стогу сена...

— Не отчаивайся, — поучал батюшка. — Ибо уныние есть смертный грех. Меряя жизнь меркой любви Христовой, его истинным чудом — способностью к жертве во имя ближнего, принимая с образом и подобием Божиим Его ответственность за мир, будучи готовыми к сотворчеству Ему в границах наших текущих способностей, мы не должны предаваться отчаянию и бояться взглянуть в лицо будущему. Если Бог с нами, то кто против нас?!

— Хорошо вам с вашей верой, — вздохнул Чадов. — А мне вот как быть? Я запутался, понимаете? Я ведь человек относительно мирной профессии, журналист. Щелкопер, так сказать. Ну, доводилось мне пару раз бывать в Зоне, писать о ней. Но я никогда не убивал! А тут...

Он залпом осушил очередной стакан и поморщился, отказываясь от предложенной Стылым закуски: сухаря с кусочком неизменного сталкерского деликатеса — консервы «Завтрак туриста».

Святой отец тоже откусал водочки и захрустел маринованным огурчиком, баночка с которыми «завалилась» в его рюкзаке. Утерев рот, он продолжил окармливать духовно свою невеликую паству.

— Знаешь, мне часто вспоминается знаменитая фраза Шекспира: «Весь мир театр, а люди в нем актеры». Затаскано до дыр, не так ли? А ведь это сушая правда. Так вот Зона — это такая же сцена, как и Большой мир, правда, с жутковатыми декорациями и масками. И здесь каждый играет свою роль, порученную ему Небесным режиссером, и надевает соответствующую личину.

— И вы, батюшка? — уточнил журналист.

— И я тоже, — кивнул Опрокидин. — Но не в этом суть. Не нужно забывать о большой жизни. Пьеса, даже самая трагическая, когда-нибудь да закончится, и тогда актерам придется снять маски и отправиться домой. И вот это самое сложное. Вовремя выйти из роли и вернуться домой. Прими этот расклад как данность, и тебе сразу полегчает. За пределами Зоны забудешь обо всем, здесь происходившем, как о дурном сне...

— Ваши бы слова да Богу в уши, — невесело улыбнулся парень.

— Так и будет, — убежденно произнес священник. — Ты ведь не кого попало и не просто так убивал, а ради спасения дорогой тебе жизни. Тем паче жизни невинного ребенка. Зачастую люди боятся быть счастливыми прямо сейчас, без гарантий собственной безопасности. Страх смерти удерживает их от самих себя. И так всю историю существования человеческого рода: воля к жизни уравнивается страхом смерти. Как это гармонично! Единственный способ вырваться из этого порочного круга — подавить волю и этим растворить страх. И что нам тогда останется? Ничего! Бесцветный, равнодушный, плоский мирок, где единственным побуждающим мотивом будет его возможное отсутствие. Как уничтожить ненавистный мотив? Как смириться со светом? Только стать им. Жить по выработанной Господом схеме. Попытаться найти в ней место для проявления человеческого. Обернуть собственную тягу к разрушению на себя. Подчинить желание убивать кого-то, превратив его в желание умереть ради кого-то.

— Красиво излагаете, отче! — восхитился Стылый. — Как по писаному!

— Все это сплошная говорильня! — ударил кулаком по столу Чадов. — А тут действовать надо. Слышали же, что говорил Шиз. Девочка опасно больна. Ей нужна срочная медицинская помощь!

— Ты ее самую сначала найди, — буркнул сталкер и тут же прикусил язык.

Степан бросил на приятеля взгляд, исполненный ненависти, и тут его накрыла волна.

Он вдруг услышал в голове голос Ньюшки. Девочка звала его, умоляя о помощи.

«Мне стласно, Плясун! Стласно и больно. Спаси меня, Плясун, позалуйста!»

«Да где ж мне тебя искать?!» — взмолился журналист.

Как бы в ответ на его мольбу перед глазами встала четкая и ясная картинка.

Какое-то помещение, по виду напоминающее научно-исследовательскую лабораторию. Столы, заставленные непонятного назначения приборами, а также бурлящими колбами, ретортами и пробирками. Люди в белых халатах, хлопочущие над небольшой прозрачной капсулой-контейнером, внутри которой находится... Ну да, она, Ньюшка. Мертвенно-бледная, с закрытыми глазами и посиневшими губами, опутанная множеством разноцветных проводков, убегающих к мигающим лампочками приборам. На груди девочки лежит, поблескивая зловеще-алым цветом, какая-то штуковина, формой напоминающая человеческое сердце.

Понятно, но все равно не ясно, где конкретно находится эта лаборатория. В Зоне ли вообще или за ее пределами.

Картинка сменилась. Теперь перед глазами возник некий негустой лесок. Что-то знакомое почудилось в нем Степану. Будто хаживал он прежде по этому редколесью. Вот мелькнула в высокой траве жутковатая зверушка, по виду смахивающая на ежа-переростка, но с длинными, как у дикобраза, иглами. Точно, встречал журналист его сородича. А вот и диво-бахча с мутировавшими арбузами и дынями. Так это же...

Невидимая камера повернула направо, и стал виден комплекс зданий, среди которых выделялось одно, не в пример соседним отремонтированное, с большими раздвижными воротами, увенчанное огромным белым куполом.

«Мне стласно, Плясун! — снова раздался в голове зовущий детский голос. — Стласно и больно. Спаси меня, Плясун, позалуйста!»

Открыв глаза, Чадов увидел перед собой озабоченные лица Опрокидина и Стылого. Сталкер участливо протягивал журналисту стакан со спиртом. Степан решительным жестом отвел руку приятеля и выдохнул:

— Я знаю, где она. Собираемся в путь!..

Вязкая чернота обступала со всех сторон. Длинные мягкие щупальца робко ласкали едва различимую полупрозрачную плоть. Серый свет струился откуда-то сверху, проникая сквозь тьму, растворяясь в ней, чтобы тут же родиться где-то совсем в ином мире.

Ромеро протянул вперед полупрозрачную руку. Он снова был в своем собственном человеческом теле. Реальность беспощадно играла с ним, дразня, сводя с ума. Вязкие черные языки испуганно отпрянули, втянувшись во вздрагнувшую черноту.

Сталкер сделал шаг вперед, и тьма расступилась, чтобы снова бесшумно сомкнуться у него за спиной. Он был в ловушке. Еще один шаг и еще... казалось, вот она, победа... но отвоеванное у пугающей субстанции пространство вновь поглощала беспощадная тьма. Эта битва могла быть бесконечной. Он не знал, куда идти, не видел цели, возможно, он блуждал все это время по замкнутому кругу, блуждал всю свою сознательную жизнь.

На самом деле он всегда находился в этом месте, просто раньше не видел настоящей изнанки уродливой реальности, где правит Ничто. То непостижимое, что произошло с ним, позволило наконец открыть глаза, заглянуть туда, куда могли заглядывать лишь избранные: те, кто уже не мог вернуться назад.

Вот, значит, как на самом деле выглядит Смерть. Чудовищная мысль о том, что по ту сторону ничего нет, обретала в этом странном месте страшную реальность. Это намного хуже внезапной гибели. Но что такое смерть? Короткое болезненное мгновение... Пугает не она, а бессмысленное тупое существование, когда ты не в силах прервать замкнутый

круговорот похожих друг на друга, словно адские близнецы, кошмаров. Кошмаров? Он явно льстил себе, потому что в этом месте кошмар был только один, и звали этот кошмар Абсолютной Пустотой.

Внезапно пугающую тишину нарушил странный, ни на что не похожий звук. Через несколько мгновений этот звук перевоплотился в сгусток тусклого света, который на глазах превращался в острый заточенный нож, безжалостно кромсающий агонизирующую тьму. Ромеро увидел перед собой свободный проход. Тьма испуганно отступила, скукожилась, со стоном роняя черную вязкую кровь. Сталкер побежал, понимая, что это последний шанс вырваться из этого гиблого места. Там, куда он бежал, разливался серый мертвенный свет. Вот вдалеке промелькнула чья-то маленькая фигура. Ромеро мог поклясться, что это был ребенок.

— Эй, постой, погоди...

Окружающая тьма с жадностью пожрала хриплый крик. Сталкер неожиданно почувствовал, как из него уходят силы. Нет-нет, разговаривать в этом месте совсем не стоило.

«Я иду! — мысленно пообещал он. — Я знаю, тебе нужна помощь, и я иду, ты только обязательно дождись меня... обязательно... дождись...»

Он пришел в себя во все том же ненавистном, промокшем насквозь лесу Зоны. Его могучее тело била мелкая дрожь. Видение было настолько сильным, что Ромеро уже не мог четко различать, где начинается реальность, а где болезненный больной сон. Да и было ли на самом деле то видение? Поднеся к лицу уродливые жилистые руки, сталкер тяжело поднялся с земли.

Его звали. Звали в то место, в котором он уже был и куда ни за что не хотел возвращаться. Но, наверное, это судьба, от которой нет спасенья нигде. Наверняка так хотели Хозяева Зоны. Знать бы еще, на чьей они сейчас стороне. Что ж, он пойдет. Пойдет, словно тупая послушная марионетка. Возможно, в конце пути его ждет смерть, но лучше уж она, чем существование в отвратительном теле гнусного мутанта.

Задрав к сумрачному небу лысую изрезанную зажившими шрамами голову, Ромеро протяжно завыл, спугнув копошащуюся в соседнем подлеске небольшую стаю охотившихся псевдоплотей. Но предаваться отчаянию не было времени. Сталкер в очередной раз изменил свое новое зрение, прокладывая наиболее короткий маршрут к той точке, откуда шел Зов. Он знал, что при желании может развить просто невероятную скорость. Зов был предельно ясен, следовало поспешить. На кону стояла жизнь крохотного человеческого существа.

Ромеро побежал, проламывая попадающиеся на пути кусты, снося маленькие деревца, глубоко вонзая длинные когти в мягкую гниющую листву. Зов возвращал его туда, откуда он недавно бежал.

Черный крут замкнулся.

Когда между обугленными, пожранными огнем стволами деревьев стал виднеться белый приземистый купол, сталкер включил невидимость.

Территория вокруг секретной лаборатории слегка изменилась с прошлого раза. Заграждения из колючей проволоки, мешки с песком, бронированные «Хаммеры» с пулеметными турелями на плоских крышах — все говорило о том, что меры безопасности усилены раза в три по сравнению с тем, что было раньше. Ну что ж, даже это, пожалуй, его не остановит. У громил в мощных экзоскелетах, обходящих хорошо защищенный периметр, наверняка было электронное оборудование, способное засечь тайно подбирающегося из леса кровососа, но Ромеро уповал на удачу, а удачей в Зоне распоряжались исключительно всемогущие Хозяева. Если ему было суждено пробраться в секретный научный комплекс незамеченным, то он туда обязательно проберется.

Такое удобное для стремительных стелс-миссий зрение мутанта тут же подсветило красным возможные точки проникновения вовнутрь. Еще на подступах к колючей проволоке видоизмененный сталкер заранее отметил удобное вентиляционное отверстие,

расположенное в семи метрах над землей. Но то для обычного человека семь метров непреодолимая высота, а для матерого кровососа это сущие пустяки.

Легко перемахнув через колючую проволоку, Ромеро подождал, пока очерченные зеленым фигурки часовых скроются за очередным поворотом. Затем он еще раз тщательно просканировал пространство и бесшумно проскользнул мимо камуфлированного тупоногого «Хаммера», осторожно перебираясь через бетонный забор.

В два мощных рывка он ловко взбежал по отвесной стене, вырывая хлипкую вентиляционную решетку. Где-то в недрах защитной электронной системы тут же сработал датчик, но сейчас это не имело значения: пока местные разберутся, в чем дело, он уже будет глубоко внутри. Однако сталкер недооценил людское коварство, потому что мгновением позже вентиляционная шахта наполнилась едким удушливым дымом. Защитная система пустила смертельно опасный газ. Ромеро ускорился, особо не заботясь о том, что его могут в любой момент обнаружить.

Мощные когти вспороли тонкую сталь, и сталкер вывалился из тесной квадратной трубы в залитый тусклым светом коридор. В дальнем конце показались вооруженные люди. Тихо застрекотал штормовой автомат. Пули с визгом прошли по стене. Сталкер перекатился в сторону и, включив невидимость, кинулся в соседний проход.

Многokrратно усилившийся Зов вел его, словно искусный автопилот, между ловушек, расставленных коварным врагом: Пара лестничных пролетов, и он оказался в до боли знакомом месте, где за прозрачными перегородками бесновались плененные местными извергами мутанты. Пустовала только клетка с псевдогигантом, остальные монстры были, как ни странно, на месте. По всей видимости, в Зоне были отловлены новые подопытные твари.

Неожиданно Ромеро остановился. Ему пришла в голову странная мысль попробовать выпустить мутантов на волю и тем самым в неизбежно возникшей суматохе обеспечить себе путь к отступлению. В прошлый раз он не знал, что нужно делать, но сейчас внутри него произошла странная перемена, и причиной этой перемены скорее всего был все тот же загадочный Зов. Он настойчиво подталкивал его к определенным действиям, и сталкер подчинился.

Руки кровососа не очень подходили для того, чтобы пользоваться клавиатурой компьютера, но Ромеро решил попробовать, склонившись над ближайшим командным терминалом. Перекусив крепкими зубами длинный коготь на указательном пальце, сталкер стал набивать всплывающие в мозгу цифры. Он даже не смотрел в тот момент на монитор, совершенно не соображая, что именно сейчас происходит в недрах электронной начинки местного компьютера. Его рукой управлял кто-то другой. Ромеро чувствовал, что может ему помешать, но благоразумно решил этого не делать. Их цели сейчас совпадали.

Несколько раз он ошибался, и тогда компьютер отвечал тревожным зуммером. Указательный палец судорожно жал на «Backspace», и все начиналось по новой. Если бы сейчас кто-нибудь увидел его со стороны, то наверняка не поверил бы своим глазам, в корне пересматривая свое отношение к якобы тупым тварям Зоны. Колдующий над компьютером кровосос — зрелище из разряда совершенно невероятных. Ромеро и сам бы с удовольствием полюбовался такой картиной, чтобы потом с круглыми глазами рассказать ржущим коллегам в сталкерском баре об этой фантастической истории.

Но сейчас ему было отнюдь не до шуток.

Наконец непослушные руки проделали нужные манипуляции над клавиатурой, и приятный женский голос мелодично проговорил:

— Запоры на камерах секции двадцать два отключены!

Мутанты словно специально ждали этого момента, дружно рванув из открывшихся клеток. Ромеро догадался, что ими тоже управлял загадочный могущественный Зов. Твари действовали слаженно, будто управляемая опытным контролером стая. Они и не думали нападать друг на друга, устремившись в недра лаборатории.

Половина дела сделана.

Зов требовал двигаться дальше.

Разорвав на куски парочку попавшихся на пути охранников, сталкер ворвался в ярко освещенную лабораторию, где в парящем над полом светящемся конусе находилось зовущее его беззащитное существо. Он легко сорвал прозрачную тяжелую крышку, швырнув ее в возникшего на пороге человека в белом халате.

Маленькая бледная девочка спала. Ромеро наклонился, бережно беря ее на свои предназначенные исключительно для кровавых убийств руки. Сейчас эти руки спасали. Руки гнусного отвратительного мутанта. То, что происходило, противоречило всем мыслимым законам Зоны. Но кто писал эти законы? Да и мог ли их нарушить человек, оказавшийся в теле кровожадного монстра? Наверное, мог, иначе он не добрался бы сюда целым и невредимым.

Теперь у Ромеро была цель. Окончательная цель, смысл всего того, что с ним приключилось. Возможно, именно за этим он когда-то и пришел в Зону, впервые в своей жизни переступив границу Периметра. Все ради этого удивительного момента. Расскажи ему кто, что с ним такое однажды случится, он бы не поверил, всадив ублюдку промеж глаз широкий охотничий нож. Но сейчас... он спасал маленькое уязвимое существо, которому не было места в этом страшном извращенном месте. Он заберет его отсюда и если понадобится, вынесет за самый Периметр пусть и ценой собственной жизни.

Чудовищный монстр спасал человеческого ребенка.

И небеса не опрокинулись.

Потому что именно этого желала сама Зона.

При помощи бинокля Ряха внимательно разглядывал защитные редуты, возведенные вокруг трехэтажного с белым куполом здания лаборатории.

— Неплохо они тут обустроились, суки... — недовольно пробормотал он, — придется здорово попотеть, прежде чем удастся вскрыть этот гадючник...

— На кой хер они сделали его белым? — недоумевал привалившийся к соседнему дереву Стылый. — В смысле, купол этот... Хотя бы маскировочной сетью накрыли, что ли, ради конспирации...

— Да здесь никто из чужих не летает... — сообщил «затоновец», подкручивая колесико настройки. — Место пользуется дурной репутацией... После того, как три гражданских вертолета с учеными бесследно пропали над «Агропромом», соваться сюда на «вертушках» зареклись...

— Так, наверное, эти сучары их и сбили...

— Да кто его знает...

— Прикиньте, братва, а мы со Стылым и Болидом шатуна всамделишного видели... — с пеной у рта рассказывал журналисту и священнику Шиз. — Скажи, Болид.

Тот молча кивнул. Он вообще в последнее время стал немногословным.

— Медведя, что ли? — удивился Чадов, протирая промасленной ветошью автомат.

— Да какого, на хрен, медведя... — обиделся рассказчик. — Шатуна, двойника, дубля, копию... названий у этих штук много. Если сталкер не успевает во время выброса спрятаться в укромном месте, то он, естественно, погибает. Но иногда, в особых случаях, Ноосфера по каким-то там своим непонятным причинам успевает создать точную копию попавшего под выброс бедолаги.

— Ну и зачем?

— Зачем, спрашиваешь... Хозяевам Зоны так надо! Приглянулся им, значит, сталкер, вот они его и воссоздают целиком со всеми прошлыми воспоминаниями...

— Занятно! — кивнул Опрокидин, глубокомысленно пощипывая небритый подбородок. — А как это произошло?

Шиз уже было открыл рот, чтобы рассказать, но наткнулся взглядом на перекошенную физиономию Стылого, прислушивающегося к их разговору.

— Да... в общем-то... — тут же замаялся сталкер. — Потом... после боя поговорим... если выживем...

Отец Иоанн кивнул, не став настаивать.

— Положение скверное! — констатировал командир «затоновцев». — Хуже, чем я ожидал. У нас слишком мало людей, такую оборону с теми силами, что у нас, не прорвать...

— Может, как-нибудь под землей пройдем? — предложил Чадов. — Сам же говорил, что тут прямо под нами полно заброшенных тоннелей...

— И думать забудь! — строго отрезал Ряха. — Только людей зря положим...

— Что же прикажешь нам делать, сидеть и смотреть на них сквозь деревья?

— Я думаю!

— Думай, пожалуйста, побыстрее, или ты забыл, что на кону?

— Заткнись, только с мысли сбиваешь!

— Спокойно, чада мои, не ссорьтесь... — вмешался подползший к ссорящимся батюшка. — Нужно немного подождать. Чует мое сердце, будет нам кое-какая помощь в этом правом богоугодном деле...

— Какая еще помощь? — удивился Болид, и в этот самый момент глухо загромыхал крупнокалиберный пулемет.

Со стороны Свалки появилась стая псевдособак. Пулеметчики, сидевшие на крышах «Хаммеров», всю били по левому флангу оборонительных укреплений, умело выкашивая приближающуюся свору.

Стылый на глаз прикинул расстояние. По всему выходило, что мутанты не должны были задеть затаившихся в лесу людей.

— Трудно жить на свете пионеру Пете... — дурашливо напевал Шиз, перезаряжая подствольный гранатомет своего автомата. — Бьет его по роже пионер Сережа...

— Да что ж это творится? — Высунувшись из-за дерева, Болид с тревогой разглядывал повизгивающих мутантов. — Откуда они все взялись?

Со стороны Свалки прибывали все новые и новые твари. Помимо псевдособак в пестрой компании мутантов присутствовали крысиные волки и крупные плоти. У проволочных ограждений неожиданно появилась группа снорков.

Чадов присвистнул:

— Серьезная драчка намечается...

Никто из присутствующих ему не ответил, сосредоточенно следя за происходящим.

Холодные пальцы прошлись вдоль позвоночника Ряхи. В затылок вонзились мелкие иголки. Тело болезненно отреагировало на мощное ментальное воздействие. Плавное перемещая бинокль, сталкер осмотрел дальние подступы к лаборатории.

— Контролер! — «Затоновец» опустил бинокль, встревоженно поворачиваясь к сподвижникам. — Там, за соснами, у сгоревшей автоцистерны...

— А ну-ка дай мне... — подался вперед отец Иоанн, принимая из Ряхиных рук бинокль. — И впрямь контролер, опытный... матерый... глядите, как мутанты его ладно слушаются...

Мутант-телепат прятался за обгоревшим остовом обросшего ржавыми волосами грузовика, рядом крутилась его свита: пять слепых собак, десяток плотей, огромный черныбыльский пес и дюжина вооруженных автоматами зомби в форме бойцов группировки «Монолит».

— А этот парень серьезно настроен! — проговорил Болид, разглядывая свиту монстра сквозь оптический прицел «Винтаря». — У меня удобная позиция, могу эту тварь прямо сейчас завалить...

— Ни в коем случае! — Священник рукой опустил длинное дуло снайперки. — Это существо на нашей стороне...

Сталкеры и бандиты переглянулись, но спорить с отцом Иоанном не стали.

Тем временем свора мутантов, проявляя просто фантастическое упорство и совершенно не обращая внимания на огромные потери, прорвалась сквозь ураганный заградительный огонь, разрывая мощными зубами и клыками проволочное заграждение. Длинные тела псевдособак промелькнули между закованных в экзоскелеты солдат, то тут, то там виднелись черные холки крысиных волков. Мутантов раздирали на куски пулеметные очереди, но вопреки всему их становилось все больше. Пулеметчики в «Хаммерах» растерялись, не зная,

куда стрелять. Тела людей и мутантов смешались в багровом смерче неистовой смерти. В бой вступили снарки, все это время хищно кружившие за пределами проволочного ограждения.

Неожиданно откуда-то справа на открытое пространство вырвался разъяренно ревущий псевдогигант и, стремительно разогнавшись, с грохотом врезался в ближайший «Хаммер». Бронированный джип накренился. Второй удар рассерженной могучей твари перевернул его на крышу. Беснующийся гигант резко развернулся, расшвыривая не успевших отбежать людей в серых камуфлированных экзоскелетах. Темп стремительной бойни нарастал, и счет шел явно не в пользу обороняющихся.

Наконец защитники дрогнули, медленно отступая к бетонному забору, огораживающему здание лаборатории. Один за другим замолкали пулеметы на сторожевых вышках. Судя по всему, диверсионный отряд снарков свершил свое черное дело. Свинцовый дождь без устали поливал наседающих тварей, делая их еще злее. А из глубин Свалки прибывали все новые группы мутантов. Теряя остатки рассудка из-за обилия пролитой крови, монстры тут же яростно бросались не только на людей, но и на своих же визжащих сородичей.

— Самое время пробраться поближе! — неожиданно проговорил Ряха, все это время неотрывно смотревший в бинокль.

— А как же мутанты? — встревоженно спросил Шиз, которому в данный момент уже не было так весело, как пару минут назад.

— Мутанты нас не тронут! — неожиданно ответил за бандита отец Иоанн. — Вперед, друга!

Подавая наглядный пример, священник первым встал во весь рост и, взяв на изготовку автомат, двинулся в сторону бушующей кровавой вакханалии.

— Святоша окончательно сбрендил... — нервно рассмеялся Шиз. — А вы все повелись, что ли? Мутанты нас не тронут... да это же полный бред!

«Коммандос» не ответили, молча двинувшись следом за Опрокидиным.

— Эй, какого хрена? — Шиз попытался было встать на пути у Болида, но тот лишь грубо отпихнул его прикладом винтовки.

— Отвали, придурок!

— Да это же чистое самоубийство!

Но никто Шиза не слушал.

— Погодите-ка, святой отец! — властным тоном сказал Ряха, догоняя пастыря и кладя руку ему на плечо. — Дайте-ка мне пойти впереди. Я там кое-что приметил. Нужна осторожность...

Батюшка кивнул и посторонился.

Да уж, по всему видно, что этот орешек расколоть будет не так просто. Если вообще зубы об него не сломают. Все прежние препятствия, которые довелось преодолеть «крестоносцам» в их нелегком странствовании по Зоне, ни в какое сравнение не шли с нынешним. А ведь это наверняка последняя преграда.

Именно за ней и скрывается, если верить необычным видениям Степана, маленькая девочка, помещенная неизвестными мерзавцами в некий странный прозрачный кокон. Зачем она им понадобилась? Что за чудовищные опыты ставят люди в белых халатах над Нюшкой? Нашли, понимаешь, подопытного кролика, живодеры.

— Суки! — выругался Чадов вслух.

Он готов был землю грызть от отчаяния. Если бы это только помогло решить проблему. Однако умом понимал, что сделать ничего путного не сможет. Хоть сердце и противилось этому пониманию, равносильному смертному приговору для Нюшки.

В армии Степан не служил. Разве может считаться армией месяц военных сборов в Лубнах, после которых ему присвоили звание лейтенанта запаса? Его военно-учетной специальностью значилась: «военный переводчик». Переводчик, а не инженер или артиллерист. Так что ни в тактике, ни в стратегии Чадов не разбирался. Равно как и его

боевые соратники. Ну, по крайней мере бывший режиссер Иван Опрокидин. Насчет Стылого стопроцентной уверенности не было, но военной косточки или чего-то в этом роде в приятеле не чувствовалось. Шиз — тот вообще отморозок, наверняка с уголовным прошлым. Равно как и Болид.

Вот Ряха — дело другое. Острый взгляд журналиста уловил в этом молодом парне, почти ровеснике Чадова, человека с боевым опытом. Где он его получил? Да мало ли горячих точек на планете. Недосуг разбираться. И незачем. Он же не из военной прокуратуры.

Вся выправка, повадки, иные реплики, брошенные невзначай, выдавали в предводителе «затоновцев» бывавшего в военных передрягах. Как он, например, недавно вел своих людей и «крестоносцев» через минное поле, на которое отряд наткнулся, миновав Султанов огород. Степан и не заметил бы этой чертовой ловушки. Ряха же ее за двести метров учуял. Сам пошел впереди всех, прощупывая грунт палкой с примотанным к ней стальным прутком. С этим самодельным миноискателем и вывел всех в целости и сохранности к этой вот цитадели. Будь она неладна!

Трехэтажное сооружение, увенчанное белым куполом, было огорожено со всех сторон крепким бетонным забором метров трех высотой, поверху угрожающе ошестинившимся колючей проволокой. Причем проволокой не ржавой, как в большинстве мест Зоны, а новехонькой. Равно как и сам забор. Бандиты сообщили, что построили это фортификационное сооружение месяца три или четыре назад. До этого «Дворец пионеров», как они шутя называли трехэтажку, пустовал.

В принципе здание и сейчас выглядело не ахти. Понятное дело, что и изначально оно не было Дворцом пионеров. Откуда взяться детишкам в научно-исследовательском институте? Они-то, наверное, существовали в природе. Ведь не работали же на «Агропроме» одни холостяки. Но возводить постройки для школьников на территории режимного объекта вряд ли бы кто додумался и позволил. Скорее уж здесь мог быть какой-нибудь дом культуры или, что вернее, обсерватория. Не случайно же тут имелся купол. Было видно, что его недавно отремонтировали. Залатали дыры, то, се. А вот до самого здания руки новых владельцев еще не дошли. Даже стекла не успели вставить. И в целом вид постройка имела нежилой.

Тогда где, собственно, находилась та лаборатория, которую ему показала Нюшка (или кто-то еще)? Не иначе, как под землей. И вот там-то, несомненно, все выглядит намного внушительнее и страшнее.

По прикидкам Ряхи, даже если они преодолеют забор, что уже сомнительно, принимая во внимание его добротность и имеющиеся по углам сторожевые вышки с маячащими там вооруженными часовыми, это ничего не даст. Куда и как идти дальше, они не знают. Пригодился бы «язык», но его еще взять надо. Все обороняющие цитадель люди укрылись за забором, испугавшись стремительной атаки мутантов. А оставшиеся лежать на поле боя вряд ли чего скажут.

Что там, под землей, тоже неизвестно. Сколько людей охраняют лабораторию, как они вооружены, каков их боевой дух и общий настрой. Еще нарвешься на каких-нибудь фанатиков вроде давешних сектантов, возьмут и взорвут все к чертовой матери.

Как ни крути, а выходит дело швах. Натуральное самоубийство. Штурмовать загадочную твердыню отрядом из четырнадцати человек, двое из которых ранены... Из мутантов союзники фиг знает какие. Он же не контролер, чтобы руководить их атакой, согласовывая действия. Нет, на такую авантюру Ряха не подписывался.

Да и вообще. Их посылали проводить парочку гостей до «Янтара» и помочь им разобраться с «грешниками». Это одно дело. Мерзких сектантов никто из обитателей Зоны не любит, и разобраться с ними по-свойски — акция благая или, как говорит батюшка, богоугодная. Чище вокруг будет.

Но здесь придется выступить против Государства, стакнувшись с его силовыми структурами. Подобное чревато весьма и весьма плачевными последствиями. С мутантов и взятки гладки. А вот с людьми... Тяжелый державный кулак может обрушиться на весь

«Затон», положив конец едва-едва наметившемуся хрупкому равновесию сил. На такое Ряха без соответствующего приказа своего высшего руководства пойти не мог.

— Свяжись с Султаном! — неожиданно предложил журналист. — ПДА у тебя работает?

— А как же... — усмехнулся бандит. — Оно мне надо? За каким хреном я должен соваться в пасть льва? И так одного из своих людей уже потерял, а еще двое могут не оклематься. И все из-за какой-то мелкой тли...

Отец Иоанн схватил за плечи уже было готового кинуться на «затоновца» Степана. Батюшке помог Стылый. И вовремя. Бандиты потянулись к оружию, готовые защитить своего командира.

— Еще не хватало нам перестрелять друг друга после всего, что довелось вместе пережить! — Пастырь осуждающе посмотрел сперва на своего приятеля, а затем и на джентльменов удачи.

Обе стороны устыдились.

Нервы, что тут скажешь.

Но проблему все равно нужно было как-то решать. Время не терпело.

И тут, как на диво, обозвался тот самый Ряхин ПДА, так некстати помянутый Степаном.

«Затоновец» пробежал глазами сообщение и откровенно удивился. Его брови высоко взлетели.

— С правого фланга на девяносто градусов большое скопление людей, — сверился со своим коммуникатором Стылый. — Судя по всему, они движутся прямо сюда...

«Крестоносцы» приготовили оружие к бою.

— Отставить! — быстро скомандовал Ряха, пряча прибор связи в сумку. — Это Султан с ребятами...

Настала очередь удивляться временным союзникам бандитов.

— Султан? — не поверил батюшка. — А зачем?

— Сам не понимаю, — развел руками «затоновец». — Судя по его сообщению, он с основными силами... идет к нам на помощь...

— Не может быть! — усомнился Стылый. — Султан решил сунуть голову в петлю? С чего бы это?

— Скоро сам объяснит, — раздраженно буркнул Ряха.

Было видно, что и он ошеломлен не меньше «крестоносцев».

Из-за ближайшего институтского корпуса показалась группа вооруженных людей. Впереди двигалась приземистая кряжистая фигура, в которой Степан тотчас узнал Мирзу Каримова.

— Салам алейкум! — хитро сощурился главарь «Затона». — Ну, чито, паваем мала-мала?

Он за руку поздоровался со всеми «крестоносцами», а потом и со своими подчиненными. О чем-то недолго пошептался с Ряхой, то хмурясь, то улыбаясь, то кивком головы реагируя на слова «полевого командира». Закончив разговор, вновь подошел к гостям.

Шиз, Болид и Стылый с откровенной неприязнью глядели на знаменитого бандита. Парочка же участников боев без правил, наоборот, стала активно проводить дознание.

— Что случилось, Султан? — спросил святой отец. — Что в лесу сдохло, как говорят местные, что ты выполз из своей норы, решив нарушить нейтралитет?

— Можит, размяться захател, да? — Глаза узбека воровато забегали.

— Ой, врешь, — прищучил его батюшка. — Ох, лукавишь, шельма...

— Ну, нада же рибенка спасти, да. Чито ж я, савсэм без совести, нах?..

— Спасибо! — крепко пожал ему руку благодарный Степан.

— Все равно не верю... — продолжал гнуть свое Опрокидин. — Ты, конечно, не совсем пропащий для общества человек... и все же не пойдешь ради сомнительных для тебя моральных принципов на прямой конфликт с силовыми структурами государства...

— Канфликт-шманфликт, — обиженно надул губы Каримов. — Гасударства-шмасударсва. Никакое зидэсь не гасударство.

— Как это? — дернулся Шиз. — Как не государство?!

— А, — пренебрежительно махнул рукой Султан, — частная лавочка! Незаконные вааруженные фармиравания, вот!

— Откуда информация? — вскинулся Чадов, в котором снова проснулся профессиональный журналист. — Она достоверна, проверена?

— Правверена-шмаверена! — сплюнул Мирза. — Надежиный чилавек саабшил.

Бандит с удовольствием похлопал по своему ПДА.

— Тут висе справки-шмавки, нах!.. В общем, можна пащупать этих пахитителей детишек. Гасударства мишать ни будэт.

— Ага, — прошептал на ухо Болиду Шиз. — Ему небось еще и заплатили за эту «братскую помощь». Решили нашими руками гнилой мусор прибрать...

Болид ничего не ответил, только пожав плечами.

— Давай, Ряха, камандуй, нах, — велел Султан подчиненному. — Ты ж у нас типа ваенный гений.

— А мутанты? — снова затянул свое бандит.

— Я уже сказал, — встрял священник. — Они нам не враги, а, так сказать, временные союзники. Тем более, сам видишь, они бегут с поля боя.

— Слышаль? — поднял указательный палец Каримов. — Байкер фигни не скажет!

«Затоновец» кивнул и начал быстро и четко отдавать распоряжения своим и союзникам, выстраивая диспозицию.

— Смотрите! — вдруг хрипло крикнул Стылый, тыча рукой в ворота.

Взгляды всех осаждающих обратились на тяжелые створки, распахнувшиеся без малейшего скрипа и усилия.

В воротах, играя поводьями Бледного Коня, гарцевал Бледный Всадник...

— Господи! — Выронив АКМ, Шиз заломил руки, падая на колени.

Впрочем, бросил свой автомат не он один. Многие из объятых непостижимым ужасом людей, скопившихся у ворот, швырнули наземь оружие. Со стороны казалось, что атакующие сошли с ума. Некоторые, обхватив головы руками, опустили на корточки, тихо подвывая, а кое-кто просто бросился наутек, что-то нечленораздельно выкрикивая. Лишь бы спастись, лишь бы не видеть этого ужасного лика Всадника, этих горящих огнем глаз и бешено раздувающихся ноздрей Коня...

Тринадцатый мастерски дергал за нужные веревочки.

Такого количества послушных марионеток у него еще ни разу в жизни не было. Чувство абсолютного всевластия пьянило. Он умело вводил в бой все новые и новые порции подчиненных им мутантов, не забывая приглядывать и за прячущимися в лесу людьми, среди которых находился и его «побратим». Люди благоразумно ожидали окончания атаки. И правильно делали, поскольку их время еще не пришло. Если вдруг кто-то из них замешкается, Тринадцатый в нужный момент им поможет: подтолкнет, уберет страх, сделает сжимающую руку автомат твердой, а глаз метким.

После пятой волны атакующих тварей защитники здания с белым куполом начали отступать, и Тринадцатый возликовал. Теперь настал черед ожидающих в лесу людей. Контролер уже было собрался немного помочь союзникам, подтолкнув их к решительным действиям, но неожиданно их повел вперед загадочный незнакомец, называющий себя слугой Бога. Тринадцатый не стал ему мешать. Хотя даже если бы он и захотел, то не смог бы, потому что этот человек до сих пор пугал его, оставаясь нераскрытой загадкой. Он, правда, вскоре уступил свое лидерство другому человеку, но от этого не перестал быть опасным.

Но неожиданно что-то переменялось. Что-то пошло не так. Тринадцатый насторожился и, выйдя из медитативного транса, окинул взглядом залитое кровью поле боя. Мутанты благополучно загнали остатки защитников за бетонную стену. Беснующиеся твари

выполнили свою главную задачу и теперь, после того как внимание хозяина ослабло, испуганно разбегались кто куда.

Но вот вышедшие из леса люди...

С людьми происходило что-то неладное.

Сначала к ним подошла еще одна большая группа сородичей, и все они вроде как пошли на штурм ворот. И вдруг...

Атакующие стали бросать оружие и, падая на колени, обхватывали головы руками.

Тринадцатый присмотрелся. Массивные стальные ворота в бетонном заборе были открыты, воздух в том месте странно дрожал, в мутном мареве то возникало, то пропадало какое-то нечеткое изображение. Контролер снова легко скользнул в транс, войдя в сознание «побратима», и тут же увидел мир чужими глазами.

В воротах лаборатории гарцевала на черном коне странная фигура, будто состоящая из подвижных сгустков вязкой текущей тьмы. Тринадцатый заставил «побратима» встать с земли и пройти чуть вперед. Теперь он хорошо видел, что и всадник, и его лошадь состоят из мелких издающих неприятный звук черных частиц. Еще пара секунд понадобилась, дабы понять, что эти частицы на самом деле крупные лоснящиеся «мухи», тысячи, миллионы «мух», по какой-то совершенно непонятной причине принявших форму сидящего на коне человека.

Здесь что-то было не так. Странная фигура гнала перед собой волны холодного ужаса, парализуя волю, сметая все мысли, превращая человека в жалкое скулящее животное.

Сухие губы контролера дрогнули:

— Иллюзия! — произнес он неожиданно выплывшее из глубин прошлой памяти слово.

Просто иллюзия... обман... фальшивка...

Внутри лаборатории работала некая искусственно созданная установка, генерирующая это странное импульсное воздействие. Тринадцатый даже смог определить нужное место. Кто-то вручную управлял невидимым гипнолучом, заставляя зловещего всадника не только постоянно менять форму, но и перемещаться в пространстве. Контролер жутко улыбнулся, наметив очередную жертву.

Управляющий мощной иллюзией человек находился глубоко под землей в непроницаемом для радиации забетонированном убежище, но Тринадцатый чувствовал, что может легко его достать.

И он его достал.

Присутствующий в том же помещении офицер неожиданно для себя вытащил из кобуры пистолет и в следующую секунду хладнокровно выстрелил в голову мужчины, облаченного в оранжевый комбинезон антирадиационной защиты. Затем офицер невозмутимо послал несколько пуль в громоздкий пульт экспериментальной установки. Светящаяся панель тут же заискрила, воздух подземного бункера наполнился кислым удушливым дымом. Удовлетворенно кивнув, охранник утопил горячее дуло пистолета в собственном виске. Без каких-либо колебаний указательный палец плавно нажал спусковой крючок.

Контролер вышел из транса.

Зловещий всадник исчез.

— Ничего не понимаю! — ошеломленно тряс головой Болид, то и дело протирая глаза. — Куда он делся?

Жуткого наездника в воротах не было. Исчез, испарился. Вернее, рассыпался на множество мелких черных точек.

— Помните, я с самого начала предполагал, что это всего-навсего искусно наведенная иллюзия... — в сердцах сплюнул Стылый. — Голограмма, типа... мираж...

Степан молчал. Он еще не полностью осмыслил происходящее.

Когда ворота распахнулись, и журналист увидел Всадника, он, как и все, поддался необъяснимой панике. Даже повернулся вспять и помчался сломя голову в дикий, но

казавшийся таким спасительным лес. Хорошо хоть, что недалеко отбежал, а то не миновать бы ему гибели на минном поле.

Резкая боль в затылке отрезвила его. Раскаленным прутком впились в череп и заставила остановиться. Перед глазами пронеслась уже знакомая картинка.

...Струйка вязкой крови, кажущейся в темноте черной...

Чадов мысленно поблагодарил неведомого союзника (или кто он там был) за столь своевременную помощь и вернулся на исходную позицию, где и стал, как и все, свидетелем исчезновения Бледного Коня и его наездника.

Это было необычное, завораживающее зрелище. Степан вновь видел себя самого, сидящего на скакуне неестественно тусклого окраса. Лицо его двойника было каким-то бесцветным. Соломенные волосы змеями вились вокруг головы, лезли в горящие ненормальным голубоватым сиянием глаза. Бледные губы изогнулись в болезненной гримасе... Потом изображение подернулось рябью, как на телевизоре или мониторе компьютера... А затем распалось на мелкие кусочки и через пару секунд пропало, не оставив ни единого следа.

Сквозь оцепенение к сознанию парня пробился детский голос, вызывающий о помощи:

«Мне стласно, Плясун! Стласно и больно. Спаси меня, Плясун, поза-луйста!»

— Я иду! — срывая с плеча автомат, ответил молодой человек и ринулся в лишившиеся страшного привратника ворота.

Ноющая головная боль не отпускала.

Шиз первым ворвался на территорию, огороженную бетонным забором. Когда сталкер пришел в себя, оказалось, что он упал после появления Всадника как раз у самых ворот. Под ногами путались мелкие мутанты, но Шиз их не боялся, твари и впрямь не трогали людей, штурмующих секретную лабораторию. Удивляться не было времени. Откуда отец Иоанн заранее знал об этом? Шиз решил, что подумает потом, когда наконец исполнит то, зачем сюда пришел. Цель была близка, он ощущал это.

Огромный трехметровый кровосос, вышедший ему навстречу, внушал ужас. Шиз резко остановился, машинально меняя обойму в своем АКМ, вставляя в освободившийся паз рожок с бронебойными патронами. Кровосос вел себя странно. Он медленно выходил из глубины ведущего наружу, освещенного красным мигающим светом коридора. Сталкер не сразу заметил, что жуткая тварь что-то бережно держит в своих длинных руках. Когда мутант подошел ближе, Шиз понял, что это ребенок. Маленькая девочка обняла чудовищного монстра за шею и, закрыв глаза, умиротворенно дремала, прижавшись к его груди.

Замешательство было недолгим.

Шиз передернул затвор автомата.

Кровосос остановился, только сейчас обратив внимание на преграждающего ему путь к свободе человека. Их глаза встретились. Да, это определенно был какой-то очень странный кровосос, совершенно неправильный. И не только потому, что он нес на руках беззащитного ребенка. У одного из самых опасных монстров Зоны были человеческие глаза, и сейчас в этих глазах застыла отнюдь не неистовая злоба, а одно лишь безграничное удивление.

Шиз криво усмехнулся:

— Сейчас ты сдохнешь, тварь!

Автомат дернулся в руках, запрокидывая кверху короткое дуло.

Но кровосос успел развернуться, закрывая спящую девочку и подставляя пулям широкую спину. Бронебойные патроны вырывали из его плоти огромные окровавленные куски. Мутант со стоном осел на пол, осторожно положил у стены свою маленькую ношу и обернулся к перезаряжающему автомат Шизу. Следующая очередь оказалась для кровососа фатальной. Выпущенные почти в упор пули хлестко полоснули по груди мутанта, поднялись вверх, добрались до головы, вгрызаясь в незащищенные толстой костью глазницы. Кровосос издал отчаянный хлюпающий звук и, рухнув под ноги улыбающегося Шиза, умер, несколько раз рефлекторно сжав чудовищные когти.

Сталкер опустил автомат и, вытащив из-за спины широкий боевой нож, медленно двинулся к лежащей у стены девочке.

Творившееся вокруг напоминало кошмарные картины Босха.

Люди вперемешку с мутантами атаковали и уничтожали других людей, одетых в военный камуфляж.

Вот огромный псевдопес, прыгнув вперед, ударом мощных лап в грудь повалил наземь рослого парня с сержантскими нашивками и, добравшись до его горла, со злобным ворчанием вцепился мертвой хваткой в человеческую плоть. Стальные челюсти с хрустом разгрызли хрящи и кости, чуть ли не напроочь отделив голову от тела. Алый шершавый язык обагрился теплой кровью. Сделав всего пару глотков, псина оставила жертву и устремилась за следующей. Визжащий от ужаса солдат выпустил в упор, прямо в окрашенную кровью морду, целый автоматный рожок, но не смог остановить атаку. Псевдопес допрыгнул до бойца, сшиб его с ног и, не сумев завершить начатое, издох. Ополоумевший от ужаса парень на четвереньках отполз от конвульсивно дергающейся туши, но далеко скрыться не успел, наравшись на очередь, выпущенную из «Абакана» Стылого...

Четверо снарков схватили за руки и за ноги еще одного военного и принялись дружно растягивать жертву в разные стороны. Будь они обычными людьми, вряд ли у них что-либо вышло без применения холодного оружия. А так... Послышался жуткий треск... и на пол рухнуло лишенное конечностей дико орущее тело. Ряха поставил милосердную точку в этом акте хардкорной треш-драмы. Но разбушевавшиеся мутанты все не унимались. Стайка ушастых тушканчиков загнала в угол троих вояк и, дождавшись, пока у тех кончились боеприпасы, кинулась на людей, впиваясь в незащищенные комбинезонами участки тел, разрывая одежду, царапая кровоточащую плоть острыми коготками. Военные сбрасывали с себя плотоядных грызунов, молотили прикладами и кулаками, круша черепа и перебивая хребты. Однако атакующих было слишком много, чтобы получить хоть какой-то шанс на спасение. Пробежавший мимо Болид содрогнулся, вспомнив о таком же нападении мелких мутантов, которому подверглись он и его товарищи на Дикой территории. Он воочию увидел возможный неблагоприятный исход битвы с опасными грызунами.

«Гром» Степана не умолкал до тех пор, пока не был расстрелян последний рожок. Тогда парень сменил его на «Волкер», который, конечно, был менее скорострелен, но в ближнем бою, пожалуй, служил даже лучше. Чадов старался не замечать, куда и в кого он палит и каковы результаты его стрельбы. Он словно «выключился». Был уже не самим собой, журналистом из Киева, представителем одного из уважаемых столичных изданий, он превратился в бездушного робота, машину, бездумно сеющий смерть механизм. Как тогда, во время кровавого кумете у «затоновцев».

За ним неотступно следовал отец Иоанн, прикрывая Чадову спину. Стрелял ли он и убивал ли, Степан не присматривался. Наверное, стрелял и попадал. Не зря же то тут, то там падала очередная жертва в военной экипировке или белом халате.

Сейчас для Чадова не было главным, кто и скольких врагов положил. Его гнал вперед рвущий душу Зов. Только он существовал и был главной целью.

Призыв то затихал, то звучал с новой силой. По тому, насколько отчетливо и громко он был слышен, журналист и прокладывал себе путь, сметая всех, кто стоял у него на пути.

Вот Зов неожиданно ударил по ушам, превратившись в предсмертный крик.

Кричали откуда-то из-за двери, находившейся в пяти метрах слева. Оттуда же доносились звуки автоматных очередей и чье-то невнятное рычание.

Плясун вышиб ногой дверь и стремительно ворвался в помещение. Его глазам открылась зловещая картина.

У дальней стены скорчилось гигантское тело матерого кровососа, а чуть правее в углу безвольно лежало, раскинув ручонки, маленькое детское тельце. Над девочкой, зажав в руке боевой нож, задумчиво склонился забрызганный багровыми каплями Шиз.

— Что с ребенком?! — отчаянно крикнул Степан. — Мутант успел задеть ее?

Сталкер испуганно обернулся и, кинувшись к окровавленной твари, поспешно вонзил сталь в правый глаз кровососа, несколько раз прокрутив клинок. Вытащил нож, повернулся лицом к Степану и сделал пару шагов навстречу. На его бледном лице застыло какое-то совершенно безумное выражение.

— Нашли? — спросил появившийся на пороге батюшка.

Шиз остановился и медленно, словно нехотя вложил клинок в ножны.

— Ага! Еле с тварью управился! — кивнул головой на распростертый труп кровососа.
— Девочка, кажется, жива...

Опрокидин подошел к поверженному монстру, поглядел на него, покачал головой и вперил в сталкера пытливый, какой-то потусторонний взор. Зрачки его словно исчезли, и точно голубое небо глянуло из глаз. Казалось, что и батюшка исчез, и только один этот взгляд остался. Шиз отвел глаза, а затем бочком выскользнул из комнаты.

Чадов, ничего не замечая, подхватил на руки легкую как пушинка девочку.

— Ньюшка... Ньюшечка!

Тщетно.

Ребенок не отзывался. Маленькая грудка тяжело поднималась и опадала, придавленная тяжестью большого уродливого камня, формой напоминающего человеческое сердце.

Степан хотел оторвать эту мерзость, сбросить ее с тела ребенка, но у него ничего не получилось. Камень прирос к детской плоти, словно был ее частью.

— Не трогай! — окрикнул отец Иоанн. — Это опасно и для тебя, и для девочки.

Справа от журналиста что-то щелкнуло, и в стене открылась до того невидимая дверь. Оттуда возникла нога в черном туфле, а затем рука и половина человеческого корпуса, облаченного в белый халат.

— Поспешите, Док, кажется, дорога свободна!

В комнату вошел молодой человек в очках. Заметив Степана с девочкой на руках и Опрокидина, он попытался было скользнуть назад, но оказался в цепких батюшкиных руках.

— Постой-ка, чадушко, — елейным голосом прошептал ему на ухо пастырь. — Исповедоваться не хочешь? Степан, глянь-ка, что у нас там...

Пройдя в потайную дверь, Чадов оказался в просторном кабинете, уставленном полками с теснящимися на них книгами на русском и иностранных языках. Несколько больших плазменных экранов на стенах, огромный стол, покрытый зеленым сукном. На столе навороченный компьютер, те же книги, блокноты, пара каких-то непонятных приборов.

И человек в белом халате, при виде журналиста плюхнувшийся в глубокое кожаное кресло, приставленное к столу.

Отчего он так пристально рассматривает Степана? И почему его пухлое лицо с характерным горбатым носом, обрамленное черными кудрями, кажется знакомым?

— Ну, здравствуй, Степа, — вяло помахала рукой бледная фигура.

— Борька, ты?!.

Тот страшный день их с Чадовым рыбалки навсегда врезался в душу Бориса Шермана, резко изменив его судьбу.

Когда утлая лодчонка перевернулась и Боря стал тонуть, он вдруг отчетливо увидел в мутной воде перед собой страшный лик Смерти. Он был бледен и печален. Старуха с длинными усами, огромным зубастым ртом и такими же большущими, без век глазами-блюдцами в упор смотрела на гибнущего мальчика, как бы ожидая от него чего-то.

«Мишка Гамми», не будучи в состоянии вслух спросить ее, чего она хочет, послал Смерти мысленную мольбу. Думал, не услышит и не откликнется.

Как же. И услышала, и отозвалась.

«Служи мне, приноси жертвы и будешь жить долго-предолго», — предложила глазастая старуха.

«Клянусь!» — всем сердцем пообещал задыхающийся мальчуган.

Усатая уродина взмахнула рукой, напоминающей рыбий плавник, и Шерман-младший сразу почувствовал, что его тело устремляется вверх. Через мгновение в легкие ворвался живой воздух.

— Слава Богу! — раздался знакомый голос телохранителя Петра. — Как вы себя чувствуете, Борис Александрович?

— Где она? — игнорируя его вопрос, принялся оглядываться по сторонам мальчик. — Где?

Он, конечно, имел в виду Смерть, но «бодигард» и одноклассник не поняли, думая, что речь идет о рыбе. Глупцы! Сдалась она ему.

С той поры Борис Шерман стал верным слугой Большеглазой.

Он долго думал, как ему лучше пригодиться страшной Владычице, перебрав множество комбинаций. В конце концов решил остановиться на карьере биолога, занимающегося разработкой психотропного оружия. Именно эта стезя, как подсказывало ему извращенное сознание, способна была привести к максимальному выполнению молчаливого Договора, заключенного между ним и костлявой. Благо, задатки у Бориса к естественным наукам имелись. Плюс финансовая поддержка отца и его же связи в министерстве обороны.

Когда полгода назад Борису Александровичу Шерману, уже доктору наук и профессору, предложили возглавить секретную лабораторию в Зоне, он, поразившись открывающимся перспективам, тут же дал согласие. Ведь это было такое открытие, такое открытие, что за него десятка Нобелевских премий мало! Если бы Нобеля, конечно, давали за достижения в искусстве истребления рода человеческого...

— А зачем тебе понадобилась конкретно Нюшка? — скрипнув зубами, перебил Степан бредовые излияния бывшего однокашника. — Мало подопытного материала было?

Ученый кивнул головой в сторону двери.

— Ты не понимаешь! — брызжа слюной, восторженно забормотал Шерман. — Это уникально! Абсолютная сочетаемость с «сердцем Смерти»! Она прирожденный симбионт, питающий артефакт своей энергией! Жаль, что маловата. Ненадолго хватит. А ведь какая замечательная батарейка!..

— Заткнись, ублюдок! — вне себя от ярости гаркнул Чадов.

Если бы не девочка, лежащая у него на руках, он бы, наверное, задушил это мерзкое, похожее на жабу чудовище.

— Лучше скажи, как ее избавить от этого твоего «украшения»!

— Но зачем?! — откровенно удивился ученый. — И вообще боюсь, что это невозможно! Симбионт не выживает после контакта с «сердцем Смерти»...

— Это мы еще посмотрим, — сказал, входя, отец Иоанн, услышавший последнюю реплику Шермана. — Есть тут у меня одна мысль...

При виде священника Шерман широко распахнул глаза и испуганно вжался в кресло.

— Но как?! — прохрипел он. — Этого не может быть!..

Вдруг лицо его налилось кровью, рука схватилась за горло, яростно рванула воротник. Борис вытянулся в кресле, хватая воздух широко раскрытым ртом, потом обмяк. Голова склонилась набок, изо рта на подбородок потянулась струйка слюны.

Пастырь подошел к нему, взглянул в глаза, пощупал пульс.

— Все кончено, — констатировал. — Он мертв...

— Что ж, — процедил сквозь зубы Чадов, — в данном случае без сожаления скажу: собаке собачья смерть...

— Не могу не согласиться, чадо. Аминь!

Глава семнадцатая. В логове смерти

Секретная лаборатория в НИИ «Агропром»

Через пару часов после начала штурма секретной лаборатории операция по ее уничтожению была завершена. Это был блицкриг, о котором в свое время мог только мечтать бесноватый фюрер. Люди и мутанты действовали в каком-то едином порыве, откликнувшись на Зов, посланный крохотной девочкой, находящейся в бессознательном состоянии.

Небольшой, всего пару взводов, гарнизон, состоявший, как выяснилось, преимущественно из контрактников, был полностью истреблен. Равно как и ученый персонал в белых халатах. «Пленных не брать!» — таков был негласный девиз этой акции. Султан, руководствуясь требованием своего неизвестного нанимателя, переданным на ПДА, попробовал было сохранить жизнь парочке вояк, особенно добровольно сдавшемуся в плен полковнику, в чем нашел поддержку большинства «крестоносцев», однако не преуспел в этом начинании.

Не позволили монстры, томившиеся в плену у служителей Смерти. По-видимому, у представителей фауны Зоны выработался условный рефлекс против своих мучителей. Военный камуфляж и белые халаты действовали на мутантов подобно тому, как действует красный плащ тореадора на быка. Пленные были бесцеремонно отбиты у почти не оказывавших сопротивления «союзников» и уничтожены на месте.

Чудищ можно было понять. Когда «затоновцы» и сталкеры принялись обследовать захваченную территорию на предмет сбора трофеев, то были шокированы даже издававшие виды ветераны Зоны. Эксперименты, проводившиеся в этом логове смерти, были воистину чудовищными. Казалось, воплотились в жизнь кошмарные предвидения писателей-фантастов, начиная от Герберта Уэллса с его доктором Моро и Александра Беляева с живой головой профессора Доуэля, предупреждавшие о необходимости нравственной ответственности ученых за свои исследования и открытия.

Расчлененные тела с вживленными искусственными органами. Банки и склянки, в которых плавали разнообразные органы с подсоединенными к ним проводками и датчиками. Бьющиеся сердца, подрагивающие и, казалось, грозящие пальцы, тяжело дышащие легкие... Смотреть на все это без содрогания просто не было сил. А ведь помещений, где размещались подобные экспонаты, в этой жуткой кунсткамере было очень много. Причем в некоторых из них находились свидетельства того, что опыты проводились не только над мутантами, но и над самыми обычными людьми. И бандиты, и сталкеры с ужасом обнаружили нескольких довольно известных персон, по слухам, пропавших без вести или погибших после встречи с Конем Бледным.

В одном из помещений Стылый с Бolidом нашли прозрачную капсулу, напоминающую хрустальный гроб сказочной Мертвой царевны, где покоилось тело страдальца Ромеро. Сталкер был как живой. Лежал, спокойный и умиротворенный, с застывшей на устах легкой улыбкой. В соседнем боксе была еще парочка подобных «гробов», но рассмотреть их обитателей сталкерам не позволил отец Иоанн, категорически воспротивившийся тому, чтобы к капсулам совались зеваки-непрофессионалы. Еще повредят чего-нибудь, а ведь страдальцам, лежащим в этих саркофагах, наверняка можно как-нибудь помочь.

— Да кто ж им поможет? — удивился Стылый и напомнил священнику о том, что Ромеро может прийти в себя, если его доставить на Большую Землю.

— Вот профессионалы этим и займутся, — пообещал батюшка и, взглянув на экран своего ПДА, пообещал: — Уже совсем скоро. Так что нечего здесь попусту шастать. Идите, авось кому помощь ваша нужна.

И тут же попросил Султана выделить пару крепких ребят, вооруженных получше, для охраны «важного стратегического объекта». Проследив за исполнением своей просьбы, пастырь вернулся в кабинет Шермана, где оставил Степана, в полной прострации застывшего над телом Нюшки. «Крестоносцы», переглянувшись и повздыхав, двинулись за своим духовным отцом. Что ж, ему, наверное, виднее. Он к Богу близок, следовательно, и к Смерти тоже.

Идя по коридорам, они становились свидетелями того, как осатаневшие мутанты крушили все и вся вокруг. С треском ломались клетки, служившие монстрам узилищами, с жалобным дребезгом разбивались банки и склянки со зловещими препаратами, взрывались, искря, уничтожаемые чудные приборы...

Люди, стараясь не попадаться монстрам на глаза, тихонько чистили сейфы, ящики письменных столов и одежные шкафчики, набивая сумки и карманы найденной наличностью, ценными вещами в виде золотых и серебряных цепочек, перстней, зажигалок, портсигаров и всякой прочей «мелочи». Кое-кто, выполняя особое распоряжение Султана, промышлял электронными и бумажными носителями, содержащими всевозможную информацию о деятельности лаборатории.

В общем, все шло по обычному сценарию, расписанному еще с глубокой древности: «Горе побежденным!»

— Может, ее причастить, или как там у вас это называется, отче? — с жалостью глядя на бледное, с заострившимися чертами личико девочки, предложил Стылый. — Говорят, это помогает...

Опрокидин тяжело вздохнул.

— Соборовать, сыне, соборовать. Не время и не место. Во-первых, у меня нет при себе Святых даров. Во-вторых, хорошо бы, чтобы ребенок находился хоть в каком-то сознании. Да и мала она, с семи лет соборовать можно. А в-третьих, я сам не готов. Понимаешь, надо бы очиститься от всей той скверны, в которой мы изгваздались тут... Ой, — махнул рукой батюшка, — да ты ж сам все разумеешь...

— Да понимаю я, — согласился сталкер. — Но от этого лучше не становится. Как на него посмотрю, — кивнул на Степана, — так волком выть хочется. Что ж мы, даром столько отмахали и столько наворотили, а?

— Отчего ж даром, чадо неразумное? — урезонил его святой отец. — Какое дело сделали! Гнездо злодейское разорили. Неповадно теперь будет кое-кому в опасные игры со Смертью баловаться.

— Это да. — Стылый скосил глаза на труп профессора Шермана, уложенный на пол и прикрытый простыней. — Но как бы другие по его следам не пошли...

— Проследим, — подал голос Болид, красноречиво поглаживая ствол верного «Винтаря».

Он с комфортом устроился в опустевшем кресле бывшего владельца кабинета и по-хозяйски изучал содержимое его стола. Довольно быстро это ему прискучило. Видать, не нашел ничего стоящего внимания. И тогда Болид занялся компьютером, отыскав на винте какую-то замысловатую игрушку. Наверное, «стрелялку». Потому как из динамиков стали доноситься звуки выстрелов и оглушительных взрывов, обычно сопровождавшие такие игры.

— Не настрелялся, красавец! — сплюнул в сердцах Стылый. — Хоть звук немного прикрути, киберспортсмен хренов!

— Так это же «F.E.A.R.-5», ураганный FPS про маленькую inferнальную девочку... Между прочим, очень похожую на нашу Нюшку...

— Убавь звук, говорю, ну честное слово, будто дитя малое...

Болид послушно вырубил динамики, после чего сосредоточенно погрузился в виртуальный мир.

— Степ, — подошел к приятелю сталкер и участливо положил ему руку на плечо. — Может, перекусишь? Или накатишь стакан-другой? По себе знаю, помогает... Иногда...

Чадов, казалось, не слышал. Посмотрел на Стылого пустыми, стеклянными глазами и снова склонился над ребенком.

— Не дело, — пробормотал себе под нос отец Иоанн.

Его ПДА запиликал. Батюшка взглянул на экран и, облегченно вздохнув, размашисто перекрестился.

В кабинет заглянул озабоченный Ряха.

— Святой отец, там к вам гость приехал. На джипе. Требуется пропустить. Султан интересуется, вы в курсе или как?

— Давай, давай, пропускай! — торопливо закивал Опрокидин. — Что там с мутантами?

— Уже почти все убрались прочь. Закончили погром и удалились по своим конурам.

— Ага! Ну, ладно. Веди гостя дорогого.

Полевой командир «затоновцев» удалился, оставив большую часть «крестоносцев» в недоумении.

— Что там за важный гость такой? — заинтересовался Болид, отрываясь от игры.

— Сейчас увидите. — Пастырь буквально сиял от радости. — Ты лучше скажи, где еще один наш собрат?

— Это вы о Шизе, что ли? — уточнил сталкер. — Да кто ж его знает? Где-то промышляет легким хабаром...

— Ну-ну... — насупил брови батюшка.

Прошествовал к удобному кожаному дивану, на котором журналист устроил Ньюшку.

— Все, Плясун, — вкрадчиво прошептал, склонившись к уху Чадова, — кончились твои испытания.

Как ни тихо были произнесены эти слова, но Степан их услышал. В его взоре появилась осмысленность. И надежда...

— Ты чё, кретин! — раздался из-за двери противный, визгливый, с легкой картавинкой говорок. — Куда ты их тащишь, урод чертов?! Ну-ка отдай дяде эту гадость! Быстро, я сказал!

В комнату ввалился странный тощий субъект, одетый в длинный плащ и широкополую кожаную шляпу. В одной руке он держал туго набитый саквояж, в другой у него была зажата толстая пачка ассигнаций.

— Нет, вы только полюбуйтесь на этих воинствующих троглодитов! — возмущенно завопил он с порога вместо приветствия. — Играются опасным психотропным оружием, будто простыми бумажками для «Монополии»! Кто здесь главный?

— Я! — сконфуженно промямлила просунувшаяся в дверь уголовная морда Султана.

— Так, голубчик! — Субъект ткнул ему под нос пачку купюр. — Распорядись немедленно собрать все это дерьмо до последней бумажки и тотчас же сжечь его! Желательно с закрытыми глазами! В противном случае я не ручаюсь за психику твоих бандерлогов!

— Типа? — На лице узбека отразилась мучительная работа мысли.

— Ты чё, тупой или, может, имбецил? Перестреляют друг друга на хрен! Или перережут!

— Ты кито, дарагой? — попробовал наехать на незнакомца Каримов, но с ходу получил отпор.

— Кто-кто? Конь в пальто! И научись вежливо разговаривать со старшими, дебил!

У Мирзы глаза на лоб полезли от подобной наглости. Щеки главаря «Затона» покраснели и затряслись. Было видно, что сейчас начнутся крупные неприятности.

— Остынь, Мирза! — вмешался Опрокидин. — Ты что, с Болотным Доктором решил поспорить?

— Вах! — квакнул Султан. — Так чиво ж сыразу так и не сказали, нах...

Его голова скрылась за дверью, и тут же послышался дикий ор:

— Билять вашу мать! Сабрать тут все сыраные бумажки па тысяче гривен и сыжечь! У каво увижу — гылаза на жопу натяну, нах!.. Жечь, типа, с закрытыми гылазами!!

— Вот теперь порядок! — удовлетворенно ухмыльнулся легендарный житель Зоны, обнажив мелкие ровные зубы. — Уступи-ка дяде место, парень!

Болида как ветром сдуло с кресла. Даже компьютер выключить не успел. Вновь прибывший глянул на монитор и удивленно хмыкнул. Сталкер покраснел.

— Ну, ребятки, что тут у нас? — устроившись за столом, снял шляпу и оглядел всех присутствующих Доктор.

По виду ему было лет сорок с небольшим. Ровесник отца Иоанна. Или даже чуть моложе. Где-то метр семьдесят росту, довольно шуплый. На первый взгляд, ничего примечательного в его внешности не было — короткий ежик русых волос, тонкие, плотно сжатые губы, небольшой нос с чуть заметной горбинкой, на котором примостились прямоугольные очки. Но вот глаза... Ясно-синие, обрамленные сеточкой морщин, они как рентгены впивались в душу любого, кто смотрел в них, выворачивая наизнанку самые потаенные желания и скрытые мысли. Такие холодные и отстраненные, они то выражали глубочайшее презрение, от которого хотелось поежиться, но уже через секунду сияли едкой иронией, высмеивая собеседника.

— Вот, — растерянно указал на Нюшку Чадов. — Ребенок заболел...

— Сам вижу, не слепой, хоть и в очках! — рявкнул лекарь. — Куда ж вы смотрели, олухи, что дите до такого состояния довели?!

Легендарный обитатель Зоны стремительно преодолел расстояние, отделявшее стол от дивана, и склонился над ребенком.

— Кто отец?

«Крестоносцы» разом уставились на Степана. Парень смущенно покраснел.

— Да я, собственно, не...

— Всыпать бы тебе, папаша, по мягкому месту! Да розгами, не ремнем! И предварительно в соляном растворе их замочить!

Доктор строчил ругательными фразами, как из автомата. Странно, но Плясун совсем не чувствовал обиды. Наоборот, будто кто снимал тяжелые камни с его души.

Так, бранясь, врач между тем ловко и споро выполнял свои обязанности. Шлепнув на пол у изголовья девочки саквояж, он распахнул его и стал жестами умелого фокусника извлекать оттуда одну дивную вещь за другой. То небольшое зеркальце в изящной золоченой оправе, которое он подержал над ротиком ребенка и удовлетворенно хмыкнул, заметив на поверхности слабое пятно от дыхания. То достал какие-то диковинные очки, похожие на окуляры ювелира — с выдвигающимися линзами-объективами. Нацепив их вместо своих обычных, врачеватель вперился в жабу-артефакт, присосавшийся к Нюшкиной грудке. Похмыкал, осторожно потрогал нарост длинным пальцем с аккуратным маникюром. Снял «бинокль». Выудил длинную серебряную иглу-спицу и потыкал ею в сердцеобразную штуковину. Иглу сменил острый скальпель с узким и тоже длинным лезвием. Доктор попробовал сделать на артефакте надрез. Неожиданно Нюшка ойкнула.

Степан дернулся, словно это его резали.

— Спокойно, молодой человек! — погрозил ему скальпелем загадочный обитатель Болот. — Спокойно! Нервные клетки не восстанавливаются! Скопытишься тут от инфаркта или инсульта, так мне еще и тебя реанимировать придется!

Он посмотрел на сталкеров.

— Здесь имеется нечто, хотя бы отдаленно напоминающее операционный зал?

— И не один, — нервно сглотнул Стылый.

— Значит, так! — Доктор бесцеремонно ткнул скальпелем в грудь Болида. — Ты будешь мне ассистировать! Бери ребенка и тащи в операционную! А ты, дружище, — повернулся к Стылому, — станешь на дверях, и чтоб никакая зараза не смела нам мешать! Всем всё понятно?!

— Но... — вздрогнул Чадов.

— Вот именно! — погрозил ему кулаком врач. — Никакая зараза! В том числе и чадолюбивые родители, чтоб их!.. Вперед, олухи царя небесного!

Болид подхватил Нюшку на руки и куда-то поволок. За ним подались Болотный Доктор и Стылый. Рванувшегося было следом журналиста удержал за руку Опрокидин.

— погоди! Раз он сказал, что нельзя, значит, нельзя. Не нужно ему мешать.

— Вы так в нем уверены, отче?

— Больше, чем в самом себе! — не колеблясь, ответил пастырь. — Скажи спасибо, что он был неподалеку и сразу откликнулся на мой призыв.

— Давно его знаете?

— Как сказать, — помялся святой отец. — Захаживает в гости. Но ты как будто сам о нем не слыхивал.

— Естественно, слышал, — вздохнул Степан. — Это я так, для самоуспокоения...

— Давай лучше кое с кем переговорим, пока суд да дело. Все время быстрее пройдет.

Он вышел в соседнюю комнату и через минуту вернулся, подталкивая впереди себя молодого человека в белом халате.

— Знакомся. Это ассистент твоего однокашника, Алексей Тарасов. Давай, человеке божий, исповедуйся. Авось часть грехов отбудешь...

Как известно, Зона богата на артефакты. Уникальные штуковины непонятного происхождения, обладающие чудесными свойствами, встречаются здесь чуть ли не на каждом шагу. Большой частью они применяются в бытовых ситуациях. Ну, там сигаретку сталкеру прикурить, вес тяжелого рюкзака уменьшить, радиацию нейтрализовать, чуток здоровье поправить и тому подобное. Так сказать, «умные вещи» из волшебных сказок. Потому и цена таких диковинок невысока.

Но порою попадаются и редкостные экспонаты, наделенные поистине поразительными качествами. Ну, не «философский камень», конечно, способный превращать любой металл в золото, но все же. Например, могут существенно уменьшить гравитацию или усилить ментальные способности человека, повысить насыщаемость и регенерацию, снизить урон от огнестрельного оружия.

Высоколобые умники, облюбовавшие Зону для не вполне гуманитарных исследований и экспериментов, уже давно изучают свойства разнообразных артефактов, порожденных этой странной землей. Большая часть диковинок неоднократно описана и изучена вдоль и поперек. Казалось бы... Но где гарантии, что после очередного выброса этот самый вдоль и поперек постигнутый артефакт вроде примитивной «батарейки» или «медузы» не получит каких-нибудь видоизменений и дополнительных, еще неизвестных науке особенностей? Никто не даст таких гарантий.

Вот и в этой лаборатории, формально числящейся за министерством обороны, а фактически уже давно приватизированной и принадлежащей группе предприимчивых государственных дельцов, многие годы занимались сбором уникальной коллекции артефактов. Собирали все, что в руки попадалось. По старой славянской привычке: «шоб було». Авось для чего сгодится. Собрание насчитывало уже более двух тысяч экспонатов, которые зачастую хранились довольно халатно, чуть ли не в кучу сваленными. При этом никому из ученых как-то не приходило в голову (а если и приходило, то подобные гипотезы отметались как антинаучные), что эти самые артефакты могут скрещиваться между собой, порождая новые формы. Это ведь нонсенс, лысенковщина какая-то, вроде выращивания груш на вербе. Неживая материя не может ничего породить. Разве что в результате неких геологических катаклизмов. Ну, типа из углерода при сверхвысоких температурах и давлении рождаются алмазы. А ведь выбросы в Зоне сродни этим самым глобальным катаклизмам.

Так и случилось очередное чудо, когда после нескольких мощных выбросов, изрядно перетряхнувших коллекцию, родились пару новых артефактов, получивших название «сердце Смерти». Почему «сердце»? Да потому что своим внешним видом артефакт действительно очень напоминал этот жизненно важный орган. Кстати, первоначально он так и звался, просто «сердце». Это уже потом прибавилось второе слово, когда начали изучать свойства «новорожденных» уникамов.

А особенности эти и впрямь были исключительными. Выяснилось, что объект обладает зачатками жизни и... разума. Мыслящий, живой артефакт! Это же переворот в науке! Хозяева лаборатории, естественно, никому не доложили о важном открытии. Вместо этого они полностью сменили охрану, прислав сюда контрактников вместо бойцов регулярных воинских частей. Перетряхнули и научные кадры. Лабораторию возглавил новый руководитель, профессор Борис Александрович Шерман, уже зарекомендовавший себя

прекрасным специалистом в области зоноведения. В несколько раз увеличилось финансирование. И работа закипела невиданными темпами.

Вскоре удалось выяснить, что «сердце» обладает способностью мощного воздействия на психику живых организмов, пробуждая у них тягу к самоуничтожению, к смерти. Вот тогда и появилось второе страшное слово в названии артефакта. Предмет, соприкасаясь с живой плотью, через считанные мгновения буквально срастался с нею, он осмысленно управлял захваченным симбионтом и через какое-то время, выпив все жизненные соки, уничтожал его. Причем жертва практически не сопротивлялась, с радостью встречая жуткую судьбу. Лишь немногим подопытным удалось отделаться от страшной ноши и при этом сохранить здравый рассудок. Правда, после разделения жили эти «счастливчики» недолго.

Неутомимый Шерман экспериментировал над «сердцем Смерти», пропуская через него различные типы излучения. Результаты превзошли самые смелые ожидания. Некоторые лучи, пройдя через артефакт и будучи направленными на живую плоть, способствовали регенерации поврежденных тканей. Это было переворотом в медицине, открывая перед ней небывалые доселе возможности. Однако дальше создания всего одной экспериментальной установки данный эксперимент не пошел. А вскоре, после одного неприятного инцидента, повлекшего за собой гибель заместителя Шермана, и эту установку демонтировали. Профессор и его хозяева не вдохновились идеей облагодетельствования всего человечества. Их интересовал обратный эффект, создание оружия массового уничтожения.

Ближайшей целью была определена тотальная зачистка Зоны от всякой живности, чтоб никто не мог помешать зарвавшимся дельцам беспрепятственно выгрывать богатства зараженной территории. Прежде всего речь шла, разумеется, о мутантах. На борьбу с ними и была направлена львиная доля всех экспериментов. Но не мешало уменьшить и излишнюю прыть некоторых людей, считающих, что они имеют полное право ходить в Зону и присваивать себе найденные здесь ценности. Чем меньше сталкеры будут путаться под ногами, тем лучше. Исследования были расширены и на людей. Человеческого материала было не в пример меньше, чем мутантов, но для опытов вполне хватало. Причем на людей «сердце Смерти» воздействовало намного эффективнее, нежели на непонятную и не вписывающуюся ни в какие биологические законы психику монстров.

Нередко эксперименты давали побочные эффекты. Так, в результате серии опытов по воздействию на человека волн, возникающих после обработки артефакта особо мощными радиационными лучами, «сердце Смерти» сгенерировало уникальную голограмму, представляющую собой Бледного Всадника на Бледном Коне. Почему именно его? Кто знает? Возможно оттого, что большинство подопытных были носителями христианского менталитета. Обладающий зачатками некоего неизвестного науке сознания артефакт по-своему интерпретировал извлеченную из психики людей информацию. Конь Бледный с Всадником стали неким собирательным символом смерти, олицетворением всех мыслимых представлений о конце света. Так или иначе, но видение, казалось, обрело самостоятельную жизнь и уже само стало способным посылать эманации, разрушительно влияющие на человеческую психику. Стоило только включить установку и направить лучи, куда требовалось.

Шерман умудрился найти союзников в лице группировки «Грех». Запудрив мозги несчастных сектантов апокалиптическими видениями, наркотиками и своим личным изобретением — фальшивыми купюрами, в узор которых был вложен специальный код, вызывающий у людей, долго разглядывающих «чудо-деньги», приступы агрессии, — он сотворил верных адептов культа Смерти. Они распространяли по Зоне и вне ее тревожные и невероятные слухи, призванные отвлечь сталкеров от походов за хабаром. Особо настырных охотников за артефактами выслеживали и уничтожали, используя установку с Конем Бледным. И результат стал виден налицо. Частые ходки сюда почти прекратились.

Вся беда заключалась в том, что дивных артефактов было очень мало. После долгих экспериментов их осталось всего два. Один, тот самый, который стал причиной болезни Ньюшки, самый крупный и мощный, был похищен из лаборатории и затерялся в глубинах Зоны. Силы второго не хватало для прежних широкомасштабных работ. Вскоре и он

перестал работать, рассыпавшись в прах. Осталось одно-единственное «сердце Смерти». Над лабораторией нависла угроза расформирования. Нужно было во что бы то ни стало найти и вернуть артефакт. И доставить его в целости и сохранности. С первой задачей кое-как справились. Местонахождение «сердца Смерти» было вычислено. А вот с благополучной доставкой случилась закавыка. Несколько людей, вроде подходящих для этой цели, конечно, регулярно посылали, но все попытки заканчивались сокрушительным провалом. Проклятый артефакт, казалось, сам предвидел начавшуюся на него охоту.

Тут, кстати, и подвернулась Нюшка. Шерман вообще приказал следить за всеми менталами, обитающими в Зоне и ее окрестностях. Каким образом попала девочка в поле его пристального внимания — покрыто непроницаемой тайной. Однако он лично приказал похитить ребенка и попробовать в качестве носителя-симбионта для артефакта. Опыт едва не закончился очередным «торжеством науки». Если бы не «крестовый поход» нескольких отчаянных сталкеров...

— Да, — вымолвил отец Иоанн, когда Тарасов закончил свой долгий и путаный рассказ, — чудны дела Твои, Господи! Поистине горе, когда Ты, решая наказать человека, лишаешь его разума. Но трижды несчастье, когда даешь иным людям смысла с избытком. От многого знания многие скорби.

Он посмотрел в сторону накрытого простыней трупa Шермана.

— Вот кто подлинный Вестник Смерти на Бледном Конe. Из-за таких, как он, извергов рода людского, человечество не может жить спокойно. Потому и не могу изречь над ним, как подобало бы доброму пастырю: «покойся с миром». Нет ему мира и прощения!..

Тяжелая пауза, казалось, грозовой тучей повисшая в кабинете, внезапно была прервана радостным, хотя и тихим детским смехом.

В комнату вошел Стылый, держа на руках раскрасневшуюся от возбуждения Нюшку. Завидев Чадова, девочка приветливо помахала ему ладошкой.

— Пливет, Плясун! Я тебя давно здала. Все гляделки плогядела...

— Нюшка! — Журналист протянул руки, и маленький человечек тотчас радостно перепрыгнул к нему, повиснув на шее.

— Я тебя люблю! — прошептали на ухо Степану детские уста.

— Я тебя тоже! — заверил девочку Плясун, крепко прижимая к себе.

— А-а, телячьи нежности! — хитро прищурился Болотный Доктор, впархивая в кабинет. — Не время, друзья мои! Я, конечно, славно поработал, как, впрочем, и всегда. Но ребенку нужны хороший присмотр и уход. Понял, папаша?

— Да я не...

— Заткнись и слушай! Я уж не знаю, кем ты ей там точно приходишься, но скажу одно: детеныша надо бы отправить на нормальный курорт. Желательно туда, где солнышко светит и тучек нет. Ну, Египет, там, Турция. На худой конец, Крым или Кавказ. Всё понял?

Степан кивнул. Он до сих пор не мог поверить в то, что Нюшка жива и относительно здорова. И все благодаря чудесным рукам вот этого странного, изрыгающего потоки ругани субъекта.

— Как мы можем отблагодарить вас, доктор? — еле сдерживая слезы, спросил журналист.

— Меня? — удивленно вздел брови врачеватель и покосился на отца Иоанна. — Да у вас никакого бабла не хватит, чтоб достойно оплатить мои услуги.

Обвел притихших сталкеров суровым взглядом и вдруг рассмеялся. Звонко, заразительно.

— Ладно, расслабьтесь! Я пошутил. Ничего мне от вас не надо. Случай уж больно интересный. Спасибо вам за предоставленную возможность попробовать себя в таком необычном деле. Хотя... Я бы, конечно, не отказался от одного подарочка. Так ведь вас жаба задавит, паразитов...

— Что за подарок? — справился батюшка.

— Да ты вон на их рожи перекошенные посмотри. — Доктор ткнул пальцем в и впрямь вытянувшиеся лица Стылого, Шиза и Болида, неуверенно переминающихся у двери. — Они небось сразу догадались, о чем речь идет. Верно, вольные бродяги?

— Я что-то в толк не возьму...

— Отдайте мне этот гребаный артефакт...

— Нет!!!

Три хриплых возгласа раздалась почти одновременно.

— Ну, не я ли говорил? — с торжеством потряс указательным пальцем Болотный Доктор.

— Это наш приз, — вперив взгляд в пол, твердо выдавил из себя Стылый.

— Что ж мы, зря кровь свою проливали? — поддержал его Шиз.

Болид промолчал, но было видно, что и он солидарен со своими товарищами.

— Ладно, подавитесь своим «Граалем»! Сами не ведаете, какая разрушительная бомба попала к вам в руки! Одна надежда...

Доктор хотел еще что-то добавить, но махнул рукой и сменил тему.

— Ладно, пора мне! А то коровы и волчицы заждались вместе с жучками и паучками...

Довольный своей довольно плоской шуткой, он дурашливо захихикал.

К лекарю подошел Опрокидин и что-то зашептал тому на ухо, тыча рукой то в стоящего столбом в сторонке Тарасова, то куда-то в сторону двери. Врач внимательно выслушал пастыря, задумчиво пожевал губами и наконец согласно кивнул.

— Грузите в мой джип! Попробую дома на досуге поколдовать.

Нахлобучил по самые глаза шляпу и, не попрощавшись, вышел.

— Пойдем, Алексей, пособишь немного, — обратился к ученому святой отец. — Это будет тебе от меня послушание. Уж больно много грехов содеял.

— Что... что такое? — забеспокоился Тарасов.

— Поможешь гробы грузить, — уточнил отец Иоанн и пояснил недоумевающим соратникам: — Я попросил Доктора позаботиться о Ромеро и тех других несчастных, которых мы с вами обнаружили...

— И мы тоже поможем! — тут же вызвался Стылый.

Но батюшка решительным жестом остановил его.

— Сами справимся. Там немного работы. Алексей лучше знает, как устроены эти хитрые штуковины. Он и присмотрит за ними во время транспортировки. А насчет друга нашего не беспокойтесь. Доктор его обязательно вылечит. Раз вон эту егозу вытащил с того света, то и тут поможет...

Нюшка, обидевшись на «егозу», показала священнику маленький розовый язычок. Тот усмехнулся в ответ, благословил ребенка и вышел, подталкивая впереди себя слегка упирающегося Тарасова.

Глава восемнадцатая. Дорога к дому

Свалка

Самое страшное — это разочарование.

То самое разочарование, которое настигает тебя в самом конце, после того, как достигнута желанная цель, казавшаяся поначалу совершенно невыполнимой. Жизнь выглядит бессмысленной, потому что раньше она вся была подчинена одному-единственному стремлению, стремлению отомстить. И нет ничего слаще мести, потому что месть вдыхает в опустошенную горем душу новую жизнь, жизнь, которую очень трудно оборвать, ибо восставший из пепла мститель обретает недостижимые для него ранее способности. Это как адреналин, впрыскиваемый в кровь в нужный момент. Что-то давно дремлющее внутри просыпается, открываются кластеры генетической памяти, и ты на время превращаешься в самого идеального в мире охотника.

Но вот месть осуществилась. Цели нет. Жизнь закончена, ибо у тебя ее заранее отобрали те, кому ты отомстил, отомстил страшной ценой, ценой потери собственной души. Но была ли эта душа у тебя изначально? Быть может, на ее месте всегда существовал кусок черного льда, который нельзя растопить. В конечном счете все теряет смысл — прошлое, будущее, настоящее, жизнь, смерть, очередное перерождение в новом теле или в ином мире, намного более ужасающем, чем прежний...

Тринадцатый входил в Ноосферу. В то место, куда путь ему был давно заказан.

Сейчас же он неожиданно получил уникальный шанс совершить это удивительное путешествие...

Разработка психотронного оружия, начатая еще в СССР, привела к тому, что в 2006 году был создан секретный проект под названием «О-СОЗНАНИЕ». Научные лаборатории разместили на территории Чернобыльской АЭС. Насильственно захваченные ученые были в срочном порядке доставлены за колючую проволоку, их семьи взяты в заложники. Началась кропотливая работа, суть которой заключалась в попытке искусственного воздействия на информационную оболочку Земли, ноосферу. Основатели проекта рассчитывали таким образом получить возможность влиять на любого индивидуума планеты. Сам термин «ноосфера» произошел от соединения двух греческих слов, обозначающих «разум» и «окружность». Согласно мудрому академику Вернадскому, в биосфере существовала некая космическая сила, которая есть ни что иное, как разум человека, средоточие всей его воли, невидимое поле, состоящее из мыслей, поступков, стремлений. Колоссальная мозаика, каждый камушек которой — это чья-то отдельная, полная страхов и сомнений жизнь. Ничто не исчезает бесследно, все живые существа оставляют в ноосфере свой отчетливый отпечаток. Это настоящая сокровищница всего человеческого, и тот, кто будет способен контролировать ее, уподобится Богу.

Однако Тринадцатый не смел рассчитывать на это. Ему было разрешено лишь слегка заглянуть в щель приоткрывшейся на миг двери человеческого мироздания. Кто позволил совершить ему это? Загадочные Хозяева Зоны? Все возможно. Так или иначе, но они хорошо знали, как именно контролер воспользуется своим уникальным шансом.

Тринадцатый искал среди живых.

Скорость передачи и поиска данных в ноосфере вызывала настоящее ментальное головокружение или, скорее, восторг, потому что в этом месте сбывались все мыслимые желания, нужно было лишь их правильно загадать. Контролер впервые в своей жизни мог влиять на людей, находящихся вне территории Чернобыльской Зоны отчуждения. Он мог в тот момент беспрепятственно дотянуться до любого обитателя планеты Земля. Он был способен заполучить в свои руки любую понравившуюся марионетку.

И он ее нашел.

Ту самую марионетку, которую искал с самого начала, с того момента, как золотистое сияние информационных потоков ноосферы бережно приняло его в свои теплые убаюкивающие объятия. Несколько коротких мгновений, и вот он легко примеряет на себя новое тело, глядя сквозь бронированный фонарь кабины на бегущие вниз белые облака...

Многоцелевой истребитель Су-27 стремительно приближался к Чернобыльской Зоне. Огромная стальная птица неслась намного выше уровня облаков. Полчаса назад истребитель поднялся для планового вылета с авианосца, базирующегося в Балтийском море. Через пять минут пилот неожиданно изменил курс, оборвав связь с базой. Поначалу на базе решили, что произошла внезапная авария и истребитель упал в море, но спутниковое слежение говорило об обратном. Пропавший было Су-27 был замечен над территорией Польши. Военные подняли тревогу, потому что ударный истребитель нес на борту экспериментальные ракеты, способные сровнять с землей любой крупный европейский город.

Но Су-27, судя по всему, пока не собирался никого атаковать. Благополучно преодолев воздушное пространство Речи Посполитой, он уже летел над территорией Украины. Российское командование приняло решение сбить самолет, но, как назло, истребитель

пролетал над самыми густозаселенными районами Украины. Еще через десять минут стало ясно, что цель вышедшего из-под контроля элитного пилота — Чернобыльская Зона.

Вооруженные силы Украины отреагировали незамедлительно, послав вслед вторгшемуся на их территорию боевому российскому самолету звено МиГ-29, но на подлете к цели украинские летчики неожиданно перестали выходить на связь, резко уведя свои истребители подальше от Зоны. Военным оставалось только молча наблюдать за разыгрывающейся прямо у них на глазах катастрофой.

Присутствие пилота в кабине набитого под завязку хитроумной электроникой ударного Су-27 было чисто номинальным. Тринадцатый это понял, как только вошел в очередную марионетку. Он не желал зла этому человеку, любящему мужу и отцу двух маленьких детей. Просто так получилось. Просто он оказался не в том месте и не в то время... для себя, но не для страстно жаждущего завершения своей грандиозной мести мутанта.

Контролер взял в перекрестие электронного прицела (плавающего перед глазами на прозрачном забрале шлема) приближающийся белый купол разоренной лаборатории. Это место не было еще уничтожено. Еще нет. Следовало завершить задуманное до конца, сровнять ненавистный бетонный купол с землей, сровнять так, чтобы на месте осталась огромная дымящаяся воронка. Эта воронка должна была зиять в пропитанной радиацией земле Чернобыля долгие и долгие годы, напоминая тем, кто еще только придет сюда, о том, что с обитателями Зоны следует считаться.

Пришедший с мечом от меча же и падет!

Указательный палец летчика надавил на гашетку.

С правого крыла истребителя ушла первая ракета, затем еще одна и еще...

Контролер, находящийся далеко внизу на безопасном расстоянии от эпицентра будущего взрыва, снова улыбался.

Теперь уже все.

Почти...

Окрестности НИИ «Агропром» ощутимо трянуло. Окажись поблизости кто из сталкеров, они бы наверняка решили, что начинается внеплановый выброс. Но никакого выброса не было.

Над искореженными радиацией мутировавшими деревьями поднимался черный исполинский гриб. Чудовищный голем, состоящий из беснующихся частичек превращенной в мелкую пыль земли, медленно шагал над испаряющимся лесом...

Хитрый оборотень ждал своего часа, чтобы нанести хирургически выверенный точный удар. Он хорошо умел притворяться. Пожалуй, он был одним из самых лучших притворщиков в своем ведомстве. Наверняка, не попади он в ряды СБУ, его бы ждала потрясающая актерская карьера. Но что ему какой-то там театр, когда в реальной жизни примерять на себя разные маски намного увлекательней и, главное, опасней.

Оборотень уже почти заполучил в свои руки то, ради чего пересек Периметр. Но ему грубо помешали, второй такой ошибки быть не должно. Ему было плевать на цену. Что там писал бородатый классик русской литературы по поводу какой-то там слезы ребенка?.. Все это абсолютная чушь. Сентиментальный бред. Высшая цель оправдывает любые средства. Любые — это значит, что он, если потребует, хладнокровно убьет даже ребенка, перережет от уха до уха горло собственной матери, но достигнет того, к чему изначально стремится. Этим он отличался от многих других. В этом была его страшная сила. Именно поэтому именно его послали в Зону, хотя были более опытные сотрудники, способные лучше обращаться с оружием, знающие зараженную территорию как свои пять пальцев. Но они проиграли, потому что внутри этих слабаков было слишком много человеческого. А здесь требовался не человек, здесь требовался лютый зверь. Другие в Зоне не выживают.

После благополучного выполнения задания его повысят. Звание обещали просто запредельное. Полковника. Его менее удачливым коллегам еще служить и служить, а он уже в тридцать примерит на свои плечи три блестящие большие звезды. Игра и впрямь стоила

свеч. Он шел сюда не ради дешевого патриотизма. Оборотень плевал на свою погрязшую в коррупции родину, у которой уже давно не было будущего. Все это он делал только ради себя самого, кормя того зверя, что давненько поселился у него внутри. И имя тому зверю была Гордыня.

Оборотень предусмотрел, кажется, все, забыв о сущей мелочи — страшный зверь зачастую целиком пожирал своего хозяина.

Сталкеры уходили из Зоны.

Сталкеры шли к Периметру.

Разумней всего было пробираться через Свалку. После массового исхода напуганных Бледным Конем бандитов этот район стал временно безопасным. Мутанты еще не разобрались что к чему, но где-то через месяц, осознав полное отсутствие вооруженных людей, они повылезают из своих вонючих нор и примутся с остервенением делить пустующую территорию. Так уже было не раз, и так будет повторяться раз за разом, пока одна из сталкерских группировок не решит попробовать прибрать к своим рукам такую стратегически важную локацию Зоны.

Стылый остановился, подавая знак остальным. У границы Свалки клубился молочно-белый туман. Туман был странным, будто живое разумное существо. Он медленно перемещался между островами брошенной техники, покрытыми ржавыми волосами, рыская, словно голодный хищник в поисках сытной пищи.

— Я уже видел такой туман... — проговорил Стылый подошедшему к нему Чадову, — когда мы с парнями шли к «Янтарю»... Не нравится мне он... очень не нравится...

Степан посмотрел на крепко спящую Ньюшку, прижавшуюся к его груди.

— Что предлагаешь?

— Подожди лучше здесь! Соваться туда с ребенком на руках — верх идиотизма. Мы все проверим, и, если мои опасения окажутся полной ерундой, я свяжусь с тобой по рации... Тогда ты тоже войдешь на Свалку...

— Договорились! — кивнул журналист, признавая правоту опытного сталкера.

— Болид, Шиз, святой отец... расстояние полтора метра... из вида друг друга не терять... открывать огонь лишь по моей команде...

И Стылый медленно пересек незримую границу Свалки.

Инженерная машина разграждения, или, если сокращенно, ИМР-2 — напоминала жуткого доисторического монстра. Темно-зеленый корпус стальной машины неожиданно вынырнул из тумана, сразу же насторожив обладающего острым сталкерским чутьем Стылого. Он много раз проходил это место и мог поклясться чем угодно, что раньше этой громадины здесь не было. Очередная причуда Зоны? Возможно. Но про оживающую по ночам ржавую технику, охотившуюся на сталкеров, Стылый еще ни разу в своей жизни не слышал. Инженерная машина застыла в угрожающей позе, уткнув в землю свою чудовищную руку-манипулятор, будто пытаясь из последних сил принять вертикальное положение. Поверженный много лет назад механический гигант жаждал реванша.

Стылый был хорошо знаком с историей этих уникальных механизмов. ИМР-2 создали на базе основного боевого танка Советской Армии Т-72. Машина была способна производить разнообразные рабочие операции, что обеспечивалось наличием у нее универсального бульдозера, полноповоротной телескопической стрелы с захватом-манипулятором и скребка-рыхлителя. Защита от радиации экипажа, состоящего из двух человек, обеспечивалась стомиллиметровой броней. Телескопическая стрела с манипулятором управлялась гидравлической системой. Силовой манипулятор копировал действия человеческой руки и имел шесть независимых движений (захват предметов и их поворот в различных направлениях). Свои лучшие качества машина продемонстрировала во время ликвидации последствий первой аварии на Чернобыльской АЭС, когда в условиях высокого уровня радиационного заражения было необходимо уничтожить завалы в непосредственной близости от аварийного энергоблока. Расчеты ИМР во время работ

подбирались в своих машинах непосредственно к стенам разрушенного реактора. Хорошее бронирование значительно ослабляло проникающую радиацию, уменьшая смертельные дозы облучения людей.

— Далеко же ты забрался, приятель... — прошептал Стылый, вглядываясь в экран ПДА.
— Пёр от самой ЧАЭС сквозь половину Припяти без экипажа и дизельного топлива...

Мысль о том, что жуткая машина самостоятельно добралась до кладбища брошенной техники, нешуточно пугала.

— Ну, чё там? — спросил выдвинувшийся из-за спины Стылого Шиз. — Из-за чего задержка?

Сталкер не ответил, мрачно глядя на возникшую из-за огромного ковша ИМР сутулую фигуру. Непонятного незнакомца с надвинутым на глаза кожаным капюшоном сканирующий пространство Свалки ПДА никак не отмечал.

— Бля! — выдал Шиз, нервно передергивая затвор своего АКМа.

— Спокойно! — Незнакомец примирительно выставил вперед пустые руки. — Я не вооружен...

— А что спрятал под плащом? — поинтересовался Стылый, зловеще прищурившись.

Сутулый был определенно ему знаком.

— Что бы я там ни спрятал, доставать это на белый свет не намерен... — усмехнулся незнакомец, сбрасывая с головы капюшон.

— Так-так... — Стылый слегка опустил дуло «Абакана». — Кто к нам пожаловал... господин заказчик собственной персоной... Что и говорить, не ждали... Как это вы один, без защиты, в кожаном плаще по Свалке гуляете... Семейный фтизиатр посоветовал побольше бывать на свежем воздухе?

— Ценю твой тонкий сарказм, бродяга... — Брокин улыбнулся, звонко щелкая пальцами.

Из-за инженерной машины вышли десять хмурых головорезов, в которых без труда распознавались члены бандитской группировки.

— И с ними дядька Черномор... — продолжал хохмить Стылый, незаметно вытаскивая из левого кармана разгрузки удачно завалявшуюся светшумовую гранату. — Стало быть, деньжата принес? Ну, так давай, не стесняйся, прямо сейчас и проведем равноценный обмен... «Сердце Смерти» против хрустящих зеленых баксов...

— Не будет никакого обмена! — неожиданно произнес Шиз, направляя автомат на несколько удивленного Брокина.

Стылый покосился на напарника:

— Шизяра, ты чего, белены объелся?

— Капитан Панин, СБУ, всем оставаться на своих местах... — Свободной рукой Шиз потряс перед носом ошарашенного Брокина темно-синей корочкой. — С минуты на минуту здесь высадится спецназ... я уже связался с начальством по ПДА... Стоять, сука...

Последнее относилось к потянувшемуся за пазуху Брокину.

— Спокойно, паря... — Заказчик медленно поднял руки над головой и, глядя сталкерам за спины, хрипло произнес: — Прямо сейчас... давай!!!

Голова Шиза взорвалась кровавыми ошметками. Болид опустил «Винтарь», хмуро кивая Брокину:

— Дело сделано, босс, что с остальными?

— У кого артефакт?

Предатель указал дулом снайперки на стоявшего чуть в сторонке Стылого.

— Валим всех на хрен! — коротко распорядился Брокин, и в этот самый момент со стороны Периметра донесся глухой рокот приближающихся вертолетов.

Неожиданный звук отвлек бандитов на какую-то долю секунды, но ее вполне хватило Стылому, чтобы швырнуть им под ноги маленький светло-серый цилиндр.

Автоматически затемнившийся боевой шлем в очередной раз спас своего хозяина, а вот система тепловидения в дневных условиях немного сбоила: орущие благим матом, ослепшие

боевики, катающиеся по земле в клубах дыма, выпущенного гранатой, почти ею не отображались.

— Святой отец! — крикнул Стылый, перекатываясь за ржавый остов изъеденного коррозией древнего «запорожца».

— Тут я, чадо! — глухо донеслось из-за красной пожарной машины. Сталкер быстро переместился к укрытию отца Иоанна.

— Как ваши глаза?

— Нормально!

— Извините, что не смог вас вовремя предупредить...

— Да ничего, все в порядке...

— И все-таки не пойму, как вы смогли их сберечь...

Святой отец не ответил, давая краткую очередь по нескольким боевикам, очухавшимся быстрее остальных.

Из клубящегося дыма послышался короткий болезненный вопль, затем невнятные ругательства, сипло застрекотала ответная очередь, вспоров землю в двух шагах от батюшки.

— Скорее туда! — Стылый указал на находящийся в нескольких метрах от них металлический кунг с массивными сдвинувшимися колесами.

Строительный вагончик казался в этой ситуации идеальным укрытием.

Сталкер первым выскочил из-за пожарной машины. Вокруг тут же завизжали пули, несколько рикошетов чиркнуло по пластинам бронекостюма.

— В двери, живо! — Стылый упал на землю, отстреливаясь из «Абакана».

Прикрывая бегущего Опрокидина, сталкер умело ушел в перекат, резанув длинной очередью по бандиту, неожиданно выскочившему на него из-за ближайшей груды металлолома.

Противник со стоном сложился пополам, роняя тупорылый обрез.

Одним стремительным рывком Стылый достиг перекошенного кунга, врываясь внутрь. Пастырь был уже там, всюю паля сквозь маленькие, похожие на бойницы окна. Трассирующие пули нападавших подожгли траву, растущую вокруг строительного вагончика, и окрестности тут же заволокло вонючим сизым дымом.

Бандиты, окружив кунг со всех сторон, осторожно подбирались все ближе. Один из них, совершив отчаянную перебежку, почти добрался до приоткрытой двери. Стылый успел заметить противника в самый последний момент, когда тому оставалось совсем немного, чтобы выдернуть из гранаты чеку и быстро забросить ее в вагончик. Очередь, выпущенная из темноты вагончика, ударила бандита в грудь, отшвыривая его на несколько метров от кунга. Секундой позже сдетонировала так и оставшаяся в руке бравого храбреца граната. В металлической обшивке строительного вагона появились свежие вентиляционные отверстия.

— Слева! — заорал отец Иоанн, кидаясь к окошkam, расположенным на противоположной стороне кунга. — Четыре цели, на шесть часов...

«Абакан» и АКМ ударили синхронно, прошивая пространство Свалки за окном смертоносным веером расходящихся очередей. Несколько боевиков упали на землю и уже больше не подавали признаков жизни, но на их место тут же пришли другие.

— Мы недооценили силы нападающих... — кашляя в пороховом дыму, прокричал священник, перезаряжая автомат. — Их тут человек сорок, не меньше... это безнадежно...

— Вертолеты! — Стылый ободряюще подмигнул батюшке. — Чувствую, баланс сил сейчас резко изменится...

— Что те, что другие нам враги... — грустно отозвался Опрокидин, держась за простреленное плечо. — Все-таки достали меня, бесовские отродья...

Шум приближающихся винтокрылых машин заглушал рокот отчаянной перестрелки. Десантные Ми-24 были уже над Свалкой.

Автомат в руках Стылого судорожно вздрагивал, посылая по два-три патрона в каждую зафиксированную метким глазом цель. Ствол оружия плавно перемещался в маленьком зарешеченном окошке, отплевываясь короткими хлесткими очередями. Вот упал еще один бандит, затем второй, третий...

Автомат Опрокидина звонко щелкнул, после чего затих.

— Все! — Отец Иоанн тяжело осел на грязный пол вагончика. — Я пуст!

В этот самый момент снаружи ударили крупнокалиберные пулеметы. Зависшие над головой сражающихся массивные камуфлированные стрекозы всю поливали свинцом мечущихся в панике бандитов.

— Самое время! — Стылый указал на приоткрытую дверь кунга. — Насчет «три»...

Батюшка изможденно кивнул:

— Коли суждено Господом, проскочим...

Досчитав до трех, Стылый первым рванул наружу. А там... Территория Свалки временно превратилась в настоящий ад. По кевларовой броне сталкера рикошетили какие-то ржавые осколки, терзаемая пулями земля фонтанировала во все стороны горячей щебенкой, повсюду лежали растерзанные ненасытным свинцом трупы.

— Отходим в восточном направлении! — Стараясь перекрыть рев зависших над головой вертолетов, Стылый наклонился к самому уху священника. — Возвращаемся к Чадову... Надеюсь, ему хватило ума уйти подальше, как только он услышал со стороны Свалки звуки выстрелов...

— Можешь не сомневаться, что хватило! — улыбнулся Опрокидин.

— Святой отец, да вы ранены!

— Чепуха, бежим...

Ловко лавируя в лабиринте ржавых машин, они все дальше и дальше уходили от этого ада. Не удержавшись, Стылый все-таки обернулся, с ужасом увидев, как активизировавшийся туман с жадностью набрасывается на окровавленные трупы боевиков. От тех тел, над которыми он уже успел пройти, на земле оставались багрово-красные обглоданные скелеты. Истребив внизу все живое, вертолеты перенесли свой огонь на плотоядный туман, готовя безопасное место для высадки десанта. Резко потеряв интерес к свежим трупам, загадочная аномалия сосредоточилась на винтокрылых машинах. Свинцовый дождь определенно не пришелся ей по душе. Длинный клубящийся отросток неожиданно стремительно выстрелил в небо, легко достав не успевшую увернуться «вертушку». Вертолет вздрогнул, теряя сломавшуюся хвостовую балку. Агонизирующую машину отчаянно закрутило, и она с оглушительным грохотом рухнула на землю.

— Идем... — Отец Иоанн крепко схватил замороженного происходящим Стылого за руку. — Это не наш бой...

Чадов ждал их в лесу. Как и предполагал Стылый, журналист догадался уйти от Свалки как можно дальше. Едва они покинули границы локации, сотрясаемой звуками яростного боя, священник связался со Степаном по ПДА, опасаясь пользоваться рацией. Военные вполне могли прослушивать все радиочастоты. Нюшка по-прежнему умиротворенно спала на руках журналиста. Казалось, все ужасы мира вместе взятые не были способны нарушить этот сладкий невинный сон.

— Господи, только не это... — пробормотал Стылый, заметив идущего к ним со стороны оврага контролера. — И все в один короткий сучий день... Так не бывает... В реальной жизни такого просто не может быть, мать вашу... Подобное невезение есть только в дешевом кино...

— Спокойно, это союзник! — Опрокидин ободряюще похлопал окончательно упавшего духом сталкера по плечу. — Доверься мне!

Стылый безнадежно махнул рукой, магазин его «Абакана» был пуст. В стволе пистолета оставался одинокий патрон, наверное, для того, чтобы покончить с собой. Имелся еще нож, но идти с ножом против матерого контролера — курам на смех.

Не дойдя до изможденных людей нескольких шагов, контролер остановился и тихим вкрадчивым голосом произнес:

— Я пришел за артефактом!

— Оно разговаривает? — удивился Чадов, становясь вполоборота, чтобы спрятать от чужих глаз маленькое тельце Нюшки. — Учти, тварь, у меня в правой руке зажата граната...

Чеку я уже выдернул... только посмей воздействовать на нас... уж поверь мне, ты не успеешь перехватить мою руку...

— Успею! — спокойно возразил контролер. — Но мне ни к чему на вас воздействовать... отдайте артефакт...

Отец Иоанн повернулся к бледному как смерть журналисту:

— Степан, верни чеку на место, ребенку ничего не угрожает, я за это ручаюсь... Именем Господним...

Чадов послушался и, бережно прислонив спящую девочку к дереву, осторожно дезактивировал гранату.

Священник подошел к Стылому, сидящему с потерянным видом на земле:

— Стас, отдай ему артефакт!

Сталкер поднял на святого отца полный нескрываемого удивления взгляд:

— Откуда вам известно мое настоящее имя?

— Отдай! Так *правильно* будет.

Пожав плечами, Стылый снял с пояса контейнер для артефактов, передавая его Опрокидину.

— Вот и умница! — похвалил его отец Иоанн. — Держи, приятель, надеюсь, ты хорошо знаешь, что именно нужно сделать...

Тринадцатый уважительно поклонился и, приняв из рук священника контейнер, побрел себе восвояси тем же путем, что и пришел, ни разу не оглянувшись.

Они предпочли обогнуть проклятое место, благо, батюшка знал безопасную тропинку, ведущую прямо к Периметру.

По пути Стылый связался с Туруненом. К их счастью, финн, благополучно уцелевший в памятной заварушке, дежурил как раз сегодня. Обещал встретить и «по-братски» помочь.

На развилке двух стежек отец Иоанн вдруг остановился и принялся прощаться. Дескать, надо ему в храм навеститься, на хозяйство глянуть, то да се. Давненько дома не был. Вдруг непорядок какой за время его отсутствия приключился. «Крестоносцы» попытались было уговорить пастыря, указывая на его ранение: неплохо бы врачу показаться. Однако священник остался непреклонен. Пора приступить к служению. Много было сделано такого, что камнем тяготит душу.

— Ну, как знаете, отче, — крепко пожал напоследок пастырскую руку Стылый. — Приятно было поработать вместе.

— Взаимно, — улыбнулся Опрокидин и, обратясь к Степану, обнимающему Ньюшку, молвил: — Береги ее, Плясун. И помни наш разговор о Шекспире.

— Я помню, — кивнул Чадов и неожиданно попросил: — Благословите, батюшка...

— Благослови вас Бог, друзья мои! — Священник широко перекрестил приятелей и ребенка...

Оставшись на перепутье, пастырь еще долго смотрел вслед сталкерам, пока те в конце концов не скрылись из вида.

Ветви ближайшего кустарника затрещали, но Опрокидин не обратил на это внимания, задумавшись о чем-то своем. Высокая фигура в кожаном плаще и широкополой шляпе, надвинутой низко на глаза, подошла и замерла рядом со стоящим у сплетения троп мужчины. Когда рука легла на его плечо, пастырь скосил глаза и устало улыбнулся подоспевшему.

— Что, Черный, тяжело? — грустно спросил легендарный обитатель Зоны.

— Не то слово, Док, не то слово... Никогда бы не подумал, что эта роль окажется такой тяжелой. Еле справился. И то не уверен, что где-нибудь, да не прокололся.

— Пора домой, бродяга?

— Да, домой... — Черный Сталкер покатал на языке это слово. — Домой. А как там Ромеро и настоящий отец Иоанн?

— Оба в порядке. Потихоньку приходят в себя. С батюшкой особенно пришлось повозиться. Над ним здорово потрудились эти высокоученые выродки. Но поправится. Через некоторое время благополучно вернется в свою церквушку.

— И мы, как встарь, будем заглядывать к нему на огонек и говорить о вечном?

— Ну да... точно... как встарь...

Два неясных силуэта растворились среди деревьев.

Нюшка мирно посапывала на руках у Степана, уткнувшись носиком в широкую грудь журналиста.

Вяло плетущийся по тропе Стылый тяжело вздохнул раз, другой.

— Что стряслось? — прошептал Градов, встревоженно глядя на друга.

— Я так и не стал миллионером... — сокрушенно покачал головой сталкер и снова грустно вздохнул.

Плясун хмыкнул.

— Ой, да какие твои годы? У тебя все еще впереди!

— Ты думаешь? — повеселел Стылый и уже более твердой и уверенной походкой зашагал дальше.

Они возвращались домой.